

Российская академия наук

**Институт Дальнего
Востока**

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF FAR EASTERN STUDIES
Center for Korean Studies

KOREA: On Threshold of Changes

Papers presented
At the 12th Academic Conference
of Russia and CIS' Koreanists
Moscow, March 27–28, 2008

MOSCOW ■ 2008

Российская Академия наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Центр корейских исследований

КОРЕЯ: на пороге перемен

Доклады, представленные
на XII научной конференции корееведов
России и стран СНГ
Москва, 27–28 марта 2008 г.

МОСКВА ■ 2008

ББК 66.3(5Ко)
К 66

Рекомендовано к публикации Ученым советом
Института Дальнего Востока РАН

Редакторы:

А. З. Жебин (отв. ред.), Е. У. Ким, Р. В. Савельев.

Корея: на пороге перемен. Доклады, представленные на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 27–28 марта 2008 г. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. 368 с.

В сборнике исследованы актуальные проблемы политики, экономики, истории и культуры государств Корейского полуострова, их отношений с Россией и странами Северо-Восточной Азии. Проанализированы итоги президентских выборов, прошедших в Республике Корея, современное состояние и проблемы денуклеаризации и межкорейских отношений. Использованы материалы XII научной конференции корееведов России и стран СНГ, которая проходила 27–28 марта 2008 г. в ИДВ РАН в Москве при содействии Корейского Фонда международных обменов.

This collection contains the analysis of current political, economic, history and culture issues of two Korean states, their relations with Russia and Northeast Asia countries. Special attention was given to the results of the presidential elections in South Korea, current situation and prospects for resolving the nuclear problem and to the developments in inter-Korean relations. The volume includes papers presented at the 12th Conference of Russia and CIS' Koreanists held on March 27-28, 2008 at the IFES in Moscow with the support from the Korea Foundation.

ISBN 978-5-8381-0146-4

ББК 66.3(5Ко)

© Институт Дальнего Востока РАН, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Директора ИДВ РАН, академика Титаренко М.Л.	12
Приветственная речь Посла РК в РФ Ли Гю Хена	17
Приветственная речь заместителя директора 1-го ДА МИД РФ Давыдова О. В.	19

ПОЛИТИКА

Торкунов А.В. Методологический подход к научной периодизации послевоенной истории Кореи.	25
Жебин А.З. В поисках механизма безопасности в Северо-Восточной Азии: трудности и возможности	30
Кулькин Д.И. ООН и проблемы обеспечения безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии.	40
Воронцов А.А. Корейская проблема вновь на перепутье	51
Савельев Р.В. Военно-политическое присутствие США в Корею и американский воинский контингент в РК.	60
Гапоненко В.С. Кымгансанский туристический проект: политическая филантропия или коммерческий расчет.	72
Асмолов К.В. Современная политика Китая на Корейском полуострове.	81
Забровская Л.В. Сравнительный анализ политики России и Китая в отношении КНДР в работах китайских ученых (начало XXI в.) ...	91
Гринюк В.А. Позиция Японии на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове.	101

Хрусталеv В.В.	
Северокорейский ядерный арсенал: оценка параметров	108
Ким Ен Ун	
Расстановка политических сил в РК в 2008 г.	118
Толстокулаков И.А.	
Законодательство о национальной безопасности как основной источник антидемократических тенденций в Республике Корея ...	131
Аптеева О.В.	
Основные идеологические установки северокорейской политики приоритета армии (<i>сонгун</i>) на современном этапе	143
Панкина И.Ю.	
Политика «сонгун» в КНДР: причины возникновения, развитие и особенности.	151

ЭКОНОМИКА

Суслина С.С.	
КНР, Япония и Россия во внешнеэкономических приоритетах Республики Корея	162
Лешаков П.С.	
Южнокорейский капитал в России: проблемы и перспективы ...	175
Санжиев А.А.	
Экономическая программа Ли Мен Бака: возможно ли достижение поставленных целей?	184
Стеклоv М.М.	
Энергетические аспекты отношений в «треугольнике» КНР–КНДР–РК	194
Верхотуров Д.Н.	
Россия и Индонезия в поставках нефти в РК	206
Тен В.А.	
О политике Республики Корея в отношении мигрантов из КНР ..	212
Курбанов С.О.	
Интернет-революция и интернет-экономика в Республике Корея ..	221
Синякова А.Ф.	
Механизм государственно-частного партнерства: корейский опыт для российской практики.	228

Пак В.Г.	
Проблемы привлечения иностранных инвестиций в экономику РК	238
Попов Ю.М.	
Глобализация, ТНК и политика по отношению к прямым иностранным инвестициям в РК	244
Федоровский А.Н.	
Регулирование фондового рынка в Республике Корея	255
Немов А.А.	
Индексы фондового рынка Республики Корея.	267

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Волков М.Г.	
К вопросу об истории православия в Северной Корее	273
Пак Б.Б.	
Борьба К.И.Вебера против посягательств Китая на Корею во второй половине 80-х годов XIX в.	284
Радченко С.С.	
Установление дипломатических отношений между СССР и Южной Кореей	295
Иванов А.Ю.	
Корейско-японский конфликт вокруг переименования Японского моря: истоки и пути решения спора	301
Дмитриева В.Н.	
Национальный язык Корейского полуострова как субъект корейской культуры и политики	312
Самсонов Д.А.	
О некоторых новых подходах при изучении современного состояния этноса	321
Гурьева А.А.	
О некоторых методах привлечения интереса к традиционной корейской культуре в РК	329
Хван Л.Б.	
Культура как инструмент гуманизации социальных отношений, этнической и межэтнической консолидации.	339

Ли Сан Юн

Перемены в обществе глазами современных писательниц
Республики Корея 351

Аманова Г.А.

Деятельность общества «Творчество» 360

CONTENTS

Opening Remarks

Titarenko M. L. Director IFES RAS, academician

Welcome Address 12

Lee Gyu-hyung,

Ambassador of the Republic of Korea to the Russian Federation

Welcome Address 17

Davydov O.V. Deputy Director of the 1st Asian Department
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Welcome Address 19

POLITICS

Torkunov A.V.

Methodological Approach to the Scientific Division Into Periods
of Korea's Modern History 25

Zhebin A.Z.

In Search for Security Mechanism in Northeast Asia: Challenges
and Opportunities 30

Kulkin D.I.

UN and the Issues of Ensuring Security and Stability
in Northeast Asia 40

Vorontsov A.V.

The Korean Problem is Once Again on the Cross-Roads. 51

Saveliev R.V.

American Military & Political Presence in Korea and the American
Troops in the ROK. 60

Gaponenko V.S.

Mt.Geumgang Tourist Project: Political Philanthropy or Commercial
Calculation? 72

Asmolov K.V.

China's Contemporary Policy toward the Korean Peninsula 81

Zabrovskaya L.V.

Chinese Scholars' Comparative Analysis of China and Russia's Policies
toward the DPRK at the Beginning of the 21st Century.. 91

Grinyuk V.A.

Japan's Position at the Six-Party Talks on the Nuclear Problem
on the Korean Peninsula 101

Khrustalev V.V.

DPRK's Nuclear Arsenal: Parameter Assessment. 108

Kim En Un

ROK's Politics in 2008. 118

Tolstokulakov I.A.

The National Security Law as a Source of Anti-Democratic
Tendencies in the ROK. 131

Apteeva O.V.

On Some Major Ideological Issues of North Korea's
Current Military-First Policy (songun) 143

Pankina I.Y.

Songun Policy in the DPRK: Sources, Evolution and Features 151

ECONOMICS

Suslina S.S.

China, Japan and Russia as the Main Priorities of the External
Economic Policy of the Republic of Korea 162

Leshakov P.S.

South Korean Capital Investments in Russia: Problems
and Prospects 175

Sanzhiev A.A.

Lee Myon-bak's Economic Program: Can the Goals Be Achieved? ... 184

Steklov M.M.

Energy Issues in the Triangular of China - North Korea –
South Korea 194

Verkhoturov D.N.

Russia and Indonesia's Place in the ROK's Crude Oil Market 206

Ten V.A.	
ROK's Policy Concerning Migrants from the PRC	212
Kurbanov S.O.	
Internet-revolution and Internet-economy in the Republic of Korea	221
Sinyakova A.F.	
State-Private Partnership: Korean Experience for Russian Practice ..	228
Pak V.G.	
Problems of Attraction of Foreign Investments into Korean Economy	238
Popov Y.M.	
Globalization, TNCs and Policy toward FDI in the ROK.	244
Fedorovsky A.N.	
ROK's Stock Market Regulation	255
Nemov A.A.	
Major Indexes of the ROK's Stock Market	267

HISTORY & CULTURE

Volkov M.G.	
To the Issue of the History of Orthodoxy in North Korea	273
Pak B.B.	
K.I.Weber's Struggle Against China's Attempts on Korea in the Second Half of 1880s	284
Radchenko S.S.	
Establishment of Diplomatic Relations Between the USSR and South Korea	295
Ivanov A.Yu.	
Korean-Japanese Conflict on the Renaming of the Sea of Japan: the Problem's Sources and Ways of Solution	301
Dmitrieva V.N.	
National Language of the Korean Peninsula as the Subject of Korean Culture and Policy	312
Samsonov D. A.	
On Some New Approaches to Studying the Modern Status of Ethnos ..	321

Guryeva A.A.	
On Some Ways of Attracting Interest to Traditional Korean Culture in the ROK	329
Hvan L.B.	
Culture's Role in Humanization of Social Relations, Ethic and Inter-Ethnic Consolidation	339
Lee Sanyoun	
Social Changes as Seen by the ROK Contemporary Woman Writers	351
Amanova G.A.	
The Activity of "Ch'anjo" (Creation) Society	360

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

директора Института Дальнего Востока РАН академика

М. Л. ТИТАРЕНКО

на церемонии открытия XII научной конференции
корееведов России и стран СНГ

Уважаемый Посол Республики Корея в России г-н Ли Гю Хен!
Уважаемые гости, уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать Вас на двенадцатой конференции корееведов России и стран СНГ, конференции, подводящей итоги традиционного 12-летнего цикла.

Оглянувшись на прошедшие годы, мы увидим, как из ординарного академического «междусобойчика» конференция эта выросла в ведущий востоковедный форум, результаты которого высоко оцениваются в научных и правительственных кругах. И очень приятно сознавать, что труд наш востребован.

На этой конференции, как и на предыдущих, традиционно собрались корееведы, представляющие основные научные центры и научные школы России и стран СНГ. Уже несколько лет наблюдается стабильный приток участников конференции из самых разных концов России и ближнего зарубежья: Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Сургута, Нукуса и др. Число иногородних участников конференции стабильно составляет около трети, и это хороший показатель высшего уровня межрегионального сотрудничества корееведов.

Среди участников несколько представителей научной молодежи – молодых специалистов и аспирантов, что тоже становится визитной карточкой этой конференции и постепенного роста рядов отечественного корееведения. Мы рады видеть новые лица, которые, надеюсь, станут постоянными участниками этого ежегодного мероприятия.

Тематика докладов расширяется, а их качество растет. В 2008 г. мы достигли рекордного числа докладов и научных сообщений и,

по сути, стоим на грани расширения двухдневного формата конференции.

Иными словами, нам есть, чем гордиться, и есть, куда развиваться. Тем более что предстоящее обсуждение итогов 2007 г. и прогнозов на развитие ситуации в 2008 г. дает богатое поле для дискуссий. Не случайно название этой конференции – «Корея: на пороге перемен».

Реальность надежд на достижение региональной стабильности и развитие процесса шестисторонних переговоров в 2007 г. показали, что консолидированная воля международного сообщества к миру и комплексной безопасности способна достичь положительного результата. Показателем этого служит решение властей КНДР вывести из строя свои ядерные объекты. Однако этот же год показал, насколько сложно добиться стабильной устойчивости ситуации, особенно – когда на процесс влияет политическая конъюнктура. К сожалению, уже в начале 2008 г. появились признаки нового «зависания» переговорного процесса. Это объясняется целым рядом факторов – от неготовности американских правящих кругов перестать воспринимать КНДР как «аванпост терроризма» до изменения ситуации в РК. Сторонники жестких мер в отношении Севера трактуют достигнутый компромисс как своеобразный «реванш». Однако надо подчеркнуть, что свои обязательства Пхеньян выполнил, и разглагольствования Вашингтона о якобы существующих, но не подтвержденных фактами, иных северокорейских ядерных программах, данные о которых требуют от Пхеньяна, направлены на то, чтобы скрыть неизменность враждебной политики в отношении КНДР. Ведь Северная Корея, несмотря на провозглашенный в качестве основы переговоров принцип «действие в обмен на действие», остается в американском списке стран – спонсоров терроризма и по-прежнему подпадает под «закон о торговле с врагами». В связи с этим уместно задать вопрос: «Каким образом КНДР будет отвечать на новые вызовы и есть ли у нее еще «козыри в рукаве»?

Внимание исследователей особенно привлекает и ситуация внутри КНДР. Не разделяя «энтузиазма» тех, кто утверждает, что режим вот-вот падет, мы, тем не менее, должны внимательно и объективно изучать положение в стране. Не случайно два доклада, посвященные северокорейской теме, связаны с изучением идеологии «сонгун» как одной из опор, на которых зиждется стабильность внутри страны.

Важно и изучение обстановки на Юге. Приход к власти нового президента Ли Мён Бака нередко воспринимают как возвращение консерваторов и откат к временам Ким Ён Сама, способные обнулить достижения последних лет, в том числе – в области межкорейского диалога. Однако внутренняя ситуация в Республике Корея значительно сложнее, о чем также свидетельствуют доклады, рассматривающие ее сегодняшние политические и экономические аспекты.

2008 год – это год президентских выборов в РФ и США. Хотя в целом понятно, что ни от нового президента России, ни от будущего президента Соединенных Штатов Америки нельзя ожидать радикальных перемен в политике по восточноазиатскому и корейскому вопросам, хотя определенные подвижки достаточно вероятны. Во всяком случае, ни один из претендентов на пост президента США не продемонстрировал ныне желая считать так называемый «северокорейский ядерный кризис» одной из первоочередных угроз международному сообществу и американскому образу жизни.

Достаточно внимания уделяется в представленных на конференцию докладах и экономическому сотрудничеству России со странами Корейского полуострова, а также позиции, которые занимают по данному вопросу Япония и Китай. Можно обратить внимание на то, что «китайская» и «японская» темы стали постоянными элементами конференций последних лет.

Отдельно стоит отметить блок докладов, посвященных истории и культуре Кореи. Хотя их палитра многообразна, все они в той или иной мере связаны с проблемами современности и важны не только для понимания прошлого, но и для анализа будущего.

То, что материалы этой конференции, как всегда войдут в сборник, который будет выпущен в течение года, уже, пожалуй, не нуждается в дополнительных упоминаниях. Однако в этот раз мы пойдём дальше. В рамках сайта ИДВ РАН при странице Центра корейских исследований создается «Библиотека корееведа», в которой в бесплатный доступ будут выложены материалы аналогичных конференций прошлых лет, а в перспективе, после выхода сборника ее докладов – и этой конференции. Доклады будут подобраны как по годам, так и по авторам и тематике. Это будет сделано по двум причинам. Во-первых, интерес к материалам наших конференций достаточно большой, в то время как тираж сборников их докладов весьма ограничен. Потому те, кто заинтересовался проблемами Корейского

полуострова недавно, в том числе – студенты востоковедных специальностей, обычно не имеют возможности ознакомиться с материалами конференций даже двух–трехлетней давности. Во-вторых, мы вынуждены констатировать, что в век высоких технологий основным источником информации как для молодого поколения, так и для лиц, принимающих решения, все больше становится Интернет. Студенту, собирающему материал для курсовой или диплома, или чиновнику, которому нужно в короткое время подготовить справку, гораздо проще набрать нужные слова в поисковой системе и получить ссылки на доступные в сети интересующие его материалы, чем ходить по библиотекам и искать там труды профессионалов. Однако число корееведов, которые работают с Интернетом как средством просвещения и пропаганды академических востоковедных знаний, пока невелико, зато там очень легко наткнуться на публикации некомпетентного автора, извращающего факты. В результате представления о Корее, сложившиеся у общественного мнения, весьма радикально отличаются от того, что на самом деле происходит на Корейском полуострове. Особенно это касается ряда проблем, связанных с КНДР.

Эта ситуация накладывается на неприятную тенденцию, которая, к счастью, пока еще слабо затронула круги востоковедов вообще, и корееведов – в частности. Речь идет об усилении влияния в «экспертном сообществе» представителей организаций и систем, которые в духе нынешней политики политкорректности я бы назвал «альтернативно одаренными», ибо научный подход они подменяют странными мистическими концепциями. Я не стану их называть, но полагаю, что аудитории они хорошо известны. При этом, к сожалению, значительное число чиновников не обладает достаточным уровнем компетентности, чтобы понять разницу между Институтом Дальнего Востока (академический институт РАН) и какими-либо самозванным «Институтом национальной стратегии» или «Институтом стратегического и оборонного анализа», который, судя по документам, является закрытым акционерным обществом. В Интернете публикаций организаций такого рода очень много, и появление в сети корееведческой библиотеки под эгидой ЦКИ ИДВ РАН мы воспринимаем, как способ попытаться переломить эту тенденцию, дабы, вырабатывая позицию по отношению к странам СВА, чиновники и бизнесмены России руководствовались научным подходом и знаниями профес-

сионалов, а не ангажированными «идеями» каких-нибудь «недополитиков».

Тем более полезно перечитывать сборники докладов наших старых конференций, потому что из них можно увидеть, что наши прогнозы обладают высокой реалистичностью, и ход событий подтверждает их корректность. Это не может не вызвать чувства удовлетворенности.

Хочется отметить также еще одно научное событие, которое произошло в конце 2007 г. Это – проведенная ЦКИ ИДВ РАН тематическая конференция «Проблемы улучшения отношений России с государствами Корейского полуострова», материалы которой уже вышли из печати. Эта конференция была проведена по гранту РФНФ и отличалась несколько иным форматом. Она была посвящена конкретному блоку тем, и сборник ее материалов является своего рода исчерпывающим тематическим исследованием, в рамках которого каждый участник конференции подготовил доклад по заранее заданной ему теме. В состав сборника включены также запись дискуссии и пакет предложений и рекомендаций по политике России в затронутой области. Возможно, практику таких целевых симпозиумов, материалы которых, подобно аналитическим запискам, будут направляться в заинтересованные ведомства, стоит сделать регулярной, и мы выносим это предложение на рассмотрение присутствующих здесь представителей научного сообщества. Если такая идея будет поддержана, то темой конференции «Осень–2008» мог бы стать развернутый и всесторонний анализ шестисторонних переговоров и связанного с ними комплекса проблем.

В заключение позвольте еще раз поприветствовать участников и гостей конференции и пожелать плодотворных дискуссий. Мы очень высоко ценим не только то, что на конференции будет зачитано около сорока докладов и научных сообщений, но и то, что эти ставшие традицией «дни в конце марта» создают неповторимую атмосферу академического общения.

Отдельно позвольте приветствовать представителей посольства Республики Корея в России и представителей Корейского Фонда и поблагодарить их за моральную и материальную поддержку этого мероприятия со стороны Фонда. Искренне надеюсь, что итоги нашего форума будут встречены со вниманием и в России, и на Севере, и на Юге Корейского полуострова.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Посла Республики Корея в Российской Федерации

ЛИ ГЮ ХЕНА

на церемонии открытия XII научной конференции
корееведов России и стран СНГ

Уважаемый директор Института Дальнего Востока Михаил Леонтьевич Титаренко!

Уважаемые ученые-корееведы!

Можно с уверенностью сказать, что российская конференция по корееведению, которая впервые состоялась в 1996 г., уже имеет длительную историю. Ежегодно российские ученые по корееведению собираются на конференцию, выступают с докладами в области гуманитарной и социальной наук, обмениваются мнениями.

Я очень рад очередному проведению конференции и участию в ней многих ученых. Конференция сегодня широко известна в научных кругах.

После установления дипломатических отношений в 1990 г. Корея и Россия постоянно развивают свои отношения во всех сферах, направляя взаимодействие на достижение общих целей дружественного партнерства. Корейско-российское сотрудничество активизируется не только в области торговли и инвестиций, но и в сфере энергоресурсов, в реализации проектов по соединению железных дорог, а также в космической области.

Наши страны разделяют общую позицию по северокорейской ядерной проблеме, решая общую задачу по денуклеаризации Корейского полуострова и поддержанию стабильности в Северо-Восточной Азии.

Для углубления двусторонних отношений необходимо улучшение взаимопонимания путем расширения научных контактов и научно-исследовательской работы в области корееведения и изучения России.

С этой точки зрения я хотел бы выразить большую благодарность вам, всем, кто в процессе своей научной работы прилагает все

свои усилия для расширения взаимопонимания между народами наших двух стран.

Уверен, что нынешний симпозиум даст благоприятный шанс провести дискуссию и опубликовать доклады, что будет способствовать лучшему знанию и пониманию двух стран и народов друг о друге.

Надеюсь, что со временем конференция займёт устойчивое место в российской научной жизни, как место проведения активных дискуссий по корееведению. Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность директору академику М. Л. Титаренко, который уделил особое внимание и оказал поддержку проведению 12-ти конференций по корееведению, а также директору центра корейских исследований ИДВ РАН А. З. Жебину и другим сотрудникам за тщательную подготовку конференции.

Желаю институту развития и процветания, а всем участникам успехов, здоровья и счастья.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

**заместителя директора Первого департамента Азии
МИД России О. В. ДАВЫДОВА**

на церемонии открытия XII научной конференции
корееведов России и стран СНГ

Уважаемые участники конференции, коллеги, друзья!

Позволю себе обратиться к вам именно так, поскольку со многими из присутствующих здесь у меня сложились товарищеские отношения или мы знакомы по совместной дипломатической и научной работе.

Для меня большая честь и удовольствие выступить перед столь представительной аудиторией корееведов из России и стран СНГ – известными специалистами, которые посвятили себя изучению проблем Корейского полуострова. Это позволяет нам говорить на профессиональном языке, обсуждать те вопросы, которые назрели и являются актуальными в данной области. Отрадно то, что такие встречи, организуемые благодаря активному содействию руководства ИДВ и Центра корейских исследований, стали традиционными и превратились в своеобразный центр притяжения для всех тех, кто связал свою жизнь и судьбу с востоковедением, работой на корейском направлении.

Хочу сказать, что в 1ДА МИД России мы рассматриваем исследователей-корееведов как своих соратников, с которыми мы делаем одно общее дело, сопряженное с задачами укрепления и развития отношений с двумя корейскими государствами, обеспечения наших национальных интересов на Корейском полуострове. Именно поэтому мы с большим вниманием относимся ко всем выступлениям, новым публикациям, статьям и монографиям наших ученых, посвященных Корее. Сошлюсь на свои личные впечатления: высказываемые во многих работах мысли, оценки, суждения позволяют углубить понимание тех или иных событий и процессов. Некоторые современные и исторические проблемы помогают по-новому отшлифовать подходы и аргументацию по ряду актуальных вопросов.

Ситуация на Корейском полуострове всегда отличалась повышенной турбулентностью, быстрым течением политических и экономических процессов, появлением, порой неожиданно, непростых вызовов в области безопасности. Это подтверждается и реалиями дня сегодняшнего, в числе которых следует отметить сложные перипетии урегулирования ядерной проблемы; активизировавшиеся поиски путей создания полноценной системы мира на полуострове взамен соглашения о перемирии; движение двух корейских государств к формированию новой, более конструктивной модели взаимоотношений и национальной интеграции; все более артикулированные попытки наладить многостороннее взаимодействие с участием, прежде всего России, Республики Корея и КНДР, в интересах реализации крупных экономических, инфраструктурных и энергетических проектов. Корейские проблемы, представляющие интерес сами по себе, также имеют большое значение еще и потому, что они не локализируются в узком политическом и географическом пространстве, но имеют прямой выход на важные региональные темы. И это касается не только совместных экономических начинаний, о чем я уже вкратце упомянул, но и вопросов политики и безопасности. Достаточно сказать, что в случае существенного прогресса в урегулировании ядерной проблемы на повестку дня будет поставлен вопрос о создании механизма мира и сотрудничества в СВА. Это – принципиально новая задача, сама постановка которой по инициативе участников шестисторонних переговоров в Пекине фактически не имеет прецедентов в прошлом. Как подступиться к ее решению, каким образом двигаться вперед по этому пути – вопрос пока еще открытый и для политиков, и для дипломатов, и для исследователей.

При всей подвижности обстановки цели и ориентиры российской дипломатии на Корейском полуострове в своих основных чертах достаточно устойчивы и не подвержены воздействию конъюнктуры. Это поддержание добрососедских, партнерских отношений с КНДР и с РК; обеспечение здесь мира, безопасности и стабильности, содействие межкорейскому примирению и эвентуальному воссоединению двух частей Кореи, расширение возможностей для нормального взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической и других практических областях.

Хотел бы особо отметить, что в российской политике на Корейском полуострове нет соревновательных начал с другими

государствами. Мы не конкурируем здесь с соседями, не пытаемся их в чем-то опередить и, тем более, не ведем борьбу за влияние в этом районе в ущерб двум корейским государствам или кому бы то ни было.

Наша политика основана на собственных национальных интересах, абсолютно транспарентна и не имеет «двойного дна». Свое преимущество мы видим в том, что у нас существуют прочные традиции миролюбивой дипломатии, уважительного дружелюбного отношения к корейскому народу, взращенные на протяжении, по крайней мере, последних полутора веков. Возможно именно поэтому, несмотря на специфику, присущую двум нашим корейским партнерам, и особенности, характерные для отношений России как с РК, так и с КНДР, мы смогли добиться того, что сегодня у нас существуют нормальные, дружественные и доверительные отношения с обоими корейскими государствами – ни с одним из них у нас нет серьезных политических, исторических или иных проблем, которые создавали бы препятствия для дальнейшего развития взаимного сотрудничества. Если же брать долгосрочную перспективу, то наши принципиальные целеустановки во внешней политике, менталитет российского народа совместим с национальными интересами и теми стратегическими задачами, которые ставят перед собой корейцы. И это не просто сухая констатация, но, если хотите, политическая философия, которая постулирует императивность движения народов России и Кореи навстречу друг другу.

Почему я говорю об этом здесь и сейчас? На мой взгляд, когда в межгосударственных отношениях существует хороший здоровый климат, присутствует доверие и взаимопонимание, ощущение наличия перспективы, то это создает благоприятные условия и для научной, академической работы, контактов между учеными. Не скажу, что в этой обстановке работать легче – проще работать, когда мы имеем дело с застывшими формами, когда все уже запечатлелось в истории. Сейчас же ситуация принципиально иная: события в наших двусторонних отношениях и обстановка на Корейском полуострове в целом и вокруг него стремительно развиваются. С учетом этого и в практической политике, и в научных исследованиях требуется не просто успевать за развитием событий, но и работать на опережение. Отсюда – возрастающий спрос на прогностические оценки, свежие неординарные идеи.

Мне уже приходилось здесь упоминать о проблемах и вопросах, которые представляются актуальными с точки зрения политики России на Корейском полуострове. Хотел бы затронуть эту тему более подробно.

Во-первых – сотрудничество с двумя Кореями. В последние годы наше взаимодействие с РК устойчиво развивается и идет по пути укрепления отношений многогранного доверительного партнерства. Недавно в Голубой Дом пришла новая администрация. Президент Ли Мён Бак уже анонсировал установку на внесение существенных корректив в политический курс страны. В частности, отмечалось, что в международных делах новое Правительство будет действовать наступательно, ставя во главу угла прагматические интересы. Подходы в отношении России еще только формируются, хотя ряд идей уже был озвучен, например, о налаживании трехстороннего сотрудничества (РК–Россия–КНДР) в интересах реализации экономических проектов в Забайкалье и Дальневосточных регионах России. Можно ожидать, что эти мысли получат подтверждение и развитие в ходе возможных в будущем встреч и контактов на высшем и высоком уровнях. Думаю, что и нам не следует занимать пассивную, выжидательную позицию, а воспользоваться благоприятной ситуацией для инвентаризации и уточнения собственных подходов и выдвижения своих предложений в том, что касается нашего видения перспектив дальнейшего сотрудничества с РК. Заинтересованы в том, чтобы получать советы и рекомендации от российских ученых на этот счет, основанные на фундированных разработках темы двустороннего сотрудничества.

То же касается и отношений с КНДР. У нас есть неплохой договорно-правовой и политический каркас в этой сфере, но его надо наполнять конкретным содержанием, соответствующим реальным возможностям и интересам двух стран. Здесь тоже, на мой взгляд, требуется своего рода «мозговой штурм» с участием представитель российской науки.

Во-вторых – ситуация вокруг ядерной проблемы. Она остается неоднозначной, амбивалентной. Я бы охарактеризовал её как череду мелких шагов вперед и длительного топтания на месте после каждого из них. Разногласия, существующие между партнерами по пекинскому диалогу, к сожалению, пока не дают оснований надеяться, что этот алгоритм радикально изменится в ближайшем будущем.

Россия участвует в шестисторонних переговорах с самого начала, и на различных этапах их проведения внесла немало конструктивных предложений. В частности, наше известное предложение о пакетном решении ядерной проблемы оказалось востребованным и по сути легло в основу договоренностей, которые были достигнуты в прошлом. Сегодня вновь нужны прорывные идеи, которые позволили бы придать импульс переговорному процессу. Нам самим было бы важно применительно к нынешнему этапу четко определиться – какую роль могла бы взять на себя Россия, чтобы повысить уровень своей позитивной вовлеченности в переговорный процесс, способствовать движению в направлении урегулирования ЯПКП.

В-третьих – тема замены Соглашения о перемирии на мирный договор. Этот вопрос сегодня уже назрел, и его проработка активно ведется заинтересованными сторонами и на политическом, и на академическом уровне. Соответствующее понимание зафиксировано в договоренностях как по линии шестисторонних переговоров, так и второго межкорейского саммита.

Наша страна не является участником Корейской войны, и это – аксиома. Мы не подписывали Соглашение о перемирии, но вместе с тем для нас безразлично, каким путем пойдет формирование нового механизма мира и на какой основе он будет строиться. Нельзя забывать, что речь по большому счету идет о создании новой конфигурации в области политики и безопасности вблизи наших дальневосточных границ. Поэтому для нас важно, чтобы новое мирное соглашение не только подвело черту под прошлым, но и отражало нынешние политические реалии в ключе, благоприятном для российских интересов. Естественно, мы поддерживаем формирующийся мирный процесс на Корейском полуострове, однако вопрос о степени и конкретных формах нашего участия в нем требует обстоятельных размышлений и соответствующей проработки, в том числе и на исследовательском уровне.

К сожалению, отведенное мне время не позволяет поделиться с Вами всем, что наболело – думаю, что такой обмен мнениями можно будет продолжить в будущем, уже в рабочем порядке.

В порядке резюме хотел бы сослаться на положительный опыт РК в плане осуществления весьма эффективного и плотного взаимодействия между внешнеполитическим ведомством и ведущими научными центрами страны, что, несомненно, способствует выра-

ботке взвешенных и обоснованных политических решений. Думаю, что мы, несмотря на известные сложности, в принципе идем тем же путем: в частности, наш Департамент поддерживает тесные контакты с МГИМО, Дипакадемией, ИДВ, ИВАНом, ИМЭМО, откуда к нам поступают интересные научные наработки и материалы. Хотелось бы, чтобы такое сотрудничество было продолжено и носило более регулярный и взаимополезный характер.

В заключение позвольте еще раз пожелать успехов в работе конференции, а её участникам – новых творческих достижений на научном поприще.

Раздел 1

ПОЛИТИКА

*А. В. Торкунов**

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Научная периодизация истории ряда разделенных наций и государств, к числу которых относится и Корея, сопряжена с немалыми методологическими трудностями и противоречиями. Отечественные и зарубежные авторы обычно освещают политическую, социально-экономическую историю и культурную эволюцию разделенных частей самостоятельно, что значительно сужает целостный исторический пейзаж их коэволюции. Высоко оценивая значение исследований, посвященных отдельно Северу и Югу, следует, видимо, не упускать из виду создание комплексных работ, ориентированных на генетическую, культурно-традиционную целостность корейского этноса.

Что имеется в виду, когда речь идет о соблюдении принципа целостности при периодизации современной истории Кореи? Конечно, это прежде всего внутреннее, хотя и противоречивое, генетическое единство исторического объекта (нации), которое сочетается с весьма значительной самостоятельностью его составных частей (Севера и Юга). Акцент при этом делается на глубинных закономерностях коэволюции разделенной нации. Это наиболее рельефно отражается на процессах дивергенции, с одной стороны, и конвергенции национальной культуры корейского этноса – с другой.

* МГИМО(У), Москва.

Наконец, это предполагает проведение скрупулезного сравнительного анализа двух и более объектов (социальных систем) в целях выявления однородных и разнородных элементов, частей и блоков коэволюции. В этом плане компаративистика в немалой степени раскрывает многие малопримечательные грани и оттенки исторического пейзажа.

Исходя из этих методологических принципов, а также достижений отечественного и зарубежного корееведения, послевоенная эпоха может быть условно разделена на следующие основные историко-хронологические этапы.

Первый этап (начальная фаза деколонизации) приходится на переходное время управления Кореей военными администрациями (СССР и США). В недрах этого периода шел процесс становления новых политических партий и массовых движений, сопровождавшихся «географическим размежеванием» представителей политических сил, ориентирующихся на советскую «народно-демократическую» (сталинскую) систему и на западную либерально-демократическую с «корейской спецификой». Провал плана создания единой военной администрации СССР и США, а также единого временного правительства привел к провозглашению в августе-сентябре 1948 г. двух отдельных государств – Республики Корея («Тэхан Мингук») и Корейской Народно-Демократической Республики («Чосон Минджуджу Инмин Конхвагук»).

Второй этап (1948–1950 гг.) относится ко времени конституционной институционализации двух социально-политических систем на Севере и Юге Кореи, которые приобретали антагонистический характер. К власти на Севере пришли радикальные прокоммунистические силы, объединившие ортодоксальных коммунистов, левых коммунистов, партийных деятелей, направленных Москвой из числа лиц корейской национальности, а на Юге – коалиция крупной буржуазии и средних слоев националистической ориентации. Подготовка к развязыванию внутренней (гражданской) войны в условиях нарастания мировой холодной войны стала основным направлением во внутренней и внешней политике обеих Корей. Причем складывающийся на Юге и Севере политический класс (политические элиты) ставили во главу угла задачу создания национального государства в границах доколониального времени. Их обращение за поддержкой, соответственно, к Советскому Союзу и к США, совсем не означало,

что они были готовы согласиться с марионеточным характером будущего единого корейского государства.

Третий этап (июнь 1950 г. – июль 1953 г.) – годы трагической «великой ограниченной войны» на Корейском полуострове с участием де-факто почти всех великих держав (США, КНР, СССР, Великобритании и др.). Корейская война едва не привела к ядерному конфликту и лишь чудом не переросла в военный пожар мирового масштаба. Основным итогом войны, несмотря на ее колоссальные людские, материальные и моральные потери, стало возвращение к статус-кво, т.е. к исходным погранично-политическим позициям кануна войны (т.е. весны 1950 г.). Война закрепила раскол нации и нанесла огромную психологическую травму корейскому этносу.

Четвертый этап современной истории Кореи начался со времени прекращения войны на полуострове (июль 1953 г.) и продлился до 1961 г. Север и Юг взяли одновременно энергичный старт на осуществление восстановительного процесса. Но более успешным он оказался в КНДР в результате выполнения пятилетнего плана развития народного хозяйства (1957–1961 гг.). Резко обострившиеся противоречия и конфликты на Юге привели к кризису Первой и Второй Республик, к падению консервативной лисынмановской власти диктаторского типа.

Пятый этап – начало 1960-х – вторая половина 1980-х годов. В этот период КНДР, опираясь на масштабную внешнюю помощь и оптимальную мобилизацию внутренних ресурсов на основе доктрины «чучхе», удается осуществить дальнейший прорыв в направлении социалистической индустриализации и кооперации. Можно сказать, что в КНДР была проведена «тоталитарная модернизация», результатом которой стало превращение Северной Кореи в индустриально-аграрное государство. Тем не менее южнокорейский авторитаризм (режим генерала Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана) оказался в целом более эффективным в модернизации Юга Кореи по сравнению с сугубо мобилизационной командно-административной системой Севера. Отражением новой динамики в балансе сил на Корейском полуострове стали первые межкорейские переговоры 1972 г. и переход ведущей роли в общекорейском соразвитии к Республике Корея. С 1987 г. на Юге под интенсивным давлением «снизу» начинается постепенный процесс перехода от авторитарной власти к демократии.

Шестой этап начинается с конца 1980-х годов и продолжается по настоящее время. На этом историческом этапе окончательно определяется ведущая социально-экономическая и политическая роль РК на полуострове на основе утверждения «демократии корейского типа» и перехода к гражданскому обществу. Достижения Юга обострили социально-экономический и политический кризис на Севере, который на основе военноориентированной политики «сонгун» ищет пути хотя бы частичного «ограниченного» рыночного реформирования народного хозяйства и преодоления обременительной международной изоляции.

Именно на рубеже 1980–1990-х годов, когда Юг взял старт в сторону либеральной демократии, появляются серьезные трещины в командно-административной системе Севера. Прекращение вшитательной помощи СССР и смерть Ким Ир Сена побудили северокорейцев перейти к политике военизированного варианта авторитарного правления. Но «сильная рука военных», дальнейшее «завинчивание гаек» еще более обострили социально-экономический кризис. Это сопоставление говорит о том, что однотипная система власти (в данном случае авторитарная) в зависимости от различных политических и социально-экономических предпосылок приносит диаметрально противоположные результаты. Но даже при столь сильных центробежных тенденциях нет оснований рассуждать о формировании на Корейском полуострове двух самостоятельных наций – «социалистической» и «буржуазной». Генетическая и культурно-цивилизационная общность корейского этноса – это итог его долгой борьбы с внешней экспансией и внутренними неурядицами и расколами.

Шестой этап – наиболее сложный и длительный в комплексной периодизации послевоенной истории Кореи, поскольку пока еще не покрылся «архивной пылью». Возможно, в будущем в его рамках будут выделены отдельные подэтапы, но на сегодняшний день в нем достаточно четко прослеживаются две магистральные тенденции: во-первых, завершение перехода Юга к «демократии корейского типа» и гражданскому обществу на базе высокоэффективной экономической модернизации и, во-вторых, обострение структурного кризиса всей политико-экономической системы на Севере.

Отдельная проблема – это культурно-цивилизационное развитие на Севере и Юге Кореи в послевоенный период. В рамках це-

лостного культурно-цивилизационного ареала прослеживается нарастание традиционалистских и националистических тенденций в культурной эволюции Севера и усиление восточно-западного межкультурного влияния на культурное развитие Юга. Вместе с тем вполне реально мнение о том, что дивергенция, несмотря на все ее деструктивные плоды, не привела к исчезновению общенациональных черт в культуре корейской нации.

На нынешнем этапе параллельного сосуществования двух Корей вряд ли можно с научной достоверностью говорить о том, когда и в какой форме произойдет воссоединение Юга и Севера Кореи. Тем не менее можно уверенно заявить о том, что оно исторически неизбежно, поскольку отражает сокровенную волю корейцев и базируется на фундаментальной культурно-цивилизационной основе (единый язык, общие традиции, верования, обычаи, теснейшие семейно-родственные связи между северянами и южанами и пр.), хотя преодоление последствий полувековой дивергенции потребует немалых усилий и материальных затрат.

На наш взгляд, комплексная, целостная и универсальная периодизация современной (послевоенной) истории Кореи позволяет по-новому взглянуть как на исторические процессы, так и перспективы развития полуострова.

Во-первых, при подобном методологическом подходе открывается возможность конкретного сравнительно-исторического (компаративистского) изучения истории двух Корей на каждом из исторических рубежей прошлого.

Во-вторых, тесное сопоставление достижений и неудач двух однотипных моделей социально-экономического и политического развития позволяет выявлять наиболее сложные и трудные узлы в потенциальном сближении и возможной конвергенции двух противоположных, но имманентно тяготеющих друг к другу систем.

Наконец, в третьих, приоритетное внимание в корееведческих работах к первичности категорий целостности, универсальности и комплексности по сравнению со вторичными признаками искусственного разделения благотворно повлияет на процесс утверждения духа миротворчества, стабильности и единения на Корейском полуострове.

А.З.Жебин*

В ПОИСКАХ МЕХАНИЗМА БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

В Северо-Восточной Азии нет какого-либо многостороннего института обеспечения безопасности. Высказывалось мнение, что механизм шестисторонних переговоров мог бы послужить в будущем фундаментом создания восточноазиатской модели организации безопасности и сотрудничества¹.

Однако в свете трудностей, с которыми раз за разом сталкиваются участники переговоров, пытаясь разрешить ядерную проблему на Корейском полуострове, надежды, высказывавшиеся некоторыми экспертами, на превращение «шестистороннего формата» (даже без КНДР) в некий региональный механизм по безопасности и сотрудничеству, в последнее время несколько потускнели.

Между тем, помимо достижения безъядерного статуса Корейского полуострова, требует внимания и согласованных усилий проблема контроля над обычными вооружениями, а в последующем и их сокращения в регионе. В многостороннем формате могли бы обсуждаться и разрабатываться меры, призванные дать ответ на новые вызовы и угрозы, в частности по предотвращению актов терроризма, обеспечению экологической безопасности, координации действий в случае природных и техногенных катастроф и т.д.

Многие указывают на пример Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая с 1990 г. была преобразована в постоянную организацию, как модель для создания схожего механизма в СВА.

Как видно, в отличие от Европы, в СВА на пути реализации этой идеи остается немало серьезных препятствий, которые были в ос-

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва

новном устранены в Европе. В частности, некоторые основополагающие элементы, послужившие основой для создания ОБСЕ, в СВА отсутствуют, и их появление в обозримом будущем представляется маловероятным. Прежде всего речь идет о территориальных спорах в СВА.

Между отдельными странами региона (США–КНДР, Япония–КНДР) нет дипломатических отношений. Между ними, да и не только между ними сохраняется глубокое взаимное недоверие, порой перерастающее в вспышки открытой вражды, чреватые перерастанием в вооруженный конфликт.

Существуют серьезные разногласия по поводу интерпретации не только недавней, но и древней истории региона. Эти споры не остаются уделом историков, а переносятся на политический уровень, порой приводя к серьезному обострению отношений между некоторыми странами региона.

Нет единства даже относительно ряда важных географических названий, причем разногласия по этому вопросу все активные продвигаются на международный уровень. Это касается, в частности спора между Республикой Корея и Японией по поводу названия лежащего между ними моря².

Появились утверждения, что с началом шестисторонних переговоров многосторонний механизм в СВА де-факто уже заработал, несмотря на нерешенность вышеупомянутых проблем. Однако очередная пауза в решении ядерной проблемы показывает, что без урегулирования некоторых наиболее острых вопросов в отношениях между КНДР, с одной стороны, и США и Японией – с другой, продвижения вперед на шестисторонних переговорах, а следовательно, и в создании механизма безопасности в СВА, добиться практически невозможно.

Россия при подходе к созданию многосторонних структур безопасности в регионе, должна, на мой взгляд, учитывать следующие основные факторы.

С одной стороны, заинтересованность в создании таких структур все чаще стала декларироваться на самых различных уровнях. В совместном заявлении, принятом участниками шестисторонних переговоров 19 сентября 2005 г. в Пекине по итогам пятого раунда «шестисторонки», содержится обещание искать пути и способы развития сотрудничества в области безопасности в Северо-Восточной

Азии³. Непосредственно заинтересованные стороны также пообещали провести отдельный соответствующий форум для создания постоянного механизма обеспечения мира на Корейском полуострове⁴.

США и другие участники «шестисторонки» проявили определенную активность в обсуждении указанных проблем и на прошедшем 20–21 августа 2007 г. в Москве первом заседании рабочей группы по созданию механизма мира и безопасности в СВА, созданной в соответствии с принятым 13 февраля 2007 г. планом первоначальных действий по реализации Совместного заявления от 19 сентября⁵.

Интерес к созданию нового механизма мира и созыву соответствующего форума был зафиксирован в совместной декларации президентов РК Но Му Хёна и США Дж.Буша от 17 ноября 2005 г., а также в документах второго межкорейского саммита между лидерами РК Но Му Хёном и КНДР Ким Чен Ир от 4 октября 2007 г.⁶

Вместе с тем следует внимательно проанализировать, насколько такие заявления отдельных государств отражают реальные сдвиги в их политике.

Специалистам по СВА хорошо известно, что там американцы делают ставку на свои двусторонние военные альянсы с рядом стран этого региона и предпочитают двусторонние «треки» для решения возникающих проблем. Такой подход зафиксирован и в ряде официальных документов, касающихся внешнеполитической и оборонной политики США в регионе. Как правило, США не только не стремились к созданию многосторонних механизмов в АТР, но и откровенно препятствовали их возникновению, за исключением разве что контролируемых ими военно-политических блоков.

Нынешнее участие США в шестисторонних переговорах – явление вынужденное: администрация Буша после прихода к власти почти два года отказывалась вести переговоры с КНДР на двусторонней основе, причем по соображениям, которые и поныне остаются в силе.

Согласиться на многосторонний формат решения ядерной проблемы США вынудил комплекс неблагоприятных для них внешнеполитических обстоятельств, делавший невозможным после вторжения в Ирак повторение такой же операции на Дальнем Востоке. К этим факторам можно отнести прежде всего реакцию в мире на вторжение в Ирак и позицию соседних с КНДР государств.

Сыграли свою роль и внутривнутриполитические соображения. Еще при Б. Клинтоне контролируемый республиканцами конгресс препятствовал выделению средств на финансирование поставок топлива КНДР, предусмотренных Рамочными договоренностями 1994 г. Уже тогда американцы были вынуждены буквально заставлять ряд своих союзников частично оплачивать такие поставки.

США рассчитывали, и как мы сейчас видим, не без оснований, что при многостороннем урегулировании им удастся уменьшить это бремя или во многом переложить его на других по принципу – каждый участник урегулирования платит за себя. При двустороннем диалоге с КНДР все расходы пришлось бы нести самим США.

Так что за выбором многостороннего варианта в Корею стояли вполне конкретные политические соображения и экономические расчеты, а не «последовательный курс» администрации Дж.Буша на решение проблемы с учетом интересов других заинтересованных государств, как пытаются нас сейчас, задним числом, уверять некоторые отставные высокопоставленные сотрудники госдепа и некоторые известные аналитики⁷.

Напротив, именно в этот период во внешней политике США особенно явно проявилась опасная тенденция, заключающаяся в том, что международные организации и многосторонние механизмы нужны Вашингтону не для поиска приемлемых для мирового сообщества компромиссов, а для легализации и прикрытия односторонних, произвольных действий США. Если же этого добиться от многосторонних структур не удастся, как произошло в Ираке и в случае с Косово, США начинают действовать в одностороннем порядке, игнорируя даже такие органы, как СБ ООН.

Те, кто уповал на скорое превращение «шестисторонки» в постоянно действующий механизм по вопросам безопасности в регионе, почему-то «забыли» о том, что одной из ключевых установок внешнеполитической концепции американских неоконсерваторов является курс на постепенную дезинтеграцию США из международных организаций, освобождение Америки от «ограничений», налагаемых многосторонними структурами с целью одностороннего и ничем не ограниченного применения военной силы по всему миру, разумеется, с целью «распространения свободы и демократии», а на деле – обеспечения интересов американской правящей элиты.

Показательна в этом плане судьба Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО). Несмотря на все недостатки, которыми отмечена ее деятельность, в 1995–2003 гг. она была единственным не виртуальным, а реально действующим механизмом многостороннего сотрудничества по решению не только экономических (энергетика), но и военно-политических проблем на Корейском полуострове (нераспространение ОМУ и безопасность). И что же? В итоге США настояли на прекращении ее работы, несмотря на возражения своих союзников – южнокорейцев и отсутствие энтузиазма по этому поводу у ЕС и даже у обычно послушных японцев.

Неоднократные попытки США чинить всяческие препятствия соединению железных и автомобильных дорог Севера и Юга, требования прекратить турпоездки южнокорейцев в Кымгансан и развитие Кэсонской промышленной зоны, отказ США включить производимые там товары в соглашение о свободной торговле, заключенное в апреле 2007 г. между РК и США, – все это наглядные примеры истинного отношения американцев к усилиям корейцев добиться национального примирения и объединения своей страны.

Нескрываемая радость, охватившая многих американских аналитиков после победы Ли Мён Бака на президентских выборах в РК, объясняется их надеждами, что новое руководство РК, в отличие от администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, станет фактически следовать американской линии в отношении КНДР. Есть все основания предполагать, что очередная задержка в реализации договоренностей, достигнутых в 2007 г. на шестисторонних переговорах, не в последнюю очередь вызвана возродившимися кое у кого надеждами на создание «единого фронта» для продавливания своей интерпретации указанных соглашений и навязывания своей воли Пхеньяну.

Всячески пытаюсь затормозить межкорейское сближение, США тем самым препятствуют и реализации многосторонних экономических проектов в регионе с участием России, РК и КНДР, а также ряда других стран. Понятно, что такие проекты могут быть осуществлены только в условиях нормальных отношений и широкого экономического сотрудничества между Севером и Югом Кореи. Тем самым США пытаются затормозить экономическое и социальное развитие российского Дальнего Востока, которое в России связывают с реализацией указанных проектов.

В этой связи стремление некоторых аналитиков зачислить всех соседей Кореи, в том числе Россию, в число противников ее объединения, представляет собой не что иное, как попытку замаскировать эгоистические интересы ряда стран, рассматривающих полуостров как пешку в их геополитических комбинациях. России и с точки зрения безопасности, и по экономическим соображениям примирение двух Кореи и широкое сотрудничество между ними, безусловно, выгодны.

Наконец, формальное создание шестистороннего механизма (или даже пятистороннего – без КНДР) отнюдь не означает, что такой форум сможет реально способствовать укреплению мира и безопасности в СВА.

Так, военные программы, действительно влияющие на соотношение сил, а значит, и на безопасность в регионе (создание ПРО ТВД, расширение функций «сил самообороны» Японии за пределы региона, модернизация вооруженных сил РК при содействии США, поставки крупных партий новейших американских вооружений Японии, РК и Тайваню, а также модернизация китайской армии) осуществляются на национальной или двусторонней основе.

Вызывает большое сомнение, что США и, возможно, некоторые другие страны региона согласятся сделать указанные программы предметом обсуждения на таком форуме.

Наиболее сильная оппозиция каким-либо существенным переменам в сложившейся системе безопасности на Корейском полуострове будет, вероятно исходить из Пентагона, считают некоторые американские специалисты. Они предупреждают, что если там не почувствуют каких-либо позитивных перемен в этой системе в Пхеньяне, то могут ужесточить решения о выводе из рабочего состояния северокорейских ядерных объектов⁸.

Некоторые американские аналитики уже сейчас, что называется открытым текстом, требуют, чтобы вопросы американского военного присутствия на Корейском полуострове и в Восточной Азии в целом не были предметом обсуждения на любом многостороннем форуме, который может быть создан в этом регионе⁹.

Они также считают, что любые мирные режимы и механизмы в СВА не должны «подвергать риску» существование военно-политических альянсов США с Японией и Южной Кореей, на которых и далее будут продолжать основываться сильные позиции США в регионе¹⁰.

Таким образом, любой возможный механизм мира и безопасности в СВА фактически рассматривается в качестве своего рода «довеска» к системе существующих со времен «холодной войны» двусторонних военно-политических союзов. Такого рода механизм будет иметь две основные цели – закрепление и легитимация американского военно-политического доминирования в регионе и контроль над политикой тех государств, которые еще не охвачены системой двусторонних союзов с США.

Разумеется, от желаемого до действительно – дистанция огромного размера, но то, что США при создании любого механизма безопасности в СВА будут руководствоваться именно этими двумя императивами, не вызывает сомнений.

Такому форуму уготована участь «круглого стола» для обмена мнениями, а не организации, реально влияющей на безопасность в регионе. Между прочим, похожая организация на рабочем уровне существует уже почти два десятка лет, и так и не смогла привлечь в себе ни внимания общественности, ни интереса со стороны руководства стран-участниц, которые, кстати, являются и участниками шестисторонних переговоров.

Речь идет о Диалоге по сотрудничеству в Северо-Восточной Азии, в котором с 1991 г. участвуют представители России, США, КНР, Японии, КНДР и РК. Форум идет в формате «полупанельной дискуссии» – каждая делегация включает представителей министерств иностранных дел, обороны, в том числе так называемых офицеров в форме, а также ученых из работающих на правительство исследовательских центров, занимающихся проблемами в сфере внешней политики и безопасности.

Опыт корейского урегулирования на протяжении последних двух десятилетий, в том числе то и дело возникающие трудности в разрешении ядерной проблемы на Корейском полуострове, заставляют вспомнить слова ныне уже немодного классика о том, что не решив главного, мы то и дело будем спотыкаться о мелкие, частные проблемы и не знать, как с ними справиться.

Такой главной, ключевой проблемой, которую предстоит разрешить участникам будущего мирного режима в СВА, является выработка общеприемлемого видения новой архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии, отвечающей реалиям XXI века и характерным для него новым вызовам и угрозам.

В практическом плане речь идет прежде всего о месте будущей объединенной Кореи в региональной системе безопасности. Многие политики и эксперты в Вашингтоне, Токио и Сеуле видят это место в рамках трехстороннего альянса США – Япония – РК, к которому уже сейчас пытаются пристегнуть Австралию. Однако такой подход вряд ли может устроить Москву и Пекин, которые скорее всего будут воспринимать такой союз как механизм сдерживания России и КНР. Это было бы равнозначно возникновению на наших восточных границах азиатского подобия НАТО, прикрытого уже сейчас активно создаваемой США системой ПРО ТВД.

В то же время КНДР выступает за создание на Корейском полуострове внеблокового нейтрального неприсоединившегося государства. Эти идеи выглядят, с точки зрения обеспечения безопасности России, более привлекательными, нежели заикливание некоторых кругов в Сеуле на необходимости сохранения военного присутствия США даже после объединения Кореи.

Утверждение о том, что раскол Кореи является одним из наиболее зловещих наследий «холодной войны», стало практически общим местом во всех рассуждениях о ситуации в регионе. Однако практически все западные аналитики и политики сводят ликвидацию этого наследия к необходимости добиться желательных для США и их союзников перемен во внешней и внутренней политике КНДР, а еще лучше – смены режима в этой стране по выгодному для них сценарию.

Но разве не являются таким же наследием «холодной войны» военные союзы США с Японией и РК? Прошло уже почти два десятилетия с тех пор, как на Западе стали говорить о ее окончании, но от этих альянсов не только не собираются отказываться, но напротив, пытаются их всячески укреплять.

Между тем Россия от военно-политических договоров со странами региона давно отказалась, наши армия и флот на Дальнем Востоке значительно сокращены. Сейчас даже самые закоренелые русофобы уже не решаются утверждать о наличии какой-либо российской угрозы в регионе. Так что США не избежать обсуждения вопросов о характере, направленности и самой обоснованности существования указанных двусторонних союзов в их нынешнем виде.

Стоит отметить, что США так и не удалось превратить шестисторонний механизм в инструмент коллективного давления на КНДР.

Чтобы не допустить этого, Россия неоднократно отклоняла предложения США о проведении встреч участников шестисторонних переговоров в пятистороннем формате (без КНДР)¹¹.

Напротив, США нередко сами оказывались фактически в изоляции на переговорах. В то же время Россия, КНР и РК гораздо чаще, чем ожидалось, находили друг друга в одном лагере и совместными усилиями позитивно воздействовали как на поведение США, так и КНДР.

В этом плане шестисторонний механизм себя во многом оправдал. Он обеспечил полноценное участие средних держав – РК и КНДР – в обсуждении не только ядерной проблемы, но и других региональных проблем безопасности. Он помог подвести страны региона к пониманию того, что решение ядерной проблемы может быть найдено только в контексте урегулирования как двусторонних отношений КНДР с США, так и более общих проблем безопасности и сотрудничества в СВА.

Стремление США по-прежнему опираться в первую очередь на военно-политические альянсы с некоторыми странами региона, а не на многосторонние механизмы поддержания мира и безопасности, является и, по-видимому, в обозримом будущем останется главным препятствием на пути создания эффективного механизма безопасности и сотрудничества в СВА.

Особенно деструктивными представляются попытки США использовать такие союзы и лоббируемые в настоящее время блоковые комбинации различной конфигурации фактически для сдерживания мирного возвышения Китая, да и России тоже.

Расчеты на то, что будущая объединенная Корея станет де-факто передовым плацдармом морских держав – США и Японии – против континентальных – КНР и России, могут помешать, да и уже препятствуют не только созданию надежной и устойчивой системы мира в СВА, но и решению ядерной проблемы, и достижению воссоединения Кореи.

Будущее мироустройство в этом регионе должно быть справедливым, т.е. предусматривать создание для всех государств таких внешних условий существования, которые в наибольшей степени способствовали бы их совместной безопасности и устойчивому социально-экономическому развитию.

Опыт шестисторонних переговоров показал, что многосторонний механизм по безопасности и сотрудничеству в СВА может стать

дееспособным и авторитетным форумом только в том случае, если он обеспечит нахождение и реализацию взаимоприемлемых компромиссов, а не станет орудием навязывания интересов одного или группы государств другим участникам такой организации. За создание именно такого механизма выступает Россия.

Примечания

¹ Время новостей. 01;19.03.2004.

² <http://www.novopol.ru/print20560.html>

³ The Korea Herald. 2005. September 20.

⁴ Там же.

⁵ <http://www.vz.ru/politics/2007/8/20/102287.html>

⁶ Joint Declaration on the ROK-US Alliance and Peace On the Korean Peninsula. November 17, 2005. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/11/20051117-6.html>; Сеульский вестник. 10.10.2007.

⁷ PacNet Newsletter. 2008. № 18.

⁸ <http://www.csis.org/pacfor/ccejournal.html>

⁹ PacNet Newsletter. 2007. № 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Век. 03.05.2007.

*Д. И. Кулькин**

ООН И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из приоритетных направлений деятельности Организации Объединенных Наций. На его территории многие годы действуют престижные и влиятельные организации, в том числе АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и др. В ходе «саммита тысячелетия», состоявшегося в Нью-Йорке в сентябре 2000 г., центральной задачей ООН в АТР было определено содействие интеграционным процессам в регионе¹.

На сегодняшний день успех решения насущных политических, экономических, научных, гуманитарных и других жизненно важных проблем АТР во многом зависит от эффективного использования потенциала Организации Объединенных Наций, которая, в отличие от парламентов и правительств отдельных государств, менее скована формальностями, протокольными рамками. Как правило, она быстрее и острее реагирует на возникающие вопросы. Кроме того, ООН имеет стройную систему оценок и подходов к решению наиболее актуальных проблем, волнующих народы Азиатско-Тихоокеанского региона, причем подходы Организации к политической и экономической ситуации в АТР и вопросам его дальнейшего развития лежат в русле продвигаемой Организацией концепции многополярного мира.

Под углом зрения задач по обеспечению стабильности и безопасности среди важных вопросов, требующих безотлагательного

* Министерство иностранных дел РФ.

решения, таких, как ближневосточный кризис, ситуация в Иране и Ираке, с трибуны ООН нередко говорят о проблеме на Корейском полуострове. При этом подчеркивается, что решение всех кризисных вопросов, в том числе и корейского, возможно лишь на базе мирного переговорного процесса в рамках уже созданных механизмов и на основе резолюций ООН.

Применительно к Северо-Восточной Азии ООН призывает к активному содействию Глобальной контртеррористической стратегии, скорейшему вступлению в силу Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, завершению работы над Всеобъемлющей конвенцией о международном терроризме².

Важнейшее место в политике ООН на Азиатско-Тихоокеанском треке и в США уделяется вопросам экономики и торговли. Действует Комиссия ЭКОСОС по АТР, которая призвана максимально поддерживать открытую, справедливую и основанную на четких правилах многостороннюю торговую систему как необходимое условие глобального экономического роста, а также активизировать усилия национальных парламентов для принятия законодательных актов, направленных на поощрение устойчивого развития, повышение благосостояния граждан, обеспечение в странах региона благоприятного делового климата.

Наряду с этим ООН контролирует меры, направленные на сокращение риска природных и техногенных катастроф, охрану здоровья населения региона.

Раскол Кореи на Север и Юг и последовавшая затем война 1950–1953 гг., провал объединительных идей и последующее движение Севера и Юга Кореи по принципиально разным путям, сопряженное с конфронтацией и недоверием, стали первыми крупными конфликтами, с которыми столкнулась в свое время Организация Объединенных Наций. Причем в этом процессе фактически сводили счеты две сверхдержавы в разгаре своего противостояния. Первый и единственный раз в истории своего миротворчества ООН позволила отдельной стране выступить первоначально в боевых действиях под своим флагом, видимо, слабо проработав последствия такого явления.

Корейское урегулирование было первой проблемой, где Организация не смогла противостоять неожиданным вызовам и установить мир в короткие сроки. При этом необходимо отметить, что

отчасти благодаря ООН не происходило дальнейших крупных столкновений, и в настоящее время происходит сложное урегулирование отношений между Северной и Южной Кореей. Таким образом, несмотря на явные «промахи» прошлого, роль ООН в поддержании мира на Корейском полуострове достаточно велика. Если же говорить об устранении корней конфликта, то здесь плоды приносят в основном экономические перспективы общего развития Северной и Южной Кореи, что рано или поздно заставит враждующие стороны отказаться от взаимных претензий и приведет к интеграции в рамках полуострова.

Но нельзя забывать, что именно ООН играет центральную роль в урегулировании такого рода конфликтов. Для обеих сторон существует определенный набор соглашений, привнесенных Организацией и обязующих их придерживаться мирной политики под ее покровительством. Это касается и военных обязательств, и правил экономического и политического поведения. В качестве примера можно привести подписание Северной Кореей Соглашения о нераспространении ядерного оружия, достигнутой взаимной договоренности Севера и Юга о порядке пересечения демилитаризованной зоны гражданскими лицами, что позволит дать ход межкорейским экономическим проектам.

Если говорить исключительно о Южной Корее, то это государство было представлено в различных международных органах и комиссиях в качестве равноправного члена, а в 1992 г. Республика Корея была избрана в состав Экономического и Социального Совета ООН, что говорит о достаточно тесном сотрудничестве между страной и международным сообществом. Обе страны встали на путь признания международных норм, хотя и не в равной степени, что обусловлено различными методами воздействия на них ООН. Так, Южная Корея, соблюдая международные нормы, пользуется всем комплексом льгот и содействием со стороны ООН и ее организаций. КНДР, наоборот, как показывает практика, часто не соглашается с решениями и постановлениями мирового сообщества и до конца пытается доказать свою правоту по тем или иным вопросам³. Детальный анализ документов и литературы позволяет сделать вывод о том, что у Организации Объединенных Наций были шансы урегулировать конфликт в Корею мирным путем посредством диалога и реализовать на её

территории довольно перспективные объединительные проекты. Так как же со всем этим обстоит дело сегодня?

Существует масса точек зрения по поводу действий США в отношении Корейского полуострова, миротворческой и нормативной роли ООН в урегулировании острых вопросов региона Северо-Восточной Азии, и каждый автор пытается осветить событие со своей позиции. Существует мнение, что, несмотря на все обвинения и упущения, ООН в целом справлялась со своей ролью по обеспечению безопасности в Корею и гуманитарному содействию населению её северной части, выступала с конструктивными идеями.

Современный анализ и историческая ретроспектива взаимоотношений ООН с двумя корейскими государствами позволяет судить о том, что одно из главных препятствий для повышения ее эффективности в корейских делах – слабое движение по пути реформ внутри самой Организации.

Так, сегодня Соединенные Штаты набрали небывалую мощь, и все их действия подходят под описание синдрома предкризисного состояния. Конечно, желательно, чтобы американские действия, включая их позицию по ядерному урегулированию в Корею, были бы более взвешенными и конструктивными. Тем более, что другие государства, кроме США и Японии, проводят достаточно сбалансированную политику на Корейском полуострове и признают верховенство норм международного права. Необходимо стремиться к «силе права», а не к «праву силы»⁴.

Но это не единственный вывод, который необходимо сделать, проанализировав события последних лет. Если, например, права человека, нарушение которых постоянно инкриминируют КНДР, действительно признаются приоритетными в международных отношениях, то значит необходимо пересмотреть понимание проблемы гуманитарной интервенции на уровне Устава ООН. Тогда она перестанет быть интервенцией и станет расширенным вариантом миссий ООН по защите населения. Может быть, стоит перестать рассматривать суверенитет, а вместе с ним и национальный интерес как самый нерушимый принцип международного поведения государств. Нужно поставить во главу угла принципы, которые помогут преодолевать препятствия к более широкому сотрудничеству, существующие в виде враждующих национальных интересов, культур, религий и идеологий⁵.

Корейская проблема продолжает оставаться узлом противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Другой важный вывод состоит в том, что при решении корейского вопроса необходимо исходить из существующих на Корейском полуострове реальностей, т.е. наличия двух независимых корейских государств — Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея.

Сложившиеся реалии и тенденции развития ситуации в Корее, в частности ядерный кризис, по существу блокируют решение корейской проблемы на условиях КНДР. Иначе говоря, в ближайшей перспективе невозможно добиться воссоединения Северной и Южной Кореи ни в конфедерацию, ни, тем более, в централизованное государство. Наиболее подходящей формулой корейского урегулирования могло бы стать постепенное развитие межкорейского сотрудничества, создание соответствующей атмосферы для утверждения доверия между Севером и Югом, т.е. необходим сравнительно продолжительный период мирного сосуществования двух корейских государств.

Ядерный фактор, как представляется, будет осложнять межкорейские отношения, оказывать дестабилизирующее воздействие на обстановку на полуострове. Поэтому проблема ядерной безопасности в Корее остается наиболее актуальной на ближайшие годы. Попытка ее урегулирования силовыми средствами бесперспективна и опасна.

В разрешении внешних аспектов корейского урегулирования (именно урегулирования, а не объединения Кореи) заметно возрастает роль России, которая будет и впредь стремиться сохранить свое влияние на полуострове с тем, чтобы не допустить развития обстановки там в неблагоприятном для себя направлении⁶.

С учетом возросшего интереса крупных держав, а также пристального внимания современной Организации Объединенных Наций к проблематике СВА, включая Корейский полуостров, ООН сохраняет возможности позитивного воздействия на ситуацию в Корее. Этот фактор укрепляет роль Организации как структуры, которая и в нынешних условиях может способствовать процессу мирного урегулирования на полуострове.

Рассмотрение эволюции корейской проблемы в течение 1945–2008 гг. и особенностей ее состояния на нынешнем этапе приводит к

выводу о том, что в ближайшем будущем объединение Кореи практически невозможно, прежде всего по той причине, что оно должно означать установление либо социалистического строя, либо капиталистической системы во всей Корее. Создание некоей промежуточной социально-экономической структуры на националистической основе вряд ли реально. Этому препятствуют многие факторы, но прежде всего тот, что национализм на Севере и национализм на Юге имеют различный характер.

В первом случае национализм оказывает негативное воздействие, так как он направлен на обоснование изоляционистского курса руководства КНДР, не отвечает коренным объективным интересам развития страны. Может ли этот национализм содействовать переждению социализма в капитализм? Теоретически такую возможность полностью нельзя исключать, однако многие факторы этому препятствуют: социально-экономическая структура идеология, внешние связи и т.д.

Национализм в РК имеет сложную структуру. В нем иногда присутствует обеспокоенность зависимостью Южной Кореи в политическом, экономическом и военном планах от США и Японии, что неизбежно порождает противодействующие импульсы, стремление к независимости. Они, однако, относительно слабы и только начинают проявляться по мере развития возрождающейся нации, роста национальной буржуазии и укрепления ее экономических позиций, обострения противоречий между иностранным капиталом и национальным, постепенного пробуждения политической сознательности масс.

Патриотические потенции южнокорейского национализма до сего времени сильно ограничены антисеверокорейской антикоммунистической идеологией, заметно распространившейся, особенно после войны в Корее, среди южнокорейского населения, а также тоталитарными порядками. В союзе с США, которые не рассматриваются на Юге как традиционный угнетатель корейского народа (им была Япония), а скорее как защитник от «коммунистического агрессора — Севера», часть населения Южной Кореи, особенно его состоятельные слои, видят гарантию обеспечения доходов и спокойного развития.

В такой ситуации военный путь решения корейской проблемы нередко видится исследователями как единственно реальный. Об

этом много говорят и пишут западные ученые, представляя лишь одну Северную Корею в качестве наиболее вероятного агрессора, а Южную лишь как носителя мирной инициативы. Однако в настоящее время применение военных насильственных средств для объединения как Югом, так и Севером, маловероятно.

Международные и межкорейские условия способствуют на нынешнем этапе при данном соотношении сил сохранению стабильности, фактическому сосуществованию двух корейских государств. Они объективно создают, пусть временную и различно мотивированную, но общую заинтересованность сторон в статус-кво на Корейском полуострове. Такая ситуация может вынудить Пхеньян, в качестве одного из вариантов развития, еще более изменить свою политику по объединению в более гибкую сторону. В случае, если ООН сохранит повышенное внимание к корейской проблеме, в частности к её ядерному аспекту, тенденция к стабильности будет преобладающей в предстоящем десятилетии.

Тенденция к активизации деятельности ООН на полуострове с целью обеспечения безопасности и укрепления мира и стабильности будет и далее пробивать себе дорогу, тем более что она объективно совпадает на данном этапе с планами России, Южной Кореи и Китая.

Как представляется, именно дальнейшее принятие вышеназванных шагов со стороны ООН способно эффективно содействовать обеспечению мира и безопасности на Корейском полуострове и исключить возможность конфликта, ибо наиболее быстро ведет к международному закреплению стабильности в Корее.

Будущее развитие событий на Корейском полуострове в рассмотренном автором направлении является вероятным, однако достаточно длительным, не простым и не единственным вариантом. Сложность баланса сил на Корейском полуострове, его многообразие содержат в себе потенциальные возможности и другого хода событий в зависимости от перемен любого из элементов данного баланса.

Особенностью корейской проблемы на всех этапах ее развития и в настоящее время является высокая роль международного фактора. Этот фактор по-разному присутствует и по-разному воздействует и используется в КНДР и Южной Корее.

Важно помнить, что в свое время на Севере националистичес-

кий курс руководства привел к значительному ослаблению связей с другими государствами. Взамен Пхеньяну не удалось получить компенсирующей поддержки ни от развивающихся стран и Движения неприсоединения, ни от развитых капиталистических государств. Более того, связи с последними, наряду с позитивными результатами, привели к тяжелым для КНДР экономическим последствиям, долгам, которые Пхеньян выплачивает с трудом и с большой задержкой. Политический же выигрыш от ориентации КНДР на развивающиеся государства оказался не столь существенным, как думали в Пхеньяне, его значение к тому же уменьшилось по мере того, как Южная Корея с большими, чем у КНДР, экономическими возможностями все более стала проникать в страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Сегодня Южная Корея, напротив, активно использует международный фактор в политике и экономике, в своем курсе по объединению страны. Тесный союз с США и Японией, расширяющиеся связи с другими развитыми государствами капиталистического мира, с развивающимися странами и активное стремление расширить сотрудничество с Россией и Китаем во всех областях, дают ей несомненное преимущество в достижении превосходства над Северной Кореей и реализации своей программы объединения страны.

Среди мер, направленных на нормализацию положения на Корейском полуострове, особое значение приобретают те, которые непосредственно и быстро могли бы содействовать обеспечению безопасности. В свое время к ним можно было отнести: взаимное сокращение численности армий до 100 и менее тыс. человек и вооружений до минимального уровня, что предлагалось в разные периоды обеими сторонами, прекращение ввоза оружия из-за рубежа, запрещение производства, размещения и хранения ядерного оружия и возвращение Северной Корее в режим Договора о нераспространении ядерного оружия, ликвидацию иностранных военных баз на территории Южной Кореи, запрещение военных маневров с участием иностранных войск на территории и вблизи территории страны, оповещение заранее о военных маневрах и крупных передвижениях войск внутри обеих Корей и другие меры. И сегодня это могло бы создать хорошую обстановку для возобновления мирного диалога и продвижения к объединению страны.

Эпоха глобального противостояния, во многом помешавшая ООН решить корейский вопрос, ушла в прошлое. Поэтому Организация Объединенных Наций, при непосредственном участии которой на геополитической карте мира появились, начали и продолжают свою жизнедеятельность два корейских государства, с учетом усиления в ней с избранием Генеральным секретарем Пан Ги Муна корейского фактора, и как следствие – повышенного внимания к проблематике Корейского полуострова, при открытом и беспристрастном подходе вполне способна сегодня играть значимую роль в урегулировании в Корее, вырабатывать в отношении Севера и Юга конструктивные идеи и содействовать их практической реализации.

С учетом интересов крупных держав, а также пристального внимания современной Организации Объединенных Наций к проблематике СВА, включая Корейский полуостров, ООН, несмотря на просчеты в Корее, вызванные блоковым противоборством, сохраняет возможности позитивного воздействия на ситуацию в Корее. Этот фактор способствует укреплению роли Организации как структуры, которая в нынешних условиях может способствовать процессу мирного урегулирования на полуострове.

Следует также отметить, что в рамках шестистороннего процесса в настоящее время еще не оформился консенсус относительно достижения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Общее понимание на данный момент сводится к констатации того, что любые механизмы по обеспечению безопасности должны строиться вокруг урегулирования проблематики Корейского полуострова.

Все другие гипотетические темы не встречают понимания у соответствующих сторон. Например, против обсуждения Тайваньской проблемы в многостороннем формате категорически выступают китайцы. Япония возражает против многих инициатив. Ни Россия, ни Япония, ни Республика Корея с КНР не заинтересованы в вынесении двусторонних территориальных споров на третейский суд региональной структуры, тем более что верховным арбитром в таком случае хотели бы стать США, которые не имеют существенных территориальных проблем с со странами региона, но приложили руку к созданию небезызвестной проблемы российско-японского территориального размежевания.

Наконец, Российская Федерация, как единственный экспортер углеводородных ресурсов вряд ли хотела бы оказаться в такой ситуации, когда пришлось бы столкнуться с совокупным давлением стран нетто-импортеров нефти и газа, каковыми являются все без исключения потенциальные участники механизма мира и безопасности в СВА.

Относительно отмеченного выше доминирования корейской темы при политических обсуждениях, среди участников встреч в Пекине существует определенный разброс мнений. Наряду с продолжением шестисторонних переговоров появилась идея о том, что вопрос о замене перемирия в Корее 1953 года на прочный мир следует решать в четырехстороннем формате – с участием двух Корей, США и Китая, без участия России и Японии.

Таким образом, даже гипотетическое обсуждение возможного круга вопросов и путей формирования механизма мира в Северо-Восточной Азии на данном этапе представляется преждевременным.

По итогам состоявшегося в августе 2007 г. заседания «Рабочей группы по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии» под председательством России были разработаны руководящие принципы мира и безопасности в СВА, в которых речь идет о том, что страны-участники шестисторонних переговоров будут придерживаться целей и принципов Устава ООН, руководствоваться признанными нормами международного права, будут уважать существующее разнообразие политических, экономических, социальных и культурных систем стран региона, происходящее из их уникального исторического опыта и национальных особенностей. Россия, США, КНДР, РК, Китай и Япония будут добиваться разрешения конфликтов и кризисов политическими и дипломатическими средствами, с учетом законных интересов всех вовлеченных сторон, а также будут воздерживаться от угроз или применения силы друг против друга. В документе отражена готовность шести государств к укреплению взаимопонимания и взаимного доверия путем расширения и укрепления диалога и консультаций в области безопасности, включая совместный анализ существующих и потенциальных угроз, они будут пользоваться мерами доверия и стремиться к большей транспарентности в военной области.

Таким образом, на сегодняшний день руководящие принципы мира и безопасности в СВА носят общий характер, причем партнеры по пекинскому диалогу предпочитают предметно обсуждать их после окончательного урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

Примечания

¹ Основные сведения об ООН // Сборник информцентра ООН. М. 2006. С. 8.

² www.un.org

³ Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. С. 211.

⁴ Иванов И.С. Верховенство права в международных отношениях // Международная жизнь. 2000. №12. С. 63.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: Новый взгляд. М.: МГИМО, 1995. С. 244.

А.В. Воронцов*

КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА ВНОВЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

События на Корейском полуострове на рубеже 2007–2008 гг. свидетельствуют о том, что судьбы Кореи, с её ядерной и иными проблемами, вновь оказались на пересечении двух треков мировой политики: попыток ужесточения давления на КНДР или курса на её «вовлечение». Известно, что в 2007 г. партнеры по «шестисторонним переговорам» в Пекине, наконец, встали на путь конструктивного диалога в целях выработки взаимоприемлемых решений. В результате этот период увенчался выработкой и принятием целого ряда важных договоренностей, реализация которых позволила наметить вектор движения на пути к обеспечению безъядерного статуса Корейского полуострова. Однако изменения настроений в Вашингтоне, до известной меры вдохновленные приходом к власти в Сеуле в начале 2008 г. новой, более консервативной администрации, способны повернуть данный процесс вспять. Похоже, что политика Вашингтона опять находится на перекрестке политики «вовлечения», которую в прошедшем, 2007 году, он пытался проводить, или возврата к нажимной, силовой тактике, ей предшествующей. Ситуация, безусловно, весьма интересная и ответственная, попытаемся в ней разобраться.

Начало 2007 года было ознаменовано крутым разворотом подхода Вашингтона к проблеме отношений с КНДР в целом и урегулированию её ядерной проблемы. Не последнюю роль в этом феномене сыграли, безусловно, испытания ракетного и, особенно, ядерного оружия, осуществленные Пхеньяном в июле и октябре 2006 г. Эти действия убедили даже самых больших скептиков в США, утверждавших вплоть до названных событий, что «коварные северокорейцы» блефуют, в реальности существования ракетно-ядерного потен-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

циала, находящегося хотя и в не очень продвинутом состоянии, но постоянно развивающегося.

Конечно, имелись и другие причины. На фоне крупных внешне-политических провалов Вашингтона в канун приближающихся президентских выборов в США Дж. Бушу стали крайне необходимы заметные дипломатические победы, которые «подправили» бы пошатнувшийся имидж республиканской администрации. Проведенный же их аналитиками экспресс-анализ мировой обстановки выявил, что Корейский полуостров (в отличие от Ирана, Ирака, Афганистана, Ближнего Востока) – единственная кризисная точка, где при условии коренного изменения подхода возможно надеяться на реальный успех. Сказались и настроения ставшего к этому времени демократическим Конгресса, призывающего к большей гибкости в корейских делах.

В итоге сторонникам переговорного трека (К. Райс – К.Хилл), в конечном счете, удалось убедить не только руководство Госдепартамента, но и лично президента США, что корейская ядерная проблема при условии настойчивых усилий может быть полностью закрыта еще до истечения срока полномочий нынешнего главы Белого Дома. При всей очевидной иллюзорности такого рода представлений, открывающиеся перспективы оказались настолько привлекательны, что перевесили все аргументы консерваторов, предостерегавших против заигрываний с Пхеньяном. Несмотря на явные антипатии к северокорейскому режиму и ещё недавнее личное неприятие Ким Чен Ира Дж. Бушем, Белый дом решил продемонстрировать миру, что Америка в состоянии не только создавать, но и решать международные кризисы, да и еще с такими проблемными странами, как Северная Корея. А это уже даже по большому счету вопрос не только текущей политической конъюнктуры, но далеко идущей стратегии.

При этом сторонники перехода к политике форсированного «вовлечения» исходили из того факта, что сейчас в Вашингтоне сложилась на редкость благоприятная ситуация для решительного прорыва на корейском направлении, которой никогда не было до этого и, возможно, не будет в обозримом будущем. Суть этого феномена состоит в том, что в настоящее время возникло уникальное сочетание республиканского президента, искренне стремящегося к дипломатическому успеху и демократического Конгресса, в целом поддерживающего такой вектор движения. В Вашингтоне заговорили

даже о возможности ещё недавно совершенно немыслимой личной встречи между Дж. Бушем и Ким Чен Иром¹, а также об установлении дипломатических отношений². Если же вскоре в Белый дом придет президент-демократ, то республиканцы, которые, по прогнозам, будут контролировать хотя бы одну из палат Конгресса, начнут опять, как это было при Б. Клинтоне, торпедировать все инициативы, исходящие из Белого дома и направленные на нормализацию отношений с Пхеньяном. Поэтому, по логике данной группы американских аналитиков, надо торопиться, чтобы использовать счастливый шанс на все сто процентов. Похоже, что такой подход и попытались реализовать в рассматриваемый период.

В итоге в 2007 г. шестисторонние переговоры в Пекине после затяжной паузы были отмечены четырьмя раундами (февраль, март, июль, сентябрь), увенчавшимися выработкой и принятием целого ряда важных договоренностей.

Февральскими договоренностями предусматривалась остановка и в перспективе вывод из рабочего состояния пяти объектов северокорейского ядерного комплекса в Ёнбёне, включая атомный реактор и мощности по переработке в оружейный плутоний отработанного ядерного топлива. Они были опечатаны и поставлены под контроль инспекторов МАГАТЭ. В обмен северокорейской стороне в плане компенсации обещана энергетическая и экономическая помощь на сумму, эквивалентную стоимости 1 млн. т мазута.

Помимо этого США и КНДР договорились уладить имеющиеся между ними двусторонние претензии и вести дело к полной нормализации отношений. Вашингтон обязался отказаться от прежней политики финансовых санкций против КНДР и начать процесс исключения этой страны из списка «изгоев», поддерживающих международный терроризм, а также снять ограничения, под которые подпадает Северная Корея в соответствии с американским «Законом о торговле с враждебными государствами»³. И действительно, достаточно быстро прогресс в двусторонних отношениях продвинулся настолько значительно, что президент США счел для себя возможным в декабре 2007 г. направить личное послание лидеру КНДР Ким Чен Иру⁴.

Однако вскоре после подписания этих прорывных соглашений выявилась неспособность американской стороны обеспечить выполнение собственного обязательства вернуть в КНДР заморожен-

ные в Банке Дельта Эйшиа в Макао северокорейские счета не только в оговоренные 30 дней, но и в ходе мартовской встречи «шестёрки». Разрешить затянувшийся на 4 месяца кризис удалось только с помощью России. Собственно подведению черты под этим неблагоприятным периодом и восстановлению нормального хода и темпа переговоров в значительной мере был посвящен июльский раунд шестисторонней встречи.

Это позволило достичь важных результатов на переговорах в Пекине в конце сентября. Их главным итогом стало принятие сторонами совместного документа о мерах второго этапа по обеспечению безъядерного статуса Кореи. По сути, он стоит в одном ряду и является логическим продолжением Совместного заявления от сентября 2005 г. и февральских договоренностей 2007 г. о первоначальных шагах по денуклеаризации. Октябрьский «пакет» (формально он вступил в силу 3 октября после одобрения правительствами стран-участниц) содержал обширную программу совместных действий на предстоящий период времени:

- вывод до 31 декабря 2007 г. из рабочего состояния трех ключевых объектов в Ёнбене: пятимегаваттного реактора, завода по переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ) и предприятия по производству топливных стержней; декларирование в те же сроки всех ядерных программ КНДР;
- выполнение политических обязательств США перед КНДР, в том числе ее исключение из списка стран-спонсоров международного терроризма и выведение из-под действия закона о торговле с враждебными государствами;
- продолжение усилий КНДР и Японии в целях нормализации двусторонних отношений в контексте урегулирования вызывающих озабоченность нерешенных вопросов;
- осуществление дальнейших поставок в КНДР мазута и других видов компенсационной помощи.

Принятие этого плана действий стало важным шагом в направлении закрытия северокорейского ядерного досье уже хотя бы потому, что для Пхеньяна установлены конкретные и достаточно сжатые сроки осуществления далеко идущих обязательств в данной области. Ведь все, что делалось до сих пор, включая замораживание объектов ядерного комплекса в Ёнбёне, возвращение инспекторов МАГАТЭ – все это во многом было необходимым повторением пройденного. Теперь

же, с началом кардинально новой фазы действий, пекинский процесс впервые вступил на неизведанную почву, где пути еще не проторены и нет уже апробированных рецептов решения проблем.

Однако вскоре, как и ожидалось экспертами, на этом новом этапе стали возникать вопросы и затруднения. Один из них – вновь возникшая ситуация, при которой наиболее важные для всех участников пекинских переговоров сюжеты проговариваются келейно, в двустороннем формате между КНДР и США. Возникло ощущение, что в результате этого сами шестисторонние переговоры, которые создавались как коллективный механизм с равными правами и возможностями для всех участников, стали превращаться некое прикрытие, под которым Вашингтон действует так, как ему удобно, но при этом ответственность за принимаемые решения – политическая и финансовая – распределяется уже между всеми участниками переговоров.

Другой вопрос связан с нереально высокими темпами осуществления серьезной и крайне непростой задачи – вывода из строя ядерных объектов КНДР. Другой недостаток всей системы пекинских договоренностей 2007 г. – в то время как компенсационные мероприятия, которые должны осуществить партнеры КНДР прописаны достаточно четко, вплоть до цифр, – то параметры и объемы действий Пхеньяна по выводу своих ядерных объектов из рабочего состояния вообще сформулированы расплывчато.

Главная проблема заключалась в декларировании северокорейских ядерных программ. Из текста октябрьских документов непонятно, планировался ли до конца 2007 г. отчет КНДР относительно накопленного запаса расщепляющихся материалов (а это, по оценкам, не менее 50 кг плутония), включая и тот, который уже был использован в оружейных целях. В них ничего не говорилось и об урановой программе КНДР, на прояснении ситуации вокруг которой американская сторона в недалеком прошлом столь упорно настаивала.

Все эти и другие проблемы не преминули проявиться в конце 2007 г. – начале 2008 г. Прежде всего имеет смысл рассмотреть сохраняющееся несовпадение интересов США и КНДР по фундаментальным вопросам.

Пхеньян, добившись главной цели своей внешней стратегии – выхода на прямой диалог с США, заметно укрепил свои позиции в решении ядерного вопроса и теперь ведет себя сейчас достаточно уверенно и спокойно. Северокорейцы превосходно сориентиро-

вались в том, что Вашингтону крайне необходим положительный, а главное – скорый результат в процессе решения ядерной проблемы, ради чего американцы готовы сейчас на многое.

Северокорейцы прекрасно понимают, что время работает на них, и явно не намерены спешить с шагами навстречу Вашингтону, выжидая, пока американцы «дозреют» до большей сговорчивости⁵. По крайней мере, если руководство КНДР и пришло к выводу о целесообразности отказа от военно-ядерной программы (что отнюдь не бесспорно), то расчет будет делаться на «продажу» этих уступок по максимально высокой цене⁶.

Вместе с тем трагическая судьба Югославии и Ирака, равно как и политика США в других точках мира, дают северокорейским лидерам богатую пищу для сопоставлений и размышлений. А они, вполне понятно, сводятся к тому, что, как только у Пхеньяна будут удалены «ядерные средства сдерживания», КНДР уже никому не будет страшна, – и тогда вряд ли Вашингтон будет продолжать с ней считаться. Поэтому далеко не случайно, что Пхеньян, участвуя в ядерных переговорах, не торопится принимать окончательные, необратимые решения. Северокорейская пропаганда, напротив, всячески превозносит факт создания страной ядерного потенциала, который рассматривается как «величайшее достижение корейской нации за всю ее пятитысячелетнюю историю»⁷. Многие аналитики в различных странах мира считают, что с такими завоеваниями расставаться нелегко, и не исключают перспективу того, что мировому сообществу придется смириться с «индо-пакистанским статусом» КНДР. Не случайно уже не раз в последнее время северокорейские представители предлагали партнерам по переговорам выстраивать теперь с ними отношения так же, как с Индией и Пакистаном. Северокорейские представители заявляют о том, что предметом шестисторонних переговоров в Пекине должно являться не лишение КНДР ее ядерного потенциала в одностороннем порядке, но обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова в целом, что предполагает соответствующие шаги со стороны США и Южной Кореи. Пхеньян, в частности намерен добиваться от Сеула официального подтверждения факта отсутствия ядерного оружия на территории Южной Кореи, в том числе и на находящихся там военных базах США, предоставления гарантий незахода в порты РК американских военных судов с ядерным оружием на борту, внесения ясности в вопросы, связан-

ные с проводившимися в прошлом экспериментами с плутонием и ураном на Юге Кореи. Проведение же проверок по линии МАГАТЭ в КНДР северокорейцы хотели бы «уравновесить» осуществлением соответствующей верификации в Южной Корее.

Одновременно с этим, в условиях, когда нереализуемость сверхвысоких темпов ядерного разоружения Пхеньяна стала очевидной, противники сотрудничества с северокорейским режимом, которые по-прежнему в большинстве в вашингтонских «коридорах власти», попытались взять реванш и доказать, что политика диалога с Пхеньяном не достигает поставленных целей – в частности, прогресс в области денуклеаризации неудовлетворителен. Для этого во главу угла был выдвинута проблема невыполнения КНДР обязательств по денуклеаризации до конца 2007 г.⁸

Закулисные трения вокруг этого вопроса постепенно переросли в открытый дипломатический скандал. В самый канун нового (2008) года госдепартамент США выступил с заявлением, в котором выразилось «разочарование» в связи с невыполнением КНДР взятых на себя обязательств и содержался призыв к Пхеньяну неукоснительно следовать букве и духу пекинских договоренностей. Эта позиция была полностью поддержана Сеулом и Токио, которые скоординированно выступили с аналогичным демаршем.

На эти действия официальный Пхеньян отреагировал незамедлительно и в свойственной ему жесткой манере, дав собственную интерпретацию складывающейся ситуации. Согласно утверждениям представителя МИД от 04.01.2008 г., именно КНДР идет впереди других партнеров в плане выполнения своих обязательств, прежде всего в деле вывода из строя своих ядерных объектов⁹. В то же время обещанная экономическая помощь, как было подчеркнуто, поступает со значительными задержками (например, объем поставленного топливного мазута и энергетического оборудования не достигает и 50% от обещанного), а политические обязательства США по выведению Северной Кореи из «черных списков» и вовсе остаются нереализованными. Основной вывод: в этих условиях КНДР, которая руководствуется принципом «действие в обмен на действие», не остается иного выбора, кроме как «принять меры для замедления темпов своего ядерного разоружения»¹⁰.

В этой связи неудивительно, что озвученная еще в феврале 2007 г. договоренность о проведении встречи на уровне министров иностр-

ранных дел стран-участниц шестисторонних переговоров не только до сих пор остается нереализованной, но уже просто не вспоминается.

Несмотря на кажущуюся внезапность нарождающегося конфликта, его предпосылки были заложены уже давно. Достаточно вспомнить, что обвинения в разработке Пхеньяном «секретной урановой программы», предъявленные еще в 2002 г., послужили для администрации Дж. Буша предлогом для выхода из американо-корейского Рамочного соглашения, что, кстати, тогда и спровоцировало ядерный кризис. Вашингтон никогда не отказывался от этих своих утверждений, однако в процессе шестисторонних переговоров данный сюжет был отодвинут на второй план. Поскольку главной целью являлось добиться остановки, а затем и вывода из строя объектов плутониевого цикла. Теперь, когда это произошло, США сочли момент благоприятным для повторного вбрасывания своих старых требований, явно в расчете дожать Пхеньян до конца, и одновременно – снять с себя ответственность за невыполнение собственных политических обязательств перед КНДР.

Изменение соотношения сил в Вашингтоне в пользу сторонников жесткой линии привело к тому, что американцы в конце прошлого года подняли планку своих требований в отношении «ядерной декларации» на такую высоту, которую Пхеньян оказался не готов преодолеть, и которая существенно отличалась от первоначального, в предварительном порядке достигнутого между Вашингтоном и Пхеньяном, взаимопонимания.

Во всяком случае, очевидно, что если до ноября 2007 г. Вашингтон стремился акцентировать внимание на элементах сотрудничества и успеха с Пхеньяном, отодвигая на дальний план факторы разногласий и раздражители, то после этого стал проявляться иной подход. В первый период весьма показательны в этом контексте были энергичные усилия Белого дома, направленные на то, чтобы максимально смягчить резонанс, возникшей осенью 2007 г. «взрывоопасной» истории с приписываемым Пхеньяну участием в строительстве военных ядерных объектов в Сирии, не допустить её негативного воздействия на имевший место прогресс в американо-северокорейских отношениях¹¹. Теперь же и гипотетические «ядерные» связи с Дамаском, и недоказанная программа высокообогащенного урана выведены в эпицентр разногласий¹².

В результате возникла опасность, что обостряющиеся противоречия между КНДР и США по одному из ключевых вопросов ядерного урегулирования в случае отсутствия компромиссных решений, чреваты возникновением нового серьезного тупика на шестисторонних переговорах, способного свести на нет всю проделанную партнерами к настоящему времени полезную работу.

Вместе с тем существуют обнадеживающие признаки того, что эту опасность видят и в Вашингтоне, и в Пхеньяне. Не только видят, но и стараются устранить¹³. Переговорный процесс на рабочем уровне, в том числе между К. Хиллом и Ким Ге Гваном в начале 2008 г. достаточно интенсивен. Имеются сведения, что, в качестве одного из возможных вариантов, предполагается использование опыта, достигнутого при подписании Шанхайского коммюнике 1972 г., позволившего США и КНР сдвинуть процесс с мертвой точки при сохранявшихся непреодоленных противоречиях (как известно, тогда обе стороны согласились, с тем, что опубликуют в своих странах собственные, отличные друг от друга, интерпретации этого документа)¹⁴.

Москва, естественно, заинтересована в сохранении и последовательном развитии шестистороннего переговорного процесса в Пекине. Поэтому она способна продолжать играть конструктивную роль, вырабатывая и предлагая компромиссы на путях выдвижения новых идей¹⁵.

Примечания

¹ Reuters. 12.09.2007.

² Korea Times. 11.10.2007.

³ Joongang Ilbo. 04.10.2007

⁴ Agence France-Presse. 06.12.2007.

⁵ Yonhap. 05.03.2008.

⁶ Associated Press. 17.02.2008.

⁷ Joongang Ilbo. 09.10.2007.

⁸ Yomiuri Shimbun. 14.12.2007; Associated Press. 31.12.2007.

⁹ Associated Press. 14.01.2008.

¹⁰ Associated Press. 22.01.2008.

¹¹ The Associated Press. 17.09.2007; Joongang Ilbo. 18.12.2007.

¹² Chosun Ilbo. 03.12.2007; The Los Angeles Times. 17.01.2008.

¹³ Reuters. 07.01.2008; Korea Herald. 28.02.2008.

¹⁴ The Los Angeles Times. 05.03.2008.

¹⁵ RIA Novosti. 06.02.2008.

*Р.В. Савельев**

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ США В КОРЕЕ И АМЕРИКАНСКИЙ ВОИНСКИЙ КОНТИНГЕНТ В РК

Сегодня, как и в недавнем прошлом, Корейскому полуострову в азиатской стратегии США отводится особое место – рядом Россия, Китай, Япония. Недалеко – АСЕАН и страны ЮВА. Отсюда контролируемые выходы и маршруты на другие важные районы АТР.

В свое время экономические, политические и военно-стратегические интересы США сосредоточивались на Южной Корее. Начиная с середины 90-х годов, они все более отчетливо стали фокусироваться и на КНДР¹.

Не одно десятилетие Вашингтон имеет с Сеулом Договор о взаимной обороне, а с ноября 1954 г. – военно-экономическое соглашение, известное как «Протоколы корейско-американских переговоров по военным и экономическим вопросам». Эти документы стали долговременной основой для пребывания американских войск на юге полуострова, поставив вооруженные силы Юга под оперативный контроль Пентагона и прикрыв их флагом командования войск ООН в Корее. В таком виде и сегодня оформлен военно-политический альянс, с помощью которого Вашингтон стремится по-своему воздействовать на стратегическую обстановку на полуострове и в СВА в целом. И если при президентах Ким Дэ Чжуне, Ро Му Хёне, отчасти при Ким Ён Саме, временами были видны их попытки, хотя и робкие, выстраивать взаимоотношения с Вашингтоном с оглядкой на собственные корейские интересы, то с приходом в Чхонвадэ в феврале 2008 г. Ли Мён Бака и его команды подобные тенденции, похоже, остаются в прошлом.

Свидетельствуют этому немало реальных фактов. Они стали характерными для политической жизни Южной Кореи, как только Ли

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

Мён Бак взял бразды правления в свои руки. В этом плане можно говорить о предшествующих намерениях южнокорейцев переподчинить себе собственные вооруженные силы на случай возникновения военных действий на полуострове. С началом 2008 г. в Вашингтоне к этому отнеслись по-своему – как раз 25 февраля, т.е. в день инаугурации нового южнокорейского президента, представитель Госдепартамента заявил, что США намерены придерживаться своих планов относительно руководства совместными южнокорейско-американскими войсками на полуострове.

Под аккомпанемент заявлений, адресованных Пхеньяну, вскоре после вступления в должность Ли Мён Бака появились южнокорейские и американские сообщения о предстоящих на Юге совместных военных учениях под своеобразным названием «Главное намерение». Как заявил представитель Объединенного командования вооруженными силами США и РК в Корее, их главная цель провести достоверную проверку способностей Сеула осуществлять оперативный контроль над собственными войсками в военных ситуациях. Как видно, проявилось желание американцев, используя новую президентскую команду в Сеуле, прочно удерживать Южную Корею на будущее под контролем в своей системе военно-стратегических планов в Северо-Восточной Азии.

В дополнение к этому под давлением Вашингтона Сеулом в марте 2008 г. было принято одиозное решение подсоединиться к американской системе ПРО, формируемой Пентагоном с участием Японии на Дальнем Востоке.

Де-факто это стало созвучным с устремлениями американцев внедрить объекты ПРО в Восточной Европе, на территории Польши и Чехословакии, и в конечном итоге окружить Россию радарными и противоракетными установками вблизи ее западных и восточных границ.

Многое из того, о чем сказано выше, созвучно с долговременными замыслами, которые Вашингтон хотел бы осуществить в Северо-Восточной Азии. К подобному выводу здесь необходимо дать соответствующие комментарии, разъясняющие реальный ход событий в этом регионе, не только в нынешний, но и в предшествующий период.

Видимо, следует напомнить следующее. Как известно, после распада Варшавского договора и поспешного ухода из ГДР Россия

оказалась ослабленной в Восточной Европе. Что-то подобное было необходимо американцам и на Дальнем Востоке, где также стало возможным, как они полагали, найти слабое звено или брешь среди стран – бывших союзников СССР/России. Таким звеном, по их оценкам, могла стать «брошенная» Москвой Северная Корея. Соответственно, в преддверии нынешнего десятилетия против нее был начат психологический «штурм», подкрепленный политическим и силовым давлением и экономической изоляцией со стороны послушных Вашингтону западных стран и Японии, часто выступающих от имени «мирового сообщества». Непомерные, еще не ушедшие в прошлое националистические амбиции политической и военной элиты Пхеньяна, которая за счет создания ракетно-ядерного щита стремится оградить себя от внешнего силового давления, стали для этого достаточно весомым основанием.

Следует отметить, что с появлением Дж. Буша в Белом доме сформировались устремления, при которых вновь стала возможной трудно регулируемая обостренная обстановка на Корейском полуострове и в окружающем его регионе. Ее вполне обоснованно можно рассматривать как спланированное продолжение ядерного кризиса 1993–1994 гг. Последствия известны – это в первую очередь новые столкновения региональных интересов, в том числе территориальных, которые перманентно оказывают негативное воздействие не только на Корейский полуостров, но и на близлежащие географические районы, включая российский Дальний Восток.

Рассчитывая на политическую и моральную капитуляцию Пхеньяна, администрация Буша во время очередного корейского кризиса, копируя тактику Клинтона–Олбрайт, действовала жесткими методами, вплоть до угроз нанести удары по «ядерным объектам» на севере Кореи. Не получая ожидаемой поддержки от некоторых стран на переговорах в Пекине, она вынужденно изменила тактику, и в ожидании приближающихся в США президентских выборов стала посылать сигналы, из которых следовало, что Вашингтон может начать примирительный диалог в корейских делах.

Как известно, десятилетия назад нормализацию отношений с Китаем, ближайшим соседом и союзником КНДР, американская дипломатия начинала, опираясь на так называемую «пинг-понговую дипломатию». В случае с Северной Кореей, похоже, используется «музыкальная дипломатия». Так, в феврале 2008 г. в КНДР в полном

составе выезжал широко известный в мире Нью-Йоркский филармонический оркестр. Выступая в Пхеньяне в присутствии северокорейских официальных лиц и многочисленной публики, оркестр с эмоциональным подъемом исполнил государственные гимны США и КНДР, а также симфонию, символично названную «Из Нового Света». Еще до отбытия в северокорейскую столицу руководители оркестра, явно не только от своего имени, заявили представителям прессы, что предстоящие гастроли помогут укрепить взаимопонимание между корейским и американским народами. Подыгрывая им, в аналогичном ключе высказался в Нью-Йорке северокорейский посол в ООН Пак Киль Ён. Из его слов следовало, что выступление оркестра – это подходящий сигнал для установления официальных отношений между двумя странами.

Другим соисполнителем отдельных фрагментов «музыкальной дипломатии» стал помощник Госсекретаря США Кристофер Хилл, он же главный американский делегат на переговорах в Пекине. Хилл не раз посещал КНДР, где сумел договориться с местным МИДом о подготовке к открытию там американской миссии связи. Вслед за ним Госдепартамент командировал в Пхеньян двух своих дипломатов с соответствующими полномочиями. К. Хиллу была также поручена деликатная миссия вручения северокорейской стороне личного письма Дж. Буша на имя Ким Чен Ира, как главе северокорейского государства (декабрь 2007 г.).

По отлаженному Хиллом маршруту в Северную Корею для инспекции ядерного центра в Ёнбёне не раз выезжали группы американских специалистов для контроля выполнения северокорейцами обязательств по приостановке работ на функционирующих там исследовательских объектах. В середине апреля и начале мая 2008 г. в Пхеньяне побывали особо крупные по численности группы специалистов, которые имели поручение договориться с местными официальными лицами о согласованных действиях в отношении северокорейской ядерной программы. В качестве главного переговорщика выступил руководитель корейского отдела Госдепартамента США Сон Ким, кореец по национальности. Поручив ему эту миссию, в Госдепе не без оснований полагали, что совместно с К. Хиллом ему, видимо, будет легче вести последующий диалог с Пхеньяном не только по ядерной проблеме, но и относительно налаживания двусторонних отношений.

Корректировка Дж. Бушем американской политики на северокорейском направлении

На фоне нынешних событий будет не лишним подробнее рассмотреть, какие новшества Дж. Буш, корректируя предшественников, счел необходимым внести на этом направлении на первых этапах своего прихода в большую политику.

В свое время его сторонники из республиканской партии утверждали, что, придя к власти, они «хорошо стартовали» и заложили «основы для стабильного прогресса» в американской внешней политике. В свете этих заявлений было более чем знаменательно стремление бушевской команды «по-новому» выстраивать отношения в Восточной Азии.

Еще до событий 11 сентября так называемый внешнеполитический «реализм» высветил готовность администрации Буша к тому, что между США и другими странами, а это в полной мере относится к северу и югу Кореи, будут возникать разногласия и противоречия, которые не всегда удастся полностью устранить или хотя бы конструктивно контролировать. Прагматизм, о котором не уставали говорить за океаном, сразу почувствовали в Пхеньяне, когда американцы еще при президенте Ким Дэ Чжуне подвергли сомнению целесообразность и полезность ведения переговоров с Северной Кореей.

В Пхеньяне также учитывали, что американцы в своей политической игре стремятся сохранить у мировой общественности представление о северокорейцах как о непредсказуемом и агрессивном партнере. Одновременно они подключали к этому процессу Японию и провоцировали на это же представителей других стран, вовлеченных в корейские дела.

Противостояние с Северной Кореей особо импонировало Пентагону, как впрочем, и в других проблемных регионах, особенно когда в Конгрессе заходила речь о желательности ревизии состояния дел в этом ведомстве или о перераспределении бюджетных ассигнований на военные нужды.

В Вашингтоне регулярно озвучивались заявления о том, что впредь США будут жестко требовать от Пхеньяна неукоснительного соблюдения ранее достигнутых договоренностей, в том числе по Рамочному соглашению. Американские СМИ характеризовали эти действия как нововведение в международной стратегии США.

Вряд ли это обоснованно, поскольку устремления США в различных геополитических регионах, включая СВА, во все времена оставались однотипными. Хотя тактические методы при их реализации имели и имеют те или иные оттенки. Республиканец Дж. Буш, видимо, рассчитывал, что сможет решить все северокорейские проблемы кардинально, без особых усилий, дипломатических компромиссов и уступок. Как следствие, при нем во внешнеполитическом арсенале США возобладали требования ультимативного характера, хотя подчас они приводили к результатам, на которые сам их инициатор не рассчитывал.

Нередко использовалось силовое давление. Военная авиация США время от времени увеличивала разведывательные полеты вдоль ДМЗ и северокорейского побережья. Были задействованы эскадрильи ВВС США, постоянно базирующиеся на военных аэродромах в Южной Корее, на острове Гуам и американских авианосцах, курсировавших вблизи Корейского полуострова. Из Пентагона организовывалась утечка информации о возможной морской блокаде северокорейского побережья и досмотре силами ВМС США всех судов, направлявшихся в порты КНДР.

Вполне понятно, что Пхеньян реагировал адекватно. Его реакцию на силовое давление, острые высказывания американского президента и его окружения можно было предвидеть. Раскручивалась антиамериканская пропагандистская машина, а среди населения вновь становился популярным лозунг «Острие - против острия».

Не добившись уступок от Пхеньяна и фактически подтолкнув северокорейцев в октябре 2006 г. к ядерным испытаниям, администрация Буша стал изыскивать иные пути сдерживания неуступчивых северокорейских оппонентов, главным образом за счет негарантированных обещаний о политических и экономических послаблениях и даже о возможном американо-северокорейском примирении.

Скорректировав подобным образом свой курс, Дж. Буш, похоже, вознамерился двинуться по дороге, по которой на север Корейского полуострова когда-то пытались с триумфом прибыть его соперники из Демократической партии. В обоих случаях и демократы, и республиканцы учитывали стремление пхеньянского руководства нормализовать отношения и сблизиться с Вашингтоном, устранив, хотя бы частично, политическое и экономическое эмбарго КНДР вначале со стороны США, а затем других стран Запада.

У демократов была несомненная неприязнь к северокорейскому режиму, олицетворением которого был Ким Ир Сен. Она оставалась еще со времен Корейской войны, которую назвать победоносной американцы и сегодня вряд ли могут.

Усиливали их неприязнь и такие случаи, как захват северянами американского корабля-разведчика «Пуэбло» и другие инциденты в Корее, становившиеся для Белого дома и американской дипломатии долговременными раздражителями. Но у демократов не было столь непреодолимой аллергии к преемнику Ким Ир Сена – Ким Чен Иру. Помимо этого, у них одно время появились явные надежды, не в последнюю очередь навеянные Сеулом, на возможность внутренних перемен на севере полуострова по примеру того, как это происходило в Восточной Европе.

С приходом Буша с его личным презрением к странам, причисленным к «оси зла», отдельные тактические планы, как уже отмечалось выше, во внешнеполитических ведомствах США поменялись, но не все. Задача возможной изоляции России от бывшего ее союзника оставалась в силе. Однако не за счет каких-либо преференций несговорчивому и нищему режиму, каковым сам Буш недипломатично именовал Пхеньян.

С августа 2003 г. появился вариант «общения» с официальными представителями КНДР на Пекинских переговорах в шестистороннем формате, на которых по замыслу Вашингтона давление на северокорейцев должны были одновременно с ним оказывать близкие Пхеньяну Пекин, Москва и, по возможности, Сеул. В поддержке шестого участника переговоров – Японии – Вашингтону сомневаться не приходилось. С тем, чтобы загнать Пхеньян в угол ее дипломаты повсюду, включая Генассамблею ООН, поддерживали любые инициативы, которые предлагались американцами.

С переменным успехом Пекинские переговоры продолжают более четырех с половиной лет. В сентябре 2005 г. и феврале 2007 г. по завершении пятого и начала шестого раундов были приняты обнадеживающие решения относительно ядерной программы КНДР. Россия и Китай выступили за свертывание военных аспектов ядерной программы и денуклеаризации всего Корейского полуострова. При этом подчеркивалось, что без учета потребностей КНДР в мирной ядерной энергетике, необходимой для нормального развития ее экономики, решить что-то конструктивное на переговорах будет

трудно. Иных взглядов придерживается американская сторона. Ее делегация, исключая компромиссы и какие-либо реальные компенсации, долгое время требовала безоговорочного свертывания всех ядерных программ в КНДР, закрытия исследовательского реактора в Ёнбёне, предоставления данных по другим соответствующим объектам. Одновременно американцы выступали инициаторами введения жестких санкций против Пхеньяна в случае невыполнения им этих и других требований.

Договоренности, достигнутые в 2007 г., считались реалистичными, как, впрочем, и те, о которых говорилось в сентябре 2005 г. Северная Корея согласилась в 60-дневный срок закрыть свой ядерный комплекс в Ёнбёне и допустить туда инспекторов МАГАТЭ. В ответ на полный отказ от ядерной программы ей была обещана международная экономическая и гуманитарная помощь. Как и предполагалось, участвовать в ней согласились Южная Корея, Россия, Китай и в меньшей степени – США.

Однако реализации этого соглашения помешали возникшие между Вашингтоном и Пхеньяном разногласия по поводу возвращения Северной Корее 25 млн. долл., заблокированных по инициативе США на счетах банка «Дельта Азия» в Макао. Пхеньян заявил, что свою часть договоренностей начнет выполнять только после полного доступа к замороженным средствам и безусловного распоряжения ими в дальнейшем. Его представители также сообщили, что только в течение 30 дней после этого КНДР приступит к остановке своих ядерных объектов. После ряда проволочек КНДР получил согласие на доступ к своим счетам в этом банке. Но американцы, видно, намеренно не дезавуировали свои прежние заявления об «изготовлении северокорейцами американских долларов» и якобы их участия в других незаконных денежных операциях. Тем самым Пхеньяну были перекрыты каналы для перевода размороженных средств в другие иностранные банки. Реакция северокорейцев и в этом случае оказалась предсказуемой – они заявили, что не смогут остановить свои ядерные объекты к установленному сроку, т.е. к 14 апреля, как это ранее предполагалось. Глава делегации США на переговорах в Пекине заявил, что план ядерного разоружения Северной Кореи «утратил динамику», т.е. оказался под грозой его реализации.

В сложившейся ситуации в Вашингтоне к политике «диалога и давления» республиканцев в корейском вопросе постепенно стала

подключаться Демократическая партия. В Пхеньян в середине апреля 2007 г. был направлен демократ губернатор штата Нью-Мексико Билл Ричардсон формально для обсуждения вопроса об останках американских военнослужащих, погибших в Корейской войне, а на деле - для переговоров по ядерной проблеме и налаживании двусторонних контактов между руководством его партии и официальным Пхеньяном. Белый дом, не желая терять инициативу и остаться в стороне, подсоединил к этой делегации представителя Совета безопасности, который стремился наладить более широкие контакты в официальных северокорейских кругах. Воспользовавшись случаем, корейцы подтвердили готовность пригласить на свои ядерные объекты инспекторов МАГАТЭ, как только средства со счетов Макао окажутся действительно «размороженными» и они смогут ими распоряжаться по своему усмотрению².

Таким образом, к умиротворению Пхеньяна и локализации его ядерных амбиций много лет спустя подключились американские демократы. Для них успешно завершились выборы в обе палаты Конгресса. Наступила пора, когда не исключалась возможность их возвращения в Белый дом. И корейская «козырная карта», видимо, оказалась для них не лишней в развернувшейся предвыборной борьбе.

Американский воинский контингент на юге Корейского полуострова

Присутствие американского экспедиционного корпуса, ранее неограниченное по времени, накладывает свой отпечаток не только на официальные отношения РК и США, но и на внутреннюю ситуацию в самой Южной Корее.

Вооружённые силы Республики Корея оказались полностью деморализованными и не способными к самостоятельным действиям в самом начале Корейской войны, когда в 1950 г. северокорейские танковые и пехотные подразделения неожиданно пересекли линию, разделявшую Юг и Север и, захватив Сеул, начали продвигаться к южной оконечности полуострова. Южная Корея не обладала достаточными военно-техническими и кадровыми возможностями для того, чтобы самостоятельно противостоять Северу. Лишь благодаря Соединённым Штатам и другим странам ООН, которые подключились к гражданской войне на полуострове, южанам удалось вернуть себе утраченные территории.

После войны вооружённые силы РК находились под объединённым американо-южнокорейским командованием, при котором решающее слово по кардинальным вопросам военной политики оставалось за американскими военными. С учетом военно-стратегической обстановки, сложившейся в США и на Корейском полуострове, это было выгодно обоим сторонам – и РК, и американскому Пентагону.

В 1994 г. вооружённые силы РК вернули себе частичную самостоятельность, выйдя из-под контроля американцев на период «мирного времени». На уровне министров обороны двух стран было подписано соответствующее соглашение. В последующем была достигнута договоренность, которой предусматривается передача южнокорейской стороне с апреля 2012 г. полного контроля над собственными войсками не только в мирное, но и в «военное время». Это означает, что Объединённое командование вооружёнными силами должно прекратить свое существование, а размещённый на Юге американский воинский контингент должен оказывать в основном оперативную поддержку Вооружённым силам РК, т.е., если говорить о сути этой формулировки, то, видимо, имеется ввиду его участие в военных конфликтных ситуациях, если таковые со временем возникнут на полуострове.

В ходе переговоров стороны долгое время не могли договориться о конкретных сроках реализации такого решения. Бывший глава Пентагона Д. Рамсфелд настаивал на передаче Сеулу оперативного управления войсками в сокращённые сроки – до конца 2009 г. Однако южнокорейские военные, ссылаясь на причины технического и финансового порядка, предлагали продлить процесс передачи, проведя его в несколько этапов и завершив не ранее 2012 г. При этом они высказывали опасения, что излишняя спешка приведет к снижению обороноспособности их государства и созданию вакуума безопасности на Корейском полуострове. Последний момент был особенно актуален в 2006 г. после проведения Пхеньяном ракетных, а затем и ядерных испытаний. Кроме того, Сеул надеялся получить полный контроль над собственными войсками после их полного военно-технического переоснащения. Предусматривалось некоторое сокращение численного состава армии и замена вооружений на более современные отечественного и иностранного производства. В войсках ожидали поступления систем электронной разведки и раннего

оповещения, дополнительных военно-технических средств защиты живой силы и техники. Считалось при этом, что зависимость национальных вооружённых сил от американцев уменьшится.

Бывший президент РК Но Му Хён и его окружение считали, что управление собственной армией – естественный процесс для независимого государства. Тем более, что за последние годы боевые возможности южнокорейских вооружённых сил повысились. Поэтому передача Сеулу контроля над собственными войсками как в мирное, так и в военное время, становилась, как рассчитывали в сеульских верхах, назревшей необходимостью. С нашей стороны к этим рассуждениям следует добавить, что после переговоров, которые Ли Мён Бак провел с Дж. Бушем в апреле 2008 г. в Кэмп-Дэвиде, подобные надежды южнокорейских политиков и военных могут стать больше декларативной, чем подлинной реальностью.

В заключение следует отметить, что, помимо многолетнего влияния США на Южную Корею по военной линии, дают себя знать связи американцев с южнокорейским бизнесом, политической элитой, спецслужбами, академическими кругами. Протестантская церковь пришла в Южную Корею из Северной Америки, и со своими многочисленными прихожанами, сузив воздействие конфуцианских и буддистских традиций, не один год занимает обширный сектор в религиозной, общественной и политической жизни страны. За долгие годы своего «сидения» в Южной Корее американцы внедрили в сознание местного населения, особенно элитной его части, мысль о том, что благополучие этой страны и ее защита от внешних угроз зависят от Соединенных Штатов. Некоторые из самостоятельно мыслящих южнокорейцев понимают ущербность такого мышления, но в ближайшей перспективе не считают возможным существенным образом что-то изменить в сложившейся ситуации.

Вместе с тем преуспевающее южнокорейское общество не хотело бы превратиться в заложника силового, тем более военного противостояния на полуострове, независимо от того, кто бы ни явился их инициатором – американский союзник, воинственный Пхеньян, своя военно-политическая элита или кто-либо другой.

Внешне Вашингтон как бы учитывает ситуацию, сложившуюся в Южной Корее. На деле же, как свидетельствует реальная американская практика, не все обстоит так просто. Свои интересы для американцев в любой точке земного шара превыше всего, в том числе и на

Корейском полуострове. Так было в прошлом, так, видимо, будет и в будущем. Вашингтон издавна стремился по-своему регулировать ситуацию в Корее. Влияние американского фактора на корейские дела не вызывает сомнения. В силу своего понимания и устремлений это учитывают Юг и Север. Хотя, если говорить о Севере, то это им в открытую долгое время не признавалось.

Но, начиная с первой половины 2007 г., ситуация стала основательно меняться. С обеих сторон были предприняты шаги для осторожного сближения с перспективой официальной нормализации двусторонних отношений. Как уже отмечалось, администрация Дж. Буша в конце своего правления, меняя тактику, постепенно уменьшила жесткое давление на КНДР. В свою очередь, в Пхеньяне с нескрываемым удовлетворением восприняли эти нововведения Вашингтона.

В Сеуле с определенной долей беспокойства следят за этим процессом. Не без оснований полагая, что кто бы ни поселился в Белом доме, о южнокорейцах помнить будет, но учитывать их интересы – не всегда.

Примечания

¹ Савельев Р. В. Интересы России и политика Китая, США и Японии на Корейском полуострове // Корея в поисках мира и процветания. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 160.

² <http://world.kbs.co.kr>. 16.04.2007.

*В.С. Гапоненко**

КЫМГАНСАНСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ ИЛИ КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Несмотря на обострение обстановки, вызванное ракетными, а затем и ядерными испытаниями, проведенными КНДР в 2006 г., попытками демонтажа ее ядерной программы, руководство Республики Корея (РК) считало, что вне зависимости от ситуации межкорейские проекты должны воплощаться в жизнь¹. В свою очередь, в компании «Хёнде Асан» (Hyundai Asan) внимательно прислушиваются к мнению правительства, и, вопреки убыткам, коррупционным скандалам и внешнеполитической критике со стороны США, компания продолжает инвестировать и развивать межкорейские экономические проекты. При администрации президента РК Но Му Хёна масштабы этих проектов были увеличены, представляется, что новый президент Ли Мён Бак сохранит эту тенденцию.

По оценке специалистов, несмотря на наметившуюся трансформацию корейской модели корпоративизма² и попытки реформирования чэболей, специфика отношений государства и крупного бизнеса в Южной Корее и сегодня позволяет руководству страны использовать механизмы взаимодействия с промышленно-финансовыми группами для решения политических задач, в том числе по вопросам внешней политики³.

Мир, процветание и национальная безопасность как приоритеты в политике и экономике

Стратегия национальной безопасности РК определяет развитие межкорейского экономического сотрудничества в качестве одного из четырех направлений деятельности в интересах достижения

* Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток.

процветания на Корейском полуострове. При этом восстановление железнодорожного сообщения на полуострове, Кэсонский индустриальный комплекс и Кымгансанский туристический проект официально обозначены в качестве проектов связанных с национальной безопасностью страны. С межкорейскими проектами стратегия национальной безопасности связывает еще одно важнейшее направление деятельности – институционализацию межкорейского переговорного процесса⁴.

В связи с этим, несмотря на периодические обострения ядерного кризиса и вопреки позиции США, южнокорейские официальные лица регулярно делают заявления о безусловном продолжении сотрудничества с КНДР⁵ и подтверждают свои заявления на практике. При этом часто звучит тезис о том, что экономическое сотрудничество и гуманитарная помощь КНДР не связывается руководством РК с политикой⁶. Но этот тезис звучит только когда речь идет о политических проблемах между США и КНДР. Непосредственно в отношении КНДР экономическое сотрудничество во всех проявлениях для РК имеет, прежде всего, политический контекст.

25 февраля 2008 г. вновь избранный президент РК в инаугурационной речи объявил, что межкорейские отношения должны стать более продуктивными, чем они есть сейчас, но при этом позиция руководства РК будет прагматической, а не идеологической⁷. Тем не менее, базовая задача – подготовка основы для объединения – остается политической. В качестве такой основы новому руководителю страны видится создание безъядерной зоны на полуострове и достижения дохода в 3000 долл. на душу населения в КНДР

Представляется, что механизмами реализации амбициозных планов по осуществлению концепции «денуклеаризация – открытость – 3000» являются Кэсонский индустриальный комплекс, Кымгансанский туристический проект и другие совместные проекты двух корейских государств. Путь экономического сближения в решении межкорейских проблем демонстрирует большую продуктивность по сравнению с бесконечными политическими спорами.

Кымгансанский туристический проект

Туристический бизнес в Кымгансане имеет прежде всего политическое измерение. «Хёнде Асан» в рекламе своей деятельности использует тезисы о том, что кымгансанский туризм – это своеоб-

разный пилотный проект для объединенной Кореи, место для межкорейского диалога и обмена, где проводятся межкорейские переговоры на уровне министров и происходит воссоединение разделенных семей⁸.

Вместе с тем этот политический проект имеет и экономическую основу – денежные поступления от туризма. При этом эксплуатируется идея так называемого «синдромного» туризма, когда люди, совершающие туристическую поездку в Кымгансан, больше имеют целью не столько радоваться прекрасными видами, сколько увидеть сложность раскола страны и подумать о собственном вкладе в объединение⁹.

Обычно поездка спланирована так, чтобы тургруппы могли попасть в предместье Кымгансана вечером. Туристы останавливаются на ночь в кондоминиуме «Кымгансан», где в течение нескольких часов им оформляются пропуска. Кроме того, происходит инструктаж о правилах пребывания в туристической зоне: запрещается провозить бинокли, телескопы с более чем десятикратным увеличением, фотоаппараты с объективами более 160 мм., видеокамеры с более чем 24-кратным увеличением в оптическом стандарте, печатные материалы, аудио и CD, изображения, которые могут использоваться для пропагандистских целей, поддельные деньги, наркотики, оружие, беспроводное радиооборудование, включая мобильный телефон, а также аккумуляторы и зарядные устройства к нему. Перемещения между туристическими объектами осуществляются в составе группы, нельзя фотографировать, в том числе из окна автобуса, объекты военной и бытовой инфраструктуры, северокорейских рабочих и военнослужащих. Правила запрещают мусорить, курить вне специально отведенных для этого мест, запрещается наносить вред природе. Нельзя мешать работе должностных лиц, осуществляющих таможенные процедуры или выполняющих другие служебные обязанности, строго запрещается критика в адрес северокорейского правительства или руководства, нельзя пытаться приобрести значки, которые носят работники в гостиницах и ресторанах.

За исполнением правил следят гиды туристических групп¹⁰, находящиеся в автобусе, и северокорейские военнослужащие, выставленные вдоль дорог на территории туристической зоны через каждые 300–500 метров. В случае нарушений солдаты сигнализируют о них красным флажком, а гиды, как правило, действуют на пре-

дупреждение, вежливо просят не фотографировать и не вступать в контакты с северянами.

Рано утром автобус подвозит туристические группы в сопровождении гида к пункту пропуска, где проводится паспортный контроль и досмотр багажа. Далее, в зависимости от продолжительности туров, туристы либо сразу едут по запланированным маршрутам, либо сначала поселяются в один из отелей. Питание организовано как составная часть экскурсионного тура, и выбор ресторана с определенной спецификой (морепродукты, северокорейская кухня, холодная лапша и т.д.) добавляет туристам хорошего настроения. Безусловно, сильный эмоциональный заряд отдыхающие получают от потрясающей естественной красоты и разнообразной живой природы Кымгансана. Гости курорта могут посетить ванны с водой из горячих источников, увидеть буддистские храмы, получить впечатления от многочисленных лозунгов, вырубленных на камнях скал.

Однако положительные эмоции и комфорт только усиливают у туристов восприятие главного в общем контексте. Все в Кымгансане подчинено идее будущего объединения Кореи. Символы объединения можно встретить всюду, и в программе шоу пхеньянских акробатов «Моранбон», и в специальном комплексе для встречи, а также в отеле для совместного проживания разделенных войной родственников, и в виде флагов, на которых на белом фоне изображен голубым цветом единый Корейский полуостров.

Можно провести приблизительную оценку рентабельности туристического бизнеса в Кымгансане. Стоимость туров составляет от 90 000 до 450 000 вон, в оплаченные услуги обычно входят номер в отеле и завтрак, две экскурсии в горы, гид, автобус и транспортировка, оплата процедуры въезда-выезда из турзоны. Дополнительные расходы, которые несет путешественник, связаны с оплатой проезда (от 100 до 200 долл.), посещением шоу акробатов из Пхеньяна (25-30 долл.), посещением Hot Spring spa – ванны на горячих источниках (10–12 долл.), обед и ужин (30–50 долл.), оплатой дополнительных экскурсионных маршрутов (в среднем 20 долл.). Таким образом, гости могут оставить в Кымгансане дополнительно к оплате тура еще около 300 долл. в сутки.

Первый тур в Кымгансан был организован в 1998 г. По сообщению «Сеульского вестника», к ноябрю 2000 г. в туристической зоне побывало 340 тыс. туристов из Южной Кореи¹¹. Если ориентировать-

ся на статистику «Хёнде Асан», которая приводит цифру в 200 тыс. посетителей в 2000 г., то число туристов в 1998–1999 гг. могло составить не более 140 тыс. человек. В 2005 г., по данным «Хёнде Асан», горы посетили 300 тыс. туристов¹². Если приблизительно оценить доход, ориентируясь на среднюю стоимость туров, то, например, в 2005 г. компания могла заработать около 80 млрд. вон без учета дохода от оплаты дополнительных услуг. По официальным данным, прибыль компании от проекта составила 5 млн. долл.¹³ В 2006 г. прогнозы аналитиков «Хёнде Асан» обещали увеличение туристов до 400 тыс. человек, что соответственно должно было увеличить на треть прибыль по отношению к 2005 г. Однако в январе 2007 г. в электронном бюллетене компания сообщила, что 350 тыс. туристов, посетивших Кымгансан в 2007 г., является самым большим показателем с момента организации туризма в Алмазные горы¹⁴, это означает, что фактическое число туристов в 2006 г. было меньше прогнозного и не составило более 350 тыс. человек. С учетом нестабильности, вызванной ракетными пусками и испытанием ядерного взрывного устройства, число туристов, желающих посетить Северную Корею, могло быть еще меньшим.

Таким образом, по нашей оценке, в период с 1998 по 2007 г. курорт посетило не более 1,5 млн. человек (см. таблицу). Ранее руководство «Хёнде Асан» неоднократно заявляло о значительных убытках, но с увеличением числа туристов есть основания предположить, что в настоящее время издержки уменьшаются. Тем не менее, маловероятно, что туристический бизнес в горах Кымгансан уже стал рентабельным¹⁵, ведь в смете расходов «Хёнде Асан» есть еще и возмещение КНДР денег за аренду территории курорта. Речь идет об очень крупных суммах, которые вызывают раздражение у США¹⁶ и провоцируют коррупционные скандалы в РК¹⁷.

Таблица

Динамика посещения Кымгансанской туристической зоны с 1998 по 2007 г.

Годы	1998-1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Кол-во туристов	140 000	200 000	50 000	80 000	65 000	275 000	300 000	менее 350 000	350 000

В отношении дохода, получаемого КНДР от проекта, хотелось бы отметить один занимательный факт. Налагаемые на туристов ограничения по правилам пребывания в туристической зоне иногда ими нарушаются, о чем свидетельствует красный флажок, время от времени поднимаемый солдатами из оцепления. Однако в качестве наказания за проступок северокорейские власти используют отнюдь не депортацию из курортной зоны. По свидетельству журналиста одной из японских газет, который беспрепятственно провез в багаже фотоаппарат с внушительным объективом, за съемку пропускного пункта с северокорейской стороны он заплатил штраф в размере 25 долл. за каждую фотографию. При этом и фотоаппарат, и фотографии остались у нарушителя. Кроме того, у него осталось стойкое убеждение, что все ограничения призваны не столько скрывать от посторонних глаз секреты военной инфраструктуры, а, скорее, являются дополнительным способом привлечения валюты в государственную казну.

Таким образом, перефразируя название доклада, можно сказать, что правительство Республики Корея делает на Кымгансанском проекте политический расчет, а руководство «Хёнде Асан» занимается «коммерческой» филантропией. При этом логика ведения бизнеса требует от кампании увеличения доходов, поэтому изыскиваются пути повышения экономической эффективности туризма, что оказывает косвенное содействие развитию других направлений межкорейского экономического сотрудничества¹⁸. Разумеется, в случае пусть даже нескорого объединения Кореи, для компании открываются совсем другие перспективы, и все нынешние убытки будут компенсированы сполна.

Представляется целесообразным сделать вывод о том, что уникальный корейский опыт может быть учтен и использован Россией для создания благоприятного политико-экономического фона при разрешении международных споров.

Кымгансанский проект как модель для решения российско-японских территориально-пограничных противоречий

Как показывает опыт межкорейского сотрудничества, формула, в которой политический расчет стимулирует «коммерческую» филантропию, помогает находить выход из политических тупиков. В этой связи предлагается адаптировать межкорейскую формулу

для содействия разрешению российско-японского территориально-спора по вопросу принадлежности Южно-Курильских островов.

Для решения этой задачи предлагается проект создания на части заповедных территорий Южно-Курильских островов объекта экологического туризма под названием «Парк мира»¹⁹.

Архитектурные сооружения в миниатюре, олицетворяющие различные страны мира в Китае, мемориальные музеи в Хиросиме и Нагасаки, архитектурно-парковая мемориальная зона на территории Ленинградской области, японское кладбище под Хабаровском, место исключительной природной красоты на острове Крит – эти и немало подобных коммерческих и некоммерческих проектов имеют общее название «Парк мира». Парки мира различаются по форме и по содержанию, но их объединяет идея. Парк мира – это всегда символ установления согласия и примирения, новый взгляд на проблему войны и мира, надежда на мирное сосуществование в будущем. Символика согласия и примирения для южно-курильского Парка мира может стать аналогом идеи объединения Кореи, принизывающей Кымгансанский туристический проект.

Южно-курильский Парк мира должен создаваться как комплексный проект, выполняющий научные, природоохранные и рекреационные функции в соответствии с законодательством РФ. При этом весь объект или его часть может быть номинирован для включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, для этого есть все формальные основания²⁰. Предполагается, что главной экономической основой проекта выступит туризм, поэтому включение в список всемирного наследия позволит, с одной стороны, увеличить рентабельность бизнеса, а с другой – создаст дополнительные факторы, способствующие сохранению уникальной природы островов²¹.

С учетом отсутствия туристической инфраструктуры на Южно-Курильских островах при реализации проекта на первом этапе вновь может быть использован корейский опыт привлечения пассажирского лайнера для перевозки и размещения туристов в Кымгансане. Безвизовый въезд на территорию Парка мира будет способствовать развитию бизнеса и усилит символизм проекта. При этом Россия, безусловно считая острова своей неотъемлемой частью, откроет миру границы, поощряя широкое международное участие.

Корейский опыт подсказывает, что перевод проблемы из сферы политического спора в сферу экономического сотрудничества,

пусть даже не рентабельного на первых этапах, представляется наиболее перспективным путем ее решения. В интересах как России, так и Японии сделать на проекте южно-курильского Парка мира политический расчет и найти подходящую финансово-промышленную компанию, которая займется «коммерческой» филантропией.

Примечания

¹ U.S. envoy criticizes inter-Korean tourism project // Yonhap News. 17.10.2006.

² Федоровский А.Н. Южнокорейский вариант корпоративизма // Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2007 г. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН. 2007.

³ Казарян Р.Л. Отношения государства и крупного бизнеса в Республике Корея после кризиса 1997 г. // Корейский полуостров и вызовы глобализации: Доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29–30 марта 2006 г. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН. 2006. С. 316.

⁴ Peace, Prosperity, and National Security. National Strategy of the Republic of Korea / National Security Council. Dynamic Korea

⁵ Корейцы льют слезы радости и горя. <http://www.rian.ru/society/20030220/324777.html>.

⁶ Южная Корея приступила к созданию технопарка в КНДР. <http://www.rian.ru/economy/20030630/400446.html>.

⁷ Инаугурационная речь президента Республики Корея Ли Мён Бака. Вместе мы откроем путь к развитию. <http://www.infokorea.ru/articles/detail.php?ID=1491>.

⁸ <http://www.hdasan.com>.

⁹ Пак Чын Чжу. Туризм Бе Ен Чжуна и Кымгансана. http://www.arirang.ru/archive/arirang-press/2_27/22.htm.

¹⁰ Гидами туристических групп работают практически исключительно сотрудники северокорейского Министерства охраны государственной территории и окружающей среды

¹¹ Новости из Кореи (10 ноября 2000 г.). <http://vestnik.tripod.com/news/11-10-2000.html>.

¹² Hyundai Asan Newsletter, January 2006. http://www.hdasan.com/english/pr/letter_list.jsp?navi=060100&category=enguser&page=2#.

¹³ Там же.

¹⁴ Yoon Man-Joon. We wish you a Happy New Year. http://www.hdasan.com/newsletter/eng_200801/sub1_01.html.

¹⁵ Расчеты предполагают выход на окупаемость и прибыль при ежегодном посещении Кымгансана 500 тысячами человек // Эксперт. 2003. №31.

¹⁶ См.: Комментарии по поводу выступления помощника государственного секретаря США К.Хилла // Yonhap News. 18.10.2006.

¹⁷ Скорлыгина Н., Чиняева Е. Hyundai растаяла от «солнечного тепла»// Коммерсантъ. № 44 (2647).17.03.2003.

¹⁸ Проблемы с низкой доходностью туристического бизнеса способствовали созданию наземного автомобильного маршрута в Кымгансан, восстановлению железнодорожного сообщения, а также строительству супермаркетов в турзоне, созданию сети сотовой связи и организации туров в горы Сораксан, авиасообщения из Сеула в район Пэктусана.

¹⁹ См. сайт Центра международных исследований МГУ им. адм Г.И. Невельского по ссылке <http://cis.msun.ru>

²⁰ В соответствии с «Руководством по претворению в жизнь Конвенции о всемирном наследии» в редакции 2002 года, эти территории могут претендовать на включение в Список по всем четырем критериям, разработанным для объектов природного наследия: они представляют интерес в геологическом отношении, иллюстрируют экологические и биологические эволюционные процессы, содержат места обитания эндемичных, редких и исчезающих видов, а также являются природным феноменом и редкой по красоте территорией. Подробнее см.: Отчет по проекту Минэкономразвития «Анализ правового режима использования природного потенциала прибрежной зоны Курильских островов и разработка обосновывающих материалов их включения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО».

²¹ Материалы международной конференции «Инновационная политика в сфере сохранения культурного наследия и развития культурно-познавательного туризма». Москва, 25–27 ноября 2005 г. М., 2000. С. 166.

К. В. Асмолов*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В работах китайских авторов отмечается, что для успешного мирного экономического развития Китая очень важно обеспечить стране благоприятную «окружающую среду». Такая периферия служит своего рода буфером, отделяющим Китай от окружающего мира, и одновременно – зоной ответственности КНР как региональной сверхдержавы в рамках «раздела мира»¹.

Корейский полуостров в этом контексте воспринимается как потенциальный плацдарм для вражеской агрессии и потому занимает очень важное место. Как указано в одной из работ, «Корейский полуостров непосредственно примыкает к границам Китая. Обстановка во время Корейской войны и послевоенного периода тесно связана с интересами Китая. После восстановления дипломатических отношений с Южной Кореей отношения двух стран быстро развиваются»².

Тем не менее, пока на Корейском полуострове не начался второй виток «северокорейского ядерного кризиса», корейское направление не отмечалось как особо важное. Перемена наступила к 2003 г., когда Пекин изъявил четкое желание держать процесс решения проблемы в своих руках, став инициатором проведения шестисторонних переговоров.

Учтем, что внимание Пекина к «шестисторонке» связано не только с собственно «ядерной проблемой». В случае если этот механизм покажет себя способным разрешить такую сложную проблему, как «северокорейский ядерный кризис», он, безусловно, сможет стать основой для создания на базе «шестисторонки» региональной организации, в которой Китай как минимум на правах инициатора и

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва

страны, обеспечивающей проведение переговоров на своей территории, будет «первой скрипкой».

Корейский фактор и развитие сотрудничества с КНДР и РК являются для Пекина и способом дополнительного развития приграничных провинций, которые, заметим, не относятся к числу богатых³.

В качестве программы-максимум Китай интересуется Корея, которая была бы его стратегическим союзником. При этом в Пекине понимают, что ни Север, ни Юг не являются и не будут являться таким образцовым и послушным вассалом, каким была Корея до конца XIX в. Поэтому программа-минимум сводится к поддержанию статус-кво и управлению тенденциями, которые со временем могут изменить ситуацию в более благоприятную для Китая сторону. Пока же главное - не допустить неблагоприятные изменения, как-то:

- Военный конфликт на Корейском полуострове или такое изменение положения на Севере, при котором КНДР превращается в горячую точку или руководство которого не может контролировать ситуацию.

- Изменение геополитической ситуации, связанное с существенным усилением в регионе позиции противников Китая, в первую очередь – США.

- Изменение ядерного баланса сил вследствие появления в регионе новых ядерных держав, обладающих не гипотетическим, а реальным ядерным арсеналом.

Отношения Китая и КНДР

Если исходить из содержания дипломатической риторики, явных проблем в отношениях двух стран нет, и идет активное общение по дипломатической линии.

Новых саммитов не было. Последний состоялся в КНР в 2006 г., «увенчался полным успехом и вписал новую страницу в историю дружбы двух стран»⁴. С той поры общение первых лиц осуществляется в основном в форме обмена посланиями или спецпосланниками. Ким Чен Ир посещал китайское посольство примерно раз в год, и эти визиты подробно освещались в прессе КНР и КНДР⁵.

30 октября 2007 г. Ким Чен Ир встретился с членом Политбюро и заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК Лю Юньшанем, передавшим ему устное послание Председателя КНР с заверением о том, что «новый руководящий коллектив ЦК КПК будет по-прежнему уделять

большое внимание традиционной дружбе между Китаем и КНДР». Ким Чен Ир, со своей стороны, выразил благодарность и заверил, что северокорейская сторона высоко ценит дружбу с Китаем и не пересмотрит своего отношения к нему при изменении ситуации в мире и смене поколений⁶.

Торжественно отмечаются даты, имеющие отношение к корейско-китайской дружбе. Так, 25 октября 2007 г. «Нодон синмун» поместил комментарий под заголовком «Вечная память о великих подвигах китайских народных добровольцев»⁷, а 110-летний юбилей со дня рождения первого премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая в КНДР отметили целой серией мероприятий⁸.

Контакты между двумя странами осуществляются как по государственной, так и по партийной линии, причем сотрудничеству партий Пекин уделяет даже больше внимания. В речах северокорейских представителей также отмечается роль личных контактов руководителей страны, хотя намеки Ким Чен Ира на то, что отношение КНДР к Китаю не изменится, несмотря на смену поколений, отражают те реальные проблемы, которые присутствуют в отношениях двух стран. Традиционная модель межпартийных контактов основывается именно на идеологической близости, в то время как направления развития идеологии КПК и ТПК достаточно различны. Кроме того, смена поколений в высшем эшелоне руководства двух стран нивелирует и такой важный для персонализма фактор, как общее прошлое.

Не случайно, если раньше в Китае при описании отношений между КНР и КНДР часто присутствовали слова «братские» или «особые», то сегодня так говорят реже, и это отражает то, что модель отношений меняется и становится близкой к отношениям КНР с любыми другими странами⁹.

Конечно, в Китае хотели бы видеть Северную Корею, «идущую курсом Дэн Сяопина», однако этому противостоит набор объективных препятствий: это отсутствие не только экономической основы для проведения реформ (для этого нет необходимого стартового капитала), но и политического контекста (нет ни идеологии, способной оправдать такой переход, ни благоприятной внутри- и внешнеполитической обстановки)¹⁰.

В целом китайские политологи считают, что в итоге страна пойдет китайским путем, но не сейчас, а когда для этого создадут пред-

посылки, в том числе изменится ментальность общества. Пока же не следует сравнивать КНДР и КНР 30 лет назад – стартовые условия совсем иные. Потому на данный момент КНР интересует не столько проведение в Северной Корее реформ, сколько политический курс, более отвечающий современной политике Пекина: большая открытость, в том числе для китайского политического и экономического проникновения, меньший уровень стремления демонстративно вести самостоятельную политику.

Часть китайских политологов, неприязненно настроенных по отношению к Пхеньяну, упрекает его в «дерзости». Пхеньян понимает, что в определенных ситуациях Китай неизбежно выступит в защиту Северной Кореи, поскольку угроза ей перерастает в угрозу ему. Именно поэтому КНДР стремится сделать поводок, на котором она находится, как можно более длинным, периодически пытаясь выяснить, до какой степени она может демонстрировать свою независимость, в ответ на что Китай также периодически осаждает своего «непослушного соседа», демонстрируя, что его терпение имеет пределы.

К действиям в этом направлении можно отнести и периодически всплывающие разговоры о возможности «обмена Северной Кореи на Тайвань» в устах официальных лиц, которые затем быстро дезавуируются; и «случайные» перебои в снабжении КНДР энергоносителями и иными стратегически важными для КНДР товарами; и упомянутая выше утечка информации о том, что в Китае всерьез разрабатывали планы вторжения в КНДР в случае, если по той или иной причине там начнутся беспорядки.

Оставляя за скобками тот важный момент, что разработка подобных планов есть рутинные занятия генштабистов, разберем данный момент более подробно, поскольку введение войск рассматривалось только как ответ на кризисную ситуацию в КНДР.

«В случае нестабильности в Северной Корее приоритетной задачей Китая будет предотвращение пересечения границы потоком беженцев», который хлынет в приграничные провинции Китая, вызвав там гуманитарную катастрофу. При подобном развитии событий на китайских военных будет возложено выполнение по меньшей мере трех миссий: «гуманитарной» – оказание помощи беженцам; миротворческой, или «поддерживающей порядок», когда солдаты, к примеру, будут действовать в качестве полицейских; «контроля за

окружающей средой» – ликвидации радиоактивного заражения в случае ударов по ядерным объектам Северной Кореи близ границы с Китаем и обеспечения безопасности оказавшихся бесконтрольными ядерных боезарядов и расщепляющихся материалов».

Предпринимая подобные действия, Китай предпочел бы получить официальное разрешение ООН и тесно координировать с ней свои действия. Однако, если международное сообщество оперативно не прореагирует на быстрое ухудшение обстановки в Северной Корее, то Китай будет стремиться к проявлению инициативы в восстановлении стабильности в регионе¹¹.

В данном контексте нам стоит обратить внимание на следующее. Речь идет не о смене режима, а об операции по обеспечению стабильности, в первую очередь – контроля над ядерными объектами. Сюда же входят обеспечение нормально работающих государственных структур, гуманитарная помощь и т.п.

При этом отмечается, что речь идет именно о ситуации в пост-кимченировской КНДР, а не об использовании военной силы в текущий момент.

Подчеркивается, что подобная операция будет осуществлена с разрешения ООН. По аналогии с Австралией в Восточном Тиморе или Евросоюзом в Косово, Китай планирует как бы обеспечить себе мандат ООН на поддержание стабильности в том регионе, который является его «сферой ответственности».

Таким образом, Китай выказывает намерение обеспечить контроль над потенциально проблемным регионом, но сделать это в рамках «цивилизованных стандартов», принятых в существующем международном миропорядке.

Рассматривая более подробно вопрос о стабильности КНДР, китайские ученые приходят к выводу о том, что серьезно изменить ситуацию могут только отход Ким Чен Ира от управления страной или внешнее вмешательство. Фракционной борьбы или принципиальной оппозиции, способной бросить Ким Чен Иру вызов, нет. Система политического контроля и идеологической индоктринации остается эффективной, но приток информации о внешнем мире растет¹². При этом КНР, наряду с РК, остается основным поставщиком иного влияния, хотя, бичуя «дурной ветер с Юга», пхеньянские пропагандисты не говорят о «ветре с Севера». Отмечается определенный рост преступности и важность «продовольственной безопасности»:

страна пока не в состоянии себя прокормить¹³. С другой стороны, налицо несколько выросший общий уровень жизни и чувство внутренней дискуссии относительно пути реформ. В целом, китайские аналитики не видят явных признаков грядущих перемен в сторону нестабильности, но считают, что в будущем потенциал для подобной тенденции есть.

О прогнозах на будущее. Внезапный уход Ким Чен Ира с политической арены при отсутствии указаний на подготовленного преемника рассматриваются китайцами как вариант, наиболее явно ведущий к дестабилизации ситуации в стране. Однако главное для Китая – стабильность, и если власть в Северной Корее изменится, Китай не будет выступать против, буде новая власть покажет, что способна обеспечить стабильность¹⁴.

Заккрытие ядерных объектов КНДР агентство Синьхуа отнесло к 10 самым значимым мировым событиям 2007 года¹⁵, а редакционная статья отметила: «Это является положительным результатом, достигнутым на шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Корейского полуострова, который благоприятствует укреплению мира и стабильности в Северо-Восточной Азии»¹⁶.

Стандартная трактовка ситуации начала 2008 г. на переговорах выглядит примерно так: «США и другие заинтересованные страны требуют от КНДР прекращения разработки ядерного оружия и предоставления полной информации о ядерной программе. В соответствии с принципом “действие в обмен на действие”, КНДР, выполняя свои обязательства, в то же время требует от остальных пяти участников шестисторонних переговоров соблюдения взятых ими на себя обязательств. Самыми актуальными вопросами на нынешнем этапе для северокорейской стороны являются исключение Соединенными Штатами КНДР из списка “стран, поддерживающих терроризм”, и прекращение применения к КНДР Закона о торговле с государствами-противниками»¹⁷.

Именно поэтому Китай не стремится подстегивать процесс ядерного разоружения КНДР сверх меры, так как на начало 2008 г. налицо ситуация, когда свой шаг должны сделать США, у которых на данный момент нет желания или возможности исключить Северную Корею из списка стран – пособников терроризма и иных реестров подобного рода. Это относительно новая тенденция в китайской политике, так как, по сообщению агентства Reuters со ссылкой на дипломати-

ческие источники, во время встречи в январе 2008 г. Ван Цзяжуй передал Ким Чен Иру пожелание поторопиться и завершить ядерное разоружение до ухода Джорджа Буша с поста президента США¹⁸.

По вопросу степени разоружения Северной Кореи единого мнения нет. Большинство политологов, однако, придерживаются мнения, что для КНДР на первом месте стоят ее национальные интересы, и потому «нам надо учиться жить с ядерной Северной Кореей»¹⁹.

В вопросе о том, как именно «жить», тоже есть определенная разногласия. Есть предложение свести северокорейский ядерный статус к «израильскому», когда формально страна ядерным оружием не обладает, но на деле оно у нее, скорее всего, есть, и это принимается во внимание всеми заинтересованными сторонами. Есть предложение признать ядерный статус КНДР, потребовав в обмен не только жесткие гарантии нераспространения оружия и технологии его производства, но и отказа от ракетной программы с тем, чтобы у Пхеньяна не было никакой возможности использовать это оружие в наступательных целях. Наконец, есть и предлагающие дать тенденции развиваться, поскольку последующая ядерная гонка в регионе принесет Китаю меньше проблем, чем Соединенным Штатам.

Пекин приветствует желание КНДР и США конструктивно сотрудничать, но в определенной степени Китай беспокоит стремление КНДР к двухсторонним контактам с Америкой²⁰. В этом случае роль «шестисторонки» сводится к утверждению того, о чем уже договорились две стороны. Именно поэтому Китай стремится, чтобы взаимодействие между США и КНДР проходило под его наблюдением.

В этом контексте приход к власти Ли Мён Бака не вызывает особого беспокойства. Если при левых северокорейское направление было в руках тех, кто симпатизирует Пхеньяну, то «новый курс» заставит северян меньше полагаться на южан как на союзников, а это значит, что их зависимость от остальных поддерживающих стран, в первую очередь – КНР, только возрастет.

Отношения КНР и РК

2007 год был объявлен в РК Годом китайско-южнокорейского обмена, приуроченного к 15-й годовщине дипотношений между двумя странами²¹. В рамках Года прошли более 100 мероприятий²², а, начиная с мая будущего года, жители Республики Корея смогут посещать

живописный район на границе Северной Кореи и Китая, где расположена гора Пэктусан²³. В декабре 2007 г. в Китае с двухдневным официальным визитом находился премьер-министр Республики Корея Хан Док Су²⁴.

В Китае благосклонно отнеслись и к развитию межкорейских контактов. Комментируя вторую встречу лидеров КНДР и РК, 4 октября 2007 г. представитель МИД КНР отметил, что «Китай приветствует второй саммит в верхах между КНДР и РК и достигнутые на нем результаты»²⁵.

Курс нового президента Ли Мён Бака не вызывает в КНР беспокойства. Позиционируя себя как прагматика и бизнесмена, а не профессионального политика, Ли демонстрирует желание и впредь крепить сотрудничество с Китаем, тем более что оно дает ему определенное пространство для маневра и возможность лавирования между США и КНР. Во время встречи с послом Китая в Республике Корея Нин Фукуем новоизбранный президент Республики Корея отметил, что новое правительство РК будет прилагать активные усилия для обеспечения еще более успешного развития двусторонних связей²⁶.

Отдельно нужно отметить то, что в 2008 г. закончил свое существование «Северо-Восточный проект», итоги деятельности которого оказались не так «страшны», как представлялось. Напряжение в данной сфере несколько стихло, и один из главных научных центров КНР – Академия общественных наук Китая – выпустил книгу по древней истории, в которой косвенно признал, что княжество Когурё является корейским. Ранее в публикациях ряда ученых из этого института утверждалось, что Когурё было китайским, что существенно осложнило отношения между двумя странами. Вместе с тем в новом пособии по истории отмечено, что утверждения об основании древнего корейского государства Чосон в 2333 г. до нашей эры основаны лишь на мифе и не имеют под собой никаких реальных доказательств²⁷.

В настоящее время Китай не намерен активно раскрывать «когурёскую» карту, однако он готов разыграть ее в ответ на возможное развитие националистических настроений в Корее. Особенно – вокруг «утраченных земель» или «нашей Маньчжурии».

Подводя итоги анализа китайской политики на корейском направлении, можно отметить следующее.

- Корейский полуостров играет очень важную роль в геополитических планах китайского руководства по обеспечению на границах страны благоприятной «окружающей среды».

- Сотрудничество Китая и КНДР не лишено проблем, однако в целом Пекин обладает набором рычагов для воздействия на Пхеньян, предоставляя ему определенный уровень самостоятельности. При этом речь идет о прагматическом курсе, направленном на защиту китайских интересов, а не о поддержке КНДР по идеологическим соображениям в ущерб себе. Традиционная риторика на данный момент является скорее камуфляжем, за которым скрывается прагматическое содержание.

- В ядерном вопросе Китай воспринимает желание КНДР стать ядерной державой как своего рода «меньшее зло» по сравнению с возможными альтернативами дестабилизации обстановки и проводит курс на то, чтобы северокорейский ядерный потенциал остался бы «гипотетическим» и не способным реально изменить расклад геополитических сил в регионе.

- В рамках такой стратегии Китай активно поддерживает процесс шестисторонних переговоров, не желая терять инициативу и рассчитывая на то, что их успех окончательно подчеркнет роль Китая как региональной сверхдержавы, благодаря вдумчивой политике которой эта проблема была решена.

- Сотрудничество между Китаем и РК также будет развиваться в целом позитивно, и в его основу ляжет не идеология, а прагматизм. Смена власти в РК не принесет каких-либо явных стратегических изменений в этом смысле.

Примечания

¹ Шэнь Вэйле, Лу Цзюньюань. География национальной безопасности Китая // Экспресс-информация № 7 (140). География национальной безопасности Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. С. 23.

² Там же. С. 42.

³ http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

⁴ <http://russian.people.com.cn/31520/6337069.html>

⁵ <http://russian.people.com.cn/31520/6364439.html>

⁶ <http://russian.people.com.cn/31520/6293656.html>

⁷ <http://russian.people.com.cn/31520/2943060.html>

⁸ <http://russian.people.com.cn/31520/6364439.html>

⁹ http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

¹⁰ http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-12/27/content_550864.htm

htm

¹⁶ http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-12/23/content_548576.htm

htm

¹⁷ http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-12/16/content_544726.htm

htm

¹⁸ http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=16990

¹⁹ http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

²⁰ Там же.

²¹ <http://russian.people.com.cn/31521/6277378.html>

²² <http://russian.people.com.cn/31521/6318372.html>

²³ http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=11267

²⁴ <http://russian.people.com.cn/31521/6319143.html>

²⁵ <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/yzs/gjlb/1236/1238/t280807.htm>

²⁶ <http://russian.people.com.cn/31520/6324965.html>

²⁷ http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=14686

*Л. В. Забровская**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ КНДР В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ (начало XXI в.)

На рубеже XX–XXI вв. Россия и Китай уделяют особое внимание Корейскому полуострову, что связано не только с обострением ядерного кризиса в КНДР и обсуждением вопросов безопасности в СВА на шестисторонних встречах в Пекине, но и интересом к расширению торгово-экономических связей с этим регионе Азии. В вопросах, касающихся безопасности в СВА и решения ядерного кризиса на Корейском полуострове, обе страны часто действуют слаженно и согласовывают свои шаги не только в Совете Безопасности ООН, но и на региональном уровне. Цель данной статьи состоит в проведении сравнительного анализа китайских оценок политики России и Китая по вышеуказанным вопросам и выявление общей тенденции в современной китайской историографии относительно российской политики в СВА.

В середине 1990-х годов, обнаружив, что статус КНДР как независимого государства остался реальностью международной жизни в СВА, и, осознав собственные стратегические интересы, Россия вновь пошла на сближение с этой страной.

Эти тенденции российской дальневосточной политики нашли отражение в некоторых исследованиях китайских ученых. Так, отмечается, что в 1990-е годы наиболее перспективным направлением российско-северокорейского сотрудничества могло стать «взаимодействие в предотвращении конфликтных ситуаций на Корейском полуострове». Однако, как подчеркивают китайские ученые, кризис экономики обеих стран не позволил им активно сотрудничать по этому вопросу.

* Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Китайских ученых, в целом позитивно оценивающих внешне-политические шаги российской стороны в США, и в частности на Корейском полуострове, интересуют связи России с КНДР и РК не сами по себе, а в сравнении с аналогичными устремлениями китайской внешней политики. Так, в статье Дун Сяояна «Побудительные мотивы развития отношений между Россией и КНДР» отмечается, что в 1990–1998 гг. российско-северокорейские связи были фактически «заморожены». По его мнению, это явилось результатом того, что Москва, устанавливая дипломатические отношения с Сеулом, не выдвинула вопрос о выводе американских войск с юга Корейского полуострова¹, что вызвало резкое недовольство Пхеньяна. После распада СССР новое российское руководство не проявляло интерес к КНДР, что также способствовало снижению уровня политических контактов и привело к значительному сокращению торгово-экономических связей двух стран.

Дун Сяоян также отмечает, что в 1999 г. произошли положительные подвижки в связях России и КНДР, что явилось следствием подготовки и заключения нового договора о мире и дружбе, который знаменовал «новый этап в развитии двусторонних отношений». Далее он подчеркивает, что визит президента В.Путина в Пхеньян 19 июля 2000 г. стал новым импульсом в расширяющихся контактах двух стран. Особенно импонирует китайскому ученому то, что Россия сможет вовлечь КНДР в протестное движение тех стран, которые выступают против размещения американских ПРО в Восточной Азии. Дун Сяоян заключает, что «активизация российской политики на севере Корейского полуострова привела к повышению роли России в международной политике и, вместе с тем, понизила экономическое давление США на КНДР».

Далее он пришел к выводу о том, что при сохранении многих российско-американских политических и военных противоречий значительное улучшение российско-северокорейских отношений явилось «ответом России на американское давление». Последнее замечание китайского автора является скорее желаемой для Китая, чем действительной целью российской политики в отношении КНДР, поскольку связи с этой страной самоценны для России и никак не сопряжены с состоянием российско-американских отношений.

Политолог из Цзилинской академии общественных наук Шан Юнмэй выделила ряд наиболее важных направлений внешней поли-

тики КНДР, проанализировав ее связи с США, Японией, ЕС, Россией и РК и отметив, что сферы отношений с ведущими капиталистическими странами довольно ограничены и пока не имеют перспектив для улучшения. Напротив, контакты КНДР с «союзными государствами – Россией и Китаем – хотя и имеют свои трудности, но все же у них есть хорошие перспективы для дальнейшего развития и предоставления всесторонней помощи этой стране».

Положительно оценив историю советско-северокорейских отношений, автор также отметила, что в 1990-х годах отношения России и КНДР находились в застое. По ее мнению, связи двух стран стабилизировались после визита Ким Чен Ира в Москву в июле-августе 2001 г. и подписания Московской декларации. Эти события ознаменовали «новый этап в развитии двусторонних связей»².

Наряду с этим Шан Юнмэй отмечает, что «КНДР не заинтересована в выдавливании России с Корейского полуострова», но и в то же время «не планирует восстановление прежних очень тесных отношений». Последнее утверждение довольно спорно, так как многие факты говорят о том, что северокорейское руководство было бы не прочь реанимировать прежний характер отношений, что позволило бы ему получать широкомасштабную экономическую, техническую, а, главное, военную помощь из России.

Вместе с тем автор с удовлетворением констатирует, что внутриэкономические трудности не позволяют России оказывать КНДР широкую военную помощь, в частности осуществлять поставки наступательного вооружения, в котором нуждается северокорейская армия и флот. Из этого следует, что Китай не заинтересован в восстановлении прежнего качества отношений между Россией и КНДР и тем более против возобновления российских поставок вооружения в эту страну. В заключении своего исследования Шан Юнмэй с удовлетворением подчеркивает, что в области политики, экономики и в военной сфере взаимодействия России и КНДР наблюдаются существенные изменения, однако «масштабы сотрудничества имеют свой предел» и вряд ли смогут значительно укрепиться в ближайшее время. Иными словами, она полагает, что Россия не сможет стать соперницей Китаю на севере Корейского полуострова.

Китайские ученые положительно отзываются о намерении России и КНДР расширить торгово-экономические отношения. Ван Биинь, например, подчеркивает важность для экономик России и

КНДР укрепления экономических связей³. Китайские исследователи также полагают, что Россию и Китай объединяют общие интересы и позиции в противостоянии американскому гегемонизму в СВА⁴, поэтому они положительно относятся к участию России в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове.

В своих оценках китайской политики в отношении КНДР китайские политологи исходят прежде всего из того, что Китай и Корею соединяют многовековые дружественные связи, наполненные драматическими событиями по совместному отражению внешней агрессии. В новейший исторический период КНР и КНДР также поддерживают тесные братские узы, еще более укрепившиеся с совместной борьбой против американского империализма и в ходе строительства социалистического общества. КНР и КНДР являются военно-политическими союзниками. Согласно ст. 1 китайско-северокорейского Договора 1961 г., обе стороны обязались прийти друг другу на помощь в случае агрессии со стороны третьей державы. Этот договор бессрочный. Он продолжает быть краеугольным камнем в формировании внешней политики обеих государств в СВА. Исходя из этого, китайские авторы демонстрируют в своих работах солидарность с КНДР по основным вопросам ее внешней политики, которая, кстати, полностью согласуется с китайскими интересами в этом регионе мира.

Много внимания в работах китайских ученых уделяется утверждению приоритета КНР в решении ядерного кризиса на Корейском полуострове⁵. Высоко оцениваются успехи китайской дипломатии в проведении шестисторонних переговоров. Наряду с этим в работах китайских авторов также выражается опасение о том, что КНДР «стремится к обладанию ядерным оружием». Поэтому некоторые китайские ученые приходят к заключению, что если со временем США и КНДР «не пойдут на взаимные уступки, то возможность разрешения кризиса военным путем будет все более возрастать»⁶.

Критикуя «непреклонную» позицию КНДР, китайские ученые настаивают, что именно США могут и должны «первыми предпринять усилия», позволяющие превратить намерения сторон по мирному урегулированию ядерного кризиса в конкретные действия. В частности, такой точки зрения придерживается главный редактор журнала «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии» при Академии общественных наук Китая проф. Чан Бинь. Он

также считает, что хотя КНДР и является «довольно неуступчивой страной, в которой любые перемены идут очень тяжело», но если США не изменят свое отношение и не сделают «шаг ей навстречу», то «кризис на Корейском полуострове не урегулировать»⁷.

В таких требованиях к США сквозит скрытое давление, и можно усомниться в «непреклонности» КНДР, которая, по всей видимости, тщательно согласовывает свои действия с китайским руководством. Вполне очевидно, что реальное воздействие на КНДР и посредничество между ней и остальным миром остается за Китаем. Китайское посредничество не всегда можно четко определить и зафиксировать на уровне официальных действий. Оно скрыто от посторонних глаз и реализуется через различные неофициальные – личные, межпартийные (КПК – ТПК), коммерческие и другие связи, механизм которых отработывался десятилетиями. Следует также учитывать, что современные КНР и КНДР принадлежат к одному цивилизационному социуму, у них общие культурные традиции и общественные ценности. Отсюда и глубокое взаимопонимание, умение договариваться между собой, скрывать истинные цели за внешне благозвучными фразами.

Среди китайских ученых есть и те, кто придерживается не столь радикальных взглядов на предмет обострения американо-северокорейской конфронтации. Так, известный китайский кореевед Ян Боцзян, который является сотрудником Китайского института современных международных отношений при правительстве КНР, полагает, что ядерный кризис на Корейском полуострове может завести Китай в «стратегический капкан» и обострить отношения между ядерными державами. Для Китая в данном случае важно «выбрать надлежащую позицию между отношениями с традиционным союзником и державами»⁸. Он все же склоняется к проведению политики сотрудничества с заинтересованными странами и мирным разрешением ядерного кризиса.

Большинство китайских экспертов по проблемам современной Кореи прямо или косвенно подчеркивают заинтересованность Китая в извлечении максимума положительных результатов из шестисторонних встреч по ядерному кризису на Корейском полуострове. До их проведения все вопросы в СВА решались в основном в ходе двусторонних консультаций, что в нынешнее время уже перестало удовлетворять страны региона. По их мнению, шестисто-

ронные переговоры открыли путь для создания многостороннего механизма урегулирования спорных вопросов. Поэтому в научных кругах Китая распространено мнение о необходимости перевода шестисторонних встреч на постоянную основу для оперативного решения текущих вопросов. Более того исследователь из шанхайского университета считает возможным и даже необходимым привлечь к работе такого многостороннего форума государства ЮВА, а также Австралию и Новую Зеландию⁹.

Чжу Фэн, исследовательница из Китайского института современных международных отношений при правительстве КНР подчеркивает, что Китай играет «очень важную, позитивно-активную роль в разрешении проблем ядерного кризиса на Корейском полуострове». В частности, китайская дипломатия сыграла главную роль в проведении четвертого раунда шестисторонних переговоров, который завершился подписанием «Совместного заявления», где нашло отражение стремление всех участников переговоров конструктивно решать вопросы по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове, предоставить КНДР гарантии безопасности и решить ее проблему энергоснабжения путем строительства АЭС на легкой воде. Чжу Фэн, подчеркивая ведущую роль Китая, полагает, что после шестого раунда шестисторонних переговоров «начался новый этап в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове»¹⁰.

Политолог из Фуданьского университета Цю Фахуа, изучив основные шаги китайской дипломатии в роли посредника на американско-северокорейских встречах, отмечает, что проблема может быть решена мирным путем, так как «она не имеет тенденции к обострению и перерастанию в войну, как это было в Ираке». Она подчеркивает важную роль Китая в деле разрешения конфликта, замечая, что китайские дипломаты способствовали проведению не только трехсторонних переговоров между США, КНДР и Китаем, но и фактически инициировали проведение ряда шестисторонних встреч, что значительно повысило международный авторитет КНР.

Вместе с тем Цю подчеркивает, что Китай, «прибегая к политике невмешательства», не в состоянии оказывать давление и нарушать суверенитет КНДР, которая «является полностью самостоятельной в своей внешней и внутренней политике»¹¹. Поэтому Цю Фахуа критически относится к тем зарубежным ученым, которые считают, что «Китай может более активно влиять на ускорение решения ядерно-

го кризиса на Корейском полуострове». Ее заключительный вывод состоит в том, что хотя КНР и КНДР и имеют тесные дружественные связи, но у Китая «ограничена сфера воздействия на КНДР».

В это трудно поверить, так как известно, что в начале XXI в. Китай значительно укрепил свои военно-политические и экономические позиции в КНДР, фактически представляя ее интересы в ООН и на других международных форумах, активно влияя на ее внутриэкономические преобразования и получая взамен в долгосрочную аренду северокорейский порт Раджин и ряд месторождений редкоземельных полезных ископаемых. Остается предположить, что в настоящее время Китай не заинтересован в полном раскрытии целей своей политики на севере Корейского полуострова.

Другой важной темой для обсуждения в китайской политологии является проблема участия Китая в деле объединения Кореи. Как правило, в ходе своих исследований китайские ученые подчеркивают значительную роль Китая в процессе ускорения объединения Кореи. Они отмечают, что этому способствуют длительные добрососедские отношения двух стран. Так, ученый из Пекинского университета иностранных языков Чжан Чуньхай сделал в своей статье «О роли Китая в осуществлении мирного объединения Кореи» продолжительный исторический экскурс, указав, что постоянные связи между двумя странами начались с эпохи древнекорейского объединенного государства Силла (VI в. н.э.) и значительно укрепились в последующие столетия.

Автор признает, что отношения между Китаем и Кореей были не всегда мирными, особенно это касается эпохи правления в Китае династии Юань. Однако в целом две страны мирно сосуществовали в течение столетий. Неоднократно Китай помогал Корее отражать внешнюю агрессию¹².

Установление в 1992 г. официальных отношений с РК позволило Китаю значительно расширить свои торгово-экономические связи с этим регионом и еще раз заявить о своей приверженности делу мирного и независимого воссоединения Кореи. Вместе с тем Чжан Чуньхай подчеркивает, что Китай был и остается приверженцем безъядерного статуса Корейского полуострова и выступает против наращивания обычных видов вооружения в этом регионе.

Исследователи из китайского Северо-Востока больше занимаются изучением проблем северокорейской экономики и результатив-

ностью китайско-северокорейской приграничной торговли. Так, исследователи из пров. Ляонин Ли Тэли и Юань Сяомэн подчеркивают важность политики экономической открытости в пров. Ляонин для формирования приграничных торгово-экономических связей Китая и КНДР. Пограничный китайский город Даньдун, где с конца 1980-х годов функционирует более 30 представительств северокорейских торговых фирм и трудоустроено более 2 тыс. северокорейцев, является главным звеном в осуществлении китайско-северокорейских торгово-экономических операций¹³.

Приграничная торговля через Даньдун прекращалась только в период «культурной революции», но в сентябре 1981 г. она была восстановлена, и с тех пор наращивает свои темпы. К 1988 г. объем приграничной торговли составил 8,29 млн. долл., а к 2001 г. он возрос до 201 млн. долл. Авторы отмечают многообразие товарной номенклатуры совместной торговли, подчеркивая, что предприятия пров. Ляонин также успешно ведут инвестирование средств, основав в КНДР к 2001 г. 8 фирм с общим китайским капиталом в 5 млн. долл. Эти СП специализируются на производстве одежды, обуви, занимаются разведением рыбы и т.п. Производящиеся товары вполне конкурентоспособны на рынках третьих стран. Все это ведет к долгосрочной обоюдной выгоде¹⁴.

Однако в действительности все представляется несколько иначе. Северокорейские власти отнюдь не отдают предпочтение китайскому капиталу, а вынуждены пускать его в свою экономику потому, что никакой другой капитал не идет в страну. Как известно, российский бизнес пока не проявляет интерес к КНДР, так как у нее нет месторождений нефти и газа, а японский и южнокорейский – обнаруживают излишнюю осторожность, оглядываясь на действия своих политиков, что в перспективе обернется для них значительными экономическими потерями.

В целом китайские исследователи положительно оценивают расширение российско-северокорейских политических и экономических отношений. По их мнению, эти связи не препятствуют формированию очень тесных и всеохватывающих отношений между Китаем и КНДР. Китайские ученые также подчеркивают, что благодаря проведению Китаем «добрососедской, богатососедской и стабильнососедской политики» Китай не только завоевал авторитет в процессе урегулирования корейского ядерного кризиса, но и зна-

чительно улучшил свой имидж среди других стран Восточной Азии, что «сделало международное положение Китая еще более благоприятным»¹⁵. Иными словами, по убеждению китайских ученых, участие Китая в решении актуальных проблем безопасности на Корейском полуострове работает на рост китайского престижа в международной политике региона. Вместе с тем китайские ученые пытаются замалчивать усилия и конструктивные инициативы других стран-участников шестисторонних переговоров, в частности России.

Обращает также на себя внимание и то, что китайские ученые склонны рассматривать политику России в СВА только в связке с политикой Китая в этом регионе. Отсюда следует, что они в перспективе видят отношения между Россией и КНДР не как самостоятельные межгосударственные связи, а как составляющее звено китайской внешней политики в целом.

В ходе своих исследований китайские ученые пришли к выводу о том, что у России и Китая имеются серьезные геополитические интересы на Корейском полуострове. Наряду с этим они признают, что у России и Китая сложились хорошие дипломатические и экономические отношения с обоими корейскими государствами и, что важно, интересы двух держав не вступают в противоречие друг с другом.

В современных китайских научных публикациях не поднимается вопрос о пересмотре основных положений и концепции китайско-северокорейского союзного договора 1961 г., что свидетельствует об укреплении консервативного мышления китайских правящих кругов и подчеркивает направленность их практических шагов, которые нацелены на «привязывание» политики и экономики КНДР к главному курсу китайской военно-политической стратегии в Восточной Азии.

Как видно, изучение внешней и внутренней политики КНДР, а также характера современных российско-северокорейских отношений и перспективы их дальнейшего развития становятся актуальной темой современной китайской политологии. При этом исследование китайской политики на севере Корейского полуострова остается центральной задачей китайских ученых. Общая тональность и оценки китайских авторов свидетельствуют о стремлении к объективному изложению событий и открытому заявлению о своих предпочтениях или критике. В целом, однако, современная история международных отношений в СВА во всем ее многообразии и противоречиях пока остается мало изученной в китайской политологии.

Примечания

¹ Дун Сяоян. Побудительные мотивы развития отношений между Россией и КНДР // Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин, 2001. № 4. С. 20.

² Шан Юймэй. Анализ противодействующих факторов во внешней политике КНДР // Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин, 2001. № 4. С. 15.

³ Ван Бининь. Интересы Китая и России на Корейском полуострове и развитие отношений стратегического партнерства и взаимодействия между ними // Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. Пекин, 2003. № 4. С. 71.

⁴ Фан Гуанцзюнь. Россия и Корейский полуостров после «холодной войны» // Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. Пекин, 2003. № 4. С. 68.

⁵ Чжу Тинчан. Теория и практика политики «добрых соседей» Китая // Китай, его соседи и международная ситуация после 11 сентября / Под ред. Ли Юй и Лю Тинъен. Пекин, 2002; Ян Боцзян. Политическая ситуация в Северо-Восточной Азии // Пекин, 2003. № 4. С. 12–14; Ян Хунмэй. Корейский ядерный кризис и переговоры по ядерному вопросу // Современные международные отношения. Пекин, 2003. № 5. С. 21–27.

⁶ Ян Хунмэй. Корейский ядерный кризис и переговоры по ядерному вопросу // Современные международные отношения. Пекин, 2003. № 5. С. 27.

⁷ Китай, его соседи и международная ситуация после 11 сентября / Под ред. Ли Юй и Лю Тинъен. Пекин, 2002. С. 112.

⁸ Ян Боцзян. Политическая ситуация в Северо-Восточной Азии // Пекин, 2003. № 4. С. 13

⁹ Gong Keyu. The North Korea Nuclea Issue and China's National Interests // Korea and World Affairs. Seoul, 2006. Vol. 30. No. 4. P. 281.

¹⁰ Чжу Фэн. Северокорейский ядерный кризис после четвертого раунда шестисторонних переговоров: новые перспективы, старые вопросы // Современные международные отношения. Пекин, 2005. № 10. С. 35.

¹¹ Цю Фахуа. Анализ действий Китая в решении северокорейского ядерного кризиса и ограниченность китайских возможностей // Форум СВА. Чанчунь, 2005. Т. 14. № 2. С. 26.

¹² Чжан Чуньхай. О роли Китая в осуществлении мирного объединения Кореи // Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин, 2001. № 4. С. 25.

¹³ Ли Тэли, Юань Сяомэн. Изучение торгово-экономического сотрудничества между пограничными районами пров. Ляонин и КНДР // Форум СВА. Чанчунь, 2004. Т. 13. № 2. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Перспективы мирового политического положения на 2004 г. // Современные международные отношения. Пекин. 2004. № 1. С. 6, 7.

В.А. Гринюк*

ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ НА ШЕСТИСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Подход Японии к шестисторонним переговорам имеет отличительную особенность. Японская сторона делает непропорционально большой упор на проблему похищений японцев северокорейскими спецслужбами. Это видно из пункта 5 документа МИД Японии «Шестисторонние переговоры по проблемам Северной Кореи (Обзор и оценка)»:

«5. ...Ядерная проблема, проблема ракет и вопрос похищений людей должны быть разрешены до нормализации отношений между Японией и Северной Кореей. Япония пойдёт на экономическое сотрудничество с Северной Кореей только после того, как будет достигнута цель нормализации отношений между Японией и Северной Кореей»¹.

Проблема похищений – печальное наследие холодной войны. В ходе официального визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян в сентябре 2002 г. Председатель комитета обороны КНДР Ким Чен Ир признал факты похищений японцев спецслужбами Северной Кореи и принёс извинения. Лидеры Японии и КНДР подписали Пхеньянскую декларацию, в которой были сформулированы базовые принципы для нормализации японо-северокорейских отношений. В частности, документ содержал пункты об оказании Японией экономической помощи Северной Корее и о намерении северокорейской стороны соблюдать временный мораторий на запуски своих ракет.

Пятеро из числа похищенных мужчин и женщин в октябре 2002 г. вернулись на родину, а относительно других восьми жителей

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

Японских островов, вывезенных в Северную Корею, представители КНДР заявили, что их уже нет в живых. Однако японская сторона считает, что численность выкраденных больше, чем это признаёт Пхеньян, и что представители Северной Кореи не дали убедительных доказательств смерти тех похищенных людей, которых они объявили умершими. Японские дипломаты последовательно поднимают проблему похищений на двусторонних встречах в рамках шестисторонних переговоров и выдвигают обвинения против Северной Кореи в «отсутствии искренности». В то же время представители КНДР стоят на том, что проблема похищений относится к прошлому, она окончательно разрешена.

Вместе с тем Пхеньян еще ранее дал понять, что при проявлении Токио доброй воли северокорейские власти могут вернуться к дополнительному рассмотрению данного вопроса.

США первоначально поддерживали Японию в её стремлении обсуждать проблему похищений в рамках шестисторонних переговоров. В то же время Китай, РК и Россия считают, что этот вопрос относится всецело к сфере двусторонних отношений Японии и КНДР. Его включение в повестку дня затруднило бы продвижение к разрешению ядерной проблемы. Поэтому представители КНР, России и РК настаивают, чтобы японская сторона не включала проблему похищений в повестку дня пленарных заседаний.

Но США в процессе шестисторонних переговоров оказывали поддержку Японии в вопросе похищений только в той мере, в какой выдвигание Токио обвинений против Пхеньяна совпадало с проводимой Вашингтоном линией оказания жёсткого давления на Северную Корею. В тех же случаях, когда шаги, предпринимавшиеся японской стороной в отношении Северной Кореи для урегулирования проблемы похищений, вели к ослаблению нажима на Пхеньян, отношение американцев к шагам Японии было, по меньшей мере, сдержанным.

В мае 2004 г премьер-министр Японии Дз. Коидзуми находился с визитом в Пхеньяне. Его целью было добиться от северокорейской стороны согласия на переезд в Японию родственников пяти японских граждан – бывших северокорейских пленников, прибывших на родину в октябре 2002 г. Эта цель была достигнута: родственники пяти японских граждан переехали в Японию. В ходе визита премьер-министр Японии заявил, что Токио не станет применять

против КНДР принятые японским парламентом в 2004 г. законы о запрещении денежных переводов и о приостановке морских перевозок из Японии в Северную Корею. В качестве знака доброй воли Дз. Коидзуми объявил о намерении предоставить КНДР продовольственную и гуманитарную помощь.

Американские эксперты отрицательно оценили этот визит. Так, директор Фонда Мэнсфилда Г. Флэк высказал мнение, что для воссоединения родственников Япония по существу уплатила выкуп. «Хотя Токио перестал использовать только кнут в отношениях с Северной Кореей, и в ходе визита прибег к помощи пряника, это в минимальной мере сказалось на ходе шестисторонних переговоров», – подчеркнул он².

Японские специалисты считали, что у Токио был шанс выполнить на шестисторонних переговорах важную роль как возможного донора при оказании Северной Корее экономической помощи и как посредника в случае налаживания диалога США с КНДР. Однако этот потенциал Японии не был востребован. На первых четырёх раундах переговоров американцы проявляли пассивность, поскольку их стратегической целью была смена режима в Северной Корее. Что касается Японии, то, с точки зрения Пхеньяна, она поднимала на шестисторонних переговорах проблему похищений, никак не связанную с предметом обсуждений, и препятствовала формированию конструктивной атмосферы³. В ноябре 2005 г. возникла пауза в шестисторонних переговорах, она истекла лишь в конце 2006 г. под влиянием драматических событий на Корейском полуострове.

5 июля 2006 г. Северная Корея провела запуски семи ракет малой, средней и большей дальности в Японское море. Япония ответила запретом финансовым организациям и торговым фирмам, имевшим связи с КНДР, переводить деньги в Северную Корею.

9 октября 2006 г. КНДР объявила о проведении подземного ядерного взрыва. Через два дня после испытаний Япония ввела полный запрет на заходы северокорейских судов в японские порты, а также на импорт любых товаров из КНДР и на въезд в Японию северокорейских граждан за исключением тех из них, кто проживает в Японии. В начале ноября 2006 г. японские власти, следуя резолюции СБ ООН 1781, запретили экспорт в Северную Корею 24 предметов роскоши⁴.

31 октября 2006 г. министр иностранных дел КНДР Пак Ы Чун объявил о намерении вернуться за стол переговоров в Пекине.

Ввиду попыток Токио поднять проблему похищений, он сообщил о желании северокорейской стороны вывести Японию из числа участников шестисторонних переговоров, так как «новое японское правительство только что приступило к работе, и у Токио много забот» (имелось в виду правительство С. Абэ, сформированное 26 сентября 2006 г.). Министр иностранных дел КНДР язвительно рекомендовал японской стороне «думать о своих делах и не совать нос в переговоры, не мешать их работе»⁵. С 18 декабря 2006 г. в течение пяти дней проходила вторая сессия пятого раунда шестисторонних переговоров, но её единственным результатом стало подтверждение Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. С целью изолировать Японию северокорейская сторона во время сессии проводила многочисленные двусторонние встречи со всеми участниками, кроме японской делегации⁶.

Настойчивое, если не сказать назойливое, выдвижение японской стороной проблемы похищений, та жёсткость, с которой Токио увязывал с ней продвижение в деле распутывания северокорейской ядерной «головоломки», со временем стало вызывать раздражение даже у американских союзников. К концу 2006 г. в США сложился новый подход к Северной Корее, предусматривающий активные двусторонние контакты и конструктивную позицию на шестисторонних переговорах.

Очевидно, Вашингтон был вынужден смягчить линию в отношении Северной Кореи из-за мер, предпринятых Пхеньяном для укрепления собственной безопасности, в первую очередь из-за ядерных испытаний Северной Кореи.

В январе и феврале 2007 г. состоялись встречи официальных представителей США и КНДР, они подготовили условия для проведения 8–13 февраля 2007 г. третьей сессии пятого раунда шестисторонних переговоров и принятия «Совместной договорённости о ядерном разоружении Северной Кореи». В ответ Китай, Россия, Республика Корея, США и Япония должны были предоставить Пхеньяну в начальный период «чрезвычайную помощь», эквивалентную 50 тыс. т мазута. На следующем этапе намечалось предоставление КНДР исчерпывающей декларации обо всех ядерных программах и вывод из строя всего имеющегося ядерного оборудования в обмен на экономическую, энергетическую и гуманитарную помощь Северной Корее, эквивалентную 1 млн. т мазута.

Токио поддержал соглашение, достигнутое на шестисторонних переговорах 13 февраля, но объявил о намерении не участвовать в предоставлении помощи КНДР до тех пор, пока не будет урегулирована проблема похищений. Газета «Ёмиури» сообщила, что соглашение от 13 февраля привело ряд официальных лиц в Японии в замешательство, так как «плохое поведение КНДР обернулось для неё выгодой»⁸. Такой поворот событий вызывает параллели с «шоком Никсона» 1972 г. Тогда нормализация отношений США с КНР, которую Вашингтон предпринял без предварительного согласования своих действий с Токио, вызвала потрясение у японского политического руководства.

Тем не менее Токио непреклонно продолжал свою линию. 14 апреля 2007 г. истёк 60-дневный срок первого этапа реализации февральского соглашения и, поскольку Пхеньян не выполнил свои обещания в связи с задержкой перевода денег из «Банко Дельта Азия», Япония продлила на полгода санкции против КНДР, введённые в октябре 2006 г.

Обструкционистская позиция Японии ведёт её к всё большей изоляции на шестисторонних переговорах. Пхеньян неоднократно заявлял о желании вывести Японию из переговорного процесса. В ходе американо-японского саммита во время визита премьер-министра Японии С. Абэ в США 27 апреля 2007 г. японский руководитель не смог добиться от Дж. Буша недвусмысленной поддержки жёсткого курса в отношении КНДР. До сведения Токио доведено, что США не намерены связывать вопрос об исключении Северной Кореи из списка государств, поддерживающих терроризм, с проблемой похищений людей.

Деструктивный подход японского руководства встречает противодействие со стороны некоторых японских политиков. Видный деятель правящей ЛДП, руководитель партийного Бюро исследования вопросов обеспечения безопасности Т. Ямасаки выступает за диалог с Северной Кореей. В статье, опубликованной в журнале «Тюокорон», он задаётся вопросом: неужели правительство С. Абэ не обратило внимания на смену курса США в отношении Северной Кореи? Т. Ямасаки видит в этом большой просчёт японской дипломатии. Он полагает, что путь давления на Пхеньян не только не приведёт к решению вопроса похищений, но и навредит национальным интересам Японии. Т. Ямасаки подчёркивает, что именно Япония

должна ставить во главу угла задачу денуклеаризации Корейского полуострова, поскольку с географической точки зрения эта страна может понести наибольший урон в результате гипотетического применения оружия массового поражения КНДР⁹.

Ряд японских специалистов обращают внимание на ощутимый разрыв в интересах безопасности США и Японии в связи с проблемами ядерного и ракетного оружия Северной Кореи. Профессор Токийского университета А. Танака указывает, что если Северная Корея добьётся успеха в разработке ядерной боеголовки для ракеты «Нодон», то возникнет теоретическая возможность ядерной атаки против Японии, и время полёта ракеты составит 10 минут. При этом для США не возникнет прямой угрозы – такая опасность будет существовать только для Японии¹⁰.

Таким образом, объективные интересы обеспечения безопасности Японии требуют от руководства страны приоритетных усилий для разрешения проблем ядерного и ракетного оружия Северной Кореи. Между тем правительственный кабинет С. Абэ продолжал линию жёсткой увязки шестисторонних переговоров с проблемой похищений. Японские эксперты критиковали деструктивную линию прежнего премьер-министра С. Абэ в отношении Пхеньяна и отмечали, что она вела к международной изоляции Японии.

В конце сентября 2007 г. было сформировано новое японское правительство, возглавляемое премьер-министром Ясуо Фукуда. Этот политик известен как сторонник улучшения отношений Японии с её азиатскими соседями. Специалисты связывают с Я. Фукудой надежды на проведение более гибкого курса в отношении Северной Кореи. Но смена правительства Японии пока не привела к серьёзным изменениям в подходе к Пхеньяну. В октябре 2007 г. Я. Фукуда подтвердил отказ Японии участвовать в экономической помощи Северной Корее и продлил на новый шестимесячный срок санкции против неё. В обоих случаях основанием служило отсутствие прогресса в разрешении проблемы похищений. Вместе с тем новый руководитель японского правительства демонстрировал более мягкий, чем его предшественник, тон в высказываниях о северокорейских партнёрах, давал высокую оценку прогрессу на шестисторонних переговорах. Со своей стороны, руководитель делегации КНДР в рабочей группе по нормализации японо-северокорейских отношений Сон Иль Хо в интервью агентству «Кёдо цусин» 6 октября 2007 г.

отметил, что «линия премьер-министра Я. Фукуды, направленная на диалог с КНДР, заслуживает внимания»¹¹.

Тем временем в переговорном процессе вновь возникла длительная пауза. Очередной раунд переговоров, первоначально планировавшийся на декабрь 2007 г., до сих пор (к началу марта 2008 г.) так и не состоялся.

Что касается позиции Японии, то хотя руководитель нынешнего кабинета министров Я. Фукуда несколько смягчил тон полемики по поводу проблемы похищений, реальной смены линии в этом вопросе не произошло. Объективно Япония продолжает тормозить ход шестисторонних переговоров.

Примечания

¹ Six-Party Talks on North Korean Issues (Overview and Evaluation). September 2003. http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/6party0308.html

² Ёмиури. 25.05.2004.

³ Нодон синмун. 13.07.2005 (Цит. по: Асахи. 15.07.2005).

⁴ David Kang, Dartmouth College, Ji Young Lee. Georgetown University. Japan-Korea Relations: Abe's Ascension. www.org/media/csis/pubs/0604qapan_korea.pdf

⁵ Ibid.

⁶ Леон В. Сигал. Рати хайсэн. Нихон ва китатёсэн мондай дэ тимэйтэкина корицу ни оикомарэру (Поражение по поводу похищений. Япония впадает в фатальную изоляцию в связи с проблемами Северной Кореи) // Тюокорон. 2007. № 8. С. 161.

⁷ Ralf A. Cossa, Pacific Forum CSIS, Brad Glosserman, Pacific Forum CSIS. Regional Overview: Renewed Hope in the Year of the Golden Pig. www.csis.org/media/csis/pubs/0701q.pdf

⁸ David Kang, Dartmouth College, Ji Young Lee. Georgetown University. Japan-Korea Relations. The Honeymoon's Over. www.csis.org/media/csis/pubs/0701qjapan_korea.pdf

⁹ Таку Ямасаки. Бэйтё дакё, нихон ва басу ни нориокурэру (Япония опаздывает – автобус американо-корейского компромисса отправляется без нас) // Тюокорон. 2007. № 3. С. 138–140.

¹⁰ Танака Акихико. Китай дэкинай кита тёсэн но каку хайдзэцу (Надежды на ликвидацию Северной Кореей ядерного оружия беспочвенны) // Рондза. 2006. № 12. С. 42.

¹¹ David Kang, Dartmouth College, Ji-Young Lee. Georgetown University. Japan-Korea relations: Lost in the Six-Party Talks. www.csis.org/media/csis/pubs/0704qjapan_korea.pdf

В. В. Хрусталеv*

СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ АРСЕНАЛ: ОЦЕНКА ПАРАМЕТРОВ

10 февраля 2005 г. в КНДР было заявлено о создании ядерных сил сдерживания, а в октябре 2006 г. было проведено ядерное испытание. Возникли вопросы: располагает ли КНДР полноценным ядерным оружием, есть ли у нее возможность его создания, а затем развертывания ядерных сил? Говоря об этих возможностях, имеется прежде всего в виду научно-техническая возможность создания и использования ядерного оружия.

Для того чтобы обеспечить способность ядерных сил к выполнению предписанных им функций сдерживания, они должны удовлетворять многим требованиям. Для начала следует рассмотреть общие из них.

Известно, что наличие даже в минимальном количестве ЯО у страны, обладающей решимостью его применения, может явиться объективным сдерживающим фактором. А для стран, чьи руководящие элиты и население не приемлют ЯО, его количество и качество не имеют особого значения.

Поэтому в определенных условиях даже единичные ядерные заряды (ЯЗ) могут обеспечить сдерживающий эффект. Но это возможно только при условии, что эти заряды будут доставлены до конкретных целей, а нанесенный при этом ущерб можно расценивать как неприемлемый. Вот почему во многом именно средства доставки определяют массово-габаритные характеристики боезарядов и возможности по их применению.

* Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, Владивосток.

Почему именно ракеты?

В общем смысле под ядерным оружием (ЯО) понимаются ядерные боеприпасы и их средства доставки¹. Таким образом, возможность создать военно-применимое ЯО определяется, с одной стороны, уровнем научно-технического прогресса страны в разработке и создании ЯЗ и средств их доставки, а с другой – степенью адекватности этих достижений требованиям задач военно-технического и военно-политического характера. Поэтому вначале необходимо рассмотреть вопрос о средствах доставки. Они должны соответствовать ряду специфических требований. Так, системы доставки должны в состоянии пережить удар противника, достигнуть своих целей и преодолеть средства обороны, стоящие на их пути.

Проблема уязвимости северокорейской авиации к первому удару, вместе с необходимостью и практической невозможностью проникать вглубь территории противника, преодолевая средства ПВО, либо из-за удаленности целей, приводит к тому, что Пхеньяну придется рассматривать возможность использования в качестве средств доставки баллистические ракеты (БР).

Причин тому немало, это и относительная легкость и простота применения, и относительная дешевизна по сравнению с затратами на приобретение и содержание современной авиационной техники, обучение летного и обслуживающего персонала.

Кроме того, относительно низкая по сравнению с авиацией уязвимость, особенно в мобильном варианте, а также трудность противодействия даже со стороны технологически высокоразвитого противника. БР в настоящее время представляют собой единственный вид оружия значительного радиуса действия, против которого пока нельзя создать гарантированную защиту.

Поэтому из традиционных средств доставки, имеющихся у КНДР, только БР обеспечивают наибольшую и достаточно высокую вероятность достижения целей, поскольку создание эффективной ПРО ТВД на данном этапе пока составляет серьезную проблему даже для США.

Если конфликт будет затрагивать интересы США и/или Японии настолько серьезно, что они будут готовы понести определенный ущерб для его разрешения, то вопрос об участии в конфликте будет решен вне зависимости от наличия или отсутствия системы ПРО на ТВД, так же, как и вопрос о применении против КНДР ЯО.

Если же США с Японией не будут к этому готовы, то наличие системы ПРО также ничего не изменит в их решении, так как в условиях ядерной угрозы невозможно обеспечить снижение ущерба гражданскому населению до определенного «приемлемого» уровня. В большинстве сценариев даже одна боеголовка в ядерном снаряжении, упавшая на город союзника, окажется угрозой, превышающей то, с чем могли бы смириться союзные для США лидеры.

Как уже упоминалось выше, 9 октября 2006 г. в КНДР было произведено испытание ядерного взрывного устройства. Расчетная мощность планировалась в 4 кт, однако реально полученная мощность составила всего 1 кт. Это дало повод многим экспертам говорить о провале испытаний. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Программа ядерного оружия сложна, но основы его проектирования сейчас хорошо известны и доступны из открытой литературы. Ведь схемы взрывных устройств самых ранних типов, которые качественно иллюстрируют заложенные в них принципы осуществления взрывов, достаточно широко доступны².

По конструированию ядерных взрывных устройств в США даже был выполнен ряд студенческих работ, основанных на информации, доступной в публичных библиотеках и правительственных информационных центрах.

Поэтому не может вызывать сомнения способность КНДР создать достаточно надежное ядерное взрывное устройство. Вариант простейшей атомной бомбы с использованием ряда общедоступных простейших технологий вряд ли будет весить менее 1000 кг, однако он располагает значительной разрушительной силой.

В ходе испытаний энерговыделение было эквивалентно 1000 т тротила. Это ниже расчетных данных, однако даже такой, казалось бы, слабый уровень, на три порядка выше энерговыделения химических взрывчатых веществ (ВВ) соответствующей массы. Это говорит о высокой принципиальной надежности устройства. Но такое устройство ограничено транспортабельно и непригодно к установке на БР. Поэтому желаемая цель в данной ситуации – усовершенствование конструкции.

Способен ли северокорейский ядерный оружейный комплекс решить свою задачу? Сначала следует определиться с предполагаемым носителем. Лучше всего на эту роль подходит баллистическая одноступенчатая жидкостная ракета «Нодон-1». Это БР с отделяемой

головной частью и инерциальной системой наведения. Она имеет стартовую массу около 16 т, длину – 16 м., диаметр – 1,34 м и обеспечивает доставку полезной нагрузки массой около 1000 кг на максимальную дальность 1500 км с точностью порядка 2000–3000 м. Энергетические возможности этой БР позволяют поражать цели на территории Японии, включая американские военные базы на территории страны.

Прежде всего придется выполнить соответствующие требования к конструкции ядерной головной части.

Технические.

В ядерном боеприпасе, таком, как ядерная головная часть, сам ЯЗ – лишь одна из подсистем, предъявляющая ко всей конструкции определенные требования. К недостаткам имплозивных ЯЗ относятся относительно большие масса и габариты, низкая механическая прочность и чувствительность к температурному режиму. Это заставляет изымать часть объема и полезной нагрузки для корпуса, системы поддержания температуры, автоматики подрыва, электрических систем и т.д. А это около 300 кг.

Мощность заряда.

Учитывая недостаточную точность северокорейских БР, последняя должна быть по возможности скомпенсирована мощностью взрыва для создания необходимого поражающего эффекта.

А это, при прочих равных условиях, требует большего расхода плутония в пересчете на один заряд, в отличие от первого тестового устройства чья мощность ограничивалась экономией плутония и мерами по минимизации ущерба окружающей среде.

Для создания ядерного заряда схема сферической симметричной имплозии требует наименьшего количества делящегося материала для достижения заданной мощности взрыва по сравнению с другими возможными конструкциями. В устройстве по типу имплозии близкая к критической масса делящегося вещества обжимается сходящейся ударной волной, полученной в результате взрыва окружающего слоя взрывчатого вещества, и становится надкритической вследствие увеличения ее плотности.

Достижимая степень сжатия зависит от совершенства конструкции и степени симметрии ударной волны имплозии. А мощность взрыва, при одной и той же массе плутония, зависит от степени и скорости сжатия делящегося материала.

Номинальный эффект подобного ядерного заряда можно оценить на уровне первых ядерных боеприпасов мощностью 15–20 кт.

Массово-габаритные

Это должен быть боеприпас в виде конуса высотой около 1,5 м и диаметром около 1,3 м, т.е. соответствующим диаметру фюзеляжа ракеты, и массой не более 1000 кг. Импульсивный ЯЗ головной части БР можно представить в виде шара, полностью помещенного в конус со стороны его основания. А это накладывает серьезные ограничения на его диаметр и массу. Это вес не более 700 кг и не более 0,8–0,9 м в диаметре.

Таким образом, задачу можно переформулировать следующим образом: можно ли, используя общедоступные простые технологии и открытую научную и техническую информацию, создать компактный ЯЗ номинальной мощностью 15–20 кт, монтируемый с БР «Нодон-1»?

Самый короткий путь

Первое конструктивное решение проблемы заключается в максимально возможном уменьшении радиуса, а следовательно, и массы ВВ, что при прочих равных условиях приводит к снижению мощности заряда.

Как известно, выбор внешнего радиуса ВВ определяется, с одной стороны, необходимостью получения удовлетворительного энерговыделения, а с другой – допустимыми внешними габаритами изделия и технологическими возможностями производства.

Снижая вес механизма консолидации, что подразумевает снижение количества энергии, которая переводит делящийся материал в состояние надкритичности, невозможно одновременно сохранить мощность при том же количестве используемого делящегося вещества.

Существенным недостатком фокусирующей системы первых бомб была большая толщина и, соответственно, масса фокусирующего слоя. Это было связано с малой разницей в скоростях детонации ВВ, применяемых в фокусирующих элементах³.

Однако сегодня общедоступны ВВ как с более высокими, чем у тогдашних «быстрых» ВВ, так и с более низкими, чем у тогдашних «медленных» ВВ скоростями. Наиболее известные примеры: «быстрое» ВВ, использованное в 1945 г. – композиция Б имела скорость 7920 м/сек, а «медленное» ВВ – композиция баратол, имела скорость детонации 4870 м/сек.

В наши дни в открытых источниках подробно описаны общедоступные ВВ, такие, как НМХ – 9110 м/сек, а также пригодные для линз композиции на его основе, такие, как LX-10, LX-09, PBX-9404 – 8820, 8810, 8800 м/сек соответственно. Это значительно быстрее, чем в первых советских и американских бомбах⁴.

Аналогично и с «медленными» – широко известны составные композиции, такие, как боракитол и плюмбатол со скоростями 4860 и 4850 м/сек⁵. Опять же, ниже, чем в первых бомбах. Варианты этих композиций, применявшиеся в следующих поколениях американских ЯО, несекретны и подробно описаны в различных открытых источниках.

Это позволяет при использовании той же импульсивной системы добиваться тех же давлений и скоростей, уменьшив массу и габариты слоя ВВ, как фокусирующего, так и внутреннего, либо больших скорости и давлений при тех же габаритах.

Следовательно, используя эти ВВ, можно создать уменьшенную версию импульсивной системы бомб 1945 года с приемлемыми скоростями и силой сжатия с приемлемой массой около 500 кг ВВ.

Расход плутония

Учитывая малую вероятность создания в заряде условий, превосходящих по уровню первые ядерные заряды СССР и США, логично предположить, что расход плутония на каждый из них будет довольно значителен. В бомбе мощностью 20 кт, сброшенной на Нагасаки, было 6,2 кг плутония⁶, а в варианте бомбы аналогичной мощности, описанном специалистами МАГАТЭ в 1968 г., должно было быть 8 кг. Эти нижний уровень технологии, относительно примитивный и затратный, однако позволяющий при столь грубой и компромиссной конструкции добиться приемлемой мощности взрыва.

Размеры арсенала

Последние опубликованные данные, со ссылкой на северокорейские источники, говорят о наличии у КНДР около 30 кг плутония оружейного качества⁷. Следовательно, 3–5 ЯЗ мощностью около 20 кт.

Либо в пересчете на 1 кт заряды – до 10 в случае громоздких ядерных устройств или до 7 в случае примитивных ЯЗ для БР. Однако вряд ли такую мощность можно считать адекватной. В таком виде ядерный арсенал по численности сопоставим с ядерным арсеналом ЮАР конца 1980-х годов (4 ядерных авиабомбы при мощности 10–18 кт).

Учитывая то, что оценки количества развернутых ракет «Нодон» варьируются от 200 до 400 единиц, что несопоставимо больше числа ЯЗ, то естественно, что их ядерное снаряжение будет носить выборочный характер.

Качественная характеристика арсенала

Взяв за основу расчетные характеристики вероятных северокорейских ракетно-ядерных систем, можно сделать отдельные выводы об особенностях ядерных сил КНДР.

О степени боевой готовности. Ядерные силы, видимо, не имеют постоянной готовности к боевым действиям. ЯО, учитывая его технический уровень, скорее всего, хранится в разобранном виде на охраняемом подземном складе вблизи одной из ракетных баз. Этим в первую очередь обеспечивается взрывная безопасность ядерного оружия, т.е. раздельным хранением делящихся материалов и остальной части ядерного заряда, включая ВВ. В таких условиях аварийный взрыв, хотя и может приводить к негативным последствиям (разрушениям, пожарам и т.д.), не будет связан в полной мере с радиационными или ядерными авариями.

Учитывая масштабы инфраструктуры ракетных войск КНДР, а также значительное число различных подземных объектов военного и гражданского назначения, обнаружить и правильно идентифицировать на территории страны хранилище ЯО будет трудновыполнимой задачей.

Мобильные пусковые установки ракетного командования КНА в мирный период сосредоточены в укрытиях и находятся в неядерном снаряжении. В угрожаемый период и/или в военное время они могут получать ракеты, уже состыкованные с ядерными головными частями.

Низкая боевая эффективность. Здесь к важным особенностям предполагаемых северокорейских ракетно-ядерных систем следует отнести высокую уязвимость и пониженную точность ракет класса «Нодон».

Так, важным недостатком существующих БР является относительно долгое время предстартовой подготовки, что делает ракеты довольно уязвимыми и замедляет время ответной реакции⁹.

Точность этих ракет большинством зарубежных специалистов также оценивается крайне низко. По некоторым расчетам, вероятность поражения незащищенной площадной цели боеголовкой мощностью 20 кт составляет менее 27%¹⁰.

По оценке руководителя японского Управления обороны Сигэру Исибы, если 100 этих ракет будут запущены в круг диаметром 2,5 км, то половина из них пролетит мимо цели¹¹. Учитывая столь низкий уровень технических и эксплуатационных характеристик существующих баллистических ракет наземного базирования, применение их по точечным объектам, особенно с большой степенью защиты, нецелесообразно, а потому маловероятно. Хотя не исключено, что это очередной случай недооценки: в случае оснащения блока управления системой GPS точность БР может составлять 190–250 м.

Из этого следует, что ядерные боеприпасы КНДР предназначены для удара по целям, одновременно и достаточно большим для того, чтобы в них с максимальной вероятностью могла попасть ракета, и имеющим крайне слабую защиту. К таким целям прежде всего относятся крупные города и в меньшей степени базы ВС США в Японии. Нанесение удара по ним вполне осуществимо для создаваемых сил ядерного сдерживания.

Низкая надежность. Учитывая, что ядерный взрыв в КНДР был всего один, и его мощность была ниже расчетной, высока вероятность срабатывания ЯЗ на пониженной мощности.

Предполагаемые задачи ядерных сил КНДР

Основная их задача в мирное время – сдерживание стран-противников (США, Японии, частично Республики Корея) в случае начала боевых действий и угрозы нанесения с их стороны ядерных ударов.

В военное время основная задача – организация нанесения ракетно-ядерных ударов по противнику, как демонстрационных (для остановки эскалации), так и возмездия (в случае угрозы поражения или в ответ на ядерный удар).

По своей структуре северокорейская модель сдерживания носит в первую очередь «экзистенциальный» характер. Под этим понимается эффект сдерживания, проистекающий уже из самого наличия ядерных устройств у данной страны, при этом не обязательно наличие объявленной доктрины и планов нацеливания, средств доставки, проводимых учений и тому подобных действий, направленных на то чтобы создать у потенциального противника уверенность в том, что его агрессивные планы встретят ядерный ответ.

Во вторых, оно носит не прямой характер. Северокорейское ЯО не способно достичь территории США, однако способно нанести ущерб силам США, развернутым на территории Южной Кореи и

Японии. Другая функция ЯО Северной Кореи – предотвратить содействие со стороны стран региона военным планам США.

В третьих, сдерживание носит характер минимального. Это означает, что существует лишь определенная техническая возможность ядерного ответа на агрессию, в том числе ядерную, но однако оно не гарантировано как сценарий, способный к реализации в любых прогнозируемых условиях.

В четвертых, учитывая, что целью для ракет являются прежде всего главные ценности противника: население и государственно-образующая инфраструктура, сосредоточенная в крупных городах, недостаточно защищенных от поражающих факторов ЯО, а также площадные цели, закономерен вывод о контр-ценностном варианте сдерживания, а не контр-силовом.

Выводы

1. КНДР удалось создать неопределенное количество ядерных устройств с полноценным энерговыделением.

2. Данный факт говорит об адекватном освоении ядерных взрывных технологий, которые, учитывая современный уровень доступности соответствующей технологической информации, могут быть адекватны задаче создания ЯЗ для БР. Именно потому ядерные силы КНДР могут быть военной реальностью.

3. Исходя из того, что теперь, по сути, обе стороны регионального военно-политического противостояния располагают ЯО (США и КНДР), вероятность развязывания конфликта в ближайшей перспективе снизилась, однако в случае его возникновения вероятность применения ЯО станет более высокой. Особую опасность создает то, что ракеты-носители ЯО невозможно отличить от неносителей. Это может создать целый ряд ситуаций, чреватых неверной идентификацией действий.

4. Наиболее вероятными путями модернизации ядерных возможностей КНДР в условиях прекращения производства оружейных делящихся материалов являются повышение точности ракет (за счет оснащения блоками GPS) и увеличение численности ракетной группировки (снижает уязвимость носителей ЯО как на марше, так и в атаке).

Примечания

¹ Технические основы эффективности ракетных систем / Под ред. Е. Волкова. М.: Машиностроение, 1989. С. 5.

² См.: Статьи в википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Nuclear_weapon_design; http://en.wikipedia.org/wiki/Fat_Man, а также интернет-ресурс Nuclear weapon FAQ. Адрес доступа: <http://nuclearweaponarchive.org/Nwfaq/Nfaq0.htm>

³ Андрюшин И., Чернышев А., Юдин Ю. Укрощение ядра. Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Саров, 2003. С. 82.

⁴ Elements of Fission Weapon Design. Nuclear weapon FAQ. Адрес доступа: <http://nuclearweaponarchive.org/Nwfaq/Nfaq4-1.html>

⁵ Там же.

⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Fat_Man

⁷ Albright D., Brannan P., and Shire J. North Korea's Plutonium Declaration: A Starting Point for an Initial Verification Process. The Institute for Science and International Security. January 10, 2008. Адрес доступа: <http://www.isis-online.org/publications/dprk/NorthKoreaDeclaration10Jan2008.pdf>

⁸ Vick C. No-dong-A. January 23, 2007. Global Security. org. Адрес доступа: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/dprk/nd-1.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ The Scud Missile Syndrome. Адрес доступа: <http://www.defencejournal.com/may99/scud-missile.htm>

¹¹ КНДР нацелила на Японию 200 баллистических ракет. ИА NEWSru.com. 13 июля 2003. Адрес доступа: <http://www.newsru.com/world/13jul2003/200r.html>

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ в РК В 2008 г.

Два важнейших политических события в жизни Республики Корея, произошедшие с разницей меньше чем в четыре месяца, определили расстановку политических сил в стране. Речь идет о 17-х президентских выборах 19 декабря 2007 г. и 18-х парламентских выборах 2008 г.

Президентские и парламентские выборы в целом принесли предсказуемые результаты, ознаменовавшие кардинальную смену политического ландшафта РК. Левоцентристские силы, десять лет находившиеся у власти и после многих расколов, объединений и переобъединений представленные на выборах Объединенной демократической партией (ОДП), потерпели серьезное поражение, а победу праздновала партия Ханнара, которую считают консервативной, но правильнее было бы называть правоцентристской. К власти вернулись традиционалистские силы.

Но помимо этого произошли перемены также и на левом, и на правом фланге политической жизни страны. Значительно ослабло после раскола влияние левой Демократической рабочей партии (ДРП). Появилась новая политическая сила, представленная правой партией под названием Передовая либеральная партия (ПЛП). После парламентских выборов также образовалась разномастная коалиция в составе в основном из консерваторов под названием «Объединения в поддержку Пак Кын Хе» (корейское название «Чинбак енде»).

Произошло дальнейшее увеличение, правда, небольшое, численности женщин-парламентариев. Если в составе парламента 17-го

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва

созыва их было 39, причем только 10 победили в округах, то в парламенте 18-го созыва стало 41, в том числе 14 победили в округах¹.

В цифрах результаты выборов выглядят следующим образом. На президентских выборах 19 декабря 2007 г. кандидат партии Ханнара Ли Мён Бак получил 48,7% голосов. США были так впечатлены победой Ли Мён Бака, который в ходе предвыборной кампании постоянно подчеркивал необходимость укрепления союзнических отношений между РК и США, что Конгресс США впервые в истории американо-южнокорейских отношений принял специальную резолюцию с приветствием вновь избранному президенту Ли Мён Баку. 15% голосов получил кандидат ПЛП Ли Хве Чан. Таким образом, консерваторы и правые в сумме набрали 63,7% голосов.

Кандидат ОДП Чон Дон Ен за счет поддержки юго-запада страны Хонама, являющегося оплотом демократических сил, получил 25,5% голосов, набрав на 5 млн. голосов меньше, чем основной соперник Ли Мён Бак. Кандидат от ДРП получил около 3% голосов. Кандидат созданной незадолго до президентских выборов Творческой народной партии (ТНП) мультимиллионер бизнесмен Мун Гук Хён, считающийся левоцентристским деятелем, получил 6,7% голосов. Таким образом, левый и левоцентристский фланги располагали поддержкой примерно 35% избирателей.

Участие в парламентских выборах приняли 46% зарегистрированных избирателей – это самая низкая явка в истории выборов², по крайней мере в парламентских выборах 2004 г. приняли участие 60,6% избирателей³. Особо низкие показатели явки избирателей на выборы пришлось на Инчон (42,2), Пусан (42,9), Кванчжу (42,5) и провинцию Кенги (43,6%).

Парламентским выборам 9 апреля 2008 г. предшествовали некоторые перемены в соотношении числа избираемых по мажоритарной и пропорциональной системам.

Было принято решение в связи с ростом численности населения об увеличении числа депутатов, избираемых по избирательным округам, на 2 человека (столичная провинция Кенги) и, соответственно, об уменьшении на 2 человека численности депутатов, избираемых по общенациональному списку⁴. Наименьшее число избирателей округа установлено в 104 000 человек, а наибольшее число – в 312 000 человек. Конечно, тут явная несправедливость, но создать избирательные округа абсолютно одинаковые по численности нельзя, так

как есть административные границы, исторические традиции, населенность отдельных территорий. Понятно, что в городе концентрация населения больше, потому там один избирательный округ приходится на большее число избирателей, чем в сельской местности.

Таким образом, на парламентских выборах 9 апреля 2008 г. по округам избирались 245 депутатов, соответственно, 54 депутата по общенациональному списку (по проценту голосов, поданных за партию).

Ставшая правящей партия Ханнара для привлечения избирателей и демонстрации чистоты своих рядов и возрастного обновления заявила, что кандидатами от партии не могут выдвигаться депутаты старше 70 лет, а также имеющие судимость. Правда, последний пункт пришлось скорректировать, так как в РК судимость – понятие весьма широко толкуемое. Все то, что в России относится к административным правонарушениям, например, превышение скорости автомобиля на 11 км, мелкие ДТП – считаются также судимостью. Кроме того, бывает, что за небольшие нарушения избирательного законодательства, например, за то, что человек рядом с местом предвыборного митинга кандидата в депутаты стоял с плакатом, содержащим его критику, налагают денежный штраф в размере от 100 до 1000 долл. Это тоже считается судимостью, так как такое наказание выносит суд. В итоге было принято решение, что не будут выдвигаться те, кто имел уголовное наказание или был лишен когда-то депутатского мандата. Комиссия по отбору кандидатов также проводила анализ опросов общественного мнения по округам и решала, имеет ли кандидат шансы быть избранным депутатом.

Такое же решение приняла также и ОДП.

По-видимому, комиссии по отбору кандидатов явно перестарались⁵ и отказали в выдвижении кандидатами ряду виднейших деятелей партий, особенно связанных с бывшими президентами Ким Ён Самом, Ким Дэ Чжуном, а также бывшим лидером партии Ханнара Пак Кын Хе. Особенно вопиющим был случай в партии Ханнара, когда члену Высшего Совета партии (а он состоит из 5 человек) Ким Му Сону, трижды избиравшемуся депутатом, популярному в своем округе и партии, было отказано в выдвижении. Он был твердым сторонником Пак Кын Хе. Отказали четырежды подряд избиравшемуся по одному и тому округу в провинции Южный Кенсан 70-летнему Ли Кан Ду (министр по экономическим вопросам первого состава по-

сольства РК в России), но рекомендовали избиравшегося пять раз депутатом 72-летнего Ли Сан Дыка, старшего брата президента Ли Мён Бака.

При этом вопреки предложениям Пак Кын Хе закончить процедуру выдвижения в январе месяце, чтобы у кандидатов была возможность лучше подготовиться к выборам, руководство партии процедуру отбора начало только в конце февраля и закончило менее чем за месяц до выборов, чем поставило многих кандидатов, особенно новичков, в сложное положение.

Такая ситуация привела к тому, что обиженная такой несправедливостью группа депутатов от Ханнара, избравшихся ранее в провинции Южный и Северный Кёнсан, в Пусане, Тегу, Ульсане, за три недели до выборов создала свое избирательное объединение под название «Объединение в поддержку Пак Кын Хе» (*«Чинбак енде»*) и выдвинула своих сторонников по округам, от которых они избирались ранее. Часть депутатов решила выступить в качестве независимых сторонников Пак Кын Хе, т.е. формально не будучи членами «Чинбак енде». При этом они заявили, что в случае избрания депутатами они вступят в парламентскую фракцию Ханнара и вернуться в партию.

В ОДП не получили рекомендации на выдвижение ближайший соратник президента Ким Дэ Чжуна Пак Чжи Вон, многолетний соратник Ким Дэ Чжуна в период борьбы против военных режимов, бывший лидер партии Хан Хва Гап и старший сын Ким Дэ Чжуна Ким Хон Ил, до этого трижды избиравшийся депутатом и во время военных режимов покалеченный за выступления в защиту своего отца.

ОДП, осознавая неизбежное поражение и на парламентских выборах, отказав в выдвижении некоторым депутатам, у которых были проблемы, сделала ставку на уже проверенных депутатов. Практически везде, за исключением столицы, этот подход оправдался. Но при этом руководство партии решило бросить вызов правящей Ханнара именно в столице. Так, лидер партии Сон Хак Кю решил баллотироваться не в одном из округов пров. Кенги, успешным губернатором которой он был совсем недавно и где он почти гарантированно мог быть избран депутатом и не во главе списка своей партии, а в избирательном округе Чонро, который считается округом номер один в Корее, ибо находится в центре Сеула, и депутатами парламента от которого были два последних президента Но Му

Хён и Ли Мён Бак. Его соперником был его младший друг, коллега по учебе в Оксфордском университете, дважды депутат парламента от этого округа, бывший помощник президента Ким Ён Сама по внешнеполитическим вопросам, уроженец и житель района Пак Чжин. Против другого видного деятеля партии, бывшего кандидата в президенты от ОДП, бывшего председателя партии Чон Дон Ена партия Ханнара в округе Дончжакгу-2 выдвинула миллиардера, президента Федерации футбола Кореи, депутата парламента, младшего сына покойного основателя группы «Хенде» Чон Чжу Ена – Чон Мон Чжуна. Конечно, Ханнара рисковала, так как округ был не зажиточный, основную массу избирателей округа составляют рабочие и мелкие собственники и служащие. Но избиратели отдали предпочтение кандидату от Ханнара. Потерпели поражение также другие бывшие председатели партии Ким Гын Тхе и Син Ги Нам, бывшая первая женщина - премьер-министр Хан Мён Сук. Вообще поражение ОДП в столице было сокрушающим, так им удалось одержать победу только в 7 округах из 49, хотя в 2004 г. они завоевали 32 мандата⁶.

Результаты парламентских выборов 9 апреля 2008 г. были и предсказуемыми, и необычными. Предсказуемо победила партия Ханнара, которая завоевала большинство депутатских мандатов – 153 из 299. Предсказуемо потерпела поражение ОДП, которая, объединившись с Демократической партией, сумела завоевать только 81 мандат. Как и ожидалось, левой Демократической рабочей партии не удалось повторить успех 2004 г., и она довольствовалась всего пятью депутатскими мандатами вместо десяти ранее. Непредсказуемо, но, как и в 2004 г., лидер ОДП (бывшей «Елин Ури») не был избран депутатом, причем, если в 2004 г. он (Чон Дон Ен) был вынужден сам отказаться от выдвижения из-за крайне непродуманного заявления относительно участия людей старшего поколения в выборах, то в этот раз новый лидер (Сон Хак Кю) проиграл далеко не самому сильному сопернику.

Непредсказуемо мало получила голосов Передовая либеральная партия Ли Хве Чана – всего 18 депутатских мандатов и менее половины голосов, чем ее лидер на президентских выборах четырьмя месяцами ранее. Были также перечеркнуты ее надежды на общенациональное признание, так как она смогла обеспечить избрание своих депутатов только в провинциях Южная и Северная Чунчон и в

г. Течжоне, политическом центре региона Чунчон и, таким образом, она осталась партией региона.

Непредсказуемо организованные и независимые кандидаты – сторонники Пак Кын Хе, к которым, естественно, примкнули и некоторые люди, которых никак невозможно было назвать ее сторонниками, но которые уловили настроение электората и заявили о своей поддержке Пак Кын Хе, одержали достаточно ощутимую победу. Непосредственно «Чинбак Енде» получила 14 мест в парламенте, и еще 11 человек прошли в парламент как независимые.

Вообще выборы 2008 г. ознаменовались небывало большим количеством депутатов, избранных в качестве независимых, всего их насчитывается 25⁷. По-видимому, это свидетельство все большего разочарования избирателей ведущими партиями, и нельзя исключить возможности увеличения независимых кандидатов на местных выборах, в том числе глав администраций уездов и небольших городов.

Получив в два с лишним раза меньше голосов, чем свой лидер Мун Гук Хён на президентских выборах, Творческая народная партия все же завоевала три депутатских мандата.

Лидер Ханнара Кан Чже Соп вынужден был в связи со скандалом по поводу выдвижения кандидатов в депутаты отказаться баллотироваться в депутаты.

Необычность результатов выборов состоит в том, что победа была очень скромной, и в преддверии выборов лидер партии Кан Чже Соп просил избирателей дать Ханнара хоть на один мандат больше, чем половина.

По общенациональным спискам голоса распределились следующим образом: Ханнара – 37,4%, ОДП – 25,1, «Чинбак енде» – 13,1, ПЛП – 6,8, ДРП – 5,6, ТПН – 3,8%⁸, остальные – у 9 мельчайших партий, принявших участие в выборах.

Таким образом, правоцентристы и правые, если включить в этот лагерь 19 независимых, чьи политические позиции скорее относятся к консервативным, чем к левоцентристским, вместе имеют в парламенте 204 (68%) мест, левоцентристы и левые – 95 (32%)⁹. То есть, правоцентристы и правые имеют подавляющее преимущество на политической арене. В этом смысле расстановка политических сил мало изменилась по сравнению с результатами президентских выборов и говорит о том, что избиратель отказывается левоцентристам

и левым в возможности в ближайшее время оказывать какое-нибудь значительное влияние на судьбы страны.

Вместе с тем, разделение на консерваторов и либералов в Корее достаточно условно. Во-первых, необходимо отметить, что во главе всех четырех партий и объединений, которые могут создать парламентские фракции (Ханнара, ОДП, ПЛП, «Чинбак енде»), стоят политики, которые еще год назад были влиятельными членами партии Ханнара. Во-вторых, из 299 депутатов 197¹⁰ (65,9%) – долларовые миллионеры, в том числе 100% депутатов от ТНП, 76% – независимых, 68,6% – Ханнара, 64,3% – «Чинбак енде» и 60% – ОДП. Даже есть один миллионер среди депутатов ДРП.

Если судить по возрасту, то скорее готова к восприятию нового партия Ханнара, т.к. у нее средний возраст депутатов – 51,7 года, у ее основного соперника ОДП – 54,6 года, ТПН – 60 лет, ПЛП – 60,4 года.

В новом составе парламента меньше депутатов, принимавших участие в студенческих и правозащитных движениях, соответственно, меньше имевших судимость. Так, в нынешнем составе судимость имеют 24 депутата, из которых 12 – депутаты ОДП (все депутаты 17-го созыва, в том числе 5 – по 2 судимости), 7 – ПВС (4 депутатов 17-го созыва), по 2 у ПЛП и независимых (у последних все из бывшей правящей партии) и 1 – ДРП (депутат 17-го созыва)¹¹. Так что 21 из них – депутаты предыдущего созыва, которым избиратели поверили больше, чем их соперникам, не имевшим судимость. Почти все судимости связаны с участием в свое время в демократических движениях.

Заметно меньше стало и депутатов, не служивших в армии. В предыдущем составе было 65 мужчин-депутатов, не служивших в армии, в новом составе – 47, причем большая часть не служила по состоянию здоровья. По партиям соотношение следующее: правящая Ханнара – 15,2%, ОДП – 21,7%, ПЛП – 13%, «Чинбак енде» – 20%. Среди 25 беспартийных депутатов 24% (шесть человек) не служили в армии. Уменьшилось также число детей и внуков депутатов, которые не служили в армии (с 13,7% предыдущего созыва до 10,2% нынешнего созыва).

Результаты парламентских выборов показали, что произошло заметное падение поддержки правящей партии Ханнара – более чем на 10% по сравнению с периодом президентских выборов. Всего за два месяца до выборов Ханнара поддерживали почти 50% избира-

телей, и были все основания полагать, что она может получить около 200 депутатских мандатов, т.е. столько, сколько необходимо для внесения изменений в конституцию, для проведения через парламент любых законов и для избрания председателями всех комитетов парламента своих членов¹².

На скромный для Ханнара результат выборов оказали влияние не только проблемы с выдвижением кандидатов и выходом ряда популярных деятелей из партии и возникновение «Чинбак енде», которое отняло у нее более 13% голосов по пропорциональной системе. Определенное значение имеет также поражение в целом Ханнара в обеих провинциях Чунчон и в г. Течжоне, где она смогла завоевать всего одно место из 24 мест¹³.

Свою роль сыграли и определенные проблемы, связанные с деятельностью выдвиженца от Ханнара президента Ли Мён Бака. Республика Корея – президентская республика, и малейшие недостатки в деятельности президента немедленно сказываются на популярности поддерживающей его партии. Так было с партией Елин Ури, которая стала заложником политики, успехов и неудач президента Но Му Хёна, так будет и партией Ханнара, если она не найдет какую-то форму взаимодействия с президентом, которая в случае неудач президента могла бы минимизировать потери для партии, либо не перейдет в прямую оппозицию к нему.

Помимо объективных причин, связанных со значительным ростом цен на нефть, продовольствие и на сырье, что для не имеющей природных ресурсов Южной Кореи является серьезным испытанием, не дающим возможности предпринять меры к повышению уровня жизни населения (из-за чего новой президентской администрации не удалось в краткие сроки остановить рост инфляции и ухудшение экономического положения, что вызвало определенное разочарование простых граждан), были очевидные недоработки или упущения со стороны администрации нового президента, стиля его работы, подбора кадров.

Жизненные ориентиры, формы и методы действия человека, будь он президент фирмы или президент страны, определяются не столько его происхождением, сколько его настоящим социальным и материальным статусом. Человек из беднейших слоев народа, с детских лет вынужденный подрабатывать себе на жизнь, торгуя на улице спичками, лепешками, работавший ночами в студенческие

годы мусорщиком на рынке, чтобы заработать на учебу и питание, но ставший мультимиллионером, сформировал правительство из миллионеров (только министр обороны имел состояние менее 1 млн. долл.), не поняв и даже, наверное, не подумав, какое это произведет впечатление на простых людей, чьи интересы он собрался представлять. Среднее состояние предложенных им к назначению министров составляло примерно 3,1 млн. долл., а среднее состояние назначенных им основных помощников и секретарей составило 3,9 млн. долл.

При этом почти все его выдвиженцы сразу же подверглись критике со стороны СМИ за различного рода аморальные и спекулятивные поступки. Кто-то скупил пахотные земли и не обрабатывал их, явно намереваясь в последующем продать их по завышенной цене, кто-то скупил участки земли в Пхёнчане, рассчитывая на то, что там пройдет Зимняя олимпиада 2014 г.¹⁴, кто-то скрывал, что дочь имеет гражданство США, чтобы пользоваться скидками на медицинское страхование и т.д. и т.п. И СМИ, и оппозиция стала требовать, чтобы президент отозвал свое представление на четырех кандидатов в министры, чьи деяния подверглись наибольшей критике. И хотя президент по установившейся в РК практике не обязан даже при голосовании в парламенте против предложенных им кандидатов в министры отменять свои назначения¹⁵, он вынужден был еще до инаугурации принять отставку трех названных им кандидатов в министры.

Президент объявил о том, что он создаст компактное правительство, чтобы сократить число госчиновников и повысить эффективность управления, и предложил сократить число министерств с 18 до 13. Но когда в число ликвидируемых попали такие министерства, как: по гендерной политике и вопросам семьи, образования, по вопросам объединения, Министерство морских дел и рыболовства, уже начали возмущаться не только оппозиционные партии, но и часть членов правящей партии, общественные организации. В итоге президенту пришлось согласиться иметь 15 министерств. При этом, в связи с тем, что кандидатуру премьера ему удалось утвердить только после инаугурации, первое заседание правительства в качестве президента он проводил с правительством прежнего режима.

Несмотря на то что общественность страны была против строительства транскорейского канала¹⁶, с идеей строительства которого он выступал в предвыборной борьбе, в Министерстве по земельным ресурсам было создано специальное подразделение по стро-

ительству канала, были выделены деньги на изучение, обоснование проекта канала. Не случайно, что главный агитатор канала, ближайший соратник президента депутат парламента трех созывов Ли Чже О проиграл в своем округе новичку в политике, т.е. избиратели не хотели его видеть парламентарием и политиком, могущим оказать влияние на дела в стране (это притом, что все три раза до этого в своем округе он побеждал с подавляющим преимуществом).

Амбициозный проект 747¹⁷, который выдвигал в ходе предвыборной кампании Ли Мён Бак, пришлось еще до инаугурации представлять как стремление, намерение, ибо экономическая ситуация в стране и в мире совершенно ясно давала понять, что проект невыполним, причем, если даже первые две цифры проекта удастся выполнить, Корея не сможет выйти на 7-е место в мире¹⁸.

Стиль руководства нового президента, которого называли «бульдозером» за настойчивость и пробивные способности, а также его неоднократные заявления о том, что он CEO¹⁹ РК, также вызвал определенное неудовольствие у части избирателей. Ведь CEO – единоначальник в фирме, его решения обязаны выполнять все сотрудники фирмы, он работодатель, он может любого сотрудника за недостатки в работе или прегрешения наказать, уволить, в этом смысле он в фирме и руководитель, и прокурор, и судья. Но президент страны не может исполнять функции прокурора, у него нет судебных функций, он может назначить на работу только ближайших помощников, но не может уволить ни одного рядового гражданина из страны, так как у него нет права лишать гражданства кого-либо из граждан государства, чьим президентом он является. И, соответственно, стиль работы президента должен кардинально отличаться от стиля работы CEO. Он прежде всего глава государства – политик, не командующий гражданами страны, а действующий в интересах граждан страны, наилучшим образом отражающий в словах и делах перспективные и ближайшие ожидания граждан и осуществляющий такие меры, такие реформы, которые понятны и получают поддержку населения. Постоянные заявления о том, что в начале какого-то дела всегда много противников, как, например, при строительстве ручья Чонгечон в центре Сеула, но потом все образуется, создают впечатление, что говорящий эти слова человек не понимает или не хочет понимать настроения людей, посвящать их в суть проводимых мероприятий, не считает нужным советоваться с народом, учитывать

его мнение. Это не может не приводить к негативному отношению к проводимой им политике, и в конечном итоге это сказывается на падении его популярности, а следовательно, и снижении эффективности проводимой им политики, ибо только тот политик может проводить успешно свою политику, который умеет её объяснить и получает поддержку народа.

Свою роль сыграло и то, что, несмотря на заявление Ли Мён Бака после своего избрания о том, что он считает бывшего лидера партии Ханнара, свою соперницу за право выдвижения кандидатом в президенты от партии Пак Кын Хе, чья позиция во многом обеспечила единство партии и победу Ли, было очевидно, что и ее саму, и ее сторонников в партии стараются оттеснить, их дискриминируют. Вряд ли это политика самого президента, но еще одного его близкого сторонника, генерального секретаря партии Ханнара²⁰ Ли Бан Хо, который по должности был членом комиссии по выдвижению кандидатов в депутаты, также провалили на выборах в его родном округе в провинции Южная Кёнсан, где он до этого трижды с большим отрывом от соперника побеждал. Причем, проиграл он представителю ДРП, избранному в 2004 г. депутатом по общенациональному списку, окончившему всего лишь сельскохозяйственное училище и являющемуся председателем ассоциации крестьян-католиков этой провинции²¹. Это свидетельство того, что избиратель отвернулся от Ли Бан Хо лично, считая его виновным в таком несправедливом отношении к Пак Кын Хе.

Определенную роль сыграло и то, что новой администрации РК не удалось наладить отношения с Северной Кореей. Стремясь к равноправным и взаимовыгодным отношениям с КНДР, новые власти Южной Кореи не смогли избежать ненужной риторики в стиле старых времен. Казалось бы, вполне оправдано заявление о том, что гуманитарная помощь Северной Корее может быть оказана только после получения от нее такой просьбы, но вряд ли было оправданным связывать предоставление такой помощи с решением вопроса о денуклеаризации КНДР, с учетом того, что северокорейский ядерный вопрос не столько проблема межкорейских отношений, сколько американско-северокорейских отношений. Сейчас отношения между РК и КНДР по государственной линии полностью заморожены. А фактор взаимоотношений с КНДР уже стал в Южной Корее заметным явлением внутривнутриполитической жизни. Но не подлежит

сомнению, что отношения с КНДР надо налаживать и, возможно, властям РК придется просить Северную Корею принять от них гуманитарную помощь, а последняя еще подумает, соглашаться принять ее или нет.

Таким образом, можно утверждать, что расстановка политических сил в РК, при повороте подавляющего большинства населения к правоцентристам и правым политическим силам, характеризуется сложным положением в стане правоцентристов, которое содержит в себе угрозу раскола и значительного ослабления прежде всего партии Ханнара. Многое будет определяться способностью президента и его администрации выправить экономическое положение. Возможно, ключом к решению проблемы раскола или сохранения единства Ханнара и сохранения ее влияния в политической жизни страны, являются не только успехи или неудачи политики президента Ли Мён Бака, но и фактор Пак Кын Хе, отношение к ней со стороны президента, руководства Ханнара. В этом смысле возможны новые перемены в расстановке политических сил РК уже в 2008 г.

Примечания

¹ Korea Herald. 11.04.2008

² http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_issue_detail.htm?No=12486

³ <http://vestnik.tripod.com/novosti08/041001.html>

⁴ Тон-а илбо. 22.02.2008.

⁵ Почему перестарались, вопрос другой. Имело место не только следование букве решения руководства партии, но и какие-то амбиции самих членов комиссий, а также определенное давление со стороны некоторых руководителей партии.

⁶ <http://www.yonhapnews.co.kr/vote/2008/04/11/3201000000AKR20080411090400001.HTML>

⁷ <http://issue.chosun.com/choice2008/successful.html#name>

⁸ По избирательному законодательству РК, по общенациональному списку в парламент проходят партии, набравшие не менее 3% голосов избирателей.

⁹ <http://www.yonhapnews.co.kr/vote/2008/04/11/3201000000AKR20080411090400001.HTML>

¹⁰ Среди избранных в 2004 г. депутатов миллионеров было 130.

¹¹ В парламенте предыдущего созыва в общей сложности 58 депутатов имели судимость (Корея: новые горизонты: Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2005 г. М.: Ин-т Дальн. Востока РАН, 2005. С. 68).

Законодательство о национальной безопасности как основной источник антидемократических тенденций в Республике Корея

Одним из явно выраженных рудиментов авторитарной эпохи в современной политической системе РК является специфическое законодательство в сфере национальной безопасности. Оно включает несколько законов, главную роль среди которых играют Закон о национальной безопасности¹ и два «специальных уголовных закона» – Закон о надзоре в сфере безопасности² и Закон о поддержании общественного порядка³.

Подъем общенационального демократического движения в июне 1987 г. обернулся крушением авторитарного режима III – V республик и открыл южнокорейскому государству путь к значительным политическим преобразованиям. В условиях предшествовавшей авторитарной системы Конституционный акт о гражданских правах был просто формальностью, а уголовное и уголовно-процессуальное законодательство являлось инструментом для поддержания диктатуры и подавления диссидентов.

Демократизация обернулась существенным изменением уголовного и уголовно-процессуального законодательства РК, напрямую связанного с вопросами национальной безопасности. Для поддержания контроля над обществом и подавления оппозиционных настроений власти успешно использовали уголовное законодательство, составным элементом которого был упомянутый выше Закон о национальной безопасности. С этой целью применялась также практика так называемых «специальных уголовных законов». Это законодательные акты, дополняющие действующий Уголовный кодекс РК⁴, который, в отличие от «специальных уголовных законов» в юж-

* ВКК ДВГУ, Владивосток.

¹² По установившейся практике в РК, партия, имеющая больше половины депутатских мандатов, но менее 175, должна пропорционально численности депутатских фракций отдать другим фракциям посты председателей парламентских комитетов. При численности более 175 депутатов она имеет право назначить на все посты председателей комитетов своих членов, не делясь с оппозицией ни одним постом.

¹³ http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2008/04/10/2008041001070.html

¹⁴ Кто же знал, что Пхенчхан проиграет Сочи в этой борьбе. Причем, все в Корею были настолько уверены в победе Пхенчхана, что президент Но Му Хён заявил на встрече с этническими корейцами в Сиэтле (США), где он сделал остановку по пути на заседание Олимпийского комитета в Гватемале, что он «может громко заявить, что успех будет за нами».

¹⁵ Исключение составляет премьер-министр, чье назначение требует утверждения на пленарном заседании парламента. Президент может спокойно через три недели после представления кандидатур министров утвердить их в должности.

¹⁶ 1800 профессоров 70 университетов страны подписали коллективное обращение с критикой проекта строительства канала (Korea Herald. 26.03.2008).

¹⁷ Первая цифра означает ежегодные темпы роста экономики, вторая – через 10 лет ВВП на душу населения РК будет составлять 40 тыс. долл., третья – такое место в мире по ВВП займет в 2010 г.

¹⁸ Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 100.

¹⁹ CEO (Chief Executive Officer) – главное должностное лицо, термин, принятый только в бизнес-среде РК. Этой аббревиатурой в РК обозначают высших руководителей фирм, при этом он может занимать в силу различных причин, например, возраста, и должность вице-президента компании.

²⁰ Это третья по значимости в партии Ханнара должность. Первым идет председатель партии, второй по значимости пост – лидер парламентской фракции партии. Генеральный секретарь Ханнара, если сравнивать с КПСС, – это секретарь ЦК партии по оргработе.

²¹ Необходимо учитывать, что при всей веротерпимости провинция Южная Кёнсан, как и Северная Кёнсан, являются базой буддизма в стране, и там крайне низко влияние христианских организаций.

нокорейской юридической практике, именуется «общим уголовным законом».

Одним из важных направлений деятельности Национального собрания РК в условиях развивающегося демократического процесса стала ревизия законодательной базы страны, в том числе уголовных законов. С этой целью в 1988 г. была создана специальная парламентская Комиссия по пересмотру и отмене законов, препятствовавших продвижению демократии, и которые посягали на фундаментальные гражданские права и вступили в противоречие с новой редакцией Конституции, принятой в 1987 г. В результате работы комиссии некоторые «специальные уголовные законы» действительно были отменены полностью или существенно исправлены.

Для понимания специфики современного законодательства в сфере национальной безопасности необходимо уяснить, что удалось изменить в уголовных законах Южной Кореи в ходе демократических преобразований 1987–2000-х годах и что сохранилось со времен авторитаризма до наших дней. Основного внимания заслуживают три главных «специальных уголовных закона», вызывающие максимальный общественный резонанс: Закон о национальной безопасности, Закон о надзоре в сфере безопасности и Закон о поддержании общественного порядка.

Названные законы логически взаимосвязаны и наделены некоторым свойством взаимной иерархии. Два последних являются производными от Закона о национальной безопасности (далее – ЗНБ), поскольку определяют конкретные меры воздействия на его нарушителей и обеспечивают определенную систему профилактики. Иначе говоря, правоприменительная практика этих двух законов основана на положениях ЗНБ. Исходя из этого, основное внимание демократической общественности Южной Кореи привлечено к сохранению последнего не просто как одного из многих юридических актов, но в качестве принципиальной основы политической системы VI Республики, определяющей особенности её внутривластной структуры, в том числе связанные с поражением в гражданских правах определенного сегмента общественно-политических сил.

Начиная с 2004 г., ЗНБ не перестает быть повседневной проблемой страны. Особые усилия демократической общественности и ведущих политических сил сосредоточены на нем, поскольку закон не теряет значения одной из базовых правовых норм РК и часто приме-

няется властями с репрессивными целями. Напомним, что ЗНБ был принят при Ли Сын Мане в условиях нараставших авторитарных тенденций, с 19 января 1949 г. он твердо стоит на страже последовательно сменявших друг друга режимов I – VI Республик. Сегодня его принципиальные положения выглядят явным наследием авторитарной системы, на что не устают указывать критики закона, к числу которых принадлежат не только левые или либеральные политики, но и многие консерваторы.

24 августа 2004 г. Национальная комиссия по правам человека РК выступила с рекомендацией отменить ЗНБ, это стало важной вехой в его судьбе, поскольку до сих пор ни одно из правительственных учреждений не выдвигало столь кардинального предложения в сфере национальной безопасности. Главная претензия к ЗНБ со стороны комиссии заключалась в том, что он исходит из определения КНДР как «антигосударственной организации» и объявляет антикоммунизм в качестве официальной идеологической доктрины южнокорейского государства. Это означает, что любая деятельность, прямо или косвенно помогающая КНДР, «восхваляющая» северокорейские реалии, направленная на установление контактов с государственными, партийными или общественно-политическими организациями Северной Кореи, а также связанная с пропагандой коммунистических или социалистических идей, влечет за собой уголовное преследование. Наказание за подобного рода преступные деяния предусмотрено как самим ЗНБ, так и его продолжением в лице Закона о надзоре в сфере безопасности и Закона о поддержании общественного порядка.

Сегодняшние критики законодательства в сфере национальной безопасности указывают на две основные проблемы, давно сделавшие его очевидным анахронизмом:

- во-первых, ЗНБ систематически использовался южнокорейскими властями для подавления внутренней оппозиции. До середины 1990-х годов за его нарушение сажали в тюрьму даже организаторов обычных забастовок с явным экономическим характером (по логике властей, любое нарушение, и тем более остановка производства ослабляет южнокорейскую экономику и служит интересам КНДР);

- во-вторых, «специальные уголовные законы» существенно ограничивают современную политико-правовую сферу РК – свободу слова, собрания, политических убеждений и другие гражданские

права, поскольку трактуют любое положительное высказывание о КНДР или коммунизме как уголовнонаказуемое деяние.

До недавнего времени южнокорейские власти постоянно прибегали к расширенному толкованию ЗНБ, что позволяло привлекать к уголовной ответственности или мерам профилактического воздействия неугодных представителей гражданского общества. Если отнестись к букве и духу ЗНБ формальным образом, то самым вопиющим нарушением закона можно будет признать визиты президентов РК Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна в Пхеньян и их личные контакты с высшим руководством «антигосударственной организации» – КНДР. Однако Ким Дэ Чжун в связи с этим удостоился высшей оценки международного сообщества – Нобелевской премии мира. В то же время десятки рядовых граждан находятся в заключении или страдают от иных способов ограничения прав всего лишь за неосторожное высказывание или участие в протестной акции, организаторы которой не были лишены симпатий по отношению к Северной Корее или коммунистической идеологии...

Главные претензии к ЗНБ и другим «специальным уголовным законам» заключаются в том, что в условиях развития всесторонних контактов и сотрудничества РК с КНДР они выглядят явным анахронизмом. Подчеркнём, что формально по ЗНБ всё руководство в Сеуле, начиная с конца 1990-х годов, является правоприменительным объектом и подлежит наказанию за измену интересам южнокорейского государства и откровенное содействие враждебной силе, незаконные вооруженные формирования которой временно контролируют северные провинции РК. Такую ситуацию иначе, чем казус, оценить невозможно: политическая система РК де-факто вышла за рамки ЗНБ, но де-юре его сила, а значит и возможность правоприменения, сохраняется.

Призывая отменить устаревшее законодательство, Национальная комиссия по правам человека сделала ряд оговорок с явной целью успокоить противников столь кардинального изменения привычных политических основ. В высказываниях некоторых членов Комиссии и даже в её официальном заключении признается, что Пхеньян продолжает вести подрывную и шпионскую деятельность против РК и в этом смысле несет угрозу южнокорейскому государству, однако для борьбы с северокорейскими террористами и агентами достаточно обычных норм Уголовного кодекса. В связи с

этим необходимость в «специальных уголовных законах», основанных на ЗНБ, отпадает, тем более что они на практике используются в большей мере как «внутренний» инструмент для воздействия на собственных граждан и политическую оппозицию, чем существенно дискредитируют и подрывают престиж Южной Кореи в глазах международного демократического сообщества⁵.

Подобная точка зрения в отношении ЗНБ высказывалась многими прогрессивными политиками и общественными деятелями РК с середины 1990-х годов, и в связи с этим в 1994–1995 гг. администрация президента Ким Ён Сама провела ограниченную ревизию «специальных уголовных законов», некоторые коррективы были внесены и в ЗНБ. Однако в 2004 г. ситуация принципиально изменилась: критика в адрес ЗНБ прозвучала по инициативе официальной структуры, созданной при южнокорейском правительстве и действующей от его имени.

Рекомендацию Национальной комиссии по правам человека можно расценить как первый, осторожный и достаточно формальный шаг на пути коренной перестройки политической системы VI Республики. Её работа и выводы дали возможность проверить реакцию различных политических сил на возможность реформирования основ современного южнокорейского государства.

Разумеется, такие действия вызвали недовольство консервативно настроенных политиков; многие представители «старого поколения» в политическом истеблишменте Южной Кореи выступают за сохранение ЗНБ как инструмента для сдерживания северокорейской угрозы. Тем не менее им не удалось создать «единого фронта», поскольку даже сторонники ЗНБ разошлись во мнениях относительно дальнейшей его судьбы. Наиболее «прогрессивная» часть консерваторов согласилась с необходимостью поправок, исключающих использование ЗНБ, основанное на нарушении общегражданских свобод. Кстати, по данному вопросу не было единства и среди инициаторов дискуссии в Национальной комиссии по правам человека: за полную отмену ЗНБ высказались 8 её участников, а оставшиеся двое настаивали лишь на его «модернизации»⁶.

Возможность очередной ревизии ЗНБ без его полной отмены поддерживает руководство ПВС (*Ханнарадан*), всегда выступавшая против полного упразднения закона. Бывший председатель и одна из неформальных лидеров *Ханнарадан* Пак Кын Хе неоднократно

подчеркивала, что она лично и её партия выступают за сохранение ЗНБ, а «...если в нем и есть что-то плохое, достаточно будет это плохое удалить»⁷. Судя по редким высказываниям в ходе президентской кампании 2007 г., примерно такой же позиции придерживается новый глава южнокорейского государства Ли Мён Бак.

В потерявших власть либеральных кругах нет единства в данном вопросе. Представители старшего поколения, например, бывший министр обороны и член центрального руководства ОНП (*Еллин уридан*) Чо Сонтхэ подверг рекомендацию комиссии резкой критике и объявил, что отмена ЗНБ играет на руку лишь Пхеньяну. В то же время молодое поколение либералов, ныне раздробленное среди нескольких партий, возникших после развала ОНП, нацелено на более кардинальное решение проблемы ЗНБ.

Однако сторонники сохранения ЗНБ получили поддержку со стороны судебной власти. В сентябре 2004 г. Конституционный и Верховный суды РК, в очередной раз рассмотрев апелляции, вновь подтвердили справедливость всех приговоров, вынесенных на основании ЗНБ.

Сторонникам ЗНБ достаточно сложно отстаивать свою точку зрения в рядах своих партий и в парламенте. Но ещё большими осложнениями грозит потеря авторитета в глазах общественного мнения, поскольку симпатии подавляющего большинства южных корейцев на стороне противников закона. Открытые публичные дебаты о его судьбе начались ещё в 1997 г. с приходом к власти Ким Дэ Чжуна, который сам неоднократно становился объектом преследования за нарушение ЗНБ. В 1980 г. он со ссылкой на этот закон был приговорен к смертной казни и дождался окончательной отмены этого судебного решения только в январе 2004 г. Столь долгий процесс реабилитации бывшего «преступника» и президента – ещё одно яркое свидетельство анахронизма ЗНБ. Эта точка зрения постоянно тиражируется многими южнокорейскими СМИ, поддерживающими идею упразднения или, по крайней мере, существенной модернизации закона.

Против сохранения ЗНБ работает личный опыт многих южнокорейских политиков. Ким Дэ Чжун не единственная его жертва. Среди пострадавших немало тех, кто занимал или по-прежнему занимает ключевые посты в государстве и ведущих партиях. Так, бывший председатель *Еллин уридан* Ли Бу Ен пять раз арестовывался за нарушение ЗНБ;

бывшего министра здравоохранения и соцобеспечения и председателя ОНП Ким Гын Тхэ арестовывали дважды, причем в последний раз – в 1991 г. В тюрьме он подвергался жестоким пыткам. На них присутствовал депутат парламента 15-17-го созывов от *Ханнарадан Чон Хён Гын*, руководивший тогда отделом разведки и выявления северокорейских шпионов⁸. По некоторым данным, до трети депутатов нынешнего состава Национального собрания привлекались в молодости к ответственности за участие в антиправительственных акциях⁹.

Против сохранения ЗНБ в каком бы то ни было виде выступают радикальные студенческие и молодежные организации Южной Кореи, у многих из них имеется «личный счет» к закону. И сегодня прокуратура и следственные органы РК прибегают к ЗНБ и выдают ордера на арест десятков студенческих активистов за одну лишь их принадлежность к Корейской федерации студенческих союзов (КФСС, *Ханчхонрён*), объединяющей ряд студенческих организаций и не скрывающей симпатии по отношению к КНДР. На этом основании власти запрещают деятельность КФСС и преследуют её за нарушение закона. Так, в течение 2003 г. было арестовано 78 активистов и рядовых членов *Ханчхонрён*. При администрации Ким Дэ Чжуна преследованиям подвергались в среднем 410 студентов ежегодно¹⁰. ЗНБ дает основания не только для изоляции студенческих лидеров. Правоохранительные органы имеют практически неограниченные полномочия в деле поиска шпионов и диверсантов, но чаще действия в рамках этого Закона выглядят как преследование диссидентов и инакомыслящих.

В условиях развивающегося демократического процесса в публичное обсуждение законодательства в сфере национальной безопасности напрямую вмешался президент Но Му Хён. 5 сентября 2004 г. Но Му Хён в эфире общенационального телевизионного канала МВС высказал личную точку зрения: «Закон о национальной безопасности использовался главным образом для преследования противников правительства и критиков его действий, а не против тех, кто реально угрожал стране. Нередкими были ужасающие нарушения гражданских и гуманитарных прав, бесчеловечные действия служителей закона. Данный закон – часть позорной истории Кореи и пережиток диктаторских режимов, применять его далее было бы ошибочно... Если мы собираемся прийти к подлинному народо-

властью, уважению прав человека, цивилизованному обществу, не следует ли нам избавиться от пережитков прошлого?»¹¹

К сожалению, руководство РК в ответ на согласие политических партнеров и нейтральную позицию противников вынуждено идти на уступки правому консервативному крылу, в частности ограничиваться незначительной ревизией ЗНБ, поскольку его кардинальный пересмотр до сих пор связывается с проявлением радикальных левых настроений. В современной редакции ЗНБ сохраняется определение КНДР в качестве антигосударственной и преступной организации. Остаются без изменения признаки состава преступлений, предусмотренных в ряде статей закона и связанных с прокоммунистической и просеверокорейской враждебной деятельностью.

Использовали ЗНБ не только авторитарные силы, но и демократические власти; так, при Ким Дэ Чжуне, когда президентской администрации приходилось работать в кризисных условиях 1998–1999 гг., для поддержания экономической стабильности и пресечения забастовок применялось расширенное толкование закона в хозяйственной сфере. Одним из наиболее спорных его моментов является формулировка о «деятельности в интересах враждебной организации» (читай КНДР – *И.Т.*). Расплывчатость этой далеко не юридической дефиниции позволяет значительно расширить её правоприменительную практику, т.е. привлекать к уголовной ответственности не только того, кто «хранит, тиражирует или распространяет подрывные материалы», но и участвует в организации и проведении забастовок на различных экономических объектах, поскольку они якобы подрывают национальную экономику и служат интересам врага. Многие исследователи утверждают, что в 1998–2000 гг. число осужденных на основании ЗНБ значительно превышало показатели 1992–1997 гг., однако официальная статистика, подготовленная Верховным судом РК и представленная в парламент весной 2003 г., этого не подтверждает (см.: табл. 1-2).

Сохраняется значение ЗНБ и как средства антикоммунистического идеологического барьера. Вплоть до настоящего времени сторонники левоцентристских позиций (даже и в классическом, а не «чучхейском» варианте) не имеют возможности открыто заявлять, и тем более пропагандировать свои убеждения. В связи с этим демократически настроенная общественность и пресса упрекает южноко-

Таблица 1

Данные о привлечении граждан РК к ответственности на основании ЗНБ в период демократического транзита (1988 г. – 02.2003 г.)¹²

	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Число привлеченных к ответственности за нарушение ЗНБ	104	312	414	357	342	112	393	285	499
Инкриминированный состав преступления	более 90% задержанных лиц подвергались преследованию на основании ЗНБ за позитивные высказывания в адрес КНДР								

Продолжение табл. 1

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	01–02.2003	Всего
Число привлеченных к ответственности за нарушение ЗНБ	677	412	288	128	118	126	9	4 576
Инкриминированный состав преступления	более 90% задержанных лиц подвергались преследованию на основании ЗНБ за позитивные высказывания в адрес КНДР							

Таблица 2

Сводные данные о привлечении граждан РК к ответственности на основании ЗНБ в период демократического транзита (1988 г. – 02.2003 г.)¹³

Администрации	Период	Число привлечённых к ответственности
президента Ро Дэ У	1988–1992 гг.	1 529
президента Ким Ён Сама	1993–02.1998 г.	1 989
президента Ким Дэ Чжуна	03.1998–02.2003 г.	1 058
Всего	1988–02.2003 г.	4 576

рейские власти в охоте за ведьмами и сравнивает их с американскими маккартистами¹⁴.

И всё же демократизация внесла немало изменений в юридическую сферу РК. Одним из её результатов стало привлечение к уголовной ответственности бывших президентов Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, которым инкриминировали организацию государственного переворота и массовые убийства гражданского населения в г. Кванджу в 1980 г. Несмотря на принятое в связи с этим специальное заявление Конституционного суда о том, что «определённый исторический пе-

риод, когда Корея являлась государством с ограниченными свободами»¹⁵, не противоречил законодательству страны, оба подсудимых были признаны виновными и осуждены.

Под влиянием демократических процессов меняются некоторые элементы пенитенциарной системы и жестокая практика исполнения наказаний; их пытаются модифицировать применительно к новым условиям, однако такая либерализация касается исключительно условий содержания арестантов, но не отношения к «враждебным элементам». Правозащитники и многие юристы настаивают на кардинальном пересмотре ряда законов, но власти предпочитают теперь не слушать их мнения и уклоняются от ревизии законодательства, на которую они вынуждены были согласиться в конце 1980-х и в 1996–1997 гг. Ряд депутатов Национального собрания при поддержке демократической общественности неоднократно вносили в различные парламентские комиссии предложения о пересмотре ЗНБ, с тем чтобы уголовному преследованию подлежали лишь лица, действия которых действительно серьёзно угрожают национальной безопасности или демократическому правопорядку. Но и два последних южнокорейских президента – Ким Дэ Чжун и Но Му Хён, несмотря на частые популистские высказывания в пользу либерализации законодательства, с точки зрения реального развития юридической реформы оставались в рамках привычного консервативного курса.

Тем не менее некоторый пересмотр южнокорейского законодательства в сфере национальной безопасности следует оценивать как важное достижение в области демократизации государства и общества. На протяжении почти полувека оно являлось легальным инструментом для поддержания авторитарных порядков на юге Кореи, причем его «внутреннее» предназначение проявлялось в гораздо большей степени, чем заявленное при введении в действие обеспечение национальной безопасности от угрозы с Севера. Некоторые южнокорейские и западные исследователи видят в «ограниченном изменении» ЗНБ свидетельство «незавершенности демократического процесса в Южной Корее»¹⁶, однако, вынося столь суровую оценку, следует учитывать специфику современных межкорейских отношений. На наш взгляд, сегодня ЗНБ может играть бóльшую роль как раз в этом специфическом аспекте, а не как средство подавления внутренней оппозиции в целом.

Перспективы дальнейшей демократизации РК (а значит, – и завершения стадии демократического транзита) в условиях политической системы VI Республики выглядят недостаточно убедительно. Для перехода на качественно новую стадию демократического развития страна нуждается в реформировании современной политической системы, в том числе и её принципиальных основ. В качестве главных направлений предстоящих преобразований следует рассматривать возможное кардинальное изменение законодательства в области национальной безопасности, а также конституционное регулирование отношений между президентскими и парламентскими структурами, направленное на усиление роли законодательной власти и постепенное сужение сферы ответственности главы государства. Иначе говоря, вектор политического развития Южной Кореи в условиях завершающегося демократического транзита должен быть направлен на укрепление основ гражданского общества, утверждение парламентской формы правления и трансформацию национальной политической культуры и традиции.

Примечания

¹ Закон о национальной безопасности / *Кукка поанпон* был принят 19 января 1949 г., в 1980 г. введена в действие новая редакция закона (Закон № 3318), последние изменения внесены в 1994 г. (Закон № 4704).

² Закон о надзоре в сфере безопасности / *Поан кванчхальпон* был принят 16 июня 1989 г. (Закон № 4132), последние изменения внесены 22 ноября 1991 г. (Закон № 4396).

³ Закон о поддержании общественного порядка / *Сахве похонпон* был принят 18 декабря 1980 г. (Закон № 3286), последние изменения внесены 12 декабря 1996 г. (Закон № 5179).

⁴ Уголовный кодекс Республики Корея / *Тэханмингук Хёнъопчон* принят 18 сентября 1953 г. (Закон № 293), последние изменения внесены 13 декабря 1997 г. (Закон № 5454).

⁵ Тонъя Ильбо. 25.08.2004.

⁶ Там же.

⁷ Сеульский вестник. 25.08.2004 [Электр. ресурс]. Адрес доступа: <http://vestnik.tripod.com/novosti04-II/082501.html> [Дата обращения: 27.09. 2004 г.].

⁸ Тонъя Ильбо. 02.09.2004.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Международное радио Кореи. 05.09.2004. [Электр. ресурс]. Адрес

доступа: http://rki.kbs.co.kr/src/news/news.asp_20040905 [Дата обращения: 12.09. 2004].

¹² Выборка авт. по: Помджэ пэксо (Белая книга уголовной статистики). Сеул, 2002; Кукка поанпобыл мухёро хаджа (За отмену Закона о национальной безопасности). Сеул: Минбён (Национальная ассоциация адвокатов за демократию и демократическое законодательство), 2004.; *Lim Chae-Hong*. The National Security Law and Anticommunist Ideology in Korean Society // Korea Journal. Autumn 2006. Vol. 46. № 3.

¹³ Там же.

¹⁴ О конкретных случаях преследования граждан РК за нарушение ЗНБ см.: *Толстоулаков И.А.* Политическая модернизация в Южной Корее. Ч. 2. С. 675–680.).

¹⁵ Тэхан мингук хонпоп чепхансо 1996.02.16 пхангёль (Решение Конституционного суда РК от 16 февраля 1996 г.) // Тэхан мингук хонпоп чепхансо мунсогук (Архив Конституционного суда РК). Сеул, 1996. NeonBa № 713. С. 9.

¹⁶ См., напр.: *Cho Kuk*. Korean Criminal Law under Controversy after Democratization // The Review of Korean Studies. December 2003. Vol. 6. № 2. P. 50.

О. В. Антеева*

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИОРИТЕТА АРМИИ («СОНГУН») НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С середины 1990-х годов после смерти Ким Ир Сена, в сложных экономических условиях и напряженной международной обстановке пропагандистский аппарат КНДР начал искать новые пропагандистские схемы мобилизации населения. К тому времени, казалось бы, лозунги кимирсеновского периода себя уже изжили. Однако новому северокорейскому руководству было сложно предложить что-то новое, и в ход пошли прежние, «подретушированные» кампании, проверенные временем. Так, политика «сонгун», выдвинутая лидером КНДР Ким Чен Иром, по сути своей является продолжением идей Ким Ир Сена о «сильной винтовке». В сложной ситуации, когда Ким Чен Иру было необходимо укрепить свой авторитет, он сделал ставку на военных, и все ресурсы решил направить на укрепление армии и развитие ВПК в ущерб другим отраслям народного хозяйства.

В целом за последние десятилетия партийные установки не изменились – верность вождю, чучхейский путь развития государства во внешней и внутренней политике, опора на собственные силы в экономике. Идеи «чучхе» и их продолжение – идеи «сонгун» остаются ведущей идеологией, а политической работе с населением по-прежнему уделяется большое внимание. За прошедшие 15 лет авторы идеи «сонгун» показали всему миру, что в ближайшее время КНДР не намерена отказываться от основных постулатов этой идеологии. А курс на строительство «могучей и процветающей де-

* МГИМО (У), Москва.

ржавы», который реализуется последние 10 лет, остается главной задачей государственного строительства. В рамках этого курса народное хозяйство переориентировано на военные нужды, все силы сконцентрированы на укреплении военного потенциала, оборонная промышленность превращена в основу национальной экономики. По мнению северокорейских идеологов, державу невозможно построить, не уделяя основного внимания военному сектору, поэтому в КНДР ведется работа по разработке современных наступательных и оборонительных средств для обеспечения «физической гарантии победы» в случае вооруженного конфликта.

Ведущая установка ТПК на современном этапе – почитание, т.е. демонстрация преданности двумя вождям – Ким Чен Иру и вечному президенту Ким Ир Сену. Пропагандистские органы постоянно подчеркивают, что Ким Чен Ир унаследовал и продолжает курс, начатый вождем. Идеи «чучхе», лежащие в основе политики «сонгун», по-прежнему остаются «путеводной звездой» в деле государственного строительства. Идеи приоритета армии преподносятся как продолжение и развитие идей «чучхе» в соответствии с требованиями нового времени. Преемственность политического курса вождя предполагает в том числе и то, что Ким Чен Ир, так же, как и отец, исповедует принцип «поклоняться народу как небу», то есть самоотверженно трудится ради блага народа и страны.

Пропаганда продолжает усиленно работать над укреплением единоличной власти Ким Чен Ира. По-прежнему актуален лозунг «Без Вас (Ким Чен Ира) нет и Родины», который означает, что без полководца страна и нация пропадут. На юбилейных мероприятиях, приуроченных к той или иной дате в жизни страны, сперва отдаются почести Ким Ир Сену, а затем восхваляются выдающиеся качества его наследника. В рамках укрепления авторитета лидера теперь утверждается, что Ким Чен Ир начал «сонгун»ское руководство еще в 1960 г., т.е. когда ему было 18 лет. На торжественных собраниях по этому случаю традиционно отмечают незаурядные способности Ким Чен Ира, его «выдающаяся стратегия и тактика». Успехи во всех областях, конкретные данные о которых не приводятся, целиком приписываются мудрому руководству полководца. В заслугу Ким Чен Иру ставится великолепное владение вопросами политики и военного дела, уникальное революционное руководство, позволившее в условиях изменений в мире превратить «кимирсеновскую Корею

в мощную в политическом, идеологическом и военном отношении державу»¹. Ким Чен Ира называют «символом достоинства и мощи «сонгунской Кореи», а весь народ «счастлив воспринимать всем сердцем вождя и полководца»².

По-прежнему ключевой партийной установкой является призыв «защищать вождя до последней капли крови» и «укреплять единство вождя, народа и партии». На данном этапе народ объединен общей идеей построения могучей державы, реализации ««сонгун»ской политики, защиты вождя и революции. Идеологи разъясняют народу, что «единство» означает – «почитать революционное руководство», полностью разделять убеждения вождя, выполнять политику партии на всех участках социалистического строительства – в народном хозяйстве, в общественной жизни. Сейчас в северокорейском обществе идет процесс «сонгунизации» (по аналогии с чучхеизацией, проводимой в 1970-е годы), т.е. сплочение всех членов общества на основе идей «сонгун» как единственно верных и обязательных к соблюдению. КНДР с гордостью сообщает всему миру, что «единство армии и народа сильнее ядерного оружия»³.

К установкам ТПК относится и закрепление ведущей роли армии в обществе. Для этого в стране культивируется чувство уважения к армии и военнослужащим, насаждаются армейский стиль и методы работы на всех объектах народного хозяйства и в науке. За армией закрепляется роль авангарда, движущей силы общества в деле построения «могучей и процветающей державы». Армия – наиболее дисциплинированный и преданный вождю коллектив, который в любой момент готов грудью защитить вождя. Об успехах и подвигах военнослужащих население узнает в основном из СМИ. Фактически же население видит, что военнослужащие живут лучше других – ездят на хороших машинах, отовариваются в валютных магазинах и внешне выглядят сытыми и обеспеченными. Это не относится к простым военным на периферии – там приходится «опираться на собственные силы» – разводить в воинских частях мелкий домашний скот, заниматься другими видами сельского хозяйства, чтобы обеспечить себе пропитание.

Население информируют о том, что армия и ВПК надежно защищают суверенитет страны, успешно проводят ядерные испытания и запуски ракет. Отмечается, что именно благодаря руководящей роли военноориентированной политики партия, армия и народ

Кореи способны выдержать «любой натиск империализма». «Гордой победой “политики *сонгун*”» было названо успешное проведение ядерных испытаний. Отмечается, что на основе политики «*сонгун*» в последние 10 лет страна добилась «успехов мирового значения»⁴. Утверждается, что страна может сохранять достоинство и процветать лишь обладая «политико-военной мощью». Благодаря политике «*сонгун*» Корея демонстрирует всему миру свою силу, и «никто не смеет поднять на нее руку, а на этой планете ей любое дело по плечу»⁵. Населению остается только верить на слово о достижениях в военной области, поскольку простым гражданам эти успехи не заметны, а жизнь из года в год лучше не становится.

В экономике руководство страны придерживается лозунгов, выдвинутых еще в 1960-е годы Ким Ир Сенем – «опора на собственные силы» и «самоотверженная борьба с трудностями». Отмечая в 2008 г. 10-летие «Сондинского факела», т.е. непосредственное руководство Ким Чен Иром Сондинским сталелитейным объединением, пропаганда опять ставит в пример рабочих данного предприятия, которые, демонстрируя абсолютное почитание Ким Чен Ира, с опорой на собственные силы увеличивала производство⁶. В современных условиях эти лозунги вновь приобретают важное значение, поскольку на получение международной помощи особо рассчитывать не приходится. Но теперь к лозунгу «опора на собственные силы» добавилась приставка «за счет собственной науки и техники». Это называется стратегическим курсом в строительстве экономической державы. Подчеркивается, что никогда ранее не уделялось такого внимания науке и технике, как сейчас, и именно благодаря этому усилена база самостоятельной национальной экономики. В СМИ указывается, что «ключ прорыва в строительстве могучей державы не только приоритет оборонной промышленности, а опора на собственные силы в области современной науки и техники»⁷.

Также звучат призывы «вести борьбу за экономию и постоянно изыскивать внутренние ресурсы, обеспечивать максимальную реальную прибыль и выгоду, вооружившись принципами возрождения особенностей структуры нашей экономики и за счет развития внешнеэкономических связей»⁸.

К 2012 г. КНДР планирует «распахнуть двери могущественной державы на основе огромной военно-политической мощи, закалившейся в ходе «сонгунской революции»⁹. Власти вновь пытаются от-

влекать народ от текущих проблем и направить в будущее, заставить «жить не сегодняшним днем, а ради будущего». До 2012 г. эту установку можно будет видоизменить, и потом народ уже вряд ли вспомнит, что к тому времени всем обещали обеспечить «жизнь в достатке, не завидуя никому на свете»¹⁰.

Пропаганда не забывает проводить параллели между нынешней кампанией и известным в прошлом движением «Чхоллима». Поскольку движение в честь «легендарного крылатого коня, за день пролетающего 1000 ли», прочно ассоциируется у северокорейцев с периодом экономического роста и относительным благополучием при Ким Ир Сене, власти не находят ничего лучше, как вновь и вновь призывать народ жить и трудиться, как в послевоенные годы. Опять звучат призывы «выступить в 2008 году генеральным маршем и осуществить новый прорыв на всех фронтах социалистического строительства».

Органы пропаганды утверждают, что приоритет отдается первоочередному развитию оборонной промышленности, решению продовольственной проблемы и развитию легкой промышленности. При этом приоритет «оборонки» имеет практическую пользу – на ее базе отрабатываются технологии, которые потом применяются в народном хозяйстве. Политика «*сонгун*» позволяет объяснять населению причину существующих экономических проблем. Дескать, до тех пор, пока не будут укреплены все рубежи страны, нужно «потуже затянуть пояса» и все силы отдавать именно военному делу. Иначе, если страна будет порабощена империалистами, потеряют смысл все усилия на других направлениях. Решать продовольственную проблему предполагается за счет развития сельского хозяйства, с тем, чтобы «полномасштабно продемонстрировать превосходство социализма корейского образца», когда помощи ждать неоткуда¹².

Одновременно серьезное внимание уделяется политико-идеологической работе. СМИ не устают напоминать, что слабая в идеологическом плане армия потерпит поражение, как это было в Афганистане и Ираке. Чтобы этого не произошло, во главу угла ставится идеологическая работа с населением. Политические работники идут в массы и своим примером показывают, как надо работать, руководствуясь идеями «*чучхе*» и «*сонгун*».

Методы идеологической работы были продемонстрированы во время сильного наводнения в августе 2007 г. Тогда, согласно офици-

альным сообщениям, был нанесен большой ущерб многим отраслям народного хозяйства, в том числе сельскому хозяйству и транспортной системе, а также простым гражданам¹³.

Газеты пестрили заголовками: «Политработу – на передний план при борьбе с разрушениями!», «Идеологически готовить население к борьбе со стихией!»¹⁴ Описывая восстановление хозяйства, СМИ писали: «Руководящие работники призывают трудящихся к боям со стихией. Партийные работники выдвигают вперед политработу и, подавая личный пример, ведут массы на борьбу с последствиями наводнения». Ответственные лица объясняют населению важность восстановительных работ и, призвав к себе в помощники агитбригады и художественные коллективы, ведут активную пропаганду, пробуждая в трудящихся дух коллективного новаторства»¹⁵. Пропагандистская машина все время информировала население о том, что руководящие работники и трудящиеся всех регионов достигают больших успехов благодаря самоотверженной борьбе с наводнением, и что народное хозяйство будет восстановлено в кратчайшие сроки. Для этого будут изысканы внутренние резервы при ликвидации последствий наводнения¹⁶. Таким образом, и эти события удалось обратить на дело «коллективизации и сплочения масс» в борьбе с трудностями. Не доверяя только пропагандистским мероприятиям, правительство КНДР неофициально обратилось за поддержкой к международным организациям и некоторым другим странам. Так, в первые дни наводнения, по данным южнокорейского агентства «Ренхап», Южная Корея предоставила 17 млн. долл. помощи, что, по-видимому, стало еще одним вкладом в успех межкорейского саммита в Пхеньяне в октябре 2007 г. В сентябре МИД КНДР выступил с заявлением, где поблагодарил всех доноров (международные организации, КНР, США, ЕС, Россию, Австралию, Египет) за предоставленную помощь¹⁷. Данная ситуация продемонстрировала истинную суть лозунга «по-корейски и только своими силами».

Особенное внимание на нынешнем этапе развития Северной Кореи, естественно, уделяется тем элементам пропаганды, которые нацелены на борьбу с неминуемым проникновением ростков демократии и либерализма в умы корейцев. Неизменно масштабным остается и информационное давление на население, усиливается линия на отсечение граждан от внешнего мира.

По линии Министерства народной безопасности КНДР периодически распространяются листовки и объявления, где предупреждаются о наказании тех граждан республики, кто поддастся буржуазному влиянию и будет осуществлять действия, наносящие вред государственной политике. Летом 2007 г. население было оповещено о том, что МНБ по поручению правительства разворачивает борьбу с действиями, представляющими опасность для общественной и политической системы КНДР. Были названы: открытие караоке, видеосалонов, компьютерных и игровых комнат; продажа электронных носителей, в том числе пустых компакт-дисков; ввоз из-за рубежа или получение от находящихся в стране иностранцев «грязных» средств пропаганды - печатной продукции, аудио- и видеозаписей; покупка, продажа или использование оргтехники; распространение посредством компьютера враждебной идеологии, культуры и образа жизни¹⁸. Не исключено, что власти пытаются всеми способами противостоять неизбежному информационному проникновению из-за рубежа, которое может поколебать идейную стойкость граждан.

СМИ КНДР неизменно печатают немалое количество комментариев, осуждающих «усиливающиеся происки империалистов» по идеологическому проникновению в КНДР, активное ведение психологической войны и попытки навязывания буржуазных ценностей Запада. Указывается, что от политического воспитания молодежи, выработки у них иммунитета к враждебной идеологии зависит будущая мощь страны. Отмечается, что в армии и обществе постоянно идет смена поколений, и молодому поколению нужно прививать любовь к родине, готовность защищать вождя до последней капли крови. Молодежи нужно глубже понимать замыслы руководства страны, вооружаться «идеологией *сонгун*», чтобы противостоять любым проискам врага.

Анализируя задачи, поставленные пропагандистским аппаратом перед народом КНДР в 2008 году, можно отметить, что КНДР будет придерживаться идей «*сонгун*» во внутренней и внешней политике; в обществе будет усиливаться культ личности Ким Чен Ира. В экономике будет продолжена линия на приоритетное развитие оборонной промышленности с целью укрепления военной мощи государства. Поскольку основным направлением политики «революционного руководства» по-прежнему остается строительство могучей державы, в экономике будет реализовываться курс ТПК на улучшение жизни

граждан за счет «революции» в области сельского хозяйства и легкой промышленности, что в итоге должно, как считается, привести к решению продовольственной проблемы.

Вместе с тем, по нашим оценкам, вряд ли стоит ожидать, что идеологические установки ТПК сильно изменятся в ближайшее время. Идет процесс их дополнения и расширения в соответствии с меняющимся временем. В условиях, когда изолировать население от внешнего мира становится все сложнее и сложнее, пропагандистскому аппарату приходится изыскивать новые формулировки, совершенствовать политико-идеологические методы работы с населением.

Примечания

¹ Нодон синмун. 25.08.2007.

² Нодон синмун. 16.02.2008.

³ Совместная передовая статья «Нодон синмун», «Чосон инмингун», «Чхоннен чонви». 01.01.2008.

⁴ ЦТАК. 14.08. 2007.

⁵ Там же.

⁶ Нодон синмун. 09.03.2008.

⁷ Там же.

⁸ Нодон синмун. 16.02. 2008.

⁹ Совместная передовая статья... 01.01.2008.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² ЦТАК. 24.08. 2007.

¹³ ЦТАК. 14.08. 2007.

¹⁴ Нодон синмун. 11–25. 2007.

¹⁵ Нодон синмун. 18.08. 2007.

¹⁶ Нодон синмун. 11.08. 2007.

¹⁷ ЦТАК. 05.09. 2007.

¹⁸ Чосон минчжучуый инмин конхвагук инмин поансон пхого (Оповещение Министерства народной безопасности КНДР). 03.07.2007.

И.Ю. Панкина*

ПОЛИТИКА «СОНГУН» В КНДР: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

После кончины Ким Ир Сена в КНДР стали активно пропагандировать политику «сонгун», которая расшифровывается как политика приоритета армии. Официальной целью этого курса провозглашено «построение могучей процветающей социалистической державы, объединение Родины и окончательное свершение революционного дела *чучхе*»¹. Сейчас можно говорить о «сонгунизации» северокорейского общества во всех сферах его жизни. Для понимания этого феномена необходимо подробно проанализировать обстановку, которая сложилась в стране и вокруг нее в 1990-е годы, и выявить основные причины развития политики *сонгун*.

Во-первых, одним из важнейших событий 1990-х годов, повлиявших на развитие событий в КНДР, стала смерть Ким Ир Сена. Его кончина повлекла за собой серьезные последствия для политической жизни страны. Ким Ир Сен пользовался популярностью и доверием у населения (пусть эти популярность и доверие и были в большой степени результатом деятельности пропагандистского аппарата КНДР). На этом фоне любой преемник, даже родной сын Ким Ир Сена, проигрывал. Кроме того, политическая система государства держалась во многом благодаря усилиям и неколебимому авторитету Ким Ир Сена. Соответственно, она могла пошатнуться после его кончины. Таким образом, видно, что Ким Чен Ир, пришедший к власти после смерти отца, нуждался в серьезной поддержке для укрепления собственного авторитета в глазах народа.

* Институт востоковедения РАН, Москва.

Также одним из внутренних факторов, усугубивших кризис в Северной Корее, принято считать стихийные бедствия 1995–1997 гг., когда наводнения уничтожили большую часть урожая, а также вызвали масштабную эрозию почв, что впоследствии привело к неурожаям. Реальный ущерб от этих стихийных бедствий оценить до сих пор довольно сложно. Северокорейская сторона не публиковала официальной статистики на этот счет, и количество жертв, погибших от голода, по оценкам разных экспертов, колеблется от 250 тыс. до 2 млн. человек. Для хрупкой экономики КНДР наводнения стали серьезным испытанием – в 1995 г. правительство страны впервые было вынуждено признать, что страна переживает острейший продовольственный кризис и обратиться к мировой общественности с просьбой о гуманитарной помощи.

Во-вторых, в развитии современной общественно-политической ситуации в КНДР большую роль сыграл внешний фактор. Исчезновение СССР в 1991 г. и начавшийся еще до этого кризис социалистического лагеря оказали серьезное негативное влияние как на экономическую, так и на политическую ситуацию в Северной Корее. После распада СССР его правопреемница Россия в рамках тогдашнего «проамериканского» курса свернула практически все связи с Северной Кореей. Это стало одной из причин серьезного экономического спада в стране. К примеру, если в 1990 г. объем торговли между СССР и КНДР составлял 2,5 млрд. долл., то в 1991 г. он уже упал до 365 млн. долл. и продолжал снижаться, достигнув к 2000 г. минимума – 38,5 млн. долл.² Соответственно резко вырос объем внешнего долга КНДР, что также негативно сказалось на развитии ситуации в стране. Кроме катастрофических экономических последствий, развал СССР и соцлагеря оказал серьезное влияние на политическую обстановку в КНДР – создался политический вакуум, страна лишилась одного из своих сильнейших союзников; еще нужно учесть и психологическое влияние на население Северной Кореи, так как распад крупнейшей социалистической державы продемонстрировал слабые стороны социалистического строя в других странах и заставил усомниться в собственном социализме. Также необходимо иметь в виду и усилившуюся после распада СССР политическую и экономическую блокаду КНДР со стороны развитых стран, в первую очередь со стороны США и Японии, которые способствовали нагнетанию обстановки и усугубляли кризис внутри страны.

Еще одним важным внешнеполитическим фактором, повлиявшим на ситуацию в КНДР, стало возрастание количества контактов между Северной и Южной Кореей. В течение 1990-х годов и в начале XXI века Республика Корея постепенно становилась торговым партнером КНДР и поставщиком гуманитарной помощи северному соседу. Если в 1991 г. товарооборот между Северной и Южной Кореей составлял всего 100 млн. долл., то в 2005 г. он уже превысил 1 млрд. долл. Гуманитарная помощь Юга становилась достаточно объемной по меркам Севера – с 1995 г. по конец 2006 г. в КНДР из Южной Кореи было поставлено продуктов питания, медикаментов, предметов одежды и др. в общей сложности более чем на 1,5 млрд. долл.³ Стоит отметить и разработку разнообразных межкорейских проектов – таких, как проект объединения железных дорог Севера и Юга с последующим присоединением транскорейской железной дороги к Транссибу, или создание свободных экономических зон, самая крупная из которых – СЭЗ в Кэсоне. Там уже функционирует несколько южнокорейских предприятий, давших работу примерно 20 тыс. северокорейских рабочих. Важными политическими шагами на пути сближения двух государств на Корейском полуострове стали два межкорейских саммита 2000 и 2007 гг. Состоявшиеся во время проведения этих саммитов встречи глав государств (в 2000 г. Ким Чен Ир встречался с Ким Дэ Чжуном, а в 2007 г. – с Но Му Хёном) позволили расширять межправительственные контакты и способствовали исчезновению открытого недоверия и враждебности между северными и южными корейцами. Была подписана совместная декларация, в которой стороны обязались предпринять меры по снижению военной напряженности и достижению мира и процветания на Корейском полуострове.

Кроме расширяющихся контактов с Югом необходимо отметить и тот факт, что в КНДР обозначились изменения, которые в некоторых случаях были сходными с «рыночными». Среди них и открытие (а во многих случаях – фактическая легализация) рынков, где северные корейцы могут продавать свою продукцию, и частичное снятие государственного контроля за ценами на ряд товаров, и разрешение северокорейским предприятиям продавать свои товары за рубеж, в страны с капиталистической экономикой.

Все эти новшества привели к тому, что Северной Корее пришлось приоткрыться, а ее народу – столкнуться с иным образом жиз-

ни, иными ценностями и свободами. На протяжении более полувека северным корейцам непрестанно внушалось, что их южные собратья влачат полунищенское жалкое существование. Естественно, знакомство «вживую» с диаметрально противоположным состоянием дел на Юге заставляло северян задуматься о том, что, оказывается, многие годы их, мягко говоря, вводили в заблуждение. А это, в свою очередь, на фоне других проблем, с которыми столкнулась страна, должно было повлечь недоверие к властям.

Таким образом, Ким Чен Ир, придя к власти, вынужден был не только справляться с серьезнейшими экономическими проблемами, что само по себе уже являлось сложной задачей, но еще и преодолеть возникшее недоверие людей к власти. Ким Чен Иру необходима была новая опора, которая позволила бы справиться с возникшими трудностями, так как правящая Трудовая партия Кореи оказалась в данной ситуации малоэффективной, а силы и возможности рабочего класса также были фактически исчерпаны. Именно в такой обстановке и выдвигается новая политическая концепция Северной Кореи – политика «сонгун», или политика приоритета армии или военного дела (сами корейцы дают два варианта перевода). Армия официально становится главной «движущей силой революции» (а по сути, главной опорой северокорейского режима).

У политики «сонгун» есть ряд особенностей, которые, как кажется, отличают ее от предыдущего политического и идеологического курса КНДР.

Как уже отмечалось, армия становится «главной движущей силой революции», а рабочий класс перестает считаться в КНДР ядром социалистического строительства. Причин якобы такой трансформации несколько. Во-первых, рабочий класс уже не тот, что был в середине XX в., изменились реалии жизни, поменялся сам принцип производства и даже характер классовых отношений. Северокорейские источники говорят о том, что «по своему классовому составу рабочие превращаются в интеллигентов, ...развитие капитализма приводит к... дальнейшему наводнению реакционных буржуазных идейно-культурных течений, что оказывает пагубное сковывающее влияние на рост классового сознания рабочего класса, повышение его сознательности и революционности».

На деле же, как упоминалось выше, рабочий класс в период сложных 1990-х годов оказался слишком дезорганизован и ослаблен, и

только армия, в силу своей природы, была достаточно дисциплинированной и управляемой. Во-вторых, мы не можем забывать и о внешнем факторе – после развала Советского Союза Северная Корея в одночасье оказалась лишена сильного союзника и очутилась один на один с враждебно настроенными сильными государствами, и это также потребовало консолидации военной мощи в стране. Этому фактору придается большое значение и в северокорейских источниках. Также в них говорится о другом внешнем факторе, сыгравшем важную роль в выборе армии как основной силы революции – а именно о том, что социализм и в Советском Союзе, и в восточноевропейских странах потерпел поражение во многом потому, что армия оказалось недостаточно подготовленной и использованной для поддержки режима. Из этого логично вытекает еще один важный принцип политики «сонгун», который заключается в том, что «революция начинается, развивается и завершается благодаря оружию», а «ружье – это классовое орудие, орудие революции и справедливости»⁵. Вообще, в КНДР много говорят о важности «оружия», «ружья». Здесь свою роль сыграла и история страны, которая на протяжении всего XX века была вынуждена бороться за свою самостоятельность и независимость. Во многом именно поэтому в северных корейцах воспитывается готовность с оружием в руках защищать свою родину, а следовательно, и «социализм корейского образца».

Придание важного значения оружию породило следующий ключевой принцип политики «сонгун», а именно – «армия есть партия, государство и народ». Такое сопоставление объясняется тем, что для КНДР, вынужденной противостоять сильнейшей державе мира, именно армия является гарантом независимости и самостоятельности всей страны и нации⁶. Однако в подобной формулировке армии не просто отдается главная роль в революции и строительстве, армия объявляется базовой структурой всего общества, а армейские принципы становятся не просто примером для подражания, но прямым руководством к организации общества.

Важен еще один принцип, заложенный в политику «сонгун» – а именно, о воспитании готовности в каждом бойце отдать жизнь за главнокомандующего – товарища Ким Чен Ира. Как известно, Ким Ир Сен в свое время выдвигал теорию строения общества по принципу организма, где роль головы отводилась лидеру, вождю. Таким образом, уход из жизни вождя ведет к «обезглавливанию» всего

социального организма и даже к гибели нации. Современная идеология в Северной Корее развила и преобразовала этот принцип в «готовность грудью защищать вождя и, не щадя своей жизни, выполнять поставленные им задачи»⁷. В КНДР многое делается именно для того, чтобы подчеркнуть безмерную важность вождя в жизни всех граждан страны – о любви народа к вождю поется в песнях, скорбь по ушедшему Ким Ир Сену внешне приобрела поистине гигантские масштабы. Вся система пропаганды в Северной Корее работает теперь на то, чтобы воспитать в народе благоговение и преклонение перед современным правителем страны. Логичным кажется вывод, что цели этой пропаганды включают в себя и обеспечение безопасности правящей верхушки, в народе поддерживается постоянная готовность встать на защиту и пожертвовать жизнью не только ради самой страны и социалистического строя, но и, в первую очередь, ради Ким Чен Ира, который провозглашается «оплотом и гарантом свободы и независимости КНДР».

Делается все возможное, чтобы укрепить авторитет армии в обществе. Об армии постоянно упоминается в прессе, слагаются песни и т.п. Удлинилась сама история армии, было заявлено, что Ким Ир Сен «основал армию раньше каких-либо других политических институтов»⁸, в апреле 1932 г.⁹ Цель такого изменения и удлинения истории политики «сонгун» ясна: власти необходимо доказать легитимность своих действий и показать политику «сонгун» как логичное продолжение идей «чучхе», а не как нечто совершенно новое, идущее вразрез со старыми установками. С определенной точки зрения политика «сонгун» действительно является продолжением идей «чучхе» – никуда не делся принцип опоры на собственные силы, который был главным в концепции идей «чучхе», просто этими силами, по замыслу северокорейских идеологов, стали военные, а не рабочий класс, как раньше. Политика «сонгун» провозглашается «новой эпохой революции «чучхе», «более высокой стадией [ее] развития»¹⁰.

Политика «сонгун» активно претворяется в жизнь не только на словах, но и на деле, именно она как бы является определяющим вектором развития социально-политической и экономической ситуации в КНДР и даже приносит реальные плоды.

Первым и самым впечатляющим по своим масштабам результатом стала милитаризация северокорейского общества на всех его уровнях. Во главе государства стоит «полководец» Ким Чен Ир, и лю-

бой гражданин является его верным бойцом. В развитии экономики страны приоритет также отдается именно военному комплексу и смежным областям.

Итогом подобной перестройки общества по образу и подобию армии стал рост авторитета военных в глазах простых граждан (ради справедливости надо отметить, что армия в Северной Корее и ранее пользовалась уважением); частичное устранение недовольства населения (ведь военным полагается быть дисциплинированными, послушными и исполнительными); а также воспитание в каждом жителе страны воинского духа и готовности отдать жизнь за «великого руководителя» и до последнего вздоха отстаивать интересы своей родины и ее правящей верхушки. При таком раскладе Северная Корея, сильно отставая от своих вероятных противников по качеству технического оснащения армии, представляется все же серьезным противником – ведь при необходимости вся страна, как один, поднимется на войну – этому способствует как моральная, так и физическая подготовка (не нужно забывать, что служба в армии является обязательной для всех граждан КНДР, а срок службы в армии составляет от 3 лет для женщин и от 5 – для мужчин). Важно отметить, что этот факт сознают и за пределами Севера – многие южнокорейские ученые отмечали, что, если на полуострове вспыхнет война, она будет очень кровавой.

Когда разговор идет о Корейской Народной Армии, нужно помнить важное обстоятельство. Будучи очень большой относительно всего населения страны (из-за обязательности и большого срока службы), она стала бы для него непосильным бременем, если бы содержалась только за бюджетный счет¹¹. Во многом именно поэтому армия активно вовлечена в экономическое строительство в КНДР, принимает живое участие в решении хозяйственных задач – она участвует в строительстве различных промышленных объектов, а также являет собой пример для подражания в работе.

Из-за затяжного и тяжелого экономического кризиса, с которым столкнулась страна в 1990-е годы, рабочий класс, как утверждают в КНДР, оказался отчасти дезорганизован и деморализован. А армия представляет собой дисциплинированную, легко мобилизуемую и дешевую рабочую силу, которую власти Северной Кореи стали успешно использовать при проведении масштабных работ. Армия оказалось удобным и эффективным орудием экономического стро-

ительства. В прессе Северной Кореи широко освещается участие военных в строительстве экономических объектов, причем подчеркивается, что народноармейцы принимали участие в самых сложных и престижных стройках страны. Армия трудилась на строительстве крупных электростанций (в том числе Анбёнской молодежной ГЭС), дорог (например, строительство трассы Пхеньян – Хянсан), ирригационных сооружений (крупнейшим проектом, который был претворен в жизнь силами КНА, стало сооружение ирригационной магистрали Кэчхон – водохранилище Тхэсон) и т.д.

Одним из важнейших результатов претворения в жизнь политики «сонгун» стало изменение де-факто государственной структуры страны.

Согласно Конституции КНДР 1972 года, дополненной в 1998 г., Государственный комитет обороны, который является высшим руководящим военным органом государственной власти, утверждается Верховным Народным Собранием республики и подотчетен ему¹². Однако на практике мы видим иную ситуацию. После поправок 1998 г. роль ГКО сильно возросла. Если раньше он был в подчиненном положении по отношению к президиуму ВНС, Кабинету министров, а также по отношению к судебной и исполнительной власти, то теперь он по своему статусу стал выше этих органов¹³. Благодаря конституционным поправкам, к ГКО переходит все больше полномочий, которые раньше были в ведении ВНС. Например, управление всеми вооруженными силами, военно-промышленным комплексом страны. Министерство Народных Вооруженных Сил и другие военные организации теперь подчинены ГКО¹⁴, а представители ГКО направлены в каждое министерство КНДР. ГКО уполномочен вводить в стране военное положение и издавать приказ о мобилизации.

О фактическом изменении структуры власти страны говорят и должности ее нынешнего руководителя: в декабре 1991 г. Ким Чен Ир стал Верховным Главнокомандующим Корейской Народной Армии, а в апреле 1993 г. занял также пост председателя ГКО. Кроме того, между этими двумя событиями, в апреле 1992 г. ему было присвоено звание маршала КНДР. Статус ГКО был повышен еще и тем, что с 1997 г. его председатель является генеральным секретарем ТПК. Северокорейские ученые предпочитают определять статус ГКО в иерархии руководящих органов как «центральный», но не «главствующий». Возможно, это обстоятельство никогда не будет отмечено

но документально, однако уже сейчас мы имеем все основания утверждать, что ГКО стал главным государственным органом страны, потеснив ВНС.

На сегодняшний день процесс осуществления политики «сонгун» оставляет еще много сложных вопросов. Не последнюю роль здесь играет общая закрытость страны, а следовательно, и труднодоступность информационных материалов. Несмотря на постоянные упоминания в прессе о действиях «полководца» в рамках политики «сонгун», мало известно о его трудах на данную тему. Возможно, кроме закрытости, этому есть и еще одно объяснение – события предшествуют созданию идеологической начинки и объяснений, подгонка лозунгов под жизненные реалии происходит постфактум.

Одним из главных вопросов власти в КНДР по-прежнему является вопрос наследника. Тезис о необходимости преемственности власти был разработан еще Ким Ир Сенем. Именно реализовав этот тезис, Ким Ир Сен и представил своего сына Ким Чен Ира в качестве своего наследника и продолжателя революционного дела. Однако сейчас на политической арене Пхеньяна не видно сколько-нибудь значимого кандидата на роль преемника Ким Чен Ира, и это позволяет предполагать, что после того, как Ким Чен Ир уйдет от дел, к власти могут прийти военные. Известно, что у Ким Чен Ира есть, по меньшей мере, три сына, один из которых может унаследовать власть от отца, но достоверной информации на этот счет нет. Отдельные ученые полагают, что и сейчас у власти в стране фактически стоит военная группировка. Однако это не однозначное мнение. Во-первых, все военные режимы подобного рода характеризовались противостоянием армии и народа, использованием армии в качестве репрессивного аппарата – а этого в КНДР не происходит. Во-вторых, Ким Чен Ир не является ставленником военных, а кроме того, он сам, хотя и получил звание маршала КНА, не является военным – как известно, он получил гражданское образование. Нет также серьезных оснований предполагать, что Ким Чен Ир является исполнителем воли военной верхушки страны – умело используя систему сдержек и противовесов среди военных руководителей, он сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать их объединению против него¹⁵.

Военные, надо полагать, не захотят упускать власть из своих рук и будут играть не последнюю роль среди «претендентов на трон», когда еще не определен наследник нынешнего лидера.

Вторым серьезным вопросом, напрямую затрагивающим армию, является ее роль в дальнейшем развитии страны. Как уже отмечалось выше, военные стали в какой-то мере «двигателем» экономического строительства и социального развития, особенно в период тяжелого кризиса 1990-х годов. Возможно, решение опереться на военных в то время было единственно правильным с точки зрения сохранения северокорейского режима. Однако сейчас, когда перед вышедшей из кризиса страной встают новые задачи модернизации и изменения экономики, военная структура может оказаться нефункциональной, так как она слишком жесткая и негибкая. Кроме того, армия непригодна в деле развития международных контактов – а именно по этому пути и пошла Северная Корея, решившись, например, на создание свободной экономической зоны в Кэсоне. Военная структура не предназначена для решения подобных задач, тем более на международном уровне. Кроме того, политика приоритета военного дела может просто-напросто отпугнуть иностранных, в первую очередь южнокорейских, инвесторов, решивших сотрудничать с КНДР. Интересно, что сами северные корейцы придерживаются противоположной точки зрения. Считается, что именно политика «сонгун» положительно влияет на процесс объединения страны и «заботится о Юге и его экономике», обеспечивая мир и безопасность и предотвращая возникновение войны на Корейском полуострове.

Таким образом, можно сделать вывод, что для успешной модернизации экономики страны и ее развития необходима помощь извне, в том числе со стороны Южной Кореи, а это требует изменений в самой государственной системе, и в первую очередь – отказа от милитаризированной структуры экономики и общества. Однако также несомненно, что властям КНДР было бы очень сложно сделать подобный шаг, так как по сути он означал бы отказ от главной опоры режима. Военные, оказавшиеся сейчас наверху государственного аппарата, тоже не захотят так просто выпускать власть из своих рук, и они, со своей стороны, делают все возможное, чтобы удержать эту власть – например, с целью доказать необходимость и жизненную важность армии, в обществе культивируется и преувеличивается угроза военного нападения извне и т.п.

Эта деликатная проблема касается слишком многих аспектов – таких, например, как проблема поддержания хрупкого мира на Корейском полуострове – и поэтому требует постепенного и акку-

ратного решения. Похоже, что власти Пхеньяна и власти Сеула прекрасно осознают этот факт, а потому выбрали наиболее мудрый способ ее решения – политику «объединения малыми шагами», первоначальной задачей которой является помощь РК в восстановлении и развитии экономики КНДР.

Примечания

¹ *Ким Чен Ир*. Линия сонгунской революции – это великая революционная линия нашей эпохи, всепобеждающее знамя нашей революции, Пхеньян, 2007. С. 2.

² По данным Федеральной службы Государственной статистики РФ. www.gks.ru

³ Сайт Министерства Объединения РК. www.unikorea.co.kr

⁴ *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 7.

⁵ *Ким Ин Ок*. Теория политики сонгун полководца Ким Чен Ира. 2003. С. 4.

⁶ См., напр.: *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 5.

⁷ *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 15.

⁸ Нодон Синмун. 25.04. 2001.

⁹ Раньше в Пхеньяне утверждали, что первым институтом, организованным Ким Ир Сенем, являлась Трудовая Партия Кореи (ТПК), созданная 10 октября 1945 г., а годом основания КНА считался 1948 г.

¹⁰ *Ким Чен Ир*. Указ. соч. С. 3.

¹¹ По оценкам европейских экспертов, на армию в КНДР тратится до 25% ВВП страны; сами северяне называют другие цифры – до 15% ВВП.

¹² Ст. 105 «Социалистической Конституции КНДР».

¹³ *Vantage point*. March 2007. Vol. 3. P. 46.

¹⁴ *Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. С. 85.

¹⁵ Там же. С. 93.

С.С. Суслина*

КНР, ЯПОНИЯ И РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Экономическая интеграция в СВА – конкурент НАФТА и ЕС?

Вскоре после инаугурации в интервью зарубежным экономическим изданиям новый президент Южной Кореи Ли Мён Бак высказался в поддержку заключения трехстороннего соглашения о свободной торговле между Южной Кореей, Китаем и Японией. Эта идея далеко не нова. Примечательно, что, по сути дела, РК, да и два других ее соседа, видимо, подошли в развитии своего экономического взаимодействия к порогу его эффективности. Предполагается, что заключение соглашения помогло бы существенно повысить конкурентоспособность продукции трех стран на мировом рынке. Такая позиция РК свидетельствует о большой ее заинтересованности в появлении региональной группировки с участием стран, которые являются ее важнейшими торгово-экономическими партнерами и конкурентами одновременно.

Активно развивая внешнеэкономическое сотрудничество, РК видит перспективы его дальнейшего расширения и минимизации конкуренции по однотипным видам продукции именно в налажи-

* МГИМО(У), Москва.

вании определенной региональной производственной кооперации и обмена продукцией. Тем более, что пока есть еще много объективных оснований для установления интеграционных связей. Уже отмечалось, что две из рассматриваемых стран (РК и КНР) обладают высоким динамизмом развития, тогда как Япония – значительным научно-техническим и экономическим потенциалом. Но уже накапливаются объективные факторы, действие которых постепенно разрушает взаимодополняемость экономических структур этих стран и ставит их в условия жесткой конкуренции между собой на мировом рынке. Уже сейчас все три страны имеют избыток накопленного капитала, если учитывать размеры их золотовалютных резервов. Кроме того, КНР и РК являются сами весьма привлекательными для притока иностранных инвестиций. Экономический бум, высокие темпы экономического роста, оказывая положительное влияние на социально-экономическое развитие, часто притягивают в страну спекулятивный краткосрочный иностранный капитал, так называемые «горячие деньги», бесконтрольный приток которых может вызвать эффект «мыльного пузыря» в экономике страны. Такое возможно в Китае, это пережила Япония и РК в годы финансового кризиса 1998–1999 гг. Можно предположить, что заключенные между этими странами не так давно финансовые соглашения по своповым операциям в отношении валюты каждой из стран как раз и являются первой и важнейшей ступенькой в закладывании интеграционной группировки, способной обезопасить себя от ситуаций, схожих с Азиатским финансовым кризисом конца прошлого века.

По многим причинам процесс интеграции в регионе Северо-восточной Азии развивается медленнее, чем, скажем, в Европе, Северной Америке или Латинской Америке. Здесь все еще сказывается влияние наследия исторического прошлого, а также конкуренция Китая и Японии за лидерство в этом регионе. Однако неоднозначное историческое прошлое и в этом регионе все более стало вытесняться прагматизмом настоящего времени.

Этот процесс отражает общую тенденцию развития региональных связей. Торговля между Китаем, Японией и РК с начала нынешнего века уверенно набирает динамику. Ежегодный прирост торговли за 2000–2005 гг. между ними составил 26,6%, в то время как объем товарооборота этих стран со странами НАФТА увеличился всего лишь на 7,6% в год, а с ЕС – на 14%. Таким образом, прослеживается

Таблица 1

Товарооборот КНР, Японии и РК (СВА) со странами НАФТА и ЕС в 2000–2005 гг., млрд. долл.

Годы	Товарооборот стран СВА	Торговля между СВА и НАФТА	Торговля между странами СВА и ЕС
2000	111,9	422,1	238,1
2001	109,9	387,8	227,9
2002	126,0	405,6	240,9
2003	164,4	443,8	304,8
2004	319,9	537,7	408,3
2005	364,5	609,6	458,8

Источник: World Economic Outlook. IMF.2006.

тенденция увеличения тяготения экономик рассматриваемых стран друг к другу (табл. 1).

Население стран СВА почти вдвое превосходит население стран НАФТА и ЕС вместе взятых. А это значит, эти страны обладают достаточно емким рынком, что положительно влияет на развитие интеграционных связей между ними.

При этом в непосредственном соседстве с этой тройкой стран находятся государства также с не маленькими по масштабам и значимости экономиками и населением, такие как Россия, Индия, Индонезия, которые заинтересованы в развитии региональной экономической интеграции. Преимущества создаваемой группировки, в частности, по населению, бесспорны даже в том случае, если ЕС распространится на всю Восточную Европу, а НАФТА продолжит расширение на другие страны Южной Америки.

Посмотрим на соотношение этих группировок по ВВП (табл. 2).

Ежегодные темпы прироста совокупного ВВП за 2003–2005 гг. составили 7,9% для стран СВА, 6,7% для НАФТА и 7,7 для ЕС. Если бы японская экономика развивалась более высокими темпами, то темпы всего региона могли бы значительно превосходить все другие группировки.

Сопоставим движение экспорта товаров среди стран СВА и США (табл. 3).

С позиции импорта, Китай является вторым крупнейшим торговым партнером США, Япония – четвертым и Южная Корея – седь-

Таблица 2

Совокупный объем ВВП стран СВА, НАФТА и ЕС в 2003–2005 гг., млрд. долл. (в ценах 1995 г.)

Годы	СВА	НАФТА	ЕС
2003	6,3	12,5	11,2
2004	6,9	13,4	12,5
2005	7,4	14,3	13,0

Источник: Statistical yearbook for Asia and pacific. 2006; World Development Indicators 2006. N.Y., 2007.

Таблица 3

Экспортные потоки среди стран: КНР, Япония, Корея и США, млн. долл.

	Китай	Япония	Южная Корея	США
Китай	-	84,1	35,1	163,3
Япония	80,0	-	46,7	136,0
Южная Корея	61,9	24,0	-	41,5
США	41,8	55,4	27,7	-

Источник: International trade STATISTICS. WTO 2006.

мым. Ввозимые в США товары из этих трех стран СВА уже превышает импорт из ЕС. Торговый оборот США со странами СВА растет быстрее, чем со странами ЕС и даже НАФТА. Китай и Япония являются третьими–четвертыми крупнейшими торговыми державами мира после США и Германии. Создание зоны свободной торговли в СВА еще более усилит их роль.

Для достижения соглашения странам СВА потребуется пройти немалый путь согласования их интересов. Например, Япония и Южная Корея имеют примерно одинаковые тарифные структуры, хотя японские тарифные ставки более низкие на рыбную и лесную продукцию. Китайские тарифные ставки значительно выше, чем японские и корейские, за исключением транспорта, электроники и оборудования, на которые в Китае гораздо более низкие тарифы.

Важным показателем развития региональных интеграционных связей является уровень развития взаимной торговли (табл. 4).

Как видно из табл. 4, внутрирегиональная торговля в СВА еще не

Таблица 4

Внутрирегиональная торговля по отношению к общему объему торговли участвующих стран, 1990–2005 гг., %

Годы	СВА	НАФТА	ЕС
1990	5,1	18,5	64,6
1995	11,2	20,8	61,1
2000	10,1	23,3	60,0
2005	11,8	21,4	64,2

Источник: Hee-joon Kang. Regional Integration and Free Trade Agreement among China, Japan, and Korea // Static and Dynamic Consequences of a KORUS FTA. Korea Economic Institute. 25th Anniversary 1982–2007. P. 109–121.

занимает такое доминирующее место, как скажем, в НАФТА или ЕС. И это свидетельствует о сравнительно слабом развитии внутрирегиональных связей, можно сказать, о его начальном этапе.

По расчетам экономистов, в том числе и южнокорейских, выгоды от интеграции с Китаем и Японией для Южной Кореи составят ежегодно от 1 до 2% дополнительного прироста ее ВВП, увеличение ее благосостояния – на 4,7–6,4% в год.

Проблемы и трудности экономической интеграции в СВА

Вместе с тем, процесс экономической интеграции в этом регионе осложняется тем, что ключевые игроки в восточноазиатском пространстве – Китай и Япония – выступают между собой не только как партнеры, но и как конкуренты, а от их взаимодействия в решающей степени зависит ход всей экономической интеграции в регионе. Тесные торгово-экономические связи между КНР и Японией сформировали естественную экономическую взаимозависимость двух стран. Однако в последние годы сбалансированность экономических отношений между этими странами нарушается, нарастают взаимные противоречия, даже не учитывая политические факторы. В настоящее время, по имеющимся оценкам¹, в китайско-японском экономическом взаимодействии наблюдается явная асимметрия. Япония становится более зависимой от китайского рынка, чем Китай от японского. Для Японии Китай сегодня стал главным торговым партнером, на долю которого приходится почти 20% японского внешнеторгового оборота. Доля Китая в общем объеме внешней тор-

говли Японии поступательно растет: с 9% в 1999 г. до 16% в 2004 г. В то же время доля Японии во внешней торговле КНР неуклонно снижается с 21% в 1996 г. до 12% в 2006 г. Следует отметить, что половина импорта Японии из Китая представляет собой продукцию совместных предприятий двух стран, действующих на территории Китая. Не слишком оптимистично выглядит положение и в области китайско-японского совместного предпринимательства. Японские инвестиции в Китае (около 50 млрд. долл.) по своему объему уступают инвестициям из США и Гонконга, и их доля в КНР относительно снижается. Совместное предпринимательство с емким китайским рынком стало для обеих стран хорошим средством стимулирования взаимной торговли. Однако в нынешнем десятилетии темпы притока японского капитала в Китай имеют тенденцию к снижению.

Итак, можно сделать вывод, что для Японии сейчас важнее китайский рынок, чем для Китая – японский (об этом свидетельствует и торговый дефицит у Японии с КНР). В целом Китай выступает в роли важнейшей перерабатывающей и реэкспортной базы японской сборочной продукции на ее пути на мировые рынки. К тому же неуклонно растет конкуренция между Японией и КНР за закупки энергоносителей и приобретение энергетических активов в странах Ближнего Востока, Азии и в России.

Одновременно в Восточной Азии обостряется китайско-японское соперничество за экономическое и политическое влияние в регионе. **В сфере торговли** Китай поступательно увеличивает импорт из стран Восточной Азии, который составляет уже более половины общего импорта КНР.

Соперничество и взаимодействие Токио и Пекина проявляется и в их отношениях с АСЕАН по продвижению взаимной экономической интеграции. В целом создается впечатление, что Китай в Восточной Азии ведет себя более напористо и активно, сокращая экономическую дистанцию с Японией и опережая ее по числу интеграционных инициатив. Пекин удачно демонстрирует перед восточноазиатскими странами свои преимущества по сравнению с Японией: гигантский, достаточно открытый внутренний рынок, способный как поглощать товары и инвестиции, так и поставлять конкурентоспособную трудоемкую и техноемкую продукцию и инвестировать в сопредельные страны. КНР стягивает региональные торговые и инвестиционные потоки и удачно направляет их на западные рынки, включая Японию.

Япония же пока не открыла в достаточной степени свой рынок как для товаров, так и для инвестиций из стран региона.

РК как партнер и один из перспективных игроков в интеграционном процессе в СВА

Республика Корея в первом десятилетии нового века, динамично развиваясь, выдвинулась на 11-е место в мировой торговле и на 3-е место среди азиатских стран по объему ВВП, который в стоимостном выражении, в текущих ценах в 2007 г. достиг более 900 млрд. долл. Его прирост в 2007 г. составил 4,9% (табл. 5). Зависимость национальной экономики от внешней торговли неуклонно растет, и на ее внешнеторговый оборот приходится более 90% валового национального дохода, тогда как еще в 2002 г. – лишь 72%.

Наибольший рост по итогам минувшего года был зафиксирован в промышленном секторе (6,4%) и сфере услуг (4,8%). Наиболее слабыми оказались экономические показатели в строительной отрасли и сельском хозяйстве, где был зафиксирован рост всего лишь на 1,8% и 0,6% соответственно (табл. 6).

Таблица 5

Динамика роста ВВП Республики Корея, %

по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
ВВП	3,8	7,0	3,1	4,6	4,0	5,0	4,9

Источники: Monthly Statistics Bulletin. The bank of Korea. 2008. № 2; Korea Policy review. July 2007. P. 6–14.

Таблица 6

Основные показатели развития РК в 2000–2007 гг.

Годы	ВНД, трлн. долл.	ВВП		ВНД на душу населения	Рост ВВП				Расходы на потребление и инвестиции		
		трлн. вон	млрд. долл.		Все-го	С/х, лесная и рыб-ная пром.	Про-мыш-лен-ность	Сек-тор услуг	Част-ное пот-ребле-ние	Сред-ства про-извод-ства	Стро-итель-ство
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2000	576,2	578,7	511,8	10.841	8,5	1,2	8,1	6,1	8,4	33,6	-0,7
2001	592,4	600,9	482,0	10.162	3,8	1,1	2,2	4,6	4,9	-9,0	6,0
2002	633,8	642,7	546,9	11.493	7,0	-3,5	7,6	5,4	7,9	7,5	5,3
2003	645,8	662,7	605,2	12.646	3,1	-5,3	5,5	-2,8	-1,2	-1,2	7,9

Продолжение табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2004	670,1	693,4	667,4	14.100	4,6	7,4	11,4	-0,5	-0,5	3,8	1,1
2005	674,3	720,9	695,4	15.000	4,0	0,5	7,0	1,9	3,2	5,1	0,3
2006	691,1	757,9	877,0	18.372	5,0	-1,9	8,3	4,1	4,2	7,5	-0,1
2007	722,2*	796,8*	851,3*	20.060*	4,9	0,6	6,4	4,8	4,4	7,5	1,6

Примечания. Рост по годовому базису (в постоянных ценах), 2000 г.=100 %.

Объем ВВП: в рыночных ценах.

* - по предварительным данным.

Источники: составлено по данным Quarterly Bulletin and Monthly Statistical Bulletin. The Bank of Korea. 2007–2008. № 3.

Таблица 7

Динамика экономического роста Республики Корея по её составляющим

(% по годовому базису, в постоянных ценах 2000 г.; млрд. вон)

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Валовой внут-ренний продукт	7,0	3,1	4,6	4,0	5,0	4,9
С/х, лесная и рыбная промышленность	642.748,1	662.654,8	693.424,0	720.937,2	757.937,0	796.807,9*
Обрабатывающая промышленность	-3,5	-5,3	7,4	0,5	-1,9	0,6
Энерго-, газо-, водоснабжение	24.422,2	23.138,3	24.849,3	24.965,6	24.774,5	24.923,1
Строительство	7,6	5,5	11,4	7,0	8,3	6,4
Сфера услуг	166.242,9	175.417,0	195.410,4	209.103,0	226.045,6	240.512,5
Валовой национальный доход	7,7	4,7	6,2	6,8	5,4	3,8
Средства про-изводства	15.258,0	15.981,3	16.965,4	18.114,6	19.097,5	19.823,2
Строитель-ство	2,8	8,6	1,7	0,2	0,3	1,8
Част-ное пот-ребле-ние	46.529,4	50.548,7	51.410,5	51.528,4	51.665,4	52.595,4
Средства про-извод-ства	5,4	-2,8	-0,5	1,9	3,9	4,8
Строитель-ство	61.301,0	59.563,9	59.290,1	60.413,9	62.757,2	65.769,5
Част-ное пот-ребле-ние	6,9	1,9	3,8	0,6	2,2	4,15*
Средства про-извод-ства	633.842,1	645.787,6	670.056,8	674.286,0	689.140,1	722.212,0*

Примечания. Объем ВВП и ВНД: в рыночных ценах.

* - по предварительным оценкам.

Источник: Monthly Statistical Bulletin. The Bank of Korea. 2008. № 3.

Таблица 8

Прогноз макроэкономического развития Республики Корея в 2008 г., в %, млрд. долл.

	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Рост ВВП, % (в постоянных ценах 2000 г.)	5,0	4,9	4,7
Расходы на конечное потребление	4,2	4,4	4,5
Инвестиции (внутренние)	7,6	7,5	7,0

Продолжение табл. 8

	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Экспорт, млрд. долл. (на условиях таможенной очистки)	325,5	371,5	413,0
Уровень роста, %	14,4	14,1	11,4
Импорт, млрд. долл. (на условиях таможенной очистки)	309,4	356,8	399,0
Уровень роста, %	18,4	15,3	13,1
Активное внешнеторговое сальдо, млрд. долл. США	16,1	14,6	14,0
Рост розничных цен, %	2,2	2,5	2,7
Уровень инфляции, %	3,0	3,6	3,0
Уровень безработицы, %	3,5	3,2	3,2
ВНД на душу населения, долл.	18.372	20.060	25.000

Источники: составлено по данным Monthly Statistical Bulletin. TheBank of Korea. 2008. № 2-3; оценкам Министерства финансов и экономики и Института развития Кореи.

В последние годы во внешнеэкономической стратегии РК произошли явные и весомые сдвиги, касающиеся ее приоритетов и стратегического партнерства. На первые места по объему экономического сотрудничества Южной Кореи с регионами безусловным лидером стала Азия.

Развитие торговых связей

В 2007 г. общий объем товарооборота РК с миром достиг более 728 млрд. долл. (экспорт составил 371,5 млрд. долл., а импорт – 356,8 млрд. долл., положительное сальдо превысило 14,6 млрд. долл.)² (табл. 9).

Безусловным лидером во внешнеэкономических связях РК выступает Китай (145,0 млрд. долл.), занимающий 20% всего ее товарооборота (в экспорте – 22%, в импорте – 17,7%). При этом только за 2007 г. экспорт товаров РК в КНР увеличился на 18%, а импорт РК из КНР – на 29,8%.

Второе место в товарообороте РК занимают США (82,9 млрд. долл.) – 11,4% от всего объема (экспорт РК в США – 45,8 млрд. долл., а импорт – 37,2 млрд. долл. Третье место в товарообороте РК занимает Япония – 82,6 млрд. долл.(11,3%). В экспорте РК далее следуют по степени значимости Гонконг, Тайвань, Сингапур, Германия и на 8-м месте Россия (8,1 млрд. долл.. прирост 56% и доля во всем экспорте-2,18%). В импорте РК на первом месте КНР, далее идут Япония, США,

Таблица 9

Динамика внешней торговли РК, млрд. долл., %

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Экспорт	253,8 (31,2)	284,4 (12,0)	325,5 (14,4)	371,5 (14,1)
Импорт	224,5 (25,5)	261,2 (16,4)	309,4 (18,4)	356,8 (15,3)
Сальдо торговли	29,3	23,2	16,1	14,6

Примечание. В скобках указан рост в % (по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года).

Источник: Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOCIE) и Ассоциация международной торговли Кореи (KITA), Monthly Statistical Bulletin. The Bank of Korea. 2008. № 2–3.

Саудовская Аравия, Германия, Австралия, ОАЭ, Тайвань, Индонезия, Кувейт, Катар, Малайзия, Россия (на 13-м месте 6,97 млрд. долл. прирост – 52,6% и удельный вес во всем импорте – 1,96%).

Торгово-экономическое сотрудничество России и Республики Корея в 2006 г. продолжало развиваться с учетом стратегии, предусмотренной Совместным планом действий, подписанным в ноябре 2005 г. в Пусане во время визита Президента России В.В. Путина в РК.

Экономическое взаимодействие России и РК в течение 2007 г. строилось с учетом достигнутых договоренностей и намеченных перспектив.

Итоги двустороннего сотрудничества в 2007 г. можно охарактеризовать следующим образом. Товарооборот между Россией и РК за 2007 г., по данным официальной корейской статистики, увеличился на 54,5%, по сравнению с 2006 г. и составил 15,06 млрд. долл. Экспорт России за этот период составил 6,97 млрд. долл. (рост 52,6%), а импорт – 8,08 млрд. долл. (рост 56,2%). Пассивное сальдо торгового баланса России составило 1,11 млрд. долл.

Следует отметить, что торговля с Россией в 2007 г. развивалась самыми рекордными темпами, которые сопоставимы только с приростом в торговле с Вьетнамом (46%), Турцией и Чили. Взаимный товарооборот РК-РФ достиг – 15,1 млрд. долл. и составил 2,07% от всей торговли РК (табл. 10).

В структуре товарооборота значимых изменений по сравнению с 2006 г. не произошло, за исключением значительного роста рос-

Таблица 10

Динамика товарооборота России и Республики Корея

Годы	Торговый оборот		Экспорт России	Импорт России	Торговый баланс
	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов
2002	3.283,5 (14,5)	2.217,6 (14,9)	1.065,9 (13,6)	1.151,7	
2003	4.180,9 (27,3)	2.521,8 (13,7)	1.659,1 (55,7)	862,7	
2004	6.010,8 (43,8)	3.671,5 (45,6)	2.339,3 (41,0)	1.332,1	
2005	7.800,8 (29,8)	3.936,6 (7,2)	3.864,2 (65,2)	72,5	
2006	9.752,2 (25,0)	4.572,9 (16,2)	5.179,2 (34,0)	- 606,3	
2007	15.065,2 (54,5)	6.977,5 (52,6)	8.087,7 (56,2)	- 1.110,3	

Примечание. В скобках даны темпы роста (%) по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года.

Источник: МТПЭ (MOSIE) РК

сийского экспорта топливно-энергетических товаров на 136%, а также российского импорта машино-технической продукции на 91%. Увеличение импорта из РК машино-технической продукции связано с реализацией корейскими компаниями проектов инвестиционного сотрудничества, требующих технического оснащения вновь создаваемых производств в области бытовой электроники и автосборки.

Экспорт южнокорейского капитала за рубеж

Крупнейшими реципиентами корейских инвестиций за рубежом в 2007 г. были Китай (5,23 млрд. долл.), США (3,41 млрд. долл.), Вьетнам (1,27 млрд. долл.), Гонконг (1,16 млрд. долл.), Исландия (810,0 млн. долл.), Норвегия (791,9 млн. долл.), Камбоджа (624,5 млн. долл.), Япония (518,2 млн. долл.), Сингапур (506,6 млн. долл.).

Таблица 11

Распределение корейских прямых инвестиций за рубежом по регионам мира, шт.; млрд. долл.

Регионы мира	2005 г.		2006 г.		2007 г.		Накопленные инвестиции (1980-2007 гг.)	
	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма
Всего	4 365	6,39	5.185	10,7	20.692	20,35	126.212	91,76
Азия	2 977	3,83	3.472	6,1	15.706	10,73	91.531	44,39
Ближний Восток	16	0,039	34	0,4	181	0,15	1.304	1,25
Северная Америка	1 095	1,26	1.334	2,1	3.088	3,55	21.104	21,74

Продолжение табл. 11

Регионы мира	2005 г.		2006 г.		2007 г.		Накопленные инвестиции (1980-2007 гг.)	
	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма
Цент. и Юж. Америка	44	0,37	60	0,5	382	1,20	3.176	6,35
Европа	136	0,63	166	1,2	762	3,97	4.372	14,61
Африка и Океания	97	0,27	119	0,4	573	0,75	4.725	3,41

Источник: The Export-Import Bank of Korea. Март 2008 г.

Из табл. 11 видно, что более половины всех корейских прямых инвестиций за рубеж направляются в азиатский регион, и только треть идет в страны Северной Америки. Доминирующая доля приходится на производственный сектор и сектор оптовой и розничной торговли.

Такая же отраслевая структура и у южнокорейских прямых инвестиций в российскую экономику. И это свидетельствует о возрастающем интересе РК к производственному кооперированию с Россией (табл. 13).

Таблица 12

Прямые инвестиции РК за рубежом по секторам экономики, млн. долл.

Сфера инвестирования	2005 г.	2006 г.	2007 г.	Накопленные инвестиции (1968-2007 гг.)
ВСЕГО	6 398,5	10 731,1	20 351,73	91 762,64
Сельское хозяйство и рыболовство	29,7	42,9	102,32	668,91
Добывающая промышленность	428,2	1426,9	2000,39	7145,87
Производство	3587,5	5067,2	7160,19	44 031,45
Строительство	156,9	675,7	887,02	2618,69
Оптовая и розничная торговля	973,2	1286,7	2461,39	16 249,67
Транспорт и логистика	122,0	197,1	382,48	1033,83
Телекоммуникации	137,9	207,4	137,49	1951,15
Финансы и страхование	44,1	1,4	1033,06	2627,39
Ресторанный и гостиничный бизнес	197,7	208,5	314,17	1975,29
Сфера услуг	562,9	1096,1	3400,32	5808,591
Недвижимость	158,3	521,3	1678,58	5470,82
Другие сферы	0,0	0,0	794,27	2180,97

Источник: The Export-Import Bank of Korea. Март 2008 г.

Таблица 13

Прямые инвестиции РК в России по секторам экономики, тыс. долл.

Сфера инвестирования	2005 г.		2006 г.		Накопленные инвестиции	
	Сумма	Уд. вес, %	Сумма	Уд. вес, %	Сумма	Уд. вес, %
Сельское и лесное хозяйство	5 442	17 044	7,5	37 617	6,3	
Рыболовство	0	7	0	4 108	0,7	
Добывающая промышленность	0	38 289	16,8	67 354	11,3	
Производство	30 615	112 225	49,3	228 925	38,3	
Строительство	3 755	1 548	0,7	9 907	1,7	
Торговля	57 163	29 201	12,8	103 308	17,3	
Ресторанный и гостиничный бизнес	1 335	200	0,07	46 589	7,8	
Перевозки и хранение	3 410	81	0,03	3 991	0,7	
Телекоммуникации	0	15	0	28 103	4,7	
Финансы и страхование	0	20 879	9,2	20 879	3,5	
Недвижимость	695	6 786	2,9	42 570	7,1	
Сфера услуг	120	1 314	0,6	1 702	0,3	
Культура, искусство, спорт	0	214	0,1	1 234	0,2	
Другие услуги	0	0	0	710	0,1	
ВСЕГО:	102 533	227 804	100,0%	596 998	100%	

Источник: The Export-Import Bank of Korea. Февраль 2008 г.

Предпринятый анализ текущей ситуации дает возможность сделать определенные выводы.

Во-первых, РК на современной стадии своего экономического развития не может претендовать на ключевое место в экономической интеграции среди двух крупнейших держав СВА – Китая и Японии.

Во-вторых, ее роль, скорее всего, сведется к посреднической, смягчающей противоречия, связывающей и координирующей основные процессы в области хозяйственной интеграции. Этому способствует ее геоэкономическое положение в регионе как мостика, возможно в будущем связывающего трудно предсказуемый Север Кореи с остальным регионом АТР.

В-третьих, следует отметить проявляющуюся в последние годы тенденцию на расширение связей и увеличение объема сотрудничества РК с Россией.

Примечания

¹ *Потанов М.* Китай и Япония: партнеры и конкуренты в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 86–91.

² KOTIS. February 2008.

П.С. Лешаков*

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Российский рынок становится все более привлекательным для иностранных инвесторов. Прямые вложения в экономику Российской Федерации в 2007 г., по данным Росстата, достигли 27,8 млрд. долл., а по оценкам Центробанка, включающего и реинвестированную прибыль, превысили 47,1 млрд. долл.¹ В 2007 г. прямые инвестиции из Республики Кореи в Россию составили 227,8 млн. долл (табл. 1), или 0,8%² от общего притока прямых иностранных капиталовложений в страну, хотя они выросли на 122%.

С другой стороны, в последние годы резко возрос объем вывоза капитала из Республики Корея на внешние рынки. В 2006–2007 гг. он утроился и достиг в 2007 г., по данным Экспортно-импортного банка Кореи, исторического максимума в 20,4 млрд. долл. (табл. 2), а по оценкам Министерства финансов и экономики Республики Корея, даже 27,64 млрд. долл.³ Страна постепенно превращается из реципиента в донора на мировых рынках капитала.

Тем не менее доля России в общем объеме южнокорейских прямых зарубежных инвестиций в этот период стабильно оставалась на уровне ниже 1%. Крупнейшими получателями южнокорейских инвестиций в 2007 г. выступили Китай – 5,23 млрд. долл (6,4 млрд. долл. с учетом реинвестированной прибыли), США – 3,41 млрд. долл. (4,3 млрд. долл.) и Вьетнам – 1,27 млрд. долл. (2,5 млрд. долл.) Если же говорить о суммарно накопленных южнокорейских заграничных инвестициях, то удельный вес России в них составляет всего лишь 0,65%, т.е. в три раза меньше Узбекистана, который сумел за весь постсоветский период получить от южнокорейских инвесторов около 1,5 млрд. долл. И это притом, что важнейшим событием россий-

* Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Таблица 1

**Прямые южнокорейские инвестиции в России
по секторам экономики, тыс. долл.**

Сфера инвестирования	2005 г.	2006 г.	2007 г.	Накопленные инвестиции	
				Сумма	Уд. вес, %
Сельское и лесное хозяйство	7 606	5 442	17 044	37 617	6,3
Рыболовство	0	0	7	4 108	0,7
Добывающая промышленность	0	0	38 289	67 354	11,3
Обрабатывающая промышленность	17 614	30 615	112 225	228 925	38,3
Строительство	4 450	3 755	1 548	9 907	1,7
Оптовая и розничная торговля	1 054	57 163	29 201	103 308	17,3
Ресторанный и гостиничный бизнес	2 680	1 335	200	46 589	7,8
Перевозки и хранение	0	3 410	81	3 991	0,7
Телекоммуникации	0	0	15	28 103	4,7
Финансы и страхование	0	0	20 879	20 879	3,5
Недвижимость	0	695	6 786	42 570	7,1
Сфера услуг	753	120	1 314	1 702	0,3
Культура, искусство, спорт	0	0	214	1 234	0,2
Другие услуги	0	0	0	710	0,1
ВСЕГО:	34 157	102 533	227 804	596 998	100%

Источник: Экспортно-импортный банк Кореи. Февраль 2008 г.

Таблица 2

**Распределение южнокорейских прямых инвестиций за рубежом
по регионам мира, млрд. долл.**

Регионы мира	2005 г.		2006 г.		2007 г.		Накопленные инвестиции (1980–2007 гг.)	
	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма
Всего	4 365	6,39	5185	10,7	20 692	20,35	126 212	91,76
Азия	2 977	3,83	3472	6,1	15 706	10,73	91 531	44,39
Ближний Восток	16	0,039	34	0,4	181	0,15	1304	1,25
Северная Америка	1 095	1,26	1334	2,1	3088	3,55	21.104	21,74
Центральная и Южная Америка	44	0,37	60	0,5	382	1,20	3.176	6,35
Европа	136	0,63	166	1,2	762	3,97	4372	14,61
Африка и Океания	97	0,27	119	0,4	573	0,75	4.725	3,41

Источник: Экспортно-импортный банк Кореи, март 2008 г.

ско-южнокорейского саммита, состоявшегося в сентябре 2004 г. в Москве, стало подписание инвестиционных соглашений на общую сумму 4 млрд. долл.⁴ К сожалению, приходится констатировать тот факт, что несмотря на декларации в верхах, прямые иностранные инвестиции нашего дальневосточного соседа в Россию не поспевают за современной динамикой развития российской экономики и не отвечают ни экономическим, ни политическим интересам двух стран.

Правда, инвестиционный всплеск последних двух лет, связанный с завершением строительства бизнес-центра «Lotte» в Москве и вводом в эксплуатацию завода бытовой электроники «LG» в Подмоскowie, вселяет определенный оптимизм. На 2006–2007 гг. приходится 55% всех накопленных прямых инвестиций РК в Россию. Новые масштабные проекты по сооружению завода бытовой электроники «Samsung Electronics» на территории индустриального парка «Ворсино» в Боровском районе Калужской области (ввод первой очереди – в ноябре 2008 г.) и строительству сборочного автомобильного завода «Hyundai Motors» мощностью 100 тыс. автомобилей в год в Санкт-Петербурге (ввод в эксплуатацию в 2010 г.), озвученные в 2007 г., свидетельствуют, по крайней мере, о реанимации интереса южнокорейских инвесторов к России.

Решения о капиталовложениях в российское производство южнокорейских тяжеловесов вызвали цепную реакцию анонсирования новых амбициозных проектов другими южнокорейскими компаниями. Корпорация «Lotte Group» объявила о планах открытия в апреле 2009 г. своей первой гостиницы в Москве, строительства кондитерской фабрики в Обнинске и создания сети фирменных продуктовых магазинов. Её конкурент, компания «Orion» сразу же реанимировала проект производства кондитерских изделий под маркой «Choco Pie» в Твери. Компания «LS», выделившаяся из группы «LG» после реструктуризации, заявила о намерениях организовать производство кабельной продукции совместно с «Самарской кабельной компанией», а корпорация «KT&G» проявила интерес к строительству в Подмоскowie завода по производству табачных изделий.

География южнокорейских инвестиционных проектов распространилась далеко за пределы Центральноевропейской части России. Государственная компания «КЕРСО» взялась за совместную реализацию проекта строительства угольной электростанции мощностью 1000 мегаватт в Свердловской области. Сразу две компании

«LG Chemicals» и «KP Chemicals» планируют строительство заводов по производству полиэтилена в Казани. Управляющая компания из южнокорейского порта Пусан «BPA» намерена инвестировать в строительство контейнерного терминала в Находке, мощность которого к 2020 г. должна быть доведена до 400 тыс. 20-тонных контейнеров в год. Интерес южнокорейских предпринимателей привлекает даже далекая Магаданская область, где ими предполагается освоение месторождений бурого угля и строительство гостиницы международного класса. В декабре 2007 г. прошла информация о возможном вхождении в проект «Сахалин-3» южнокорейской компании «KOGAS» и ее сотрудничестве с «Газпромом»⁵. Правда, при этом в замороженном состоянии находятся крупномасштабные проекты по строительству нефтеперерабатывающего комплекса в Татарстане и модернизации Хабаровского нефтеперерабатывающего завода, которые назывались в качестве приоритетных на упомянутой выше встрече в верхах.

В любом случае южнокорейский капитал мог бы активизировать свой выход на российский рынок. Во-первых, это связано с общей тенденцией смягчения ограничений на заграничные инвестиции южнокорейских предпринимателей. В 2008 г. в рамках этого процесса для граждан Республики Корея будет снят лимит в 3 млн. долл. на частные инвестиции в зарубежную недвижимость. Во-вторых, приход в Россию крупных южнокорейских финансово-промышленных групп неминуемо потянет за собой компании, занимающиеся производством комплектующих, логистикой и финансовым обслуживанием. Например, строительство упомянутого выше завода «LG» в Дорохово инициировало создание крупного контейнерного терминала «Контранс» у близлежащей железнодорожной станции Тучково, совместного проекта южнокорейской логистической компании «Pan Korea» и Дальневосточной транспортной группы (ДВТГ). А сразу же после выбора в качестве места для российского завода «Hyundai Motors» в Санкт-Петербурге о поиске площадок для размещения производства штампованных и сварных автокомпонентов в этом регионе объявили южнокорейские компании «Hyundai Mobis» и «Shin Young Metal».

Приход новых южнокорейских инвесторов будет во многом стимулироваться и активно проводимой в последнее время правительством Республики Корея политикой продвижения на внешние рынки мелких и средних фирм в партнерстве с крупным бизнесом. В какой-то мере изменения направленности частных южнокорейских

капиталовложений можно прогнозировать и в силу ожидаемого ужесточения инвестиционных условий в КНР, связанных с введением в 2008 г. новых нормативных актов. И, наконец, не последнюю роль в этом процессе должно сыграть значительное повышение инвестиционной привлекательности самой России.

Однако в отличие от прошлого десятилетия, когда приветствовались любые иностранные вливания в российскую экономику, сейчас ситуация изменилась. В марте 2008 г. Дума рассмотрела во втором чтении Закон об иностранных инвестициях в стратегические отрасли. Этот закон предусматривает системные ограничения на зарубежные капиталовложения в оборонные и сырьевые отрасли экономики. А ведь если посмотреть на структуру иностранных инвестиций последних лет, то почти половина всех вложений приходилась на добычу полезных ископаемых (см. рис. 1). С нынешнего года вход в эту наиболее прибыльную, но и наиболее капиталоемкую отрасль будет затруднен. Поэтому «энергетическая дипломатия», провозглашенная вновь избранным президентом Республики Корея Ли Мён Баком и предполагающая создание «полосы энергетического сотрудничества»⁶ в странах Евразии и Латинской Америки, в отно-

Рис. 1. Структура прямых иностранных инвестиций в Россию в 2006–2007 гг.

шении России может оказаться несколько запоздалой инициативой. Более того, как считают некоторые южнокорейские политологи, она даже вредна, поскольку «сведение дипломатии с Россией к обсуждению вопросов энергетики и природных ресурсов может только обострить проблемы энергетической безопасности в Восточной Азии»⁷.

Поворот от рыночного фундаментализма к прагматичной политике развития, который наблюдается в последнее время в российских коридорах власти, заставляет по-новому осмыслить инвестиционную стратегию страны. Интерес для России представляют прежде всего инвестиции в промышленное производство. Известно, что именно в этом направлении больше всего преуспели южнокорейские корпорации в третьих странах: 48% всех накопленных за 1986–2007 гг. прямых инвестиций за рубежом приходятся на обрабатывающую промышленность⁸. Эта общая тенденция прослеживается и в структуре прямых иностранных инвестиций Южной Кореи в России. В 2006–2007 гг. более 43% приходилось на обрабатывающую промышленность (см. рис. 2). Казалось бы, в этой области наши обоюдные интересы соприкасаются и открывают очень хорошие перспективы. Однако практика реализации первых проектов позволяет сделать вывод о том, что в своей стратегии выхода на российский рынок южнокорейские компании нередко повторяют одни и те же ошибки. Как правило, это связано с определенными субъективными штампами в восприятии российской действительности, недостатком достоверной информации, а также со специфическими особенностями регулирования инвестиционного климата в нашей стране, а именно – меняющимся законодательством, сложной процедурой таможенной очистки, коррупцией и медлительностью в принятии оперативных решений на ведомственном уровне.

Не претендуя на полный анализ ряда проблем, хотелось бы для начала их просто обозначить.

Выбор партнера или формы инвестирования. Первый вопрос, который встает перед любым инвестором: в какой форме целесообразно действовать, решая эту проблему? Казалось бы, оптимальным во всех отношениях могло бы стать совместное предприятие, в котором финансовые и технологические ресурсы южнокорейского партнера взаимно дополнялись бы недвижимыми и производственными активами, трудовыми ресурсами и знанием специфики российского партнера. Однако практика 1990-х годов полностью опровергла такой

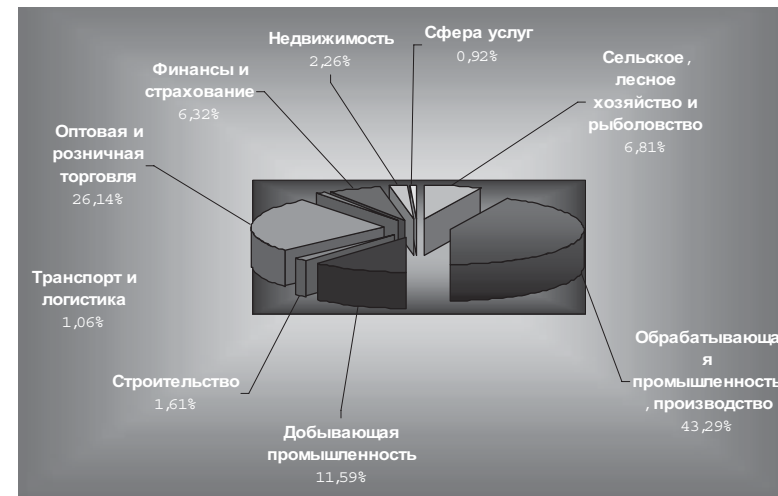

Рис. 2. Структура южноевропейских инвестиций в Россию в 2006–2007 гг.

подход, поскольку успешное российско-южнокорейское СП – явление крайне редкое. В силу ряда причин, которые выходят за рамки данного исследования, южнокорейские инвесторы стремятся выстраивать свой бизнес в России самостоятельно и предпочитают не слияние, покупку или вхождение в долю существующего предприятия, а организацию его с нуля.

Землепользование и земельное законодательство. Вторая особенность не только южнокорейских, но и других азиатских инвесторов – стремление приобрести землю для своих предприятия в собственность. Новое земельное законодательство РФ предоставляет им такую возможность, но таит в себе большое количество «подводных камней». Главный из них – разделение земель по категориям пользования и отсутствие прозрачной системы перевода земли из одной категории в другую. Отсутствие поясняющей информации у южнокорейцев и нежелание вникать в юридические тонкости землепользования уже на этой первоначальной стадии приводят к ошибочным решениям, которые зачастую ставят под сомнение рентабельность всего инвестиционного проекта

Проектирование и строительство. В случае если земельный

вопрос успешно разрешен, а именно компания смогла приобрести земли промышленного назначения или перевести купленную землю из категории сельскохозяйственного назначения в промышленное пользование, следующей проблемой становится проектирование и строительство объекта. Подчас, в силу незнания или желания сэкономить средства, южнокорейские инвесторы начинали строительные работы без согласованного с соответствующими органами проекта. Эти вопросы становились предметом обсуждения уже когда производственные помещения были возведены и предстояла государственная приемка того или иного объекта. А согласовать проект задним числом сложнее и дороже, а иногда и вообще невозможно. Это приводит к общему удорожанию уже сверстанного бюджета по строительству как минимум на 10%.

Инфраструктура. Земля, предлагаемая инвестору, как правило, имеет очень неразвитую инфраструктуру. Рядом может быть электричество, газ, автомобильные и железнодорожные подъездные пути. Но подъездные пути надо обновить, к сетям – подключиться. А это не только многочисленные согласования и разрешения, но и существенные вложения. За подключение электричества в 2005 г. РАО «ЕЭС» получало с пользователей по 1000 долл. за 1 кВт, а для среднего завода требуется как минимум 1000 кВт. Как объяснить эти непредвиденные расходы штаб-квартире в Сеуле, если в Республике Корея все работы по подготовке инфраструктуры для потенциальных инвесторов осуществляются за счет государства?

Отношения с контролирующими органами. Все дополнительные расходы обоснованы и подтверждены головным офисом, государственная приемка объекта успешно проведена, и можно, «засучив рукава», начинать работу. И на этой стадии у иностранных инвесторов, и не только южнокорейских, голова «начинает идти кругом» от бесчисленных проверок. Можно перечислить надзорные и контролирующие органы: Санэпидемстанция, Росприродоохрана, Госпожнадзор, Электронадзор, Рострудинспекция, ГИБДД, Налоговая инспекция, Миграционная служба и т.д. Одни эти аббревиатуры могут вызвать у иностранца панику, не говоря уже о дополнительных расходах, связанных с получением необходимых согласований и разрешений. Следует отметить, что попытки игнорировать вполне законные требования контролирующих органов и попытки решить их «приватным» путем только увеличивают общие расходы.

Взаимодействие с государственными органами власти.

Важнейшей составляющей успеха любого инвестиционного проекта является четкое взаимодействие и полное взаимопонимание с местными органами власти. К сожалению, южнокорейские бизнесмены часто недооценивают важность этого момента, пытаются действовать «через голову» местной администрации, пытаясь таким образом ускорить решение вопроса с помощью покровителей в высших эшелонах власти. Причем использование сразу же нескольких каналов взаимодействия с властью иногда приводит к конфликтным ситуациям.

Кадровая политика. Большим недостатком при планировании инвестиционного проекта является отсутствие информации о рабочей силе и ее мобильности. В особенности это касается так называемых проектов с нуля. Южнокорейские компании прежде всего заинтересованы в переносе в Россию сборочных, конвейерных производств, требующих малоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих. А таковые в столичных регионах уже давно в дефиците. Их можно найти на периферии, но туда не стремятся южнокорейские сотрудники в силу отсутствия социальной инфраструктуры для их семей. Эти вопросы мало учитываются на стадии выбора места для объекта, но приводят к отдельным проблемам на работающих уже сейчас предприятиях.

Думается, обобщение и более глубокий анализ вышеизложенных и связанных с ними проблем позволил бы новым южнокорейским компаниям избежать непредвиденных издержек и повысить общую инвестиционную привлекательность России в глазах потенциальных инвесторов из Республики Корея.

Примечания

¹ Ведомости. 28.02.2008.

² 0,5% при расчете по методике Цетробанка.

³ Hankook Ilbo. 13.02.2008.

⁴ Суслина С.С. Экономическое влияние России на РК и КНДР в свете процессов интеграции в СВА // Корейский полуостров и вызовы глобализации. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 121.

⁵ Коммерсант. 13.12.2007.

⁶ Hankook Ilbo. 11.03.2008.

⁷ Ryu Jin-sook. Putin and Lee Myung-Bak Sharing one Bed with Two Different Dreams? Korean Institute for Future Strategies. 18.03.2008.

⁸ Экспортно-импортный банк Кореи. Март 2008 г.

А. А. Санжиев*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЛИ МЁН БАКА: ВОЗМОЖНО ЛИ ДОСТИЖЕНИЕ ПОСТАВЛЕННЫХ ЦЕЛЕЙ?

19 декабря 2007 г. в Республике Корея (РК) состоялись 17-е президентские выборы, на которых победу одержал кандидат от оппозиционной Партии великой страны (ПВС) Ли Мён Бак.

По мнению южнокорейских политологов, залогом его успеха стали прошлые достижения в бизнесе и на посту мэра Сеула. В то же время прежнего главу государства Но Му Хёна оппоненты обвиняли в том, что он не справился со многими проблемами в экономической сфере. В частности, правительство не смогло снизить показатель безработицы и предотвратить социальное расслоение в стране.

В предвыборной программе Ли Мён Бак сделал упор прежде всего на экономические вопросы, а также на свою компетентность в этой области. В инаугурационной речи он определил именно бизнес как «источник национального богатства» и «создателя новых рабочих мест»¹.

Своей конечной целью новая администрация Южной Кореи считает возрождение национальной экономики. Для придания большей символичности и четкого определения начала новой экономической эпохи был даже придуман специальный термин – «МБномика»². Считается, что в основе новой экономической системы лежит «созидательный прагматизм».

Экономическая программа Ли Мён Бака, с которой он шел на президентские выборы и которую намеревается воплотить в жизнь, имеет название **План «747»**. Первая цифра обозначает 7%-ный ежегодный экономический рост. Другие две – это годовой доход на душу

* Российская газета, Москва.

населения в 40 тыс. долл. и 7-е место страны среди экономик мира. Все эти показатели предполагается достичь через 10 лет, т.е к 2018 г.

Если рассматривать перспективы реализации первого пункта плана, то следует отметить, что в 2007 г. рост южнокорейской экономики составил 5%. По прогнозам некоторых специалистов, экономический рост Южной Кореи в 2008 г. составит более 5% или незначительно превысит этот показатель³. При этом сам Ли Мён Бак заявляет о достижении уже в текущем году 6%-ного роста экономики. Увеличение этого показателя до 7% к 2018 г. в современных условиях теоретически возможно. Однако в таком случае потребуются крупные внутренние и внешние инвестиции в развитие национальной экономики.

Сразу же после выборов Ли отказался от своей фантастической затеи. Он признал, что «было бы неразумно предпринимать нерациональные шаги только для того чтобы исполнить свое предвыборное обещание»⁴. Однако позже достижение этой цели вновь стало одним из пунктов официальных заявлений государственных чиновников.

Удвоение валового внутреннего продукта на душу населения, которое в настоящее время составляет 20 тыс. долл. (а фактически просто удвоение ВВП Южной Кореи), очень тесно связано с первым пунктом программы. Если учесть тот факт, что для удвоения нынешнего экономического показателя потребовалось 12 лет (если не принимать во внимание финансовый кризис 1998 г., когда этот показатель упал до 6 тыс. долл.), то реализация этой задачи становится возможной только при высоких темпах экономического роста – 6–6,5% в год. Можно сказать, что достижение этой цели будет зависеть полностью от успешной реализации первого пункта программы.

Последнюю цель Ли Мён Бака – занять 7-е место в мире по объему ВВП – следует отнести к числу фантастических. Для того чтобы РК поднялась с 12-го места на 7-е, должны произойти такие события, которые повлекли бы за собой серьезные экономические потери для экономик Франции, Италии, Бразилии, России и Канады, опережающих в настоящее время Южную Корею. Чтобы вытеснить Францию с 7-го места и обогнать остальных «конкурентов», Сеулу потребуются не только удвоить свой ВВП (поскольку ВВП Франции составляет в настоящее время 1,7 трлн. долл. против 0,9 трлн. долл. РК), но и рассчитывать на то, что экономический рост экономик опережающих ее стран стремится к нулю.

Тем не менее для осуществления поставленных задач правительство разработало ряд мероприятий, которые должны способствовать осуществлению экономических преобразований в стране и улучшению социально-экономической ситуации в Южной Корее.

В ходе административной реформы количество министерств было сокращено с 18 до 15, а также введена одна министерская должность без портфеля. В плане по реорганизации стоят уже административные органы на местном уровне. Таким образом администрация президента рассчитывает оптимизировать работу госучреждений и сделать ее более эффективной. Ведущую роль в экономике предполагается отдать частному сектору и рынку.

Правительством планируется провести сокращение 25%-ной ставки корпоративного налога с предприятий с капиталом свыше 100 млн. вон на 1% ежегодно в течение 5 лет и довести ее до 20%. Сокращению подлежит также 13%-ная ставка корпоративного налога с предприятий с капиталом менее 100 млн. вон до 10% к 2013 г., а налогооблагаемая база будет увеличена со 100 до 200 млн. вон.

В рамках этого пункта будет оказываться активная поддержка при открытии новых предприятий. Планируется дополнительное финансирование технологической отрасли и создание системы поддержки малого и среднего бизнеса.

В области инвестиционной политики администрация Ли Мён Бака также намерена предпринять меры, направленные на улучшение инвестиционного климата в стране. В частности, новое правительство планирует отменить ограничения на внутренние инвестиции. В настоящее время в создание новых производств можно инвестировать не более 25% капитала компании, что сдерживает экономический рост страны в целом⁶.

Новые изменения планируется внести и в правила создания промышленных комплексов на территории РК. Процесс оформления разрешительных документов предполагается сократить с 2–4 лет до менее чем полугодя. Кроме того, при канцелярии премьер-министра планируется создать специальный центр содействия инвестициям, который будет наблюдать за деятельностью провинциальных администраций по созданию индустриальных комплексов. Некоторой реорганизации будет подвергнут Комитет по укреплению национальной конкурентоспособности: в рамках данной структуры будет

создано 5 подкомитетов, которые будут заниматься основными общенациональными проектами и реформами⁷.

Повысить международный имидж страны планируется и путём создания крупных инвестиционных проектов. Наиболее амбициозным из них является **проект «Большой канал»**. Он предусматривает строительство системы водных каналов, которые должны обеспечить судоходное сообщение между Пусаном и Сеулом⁸. 17 каналов общей протяженностью 3100 км должны соединить реки Ханган и Нактонган, создав таким образом транспортную артерию между Сеулом и Пусаном. По оценкам некоторых южнокорейских экспертов, его создание должно на 1/3 снизить транспортные расходы в стране и сбалансировать развитие регионов⁹.

По мнению самого президента, строительство каналов даст гигантский толчок корейской экономике. В своем новогоднем обращении вновь избранный президент Ли Мён Бака заявил, что государство не будет осуществлять этот проект за счет госбюджета. К финансированию строительства канала он призвал частный сектор. В настоящее время правительство не имеет конкретных планов по выполнению проекта, однако если к его реализации будет проявлен интерес со стороны частных инвесторов, оно будет готово содействовать этому процессу¹⁰.

Данный проект породил весьма неоднозначные оценки его целесообразности в южнокорейском обществе. Сторонники Ли Мён Бака утверждают, что строительство канала обойдется в 17–18 млрд. долл., что позволит по завершении строительных работ получить дополнительную экономическую выгоду, равную 40 млрд. долл. в течение последующих 30 лет. А также создать 700 тысяч дополнительных рабочих мест и сократить транспортные издержки¹¹.

Противники проекта говорят о суммах от 34 до 58 млрд. долл., которые будет необходимо потратить на строительство канала. В то же время суммарная экономическая выгода от проекта оценивается от 5 до 28% от общих затрат.

Под большим вопросом объем грузов, которые будет необходимо перевозить по каналу. В то время как эксперты ПВС говорят о 10 млн. т, которые будут транспортироваться по каналу к 2011 г., их оппоненты утверждают, что данные показатели недостижимы в современных экономических условиях.

Однако самым большим камнем преткновения может стать эко-

логическая проблема. Несмотря на заявления представителей Ли Мён Бака, что благодаря каналу улучшится качество воды и сократится количество наводнений, экологи говорят о возможной экологической катастрофе и изменении экосистемы Корейского полуострова в целом.

Другим направлением экономической политики новой администрации Южной Кореи является борьба с инфляцией. В начале марта 2008 г. Ли Мён Бак объявил о принятии правительством программы по борьбе с инфляцией. В 2007 г. рост цен составил 3,9% против 1,7% годом ранее. Для ее снижения Сеул вводит жесткий контроль над динамикой потребительских цен¹².

С 1 апреля 2008 г. отменены таможенные тарифы на 70 наименований товаров широкого потребления. В целях роста производства были разморожены государственные резервы алюминия, никеля, меди и других цветных металлов¹³. Одна из основных задач программы по снижению темпов роста инфляции – снижение цен на автомобильное топливо. Нефтяные компании обязали уменьшить цены на АЗС минимум на 10%. Для компенсации издержек производителям правительство Южной Кореи снизило на 10% ставку налога на нефть и нефтепродукты. Для контроля над ценами на бензин была создана специальная рабочая группа тарифного контроля. Новая структура, в которую вошли представители местных властей, национальной налоговой службы и организаций потребителей, отслеживает работу 12 тыс. автозаправочных станций и четырех нефтеперерабатывающих компаний.

В планы правительства также входит снижение цен на электроэнергию, фиксирование тарифов на транспортные услуги (стоимость проезда по платным автомагистралям в часы пик будет снижена на 50%). Компании, делающие инвестиции в развитие экономики, смогут получить 7%-ные налоговые преференции.

Насколько успешной будет борьба южнокорейских властей с инфляцией при помощи заморозки цен, сказать сложно. Однако российская попытка борьбы с инфляцией аналогичным способом, которая была предпринята осенью 2007 г., в конечном итоге ничего не дала.

Более того, заморозить и контролировать цены на большое количество продуктов крайне трудно. При введении жесткого контроля цен в одном секторе рынка, в другом скорость роста тарифов стремительно увеличивается. И одной из причин этого роста явля-

ются расходы бюджета, которые активно стимулируют спрос. Если он оказывается не обеспеченным товарами и услугами в необходимом количестве, возникает повышение уровня цен. Поэтому вряд ли аналогичные процессы помогут значительно поменять ситуацию в Южной Корее. Хотя в то же время нельзя забывать, что там совершенно другой уровень инфляции.

С другой стороны, одним из источников дополнительных средств на осуществление новой экономической программы станут средства, сэкономленные за счет сокращения госаппарата. Так, на состоявшемся в середине марта 2008 г. заседании кабинета министров РК было предложено на 20,5 млрд. долл. сократить госбюджет на следующий год. Это предполагается сделать за счет повышения эффективности и конкурентоспособности правительственных организаций, т.е. за счет сокращения государственного финансирования административного аппарата, а также сокращения количества чиновников. В прошлом году расходная часть бюджета страны составила около 264 млрд. долл.¹⁴

Высвобожденные таким образом средства, как планируется, пойдут на компенсацию ущерба казне от вводимого сейчас сокращения налога на нефтепродукты, а также на стимулирование таких отраслей промышленности, как производство полупроводников, судостроение и создание новых технологий, которые считаются локомотивами национальной экономики¹⁵.

Другим направлением экономической политики Ли Мён Бака является продолжение работы по заключению соглашений о свободной торговле (ССТ). Южная Корея намерена заключить как можно больше соглашений о свободной торговле, что обеспечит новые возможности для роста национальной экономики. В этой области планируется ускорить переговоры с ЕС, возобновить переговоры с Японией, а также рассмотреть вопрос о создании режима свободной торговли с Китаем, Австралией, Россией, странами-членами южноамериканского торгового блока MERCOSUR (Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай) и стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (GCC).

К настоящему моменту уже подписаны подобные соглашения с Чили, Сингапуром и Европейской ассоциацией свободной торговли, объединяющей Швейцарию, Норвегию, Исландию и Лихтенштейн. Ратификации депутатами Национального собрания РК ожидает

и подписанный 30 июня 2007 г. договор о свободной торговле с Соединенными Штатами.

Помимо этого, Сеул заключил ССТ с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), касающиеся промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. В стадии переговоров находятся аналогичные пакты с Евросоюзом, Канадой и Мексикой. В апреле будущего года планируется обсуждение ССТ с государствами, входящими в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Катар, Оман и Кувейт)¹⁶.

Республика Корея также проявляет интерес к заключению соглашений о свободной торговле со странами, входящими в состав Южноафриканского таможенного союза – ЮАР, Ботсваной, Лесото, Намибией и Свазилендом. Южнокорейская сторона намерена выдвинуть конкретные предложения по этому поводу в ходе предстоящей в первой половине 2008 г. в Сеуле 4-й политической консультативной встречи между представителями РК и ЮАР. До конца 2008 г. между Сеулом и Преторией планируется заключить соглашение о сотрудничестве в энергетике и добыче природных ресурсов¹⁷.

Деятельность данной группы стран будет направлена на поиск 12-ти новых источников роста экономики страны, в том числе она будет заниматься разработкой перспективных инвестиционных проектов.

Рассматривая экономическую политику Сеула, необходимо также упомянуть новую **стратегию развития «5+2»**. Она существенно отличается от стратегии «сбалансированного развития регионов», которой придерживалась администрация Но Му Хёна. Согласно плану, страна будет разделена на семь крупных экономических зон: пять обычных – столичный регион, провинции Чхунчхон, Чолла, Северная и Южная Кёнсан и две специальных – провинции Канвон и Чечжудо.

Особенностью новой стратегии является то, что она учитывает самые разные характеристики экономических зон – численность населения, инфраструктуру, концентрацию и виды сосредоточенных на их территории производств, историческую и культурную значимость. Исходя из всего этого, для каждой зоны предлагается своя уникальная стратегия дальнейшего развития. Инициатива в реализации стратегии будет отдаваться самим провинциям, которые будут заниматься повышением своей конкурентоспособности.

Новая стратегия нацелена на более комплексное развитие регионов и более полное использование территории страны. Она отражает мировую тенденцию на формирование крупных экономических зон и активизацию сотрудничества между регионами.

Важно также подчеркнуть, что центральное правительство намерено выполнять лишь роль структуры, которая предоставляет базу для самостоятельного сотрудничества между регионами и реализации ими конкурентоспособных экономических проектов, т.е. инициатива передается от столицы провинциям. Южнокорейское правительство намерено создать самую благоприятную для дальнейшего развития рыночных отношений обстановку, существенно ослабив существующие сейчас ограничения. В свою очередь руководящие органы провинций будут создавать оптимальную для деятельности отдельных предприятий систему.

Новый план включает также развитие шести наименее развитых регионов государства. Это приграничная с КНДР территория, закрытые шахты провинции Канвон, район гор Токюсан и Чирисан и некоторые другие. В них планируется создание туристических зон и производств по переработке продуктов питания.

* * *

Анализ экономической программы Южной Кореи показывает, что ее разработчики уделили основное внимание привлечению иностранных инвестиций в южнокорейскую экономику, а также созданию благоприятной экономической обстановки для предпринимательской деятельности не только крупных промышленных конгломератов, но и малого и среднего бизнеса. Вместе с тем на осуществление этой программы могут оказать влияние следующие факторы.

Во-первых, **увеличение цен на нефть**. По данным на конец 2006 г., РК занимает 5-е место в мире по потреблению нефти на душу населения: на каждого жителя страны приходится более 16 баррелей нефти в год. Это самый высокий уровень потребления нефти в Азии и 2-й среди стран, не добывающих нефть. Большое потребление ресурса оказывает значительное влияние на экономику страны, поскольку Южная Корея не имеет собственных месторождений нефти и импортирует ее из-за границы.

Так, в связи с ростом цен на нефть в декабре 2007 г. внешнеторговый баланс Южной Кореи впервые за последние пять лет оказался

отрицательным и составил 860 млн. долл.¹⁸ Правительство заявляет о том, что южнокорейская экономика способна выстоять в условиях высоких мировых цен на нефть. Аргументируется это тем, что РК импортирует, главным образом, дубайскую нефть, стоимость которой на протяжении всего прошлого года не превышала 70 долл. за баррель, а в 2008 г., как ожидалось, она не превысит отметки в 80 долл. Однако уже в марте ее цена превысила 100 долл. за баррель¹⁹, что повлекло за собой повышение цен на продукты и принятие правительством мер по борьбе с инфляцией.

Во-вторых, на осуществление экономической политики новой администрации может повлиять **осложнение внутривнутриполитической ситуации**. Результаты парламентских выборов, которые состоялись 9 апреля 2008 г., продемонстрировали поддержку обществом Ли Мён Бака и Партии великой страны. Последняя получила большинство в парламенте (153 места), в то время как ее главный противник – Объединенная демократическая партия – 81 место²⁰.

Однако нынешняя победа консерваторов будет результативной в плане осуществления выбранного президентом политического курса только в том случае, если ПВС сможет «найти общий язык» с Партией свободы и прогресса (18 мест), группой сторонников Пак (14 мест), а также независимыми кандидатами (25 мест). Это позволит консервативному лагерю получить 2/3 голосов, с помощью которых могут быть проведены необходимые законы.

В-третьих, **осложнение межкорейских отношений**, вызванное северокорейской политикой Ли Мён Бака, может оказать существенное влияние на ухудшение инвестиционной привлекательности корейских проектов. Следовательно, приток иностранных инвестиций может сократиться, подставив под вопрос достижение поставленных целей по повышению экономического роста и удвоению ВВП.

Примечания

¹ Мэиль кёнчжэ. 25.02.2008.

² Он является производным от аббревиатуры «МБ» — начальные буквы имени президента Ли Мён Бака – и слова «экономика».

³ KBS World Radio. 04.01.2008.

⁴ Чосон ильбо. 03.01.2008.

⁵ Сеульский вестник. 21.08.2007.

⁶ KBS World Radio. 05.01.2008.

⁷ KBS World Radio. 13.03.2008.

⁸ Тона ильбо. 11.01.2008.

⁹ Сеульский вестник. 21.08.2007.

¹⁰ Тона ильбо. 11.01.2007.

¹¹ Чосон ильбо. 15.01.2008 г.

¹² Мэиль кёнчжэ. 07.03.2008.

¹³ ИТАР-ТАСС. 20.03.2008.

¹⁴ Рёнхап. 11.03.2008.

¹⁵ ИТАР-ТАСС. 11.03.2008.

¹⁶ ИТАР-ТАСС. 29.11.2007.

¹⁷ KBS World Radio. 08.01.2008.

¹⁸ KBS World Radio. 03.01.2008.

¹⁹ KBS World Radio. 15.03.2008.

²⁰ Российская газета. 10.04.2008

*М. М. Стеклов**

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» КНР – КНДР – РК

Главными направлениями российского энергетического экспорта на Востоке в близком будущем станут Китай, Япония и Индия – наиболее крупные потребители энергии в Азии.

В этом смысле свое слово могут также сказать обе Кореи, для которых вопросы энергообеспечения являются жизненно важными. Исследование энергетических проблем в «треугольнике» КНР – КНДР – РК представляет интерес для выстраивания энергетической политики России в отношении наших дальневосточных соседей. Основанием этого «треугольника» является Китай, занимающий 2-е после США место в мире по потреблению энергии. Ожидается, что к 2010 г. он обретет статус ведущего мирового импортера нефти. Количество энергоресурсов, которое потребуется Китаю в период 2010–2020 гг., станет критическим для обеспечения его модернизации и развития. На решение этих проблем приемлемым образом, исходя из национальных и государственных интересов КНР, направлена энергетическая дипломатия Пекина, что отражается на его отношениях с другими государствами, зависимыми от внешних источников энергии. К их числу относятся и ближайшие соседи – КНДР и РК. Отношения Китая с двумя корейскими государствами строятся на разной основе – союзнической с КНДР (превалируют политические интересы) и партнерской с РК (превалируют экономические интересы). Отсюда и разное наполнение энергетической составляющей этих отношений.

Хронический энергетический голод в Северной Корее требует от китайского руководства действий, отвечающих статусу союзно-

го государства. При этом учитывается, что КНДР обеспечивает буферное прикрытие Китая на востоке, где Китаю противостоят американские войска, расквартированные в Южной Корее, и Япония. Заинтересованный в предотвращении обострения ситуации на Корейском полуострове, угрожающей его национальной безопасности, Китай поддерживает требование Пхеньяна об оказании энергетической помощи со стороны мирового сообщества в обмен на отказ от продолжения национальной ядерной программы. Пекин, хотя и не требует напрямую от Пхеньяна отказаться от ядерной программы, но не может допустить, чтобы она послужила детонатором кризиса на Корейском полуострове. При рассмотрении различных схем оказания энергетической помощи КНДР Пекин весьма прохладно реагирует на варианты маршрутов, выводящие энергопотоки из России напрямую на Корейский полуостров. В Пекине опасаются, что продвижение российских энергоресурсов через КНДР в РК в обход КНР может привести к усилению зависимости Пхеньяна и Сеула от России, предоставит России возможность вести более жесткую ценовую политику в торговле энергоресурсами, отвлечет часть необходимой Китаю энергии в корейские государства.

Китай прежде всего заинтересован в таких формах энергетической помощи Северной Корее, которые зависели бы от его политической воли (энергетический транзит через китайскую территорию, дозированные льготные поставки энергоресурсов китайского происхождения). До 2000 г. Китай поставлял в КНДР большую часть необходимых ей энергоносителей (нефть, уголь) на льготных условиях. Так, в частности в 1998 г. был установлен верхний ценовой потолок на поставляемую в КНДР сырую нефть – 127 долл. за тонну¹. И хотя в последующие годы Китай стал подтягивать цены на энергетическую продукцию, поставляемую в КНДР, к мировому уровню, он по-прежнему остается одним из основных источников энергоресурсов для пхеньянского режима. До сих пор в торговле между двумя странами значительная часть приходится на товары энергетического назначения. По данным китайской таможенной статистики, в 2005 г. Китай поставил в Северную Корею энергоресурсов и нефтепродуктов на 286 млн. долл. (26% от всего объема китайского экспорта в КНДР) и импортировал на 112 млн. долл. (18,7% от северокорейского экспорта в КНР). Сокращение поставок в КНДР энергоресурсов на льготных условиях привело к существенному снижению физического объема

МГИМО (У), Москва

экспорта китайских энергоресурсов по сравнению с 1995 г.: нефти и нефтепродуктов в 2,5 раза, энергетических углей – в 4 раза. Поставки китайской нефти в КНДР осуществляются спорадически без какого-либо графика в зависимости от конъюнктуры цен на мировых рынках и политической ситуации вокруг Корейского полуострова.

С 2000 г., когда произошло резкое сокращение китайского энергетического экспорта в КНДР, отмечается стремление Китая получить компенсацию за счет поставок северокорейского антрацита, которые фактически с нуля доведены до 2,8 млн. т. (т.е. 11,7% от годового производства в КНДР). Единственная уступка со стороны Китая – согласие на увеличение экспортных цен на северокорейский уголь и электроэнергию при одновременном снижении цены на китайский уголь.

В то же время, при обострении энергетической проблемы до критического уровня, Китай увеличивает поставки в КНДР электроэнергии из пров. Цзилинь, как это было в 2003 г., когда был зафиксирован рост объемов продаж электроэнергии на 25,6% по сравнению с 2002 г.²

Что касается Южной Кореи, то Китай заинтересован в ней как в рынке сбыта своего угля, экспорт которого в 2000 г. составил 14,2 млн. т. В то же время РК – это набирающий силу конкурент по закупкам энергоресурсов. Китай хотел бы занять ключевую позицию в прокачке российского газа в РК, определять объем и условия транзита. Китай не очень был заинтересован в привлечении РК к Ковыктинскому проекту, так как появление на сцене еще одного игрока грозило повышением цен на российский газ. Однако Пекину и Сеулу удалось договориться о совместном отстаивании своих интересов в переговорах с российской стороной, на которых они настойчиво добивались установления выгодной для себя цены на газ.

Китай занимает важное место в энергетической политике и дипломатии РК.

На Китай приходится значительная часть южнокорейского импорта угля (в 2000 г. – 7,9% всего энергетического импорта РК³).

Китай с его бурно развивающейся энергетической базой стал для РК важным рынком сбыта нефтепродуктов, энергетического оборудования и технологий. КНР является перспективным направлением перевода избыточных нефтеперерабатывающих мощностей, сдерживающих повышение энергоэффективности южнокорейской промышленности.

Южнокорейские инвесторы имеют большой интерес к участию в энергетических проектах на территории Китая. В Китае южнокорейские компании строят новые НПЗ, продают технологии для АЭС, а также энергосберегающее и природозащитное оборудование. «Хёндэ Хэви Индастриз» получила заказ на строительство нефтепровода стоимостью 130 млн. долл.⁴

Кроме того, в Сеуле Китай рассматривается как более надежный и безопасный по сравнению с КНДР транзитный коридор для транспортировки энергоресурсов из России и Центральной Азии.

С Китаем предстоит решать вопросы разграничения нефтегазового шельфа в Желтом море и вопросы прокладки трубопроводов по морскому дну.

Учитывая изложенное, Сеул стремится наладить с КНР конструктивные отношения в энергетической области, добиваясь признания со стороны Пекина южнокорейских интересов в использовании энергетического потенциала Ближнего Востока и России. В ряде случаев это бывает весьма затруднительной задачей, как это имело место на переговорах по Иркутскому газовому проекту. Опасаясь, что газа в иркутской трубе может не хватить (Китай запросил 20 млрд. кубометров в год), Сеул настойчиво добивался гарантированных поставок для себя в объеме 7–10 млрд. кубометров. Но в Сеуле прекрасно понимают, что без Китая реализация этого проекта стоимостью 17 млрд. долл. невозможна. В идеальном варианте для Сеула подошел бы международный консорциум с привлечением инвестиционных возможностей международных финансовых институтов и направляемый региональным координирующим центром Pan Asia Gas Pipeline, где Корея могла бы играть более активную роль и в то же время минимизировать риск.

Китай – неотъемлемая часть продвигаемой РК идеи энергетической интеграции в СВА. Однако формирование в СВА согласованной энергетической политики является сложной задачей в условиях острой конкуренции между Китаем и Японией за ближневосточную (а в перспективе и за российскую) нефть. Отсутствие взаимопонимания между Пекином и Токио по этим вопросам усиливается напряженностью, вызванной разработкой китайцами газового месторождения Чуньсяо в Восточно-Китайском море в районе разграничительной линии. Учитывая это обстоятельство, РК объективно заинтересована в объединении усилий с Японией по вовлечению

Китая в многостороннее региональное сотрудничество в области энергетики. Это способствовало бы ослаблению напряженности в китайско-японских отношениях и открывало бы путь к совместному освоению и использованию энергоресурсов России.

С корейской стороны также отмечен интерес к совместной с Китаем организации закупок и транспортировки нефти в целях усиления позиций на переговорах со странами-экспортерами и снижения расходов на логистику. Руководствуясь этими соображениями, в ноябре 2004 г. председатель Комитета по сотрудничеству в СВА Мун Чен Ин выступил с предложением о создании единого фронта нефтеимпортеров СВА в составе Китая, Японии, и РК.

Обоюдный интерес к сотрудничеству в энергетической сфере был подтвержден китайско-южнокорейскими договоренностями, достигнутыми в ходе встречи министра торговли, промышленности и энергетики РК Чон Сё Кюна с председателем Госкомитета КНР по развитию и реформам Ма Каем (Сеул, август 2006 г.).

Среди стран, которые могут оказать КНДР энергетическую помощь, Южная Корея занимает особое место. Сеул рассматривает энергетические трудности КНДР как серьезное препятствие для стабилизации положения на Корейском полуострове. Ухудшение энергетической ситуации в Северной Корее повышает вероятность возникновения вооруженного конфликта между США и КНДР из-за обостряющихся разногласий по поводу развития атомной энергетики в Северной Корее. С учетом этих обстоятельств Юг заинтересован в оказании помощи Северу в развитии энергетического сектора, не выходя при этом за рамки своих особых отношений с США, при условии свертывания Пхеньяном своей ядерной программы.

Оказание энергетической помощи КНДР являлось одним из важных направлений взятого Ким Дэ Чжуном и поддержанного Но Му Хёном курса на развитие конструктивного диалога с КНДР, что нашло отражение во Втором государственном энергетическом плане и в предложенной РК на шестисторонних переговорах формуле «газ в обмен за мир».

Развивая сотрудничество с Северной Кореей в сфере энергетики, РК рассчитывает решить целый ряд важных экономических и политических задач, к которым относятся:

- обеспечение транзита энергоресурсов из России в РК через КНДР;

- удержание экономической неустойчивости КНДР в пределах, не допускающих резкой дестабилизации обстановки на Севере;

- обеспечение энергией предприятий, создаваемых в КНДР с участием южнокорейских инвесторов, а также объектов транспортной инфраструктуры, которые могут потребоваться для соединения Транскорейской железнодорожной магистрали с железными дорогами России и Китая;

- вовлечение КНДР в региональную экономическую интеграцию в СВА и АТР в целях нормализации обстановки на Корейском полуострове.

На концептуальном уровне южнокорейские эксперты рассматривают данную проблему в краткосрочном и долгосрочном планах. В близкой перспективе помощь предлагается оказывать на льготных условиях или безвозмездно, если КНДР откажется от реализации ядерной программы. Впоследствии передачу электроэнергии на Север предполагается перевести на компенсационную основу. Одним из вариантов может быть использование северокорейских железных дорог для транспортировки угля, закупаемого Южной Кореей в Китае.

В более отдаленной перспективе предусматривается переход к более сбалансированному взаимовыгодному сотрудничеству, основой которого может стать участие РК в строительстве энергетических объектов на Севере для снабжения энергией обоих корейских государств (с учетом низкой стоимости рабочей силы и земли, меньшей нагрузки на экологию себестоимость произведенной на Севере энергии будет значительно ниже)⁵.

Среди возможных направлений оказания энергетической помощи КНДР рассматриваются следующие.

- Выделение для КНДР энергетических мощностей, расположенных на южнокорейской территории (в июле 2005 г. министр по делам объединения РК Чон Дон Ён заявил о готовности РК с 2008 г. начать передачу электроэнергии в КНДР общей мощностью 2 МВт при условии отказа Пхеньяна от своей ядерной программы). Это позволит Сеулу усилить влияние на экономику КНДР и обеспечит благоприятные условия для активного проникновения южнокорейского капитала в северокорейскую экономику (пилотный проект отработывается в Кэсоне – в 2005 г. КЕПКО завершила строительство 25-километровой ЛЭП, через которую с Юга подается электроэнергия на предприятия комплекса)⁶.

▪ Реконструкция северокорейских электростанций и линий электропередачи. По оценкам южнокорейских специалистов, общий объем капиталовложений при этом составят 2,3 млрд. долл., а в случае подключения Севера к южнокорейским энергоблокам мощностью 2 МВт – 800 млн. долл. ежегодно⁷.

▪ Поставка Северу антрацита и угледобывающего оборудования. В потреблении первичной энергии в КНДР в 2001 г. 71,2% пришлось на местный уголь⁸, однако его добыча в последние годы падает в связи с выводом из строя шахт, пострадавших от наводнения в 1995 г. В то же время спрос на антрацит в РК падает, что ведет к сокращению местной угледобычи и закрытию шахт. Однако правительство РК сочло целесообразным поддерживать в рабочем состоянии часть предприятий угольной индустрии, чтобы иметь основу для сотрудничества с Севером в этой области. В мае – июле 2005 г. между Угольной корпорацией РК и Министерством энергетики и угольной промышленности КНДР проведены переговоры о возможности совместной разработки северокорейских угольных резервов КНДР⁹. Институтом энергетической экономики РК подготовлено предложение о поставке в КНДР 7 млн. т. антрацита в обмен на поставки с Севера железной руды и магнезита¹⁰.

▪ Разведка на нефть и газ на шельфе КНДР. По оценке южнокорейского концерна «Хёндэ», являющегося пионером южнокорейских инвестиций в северокорейскую экономику, запасы нефти на шельфе КНДР составляют от 100 млн. до 1 млрд. баррелей. Из 10 скважин, пробуренных с участием западных компаний, 2 показали положительный результат и, начиная с 1999 г., Северная Корея ежегодно добывает по 2,2 млн. баррелей нефти¹¹. Работами по поиску нефти и газа в Северной Корее руководит Министерство нефтяной промышленности, созданное в 1993 г. на базе Главного управления нефтяной промышленности КНДР. К 1997 г. по результатам поисково-разведочных работ было выделено 7 перспективных газонефтеносных районов, среди которых наиболее значимыми являются шельф Желтого моря на западном побережье, шельф Японского моря на восточном побережье и Пхеньянский бассейн. Для организации геологоразведочных работ на шельфе проведены переговоры со шведской компанией «Таурус Петролеум», английской «Соко Интернэшнл» и норвежской «Джи Джи Эс». В июне 2004 г. северокорейское правительство заключило соглашение с «Аминэкс Пи Эл Си» сроком на 20 лет,

предоставляющее британской компании эксклюзивное право на разработку и эксплуатацию жидких углеводородов на территории КНДР. Разведанные на Севере месторождения нефти и газа позволят на 40–60% обеспечить спрос КНДР на это сырье¹².

С южнокорейской стороны интерес к энергетическим ресурсам КНДР проявляют Корейская национальная нефтяная корпорация (КНОК) и «Хёндэ», установившие контакты с «Тарус Петролеум» и «Соко Интернэшнл». В мае 2004 г. состоялись переговоры относительно возможности участия КНОК в разработке открытого в 1997 г. месторождения нефти на северокорейском шельфе в заливе Соан около г. Нампхо. Однако в активную фазу освоение шельфа в Желтом море может перейти только после того, как между двумя Кореями и Китаем будет решен вопрос о его разграничении. Переговоры по данному вопросу на уровне экспертов были проведены в апреле 2004 г. в Пекине, но к взаимоприемлемому решению стороны пока не пришли¹³.

▪ Строительство нефтехимического комбината в рамках Кэсонского индустриального комплекса планирует южнокорейская группа «Хёндэ». Предприятие намечено сдать в эксплуатацию в 2008 г.¹⁴

▪ Развитие в КНДР атомной энергетики. Отношение РК к развитию ядерной энергетики в Северной Корее не столь категорично, как у США. Южная Корея, являясь самым крупным донором программы КЕДО (70%) и вложив в ее реализацию 1,54 млрд. долл.¹⁵, не заинтересована в полном отказе от планов строительства в КНДР двух ЛВР. В длительной перспективе Сеул видит возможность использования атомной энергии для решения энергетической проблемы Севера¹⁶ и надеется, что при благоприятных условиях в будущем программа КЕДО может быть возобновлена под эффективным международным контролем. По мнению Пан Ги Муна, бывшего министра иностранных дел РК, избранного на пост Генерального секретаря ООН, Северная Корея должна иметь право в будущем развивать невоенные ядерные программы в области энергетики.

▪ Вовлечение КНДР в региональную энергетическую структуру, которая позволит не только снизить остроту энергетического голода в Северной Корее, но и будет способствовать развитию энергетической интеграции в СВА, в которой Сеул планирует играть одну из центральных ролей.

Являясь заинтересованной стороной в решении энергетической проблемы в КНДР, Южная Корея выражает готовность взять на себя значительные финансовые обязательства по оказанию КНДР энергетической помощи (доля финансовых обязательств РК в проекте КЕДО составляла 70% от его общей стоимости – 3,2 из 4,6 млрд. долл.¹⁷). С этой целью может быть использован основанный в 2001 г. южнокорейский Фонд экономического сотрудничества между Севером и Югом¹⁸ (около 1,9 млрд. долл.¹⁹). Другие источники (компенсация со стороны Японии за аннексию Кореи, прямые иностранные инвестиции) пока рассматриваются только гипотетически в связи с нерешенностью вопроса об отказе КНДР от ядерной программы. Не могут быть использованы и льготные кредиты от международных финансовых институтов, так как КНДР не является их членом (по оценке Банка Кореи, став членом МВФ, КНДР сможет получить от него кредит в размере от 2,7 до 4,5 млрд. долл.²⁰).

Учитывая, что на реконструкцию энергетического сектора КНДР потребуется значительные средства, Сеул хотел бы разделить финансовую нагрузку в рамках международной помощи, в первую очередь среди стран, участвующих в Шестисторонних переговорах по урегулированию ситуации на Корейском полуострове.

Для Южной Кореи наиболее важно обеспечить безопасность маршрутов доставки энергоносителей. По этой причине, хотя и хозяйственные связи между двумя Кореями постепенно налаживаются, она не согласится на прокладку маршрута через РК, пока не будет решен вопрос о гарантиях со стороны участников шестисторонних переговоров. РК вынуждена также считаться и с позицией Вашингтона.

Вместе с тем РК за счет экономического, в частности энергетического, сотрудничества с КНДР стремится сдерживать рост китайского влияния. В Сеуле вызвало озабоченность подписание китайско-северокорейского соглашения о совместных разработках нефти в Желтом море²¹.

Пока Пхеньян фактически не имеет альтернативы китайским поставкам нефти и нефтепродуктов, угля и электроэнергии. В настоящее время построена инфраструктура, обслуживающая энергопоток между КНДР и Китаем, которая практически отсутствует на российском и южнокорейском направлениях. Так, между китайской провинцией Гирин и КНДР проложена ЛЭП, обеспечивающая взаим-

ные поставки электроэнергии. В конце 2003 г. в западных СМИ появились сообщения о существовании нефтепровода, построенного в 1976 г. и соединяющего нефтегазовое месторождение в Дацине с северокорейским Анчжу²².

Россия, хотя и предлагает различные варианты утоления энергетического голода КНДР, но подводит под эти предложения чисто коммерческую базу, что не представляет интереса для пхеньянского режима. На этом фоне условия энергетических поставок из Китая имеют более выраженную политическую окраску, что более важно для северокорейского руководства, которое, прежде всего, заинтересовано в получении льготной энергетической помощи в обмен на уступки по ядерной программе.

Принимая во внимание интерес РК к сдерживанию китайского влияния на КНДР, последняя на данном этапе делает ставку на китайско-южнокорейское соперничество, что может побудить их сделать дополнительные уступки Пхеньяну.

Энергетическое сотрудничество КНДР с РК до 2002 г. носило в основном характер энергетической помощи в рамках контролируемого США международного проекта КЕДО, который был нацелен на свертывание ядерной программы КНДР, что изначально предопределяло его ограниченные и жестко регламентированные рамки. В практическом плане реализация данного проекта не могла существенно изменить энергетической ситуации в Северной Корее. Независимые эксперты пришли к заключению, что в основе данного проекта лежат главным образом политические соображения, не согласующиеся с реальными экономическими и техническими возможностями. Как выяснилось, технико-экономическое обоснование проекта сделано с грубейшими нарушениями, без учета реального плачевного состояния северокорейских энергетических сетей, неспособных принять энергию от сооружаемых атомных энергоблоков. Пхеньян не мог себе позволить попасть в зависимость от реализации данного проекта и использовал его, главным образом, для торговли с США по вопросам, представляющим для него интерес.

Вопрос об оказании энергетической помощи со стороны РК в виде поставок электроэнергии стал предметом обсуждения в рамках межкорейских контактов, начиная с декабря 2000 г., когда во время четвертого раунда министерских переговоров КНДР обратилась к РК с просьбой о поставках электроэнергии общей мощно-

стью 2 МВт. В итоговом совместном заявлении сообщалось о создании двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству, в рамках которой в феврале 2001 г. в Пхеньяне проведена первая рабочая встреча по энергетическому сотрудничеству. Сформировать объединенную рабочую группу по изучению ситуации не удалось в связи с очередным обострением ситуации вокруг северокорейской ядерной программы.

КНДР заинтересована в прокладке газопровода и ЛЭП через ее территорию, так как получила бы энергетический рычаг влияния на РК.

Примечания

¹ *Nathaniel Aden*. DPRK Energy and Energy-Related Trade with China. Recent Trends and Implications. June 26-27, 2006. DPRK Energy Experts Study Group Meeting.

² New Culture Newspaper, Jan.13, 2004 KOTRA-North Korea Team, Koo Kyung-hee

³ <http://www.mocie.go.kr/policies/energy/energy.asp>

⁴ Oil & Gas News- Online Edition. Vol. 21. No. 7. Feb. 23–29, 2004. <http://www.oilandgasnewsonline.com/News.asp?Article=11467>

⁵ *Чон У Чжин*. Анализ экономического влияния межкорейского энергетического сотрудничества на Северную Корею (2004-18). Корейский институт энергетической экономики, Сеул (кор. яз.).

⁶ Единство. №3/58. Март 2005. Международная корейская ассоциация «Единство».

⁷ *Чон У Чжин*. Указ. соч.

⁸ *Kim K.S.* Study on strategies to enhance energy and environmental cooperation between two Koreas. 2004.01.30. KEEI, Seoul.

⁹ Joong-Ang Ilbo. 04.07.2005

¹⁰ *Пан Ги Ёль*. Исследование эффективности торговли энергией и минеральными ресурсами между Северной и Южной Кореей. (2003-18) Корейский институт энергетической экономики, Сеул.

¹¹ UK Trade & Investment. Oil & Gas – South Korea Profile. <http://www.uktradeinvest.gov.uk/oilandgas/south korea/profile/overview.shtml>

¹² Российская бизнес-газета. 06.07.04 <http://www.rg.ru/business/rinky/16.shtml>

¹³ Ёнхап ньюз. 19.05.2004.

¹⁴ Oil & Gas Journal Online. January 29, 2004. www.ogj.com.

¹⁵ Korea Times. 12.07.2005.

¹⁶ *Чон У Чжин*. Указ. соч.

¹⁷ Korea Times. 12.07.2005.

¹⁸ *Ян Ы Сок*. Исследование источников финансирования реконструкции и развития энергетической промышленности КНДР. (2004-17) Корейский институт энергетической экономики, Сеул.

¹⁹ Сеульский вестник. 05.03.2005.

²⁰ www.consulatekorea-for.org/html

²¹ See Wonhyuk Lim., Kim Jong Il's Southern Tour: Beijing Concensus with a North Korean Twist?" Nautilus. Policy Forum Online 06-16A. February 2005, 2006. <http://nautilus.org/fora/security/616lim.pdf>.

²² Alexander's Gas & Oil Connections. Vol. 9. Issue #1. January 15, 2004.

Д.Н. Верхотуров*

РОССИЯ И ИНДОНЕЗИЯ В ПОСТАВКАХ НЕФТИ В РК

В 2007 г. Россия резко увеличила поставки нефти в РК, и по сравнению с 2006 г., объем российского нефтяного экспорта в Корею увеличился в 2,7 раза. Вхождение России на корейский нефтяной рынок повлекло за собой определенные изменения, не только касающиеся сокращения доли стран Персидского залива в поставках нефти в Корею, но и также других традиционных поставщиков нефти, в частности Индонезии.

Потребление нефти в Корее в 2006–2007 гг.

По данным Korea Petroleum Association, в 2006 г. 82,2% нефти было поставлено из стран Персидского залива, 10,8% из стран Юго-Восточной Азии (в том числе 23,7 млн. баррелей из Индонезии – 24,6% от объема поставок этой группы стран), 4,8% из Африки, 1,6% из России (13,8 млн. баррелей), и 0,5% из Аргентины. Столь высокий объем нефти, поставляемой из стран Персидского залива, был признан неприемлемым, и на следующий год корейские компании прилагали усилия к тому, чтобы провести определенную диверсификацию поставок.

Всего в 2006 г. потребление Кореей сырой нефти составило 2,4 млн. баррелей в день, или 888,7 млн. баррелей в год¹.

В 2006 г. Индонезия добыла 368,6 млн. баррелей нефти², из которых 6,4% было экспортировано в Корею. В 2006 г. Россия добыла 2547,7 млн. баррелей³, из которых в Корею было поставлено 1,4%.

Россия по объему своих поставок нефти в Корею находилась в

одной весовой категории со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Внутри стран ЮВА в поставках нефти в Корею было две группы стран. Первая: Индонезия и Австралия (23,7 млн. и 34,6 млн. баррелей в год). Вторая: Малайзия и Бруней (12,7 млн. и 13,1 млн. баррелей в год). Россия была ближе ко второй группе.

В 2007 г. потребление нефти в Корею составило 913,58 млн. баррелей, что составило прирост 2,8% к уровню 2006 г.

Россия: проект «Сахалин-1». В 2007 г. рост добычи нефти в России был обеспечен за счет проекта «Сахалин-1». Добыча на месторождении Чайво, входящем в проект, началась 1 октября 2005 г. в объеме 50 тысяч баррелей в сутки. В августе 2006 г. была введена в строй система погрузки нефти на танкеры в порту Де-Кастри (Хабаровский край), на который нефть подавалась по 225-километровому нефтепроводу через Татарский пролив. Терминал может хранить до 1,3 млн. баррелей и может грузить танкеры дедвейтом в 100 тысяч тонн.

В феврале 2007 г. проект вышел на пиковый уровень добычи в объеме 250 тыс. баррелей в сутки⁴. Весь объем добытой нефти экспортируется. Около 40% добытой нефти было отгружено в Корею. В 2007 г. объем поставок нефти из России вырос в 2,7 раза и составил 38,12 млн. баррелей⁵.

Нефтяные ресурсы проекта «Сахалин-1» составляют 2,3 млрд. баррелей, что позволяет эксплуатировать месторождения с современными объемами добычи в течение 25 лет.

Индонезия: сокращение добычи и падение экспорта. Индонезийская нефтегазовая промышленность в 1990-е и 2000-е годы переживала период затяжного падения объемов добычи нефти. С 1996 г. к 2006 г. добыча нефти упала на 32%. Падение добычи вынудило правительство Индонезии провести определенные реформы нефтегазового сектора. В октябре 2001 г. был принят новый «Закон о нефти и газе» № 22/2001 (отменил «Закон о нефти и газе» № 44/1960 и «Закон о компании Pertamina» № 8/1971), согласно которому государственная компания Pertamina утратила регулирующие и административные функции, которые были переданы другому органу – Badan Pelaksana Minyak dan Gas Bumi, или BP Migas. Этот орган регулирует деятельность нефтедобывающих компаний и деятельность по экспорту нефти. В декабре 2002 г. был создан еще один регулирующий орган – Badan Pengatur Hilir Minyak dan Gas Bumi (BPH Migas), которая, в отличие от BP Migas, занимается регулированием

* Независимый эксперт, Москва.

производства, сбыта и формирования запасов нефтепродуктов в Индонезии.

В июне 2003 г. президент Индонезии Мегавати Суканопутри подписал указ № 31/2003, согласно которому компания Pertamina преобразовывалась в компанию с ограниченной ответственностью Pertamina (Persero). Пока компания остается в государственной собственности, но указ подготовил почву для ее приватизации⁶.

Ликвидация монополии в нефтегазовой промышленности Индонезии одной госкомпанией практически ничего не принесла в области добычи нефти, которая продолжала падать. Индонезия с момента реформ в нефтегазовом секторе в 2001 г., постепенно теряла позиции нефтяного экспортера. Ключевыми факторами падения являлись: недостаточные инвестиции и недостаточная разведка новых запасов (запасы с 2003 по 2005 г. сократились на 5%)⁷. Кроме того, в западной Индонезии за последние 10 лет не было открыто новых запасов, что требует переноса разведки в более сложные условия восточной Индонезии и на глубоководный шельф.

В 2004 г. потребление нефти в Индонезии превысило собственную добычу, и страна превратилась в нетто-импортера нефти. До этого Индонезия более чем 100 лет была нетто-экспортером. Это было вызвано не только падением объемов добычи, но и бурным ростом потребления с 32,1 млн. т в 1990 до 64,6 млн. т в 2004 г. За 15 лет удвоилось потребление топлива на транспорте и увеличилось в три раза в промышленности⁸. В 2005 г. правительство Индонезии отменило субсидии на топливо, что в условиях быстрого роста цен вызвало массовое недовольство жителей страны.

Индонезия одновременно поддерживала высокий экспорт и импорт нефти, в 2006 г. составивший 300 и 441 млн. баррелей соответственно. В этих условиях, хотя экспорт нефти продолжался, его объем непрерывно падал, как падало его значение для индонезийской экономики. Если в 1990 г. 43% экспорта страны формировал нефтяной экспорт, то в 2005 г. его доля упала в два раза и составила 22% экспорта. Это положение отразилось на поставках нефти в Корею. Если в 2004–2005 гг. Индонезия поставляла 37,9–37,5 млн. баррелей в год, то в 2006 г. поставки упали на 37% – до 23,7 млн. баррелей⁹. Падение объемов поставок нефти имело место и в 2007 г.

Дальнейшие тенденции нефтяного рынка РК. Во-первых, Россия резко увеличила свою долю в поставках нефти в Корею и

даже стала вытеснять традиционных экспортеров вроде Индонезии. Это позволяет утверждать, что если на Дальнем Востоке России будут введены в разработку крупные месторождения нефти, то есть шансы на закрепление определенной доли в нефтяном рынке ЮВА, в особенности на основе конкуренции со странами Персидского залива.

Во-вторых, оказалось, что даже в условиях нефтяного рынка Юго-Восточной Азии, на котором господствуют крупные государственные корпорации, закупающие нефть преимущественно в странах Персидского залива, возможны резкие изменения рынка и появление новых участников. Правда, изменения рынка идут по принципу ротации, когда новый участник занимает место прежнего участника, по каким-либо причинам теряющего свое место.

Структура источников в потреблении нефти Кореей, как показывают приведенные данные, может весьма резко меняться в зависимости от возможности стран-экспортеров поддерживать определенные объемы поставок, но практически вне зависимости от усилий корейских компаний. Однако корейские компании могут косвенно воздействовать на ситуацию за счет инвестирования в зарубежные нефтяные проекты.

В-третьих, очевидно, что изменения нефтяного рынка в Корею в 2007 г. не являются завершающими. Тенденция к падению добычи нефти в Индонезии сохраняется, и нет оснований считать, что в ближайшие 3–4 года страна сумеет переломить негативный тренд и вернуть свои позиции. Кроме того, положение российского проекта не столь блестящи, и страна не может выдержать объемы поставки нефти в Корею. «Сахалин-1» в 2008 г. сократит добычу на 27% до 66 млн. баррелей в год¹⁰. Безусловно, это скажется на поставках нефти в Корею. Поскольку «Сахалин-1» – единственный крупный нефтедобывающий проект на Дальнем Востоке, то, скорее всего, повторить успех на нефтяном рынке ЮВА России в ближайшие 5–8 лет не получится. Нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий Океан» (ВСТО) с проектной мощностью 80 млн. т в год, еще не построен. В конце 2009 г. будет сдана только первая очередь нефтепровода Тайшет – Сковородино, которая позволяет экспортировать нефть в КНР по железной дороге¹¹. Строительство второй очереди ВСТО до порта в бухте Козьмино, по мнению президента ОАО «Транснефть» Н. Токарева, будет завершено не ранее 2015 г.¹² Иными словами, уже в этом году объем поставок будет сокращен примерно на 30%, и восполнить его будет нечем.

Определенные надежды возлагаются на Ирак. В 2007 г. Ирак поставил в РК 50,4 млн. баррелей нефти, резко увеличив объемы поставок с 2006 г. примерно в 4 раза¹³. Перспективы иракской нефтяной промышленности, обрисованные министром нефти Ирака Хусейном аль-Шахристиани, позволяют сказать, что Ирак в будущем может войти в число крупнейших поставщиков нефти в РК. До 2017 г. суточная добыча должна вырасти с 3 до 6 млн. баррелей, запасы должны вырасти со 115 млрд. до 158 млрд. баррелей¹⁴. Однако поставки нефти в 2008–2009 гг. сдерживает отсутствие нового «Закона о нефти», который определяет правовые основания иракской нефтяной промышленности и участие в ней иностранных компаний (в том числе корейских). Отсутствие закона препятствует иностранным компаниям разрабатывать иракские месторождения. Кроме того, в ноябре 2007 г. консорциум корейских нефтяных компаний подписал с администрацией Курдской автономии соглашение о разведке нефти. В ответ Министерство нефти Ирака заявило, что может прекратить поставки нефти в РК и внести корейские компании в «черный список»¹⁵.

Можно предполагать, что в 2008–2009 г. возможны также резкие изменения на корейском нефтяном рынке, с возможностью увеличения поставок нефти из страны, ранее не входившей в число лидеров. Весьма вероятно, что успех России могут повторить Австралия, Аргентина, Конго, Камерун и Малайзия.

Примечания

¹ Korea Petroleum Association. Supply & Demand. 02 Crude oil imports. <http://eng.oil.or.kr/>

² APS Review Oil Market Trends. March 12, 2007. <http://www.entrepreneur.com/tradejournals/article/160680127.html>

³ Росбалт. 09.01.2008. <http://www.rosbalt.biz/2008/01/09/445723.html>

⁴ По данным официального сайта проекта «Сахалин-1» - <http://www.sakhalin1.com/ru/home.asp>

⁵ Прайм-Тасс, 11 февраля 2008 года - <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=756530&ct=news>

⁶ Petroleum Report Indonesia 2005-2006. June 2006. Embassy of the United States of America. Jakarta. S. 6-8

⁷ Ibid. S. 12

⁸ Ibid. Appendix 10.4

⁹ Korea Petroleum Association. Supply & Demand. 02 Crude oil imports -

<http://eng.oil.or.kr/>

¹⁰ «Росинвест». 06.02.2008. <http://www.rosinvest.com/news/375793/>

¹¹ Лисцова К. Отложенный прорыв // Портал «Восточный нефтепровод». 22.02.2008. <http://www.vstoneft.ru/analit.php?number=86>

¹² Портал «Восточный нефтепровод». 28.02.2008. <http://www.vstoneft.ru/news.php?number=656>

¹³ Синьхуа. 30.12.2007. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-12/30/content_552283.htm

¹⁴ Агентство Dostani.com «Новости из Курдистана». 14.09.2007. <http://www.dostani.com/content/view/231/10/>

¹⁵ Синьхуа. 30.12.2007. http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-12/30/content_552283.htm

В. А. Тен*

О ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ ИЗ КНР

Южная Корея является одной из азиатских стран – активным реципиентом иностранной рабочей силы. По прогнозам исследователей из ООН, Южная Корея должна будет к 2050 г. привлечь 11,59 млн. иностранцев, чтобы восполнить нехватку рабочей силы. При этом доля иммигрантов и их потомков возрастет до 21,3% всего населения страны¹. Эти цифры, по-видимому, несколько завышены. Сейчас иностранные рабочие составляют в Южной Корее немногим более 1% рабочей силы. В развитых странах этот показатель составляет от 5 до 9%².

В последние годы число иностранцев в Южной Корее постоянно растет. Об этом свидетельствуют данные Корейского иммиграционного бюро: в 2000 г. – 210 тыс., в 2001 г. – 230 тыс., в 2003 г. – 252 тыс., в 2003 г. – почти 438 тыс., в 2004 г. – почти 469 тыс., в 2005 г. – 485 тыс. человек³.

По официальной статистике, в 2000 г. на первом месте среди 172 тыс. зарегистрировавшихся в РК иностранцев китайцы составляли 26,5 тыс. (15,4%), второе место занимали так называемые китайские корейцы – 22 тыс. (12,8%). Три последующие группы были представлены индонезийцами – 16,7 тыс. (9,7%), филиппинцами – 16 тыс. (9,3%) и вьетнамцами – 15,5 тыс. человек (9,0%)⁴.

Проблема иностранной рабочей силы в Южной Корее осложнена тем обстоятельством, что более 50% иностранных рабочих приезжает из Китая, причем около половины из последних являются этническими корейцами. Китайские граждане преобладают и среди нелегально остающихся в Корее иностранцев.

* Сургутский государственный университет, Сургут.

По данным иммиграционного бюро Министерства юстиции РК, в 2002 г. в Южной Корее насчитывалось 629 тыс. иностранцев, причем около 290 тыс. человек (почти 46%) находились в стране нелегально, в том числе 149 тыс. граждан КНР, включая почти 80 тыс. этнических корейцев. Таким образом, в 2002 г. среди нелегально работавших в Южной Корее китайских граждан 51,5% приходилось на долю этнических корейцев, а собственно китайцы составляли 48,5%. В тот же период китайские корейцы составляли 27% всех нелегальных мигрантов⁵.

По некоторым оценкам, в 2002 г. на мигрантов из КНР приходилась треть общей численности иностранных рабочих в Южной Корее⁶.

В 2005 г. число иностранцев в Южной Корее возросло до 747 тыс. Половину из них составляли граждане КНР, среди которых 45% китайских корейцев. В 2006 г. численность иностранных рабочих составляла 400 тыс. человек⁷.

В Корее идут горячие дебаты о регулировании труда неквалифицированных и низко квалифицированных иностранных мигрантов.

Самой острой проблемой остается сокращение численности нелегальных иностранных рабочих. Число иностранцев-«нелегалов» достигло максимума в 2002 г., составив 289 тыс. человек, минимума – в 2003 г. (138 тыс.) и вновь выросло до 186 тыс. в 2006 г.⁸

Почти треть нелегальных иностранцев живет в стране более трех лет, т.е. дольше максимально официально допустимого срока пребывания в Корее. Многие иностранные рабочие платят значительные суммы за устройство на работу в Корее. Известно, что рабочие-стажеры из Китая платят непомерные деньги местным посредникам за то, чтобы получить работу в Корее. При средней зарплате в 100 тыс. вон в месяц они платят 2 млн. вон. Это вынуждает многих стажеров искать более оплачиваемую работу или дольше оставаться в Корее даже без законных оснований.

Как отмечалось выше, среди мигрантских групп в Южной Корее самой большой является группа китайских корейцев, насчитывающая около 200 тыс. человек. Если эта цифра достоверна, то это означает, что 10% корейского национального меньшинства в КНР примерно за 20 лет эмигрировали в Южную Корею. Этнические корейцы из стран бывшего СССР не превышают 25 тыс. человек, а беженцы из КНДР – около 1600 человек⁹.

Мигранты из КНР и бывшего Советского Союза, несмотря на свое этническое происхождение, являются чужестранцами в современ-

ной Южной Кореи. В своем отношении к ним корейское общество подвергается проверке (испытанию) на понимание таких категорий, как «этничность», «нация», «национализм» и «права человека». Вопрос о китайских гражданах корейского происхождения является вопросом особой важности для корейского общества.

Другой острой проблемой является задача социальной и культурной адаптации сотен тысяч иностранных рабочих, въехавших в страну как «промышленные (индустриальные) стажеры». Для них не разрабатываются какие-либо программы по их интеграции в корейский социум.

Как отмечают некоторые ученые, «нам нужно помогать иностранцам приспособиться к корейскому обществу, одновременно сознавая и принимая этническое и культурные различия»¹⁰. Это мнение разделяет редакция влиятельной газеты «Чунан ильбо»: «Необходимо устанавливать институциональные меры, с помощью которых защищать основные права нелегальных рабочих». И далее: «Нам следует признать, что иностранные рабочие – это такие люди как и мы, с такими же достоинствами»¹¹.

Говоря о китайских корейцах, следует иметь в виду их неоднородность. Часть из них, большей частью из северных провинций Кореи, спасаясь от японцев, переселилась в Китай до начала 1930-х годов; другие позже были выселены японцами из разных корейских провинций, в том числе из южной части Кореи, и расселены в 1931–1937 гг. в «военных поселениях» в Маньчжоу-го.

В 1957 г. правительство КНР решило, что этнические корейцы, живущие на северо-востоке Китая, идентифицируются как китайские граждане, или «chosonjok». Но те этнические корейцы, которые жили по исторической традиционной линии разделения между ханьцами и «варварами», были классифицированы как граждане Северной Кореи. Вместе тем, по конституции Южной Кореи (РК) 1948 года, все жители Северной Кореи являются гражданами Республики Корея и независимо от места жительства пользовались правами граждан РК. При этом им необходимо доказать свое северокорейское гражданство.

Многие из этнических корейцев из Китая утверждают, что они были северокорейскими гражданами, но потеряли свои сертификаты (удостоверения личности), когда переселялись в Китай. Часто трудно определить истинное происхождение и место жительства

тех или иных этнических корейцев. После 2000 г. корейцы, переселившиеся из Китая в РК, на деле часто оказывались китайцами. Поэтому правительство Южной Кореи рассматривает дела заявителей на въезд и пребывание в стране очень тщательно¹².

Китайские корейцы не попадают полностью ни под положения «системы управления занятостью в сфере обслуживания», специально созданной для мигрантов – этнических корейцев, ни под действие других систем для иностранных трудовых мигрантов¹³.

Более того, в юридической дискуссии о введенном в 1998 г. «Законо о зарубежных корейцах» проявляется двойственность между политикой в отношении этнически близких мигрантов и политикой в отношении трудовых мигрантов некорейского происхождения. Дипломатические шероховатости между Китаем и Южной Кореей по вопросу о растущем оттоке представителей корейского меньшинства из Китая и о том, как обращаться с ними в юридическом и политическом плане, является еще одним подтверждением сложностей, возникающих в иммиграционной политике принимающей страны.

Согласно южнокорейскому Закону о гражданстве Кореи, этнические корейцы, живущие в Китае (и СССР), могли получить гражданство РК, в зависимости от того, когда и каким образом они стали гражданами принявшей их страны, а также тип этого гражданства. Для большинства этнических корейцев в северо-восточном Китае принятие китайского гражданства не было добровольным. Вообще добровольность получения ими иностранного гражданства, все равно – китайского или японского, весьма спорна. К тому же принятие китайского гражданства этническими корейцами произошло до издания закона о корейском гражданстве. Соответственно, решение вопроса об их гражданстве до 1948 г. представляется весьма сложным, и южнокорейское правительство до сих пор уклонялось от его решения.

Китайцы корейского происхождения представляют, может быть, самую проблематичную и политически чувствительную группу среди иностранных рабочих, с которой приходится иметь дело принимающей стороне¹⁴.

Когда они начали в середине 1980-х годов приезжать в Южную Корею, южнокорейское правительство не предоставляло визы в их китайских паспортах, а настаивало на получении ими для въезда в страну южнокорейских сертификатов путешественника. Скорее всего, таким образом южнокорейское правительство рассматривало

их как своих граждан, или, по крайней мере, как зарубежных корейцев.

После нормализации отношений между КНР и Южной Кореей ситуация изменилась. Несомненно, китайские корейцы были гражданами Китая и поэтому являлись чужеземцами для Южной Кореи. Но китайские корейцы, которые хотели заработать денег в Южной Корее, очень стремились попасть в страну. Еще будучи кандидатом в президенты РК, Ким Ён Сам обещал двойное гражданство для китайских корейцев. Правда, став президентом, он ограничился ревизией некоторых положений закона о гражданстве, в частности о визовом статусе и ослаблении таких ограничений, как количество обмениваемых иностранных денег и право покупки недвижимости. Следующий президент – Ким Дэ Чжун – попытался ввести специальное законодательство, предоставлявшее зарубежным корейцам определенные права, которыми не наделялись иностранцы некорейского происхождения. Но этот законопроект, подготовленный Министерством юстиции, встретил сильное противодействие Министерства иностранных дел, которое ссылалось на критику этого законопроекта иностранными правительствами. В конечном итоге законопроект «подвергся изменениям при его прохождении через парламент»¹⁵.

Закон 1998 г. об иммиграции и юридическом статусе зарубежных корейцев (Закон о зарубежных корейцах), вступивший в силу в 1999 г., содержал определения понятия «зарубежные корейцы». Вводились две категории зарубежных корейцев: зарубежные корейские граждане РК и корейские соотечественники, имеющие иностранное гражданство. Первая категория просто обозначала граждан РК, которые были давно живущими постоянными жителями иностранных государств. Вторая категория является темой острых дебатов. Закон определяет корейцев, имеющих иностранное гражданство, как «лиц, которые эмигрировали за границу после возникновения Республики Корея, т.е. после 1948 г., и отказались от своего корейского гражданства, их прямые потомки, а также лица, которые эмигрировали до создания РК и имели явно установленное корейское гражданство до получения иностранного гражданства»¹⁶. Это определение исключало часть корейцев-эмигрантов из категории корейских соотечественников с иностранным гражданством. Следовательно, около 2,5 млн. корейцев в Китае и СНГ из 5,65 млн. зарубежных корейцев были лишены существенных льгот в визовом

статусе, экономических правах и социальных благах, таких, как страхование здоровья (медицинская страховка), которыми пользуются по новому определению «зарубежные корейцы»¹⁷.

В результате возникли проблемы как в дипломатических отношениях с КНР, так и для иммиграционной политики РК в отношении зарубежных корейцев. Они были обусловлены расхождениями в требованиях Закона об иммиграционном контроле и юридическом статусе корейцах, живущих за рубежом. С целью ослабить остроту проблемы был принят и в 2003 г. начал действовать Закон о найме и занятости иностранной рабочей силы. В 2004 г. стала применяться «разрешительная система занятости», а в 2006 г. учрежден Совет по защите прав человека и интересов иностранных граждан»¹⁸.

В мае 2006 г. на первом заседании Совета было решено облегчить въезд и пребывание в Южной Корее этнических корейцев, проживающих в Китае и странах бывшего СССР. Они получили право получать особые «гостевые рабочие визы» для въезда и трудоустройства в Южной Корее.

Прежде живущие за рубежом этнические корейцы могли получать для поездок на историческую родину гостевые визы сроком до 3 лет и только при наличии у них родственников на Юге. При этом для устройства на работу требовалось специальное разрешение иммиграционных властей.

Теперь же лица с гостевыми рабочими визами могут находиться в Южной Корее до 5 лет. При этом наличие здесь родственников и записей в поименных родовых книгах не требуется. В течение срока действия визы ее обладатели смогут многократно въезжать в страну и выезжать из нее, а также устраиваться на работу. Однако срок беспрерывной работы ограничивается тремя годами. По его истечении обладатели виз, желающие продолжить работу в Корее, должны будут выехать из страны и затем въехать повторно. С тем чтобы избежать возможных негативных последствий для местного рынка труда, будет определяться квота на количество гостевых рабочих виз»¹⁹.

Не менее сложна проблема китайцев, давно живущих и даже родившихся в Корее. Она касается относительно небольшого круга лиц китайского происхождения, не являющихся, как правило, гражданами КНР. Их положение отличается от положения современных китайских рабочих-мигрантов из КНР, в том числе от мигрантов-ханьцев.

Китайцы начали переселяться на Корейский полуостров в конце XIX в. Первые переселенцы были, главным образом, из портового города Янтая пров. Шаньдун. Они бежали от голода и политических волнений. Численность китайцев в Корее росла и достигла 12 тыс. человек в 1910 г. Положение китайцев ухудшилось в период японского колониального господства в Корее, когда над ними был установлен жесткий контроль, включая ограничение числа нанимаемых китайских строительных рабочих, высокие налоги на импортируемые китайские товары и запрет китайского шелка.

Японцы поощряли недоверие и вражду между корейцами и китайцами. В июле 1931 г. произошло нападение корейцев на китайцев в Сеуле в ответ на убийство корейских переселенцев в пров. Цзилинь Северо-Восточного Китая. Во время столкновений погибло 142 китайца и серьезно пострадали 546 китайцев. Это было первое в истории Кореи межэтническое столкновение.

После 1945 г. численность китайцев в Южной Корее росла, например, число жителей чайна-тауна в Сеуле достигло своего пика (60 тыс. человек) в 1950-е годы. Однако по мере упрочения КНР тысячи представителей китайской общины в Южной Корее вплоть до 1980-х годов покидали Корею, переселяясь на Тайвань, в Бразилию и Северную Америку. При президенте Пак Чжон Хи, в 1961–1979 гг., китайцев ограничивали в развитии бизнеса, владении землей и недвижимостью. Китайцы могли иметь или одно жилище площадью не более 66 кв. м., или одно коммерческое предприятие не более 16,5 кв. м. Повторявшиеся денежные реформы также ухудшали их финансовое положение. В 2000 г. в сеульском чайна-тауне осталось 15 тыс. жителей²⁰.

Но в последние годы условия для китайцев, живущих в РК, улучшились благодаря новым отношениям между Пекином и Сеулом и более либеральной политике правительства президента Ким Дэ Чжуна. Например, отменено ограничение на владение собственностью, в том числе недвижимостью. Упростилась и процедура покупки собственности. Но и сегодня китайцы жалуются на то, что от корейцев чиновники требуют меньше бумаг, чем от них. Давно живущие в Южной Корее китайцы ориентируются на Тайвань и получают от него некоторую поддержку, хотя и считают ее недостаточной. Для дальнейшего расширения своих прав они требуют: 1) предоставления избирательных прав, чтобы иметь возможность не только голосовать на местных, но и на парламентских выборах; 2) сдавать эк-

замены для работы в муниципальных службах, к которым китайцы пока не допускаются и тем самым отстраняются от работы в органах исполнительной власти; 3) решения проблем приобретения корейского гражданства, хотя в действительности некоторые из живущих и даже родившихся в Корее китайцев предпочитают сохранять свое прежнее гражданство Китайской Республики.

Видимо, справедливы утверждения гонконгской журналистки Луизы де Розарио: «Как бы ни менялись политические ветры в Корее, китайцы все равно были среди первых, кто терпел страдания». Дискриминация китайцев, даже родивших в Южной Корее, распространена при найме на работу, ведении бизнеса и при получении корейского гражданства. Даже в повседневной жизни корейцы недружелюбно относятся к китайцам – соседям по кварталу. Они остаются «нежелательными гостями»²¹.

Положения Закона о зарубежных корейцах, в том числе и гражданках КНР, в связи с их пребыванием и работой в Южной Корее, не распространяются на рабочих – этнических китайцев из КНР. В этой связи власти континентального Китая не могут оставлять без внимания юридическое и фактическое неравенство в отношении граждан КНР по этническому (национальному) признаку. Между тем китайцы – как выходцы из материкового Китая, так и из Тайваня, – являются самым большим национальным меньшинством в РК.

Следовательно, остается нерешенной проблема координации политики в отношении зарубежных корейцев и политики привлечения иностранной рабочей силы. Некоторыми специалистами в РК предлагается выработать новую модель политики в отношении иностранной рабочей силы. Во-первых, по их мнению, привлечение иностранной рабочей силы и иммиграционная политика должны быть сфокусированы на активном стимулировании иностранных профессионалов, а также крупных инвесторов, которые могут участвовать в создании местных рабочих мест. Во-вторых, неквалифицированная рабочая сила должна применяться лишь временно и лишь когда есть необходимость её привлечения. Этот процесс должен проходить через законные и прозрачные процедуры, гарантирующие рабочим-иммигрантам соответствующую защиту и обращение. Одновременно следует создать надежную систему мониторинга для того, чтобы предотвратить их нелегальное пребывание в Корее. Кроме того, необходимо проводить постоянную реструктуризацию промышленности, чтобы сократить

чрезмерную потребность в неквалифицированных рабочих. Тогда в будущем правительство сможет гибко регулировать временные потоки неквалифицированной рабочей силы²².

Таким образом, необходима выработка современной, соответствующей и глобализации, и национальным интересам, иммиграционной политики Республики Корея.

Примечания

¹ *Cho Yoon-mo*. Foreign Workers Policy requires Harmony of Humanitarianism and National Interests//The Dong-A Ilbo, June 9, 2006. Цит. по: Korea Focus. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 50.

² *Chu Wu-jin*. Competiveness of Service Industry and Foreign workers//The Munhwa Ilbo, Oct. 23, 2006. Цит. по: Korea Focus. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 50.

³ <http://www.immigration.go.kr/indeximmeng.html>

⁴ Ministry of Justice. Annual Immigration Statistics, 2000. Цит. по: *Lee Jeanyoung*. Ethnic Korean Migration in Northeast Asia // Proceedings of International Seminar: Human Flows across National Borders in Northeast Asia. Monterey: 2002. P. 121. http://srch.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no6_1_ses/chapter5_lee.pdf

⁵ Ibid.

⁶ *Kim Anna* (M-H) New human inflow and the new challenge in post-1990 South Korea // <http://www.december18.net/web/docpapers/doc343.pdf>.

⁷ <http://www.immigration.go.kr/indeximmeng.html>

⁸ Данные приведены на сайте Иммиграционного бюро Министерства юстиции РК: <http://www.immigration.go.kr/indeximmeng.html>, или см. http://www/hikorea.go.kr/common/comtask/InfoPrint_contents.jsp 26.02.2008.

⁹ *Lee Jeanyoung*. Op. cit. P. 122.

¹⁰ *Cho Yoon-mo*. Op. cit. P. 51–52.

¹¹ Editorial, JoongAng Ilbo. Feb. 15, 2007. Цит. по: Korea Focus. 2007. Vol. 15. No. 1. P. 50.

¹² *Lee Jeanyoung*. Op. cit. P. 119.

¹³ *Kim Anna*. Op. cit.

¹⁴ *Lee Jeanyoung*. Op. cit. P. 121.

¹⁵ *Lee Jeanyoung*. Op.cit. P. 131.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Lee Jeanyoung*. Op. cit. P. 132.

¹⁸ <http://www.immigration.go.kr/indeximmeng.html>

¹⁹ ИТАР-ТАСС. 28.05.2006.

²⁰ *Louise do Rosario*. Unwelcome Guests // The Straits Times. 22.10.2000.

²¹ Ibid.

²² *Cho Yoon-mo*. Op. cit. P. 50.

С.О. Курбанов*

ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИЯ И ИНТЕРНЕТ-ЭКОНОМИКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

С началом XXI в. Южная Корея пережила знаменательное событие, оставшееся незаметным для большинства зарубежных наблюдателей. Более того, в самой Республике Корея рядовые граждане также не обратили внимания на то, что, начиная с 1999 г., стали жить в изменившемся обществе, с совершенно иными социально-экономическими отношениями. Источником для таких изменений стал Интернет, охвативший за очень короткое время большинство населения страны.

Распространение Интернета было настолько стремительным, а его воздействие на различные сферы жизни южнокорейского общества было настолько значительно, что автор настоящей статьи для обозначения указанного феномена стал использовать термин «интернет-революция».

Пристальное изучение интернет-реалий Южной Кореи важно не только для корееведов – специалистов, занимающихся изучением Кореи, – но и для более широких кругов научной общественности, поскольку в настоящее время эта страна занимает весомые позиции в мире по уровню использования интернета, и, таким образом, представляет собой пример будущего, которое ожидает большинство стран мира.

Интернет-революция Республики Корея

С середины 1990-х годов Республика Корея была одной из ведущих стран в сфере мобильной связи. В то время это была еще не со-

* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

товая телефония, а пейджинговая связь, охватившая значительную часть населения страны. Поэтому, благодаря наличию технической базы, Республика Корея быстро перешла на всеобъемлющую сотовую связь. В 2000 г. в Южной Корее было 27 млн. пользователей сотовой телефонией, в 2004 – 35 млн. (из 48 млн. населения страны)¹. Какого-либо резкого скачка в числе пользователей рубеж XX и XXI веков не продемонстрировал.

Ситуация с Интернетом выглядела иначе.

Республика Корея начала подключаться к интернету с декабря 1994 г. При этом важно отметить тот факт, что тогда же, в 1994 г., при правительстве Республики Корея был создан особый Отдел развития высокоскоростной информационной связи (초고속정보통신 기획단) и был принят ориентировочный план развития интернета в Южной Корее.

Иными словами, как и в случае со знаменитой индустриализацией Южной Кореи, начавшейся в 1960-е годы, и в 1990-е годы государство играло важнейшую роль в продвижении страны на пути технологического прогресса.

Однако в середине 1990-х годов технические средства доступа к Интернету были еще не настолько совершенны, чтобы обеспечить дешевый высокоскоростной доступ к Всемирной Сети для большинства граждан страны. К декабрю 1998 г. число пользователей Интернетом в Южной Корее не превышало 2,5 млн. человек.

Однако именно с 1999 г. в Южной Корее стали активно внедряться технологии широкополосного доступа в Интернет. Поначалу выход во Всемирную Сеть осуществлялся с помощью технологий ISDN (integrated services digital network), использовавших стандартные телефонные линии. Так, в марте 1999 г. корпорация Дэу Электроникс стала широко внедрять ISDN-модемы для высокоскоростного подключения к Интернету *частных* лиц². Аналогичные технологии предлагали пользователям и другие ведущие южнокорейские производители электроники.

Все это не замедлило сказаться на **взрывном** росте числа южнокорейских пользователей сетью Интернет. Уровня в 5 млн. пользователей Южная Корея достигла к середине 1999 г. К октябрю 1999 г. число пользователей перевалило за 10 млн., к марту 2000 – за 15 млн., к марту 2001 – за 20 млн., к декабрю 2002 – за 25 млн., к декабрю 2003 г. достигло уровня в 30 млн. человек.

То есть, к 2004 г. большая часть *всего* населения страны (включая в расчет стариков и детей) стала активным пользователем Интернета. По состоянию на 2003 г., в Южной Корее проживало 42,76 млн. человек, из них 32,05 пользовались Интернетом, т.е. 74,95% населения. По этому показателю Южная Корея занимала 1-е место в мире, обгоняя Исландию, Норвегию, Данию, Швецию, Австралию, США, Нидерланды, Швейцарию, Канаду. Естественно, что в подобных условиях возможно было говорить об активном развитии интернет-экономики.

Что касается пользователей высокоскоростным Интернетом, то здесь статистика выглядела следующим образом. Началось внедрение высокоскоростного Интернета в Южной Корее в апреле-июне 2000 г. В августе 2000 г. насчитывалось уже около 2,5 млн. пользователей, в марте 2001 г. – 5 млн., в начале 2003 г. – 10 млн., в конце 2003 г. – 13 млн. По числу *активных* пользователей Интернета РК в 2003 г. также занимала первое место в мире (23-24 человека на 100 человек населения), обгоняя при этом следующую (2-ю) в списке страну – Канаду – почти в 2 раза.

Одной из причин такого роста популярности Интернета в Южной Корее исследователи считают то, что уже с самого начала в РК сумели связать виртуальный мир с *реальным*.

Когда мы говорим о росте количества доменов и числа пользователей в Интернете в Южной Корее, то вполне закономерно встает вопрос: что было первичным в развитии Интернета? Рост числа доменов и привлечение *пассивных* пользователей под новый интернет-сервис, или же сначала рост числа пользователей, и уже как *следствие* рост доменов? Как показывают исследования, для Южной Кореи *интернет-активность пользователей* (базирующаяся на технологических достижениях) как первооснова развития Интернета является первичной. Лишь после заметного роста числа пользователей, когда деятельность в Интернете становится экономически *выгодной*, в Южной Корее происходил рост числа доменов, рост количества и качества разнообразных интернет-услуг.

В начале 1999 г. в РК насчитывалось менее 50 тыс. доменов, в июле-августе 1999 г. – 100 тыс., в начале 2000 г. – 200 тыс., весной (апрель) 2000 г. – 300 тыс., в мае 2000 г. – 400 тыс., в июне 2000 г. – 500 тыс. Затем, в 2000–2003 гг. число доменов более или менее стабилизировалось между цифрами в 600 и 700 тыс. доменов.

Таким образом, всего за несколько лет, начиная с 1999 г., число активных пользователей Интернетом в Республике Корея выросло в 10 раз, и в 2003 г. их количество достигло уровня в 75% *всего* населения страны. За то же время число доменов выросло в 12 раз.

Эта новая реалья не могла не отразиться на всех аспектах жизни страны, и в том числе – на экономике. Причем в экономике Республики Корея Интернет стал играть настолько заметную роль, что в научной литературе появилось и стало активно употребляться особое понятие – «интернет-экономика», а исследователи стали говорить об особых «интернет-предприятиях».

Интернет-экономика Республики Корея

Итак, какого уровня должно достигнуть развитие интернета для того, чтобы эта «виртуальная реальность» могла послужить базой для появления еще одной новой реальности – интернет-экономики? Для этого в интернете (отдельной взятой страны) должно иметься некое минимально допустимое число *доменов* (в литературе пока что подробных цифр на этот счет не приводится) и число *пользователей* Интернетом определенного **технического** уровня, чтобы была возможной реализация основной задачи *современной* экономической деятельности: 1) поиск запросов потребителя и 2) удовлетворение запросов потребителя.

В РК Интернет достиг указанных выше минимумов к 1999 г., что можно проиллюстрировать доступной статистикой интернет-торговли. Так, если в 1998 г. объем интернет-торговли Республики Корея составил 360 млн. долл., то уже в 1999 г. эта цифра выросла в 6 раз, достигнув уровня в 2,16 млрд. а в первые несколько лет 2000-х годов должна была дойти до отметки в 10 млрд. долл.³

Причина подобного роста заключалась, с одной стороны, как уже отмечалось выше, в росте численности доменов и порталов, которые предоставляли услуги доступа к электронному рынку. С другой стороны, отдельные производящие компании сознательно переводили бизнес в сферу интернета, поскольку это давало значительную экономию и снижение себестоимости продукции.

Например, корпорация «Самунг электроникс» с 5 марта 1999 г. стала проводить осознанную стратегию перевода торговли комплектующими только через Интернет, который позволял более оперативно найти покупателей на большой или небольшой опт⁴. Это была

стратегия «Самсунг электроникс», которая планировала с помощью перехода на интернетную систему продаж сэкономить до 270 млрд. вон на «транспортных» расходах (поиск покупателей и т.п.). Та же фирма в 1999 г. создала специальный сайт по продаже готовой продукции. В том же году торговая компания Самсунг (www.sism.co.kr), входящая в корпорацию Самсунг, также планировала вести свои торговые операции, *главным образом* используя ресурсы Интернета. В целом, по статистике начала 1999 г., ежедневное число обращений на сайты Самсунга составляло до 700 000 раз (более 100 000 отдельных пользователей).

Чем же Интернет оказался столь привлекательным для южнокорейских корпораций? Как отмечается в научной литературе, использование интернета изменяет характер традиционных экономических отношений. Во-первых, Сеть значительно сокращает и упрощает путь товара от производителя к потребителю, исключая из этого пути посредников и оптовых торговцев. Во-вторых, торговое пространство интернета более широкое (вся планета Земля). В-третьих, интернет-экономика (торговля) не имеет временных ограничений, и интернет-предприятие может функционировать 24 часа в сутки 365 дней в году. Четвертым важнейшим моментом интернет-экономики можно выделить *интерактивный* характер связей между потребителем и производителем, возможность лучше удовлетворить запросы потребителя.

Интернет-экономика РК, начав интенсивное развитие с 1998–1999 гг., шла в направлениях: 1) перемещения в интернет-пространство отдельных подразделений традиционных производств (подразделений, более связанных с доставкой товара или услуги до потребителя); 2) развития *новых* видов интернет-бизнеса.

Самым заметным из новых видов интернет-экономической деятельности стало создание и развитие порталов – сайтов, с которых пользователи начинают работу в сети Интернет. В Южной Корее в конце 1990-х годов крупнейшие порталы были созданы следующими путями: 1) выход на рынок порталов южнокорейских предприятий компьютерной (цифровой) связи (коммуникаций) (PC); 2) приход на рынок зарубежных интернет-порталов (предприятий); 3) появление собственных специализированных порталов (предприятий).

Первая категория порталов – созданные *предприятиями компьютерных коммуникаций*.

Южнокорейская компания связи «Dacom» обеспечивала эксплуатацию (владела) интернет-провайдером «Чхоллиан», который в то

время, в частности обеспечивал доступ в Интернет через модемную связь. Сайт «Чхоллиан» был преобразован в портал, и в конце 1990-х имел 2 млн. 200 тыс. пользователей. Вскоре он вошел в состав корпорации LG (lgdacom.net), поглотил сайт «Чхэноль ай», у которого было 900 тыс. пользователей, и таким образом, стал мощнейшим порталом с 3 млн. 100 тыс. пользователей, став в результате лидером.

В настоящее время указанный портал все еще существует. Но он не столь развит и популярен, как ряд других (о которых речь пойдет ниже). Ориентируется как на частного потребителя, так и на предприятия. Предоставляет множество услуг по вложению капитала.

Еще одна крупнейшая южнокорейская корпорация связи «Хангук тхонсин» (Korea Telecom – KT) в марте 1999 г. открыла портал «Хайтхель», предоставлявший такую информацию, как новости, развлечения, бизнес и т.п. В дальнейшем «Хайтхель» трансформировался в портал «Пхаран» (www.paran.com). В настоящее время в его состав входит и знаменитый почтово-новостной портал «Эмпас» (Empas).

Одно из подразделений корпорации «Самсунг» (SDS; фирма, занимающаяся продвижением IT-технологий⁵, также в конце 1990-х открыла портал «Юнивеб сентхо».

Ко второму типу интернет-порталов, которые стали появляться в Южной Корее в конце 1990-х, как уже отмечалось, относятся порталы, основанные зарубежными интернет-предприятиями. Первым изначально «иностранным» интернет-порталом, зарегистрированным на территории Республики Корея в качестве юридического лица и построенным под реалии Кореи, был портал «Яху Кхориа» (январь 1997 г.). Конечно же, в то время набор услуг (сервисов), который предоставлял сайт, был несколько меньшим, чем у сайта Yahoo США, но бренд обеспечил сайту большое количество пользователей.

Следующим подобным иностранным порталом, открытым в марте 1999 г., стал «Лайкос Кхориа» (Lycos Korea), который в дальнейшем в 2004 г. был куплен южнокорейской компанией Daum Communications). В апреле 1999 г. был запущен корейский портал корпорации Майкрософт (MSN – Microsoft Network). Одной из сильных сторон корейского портала MSN было не только качественное предоставление стандартного набора услуг, включающего почту или возможность общения через чаты. Сильной стороной портала стал индивидуальный подход к вопросу удовлетворения запросов пользователя.

К третьему типу интернет-порталов относятся местные интернет-предприятия. Это порталы «Таым коммюникэйшн» (Daum.net), который предоставляет почтовые услуги внутри «субпортала» «Ханмэйл нет» (Hanmail.net), портал «Нэйвер» (Naver.com), принадлежащий «Самсунг Эс Ди Эс» (SDS) и т.п.

Из местных порталов поначалу лидировал портал «Daum», который стал обеспечивать пользователей бесплатной интернет-почтой с 1997 г. Однако стремительный рост популярности этого портала начинается именно в 1999 г., т.е. с началом так называемой «интернет-революции» В марте 1999 г. число зарегистрированных пользователей этого портала превышало 1,5 миллиона человек, а число посещений сайта доходило до 18 млн. в день.

На первом этапе создания и «раскрутки» южнокорейских интернет-порталов имела место жесткая конкуренция, и не все из первых порталов удержались на рынке интернет-экономики. Многие из них поменяли профиль, сохранив прежние адреса.

В настоящее время ситуация на рынке порталов Южной Кореи следующая: ведущее, в известной степени «монопольное» положение, занимают несколько крупнейших и популярнейших порталов. Кроме того, в последнее время появилось бесчисленное множество других небольших сайтов, которые можно отнести к категории порталов. Их огромное количество и точное количество подсчитать невозможно. В целом, рынок интернет-порталов Южной Кореи вышел из периода жесткой конкуренции и в настоящее время на этом рынке наблюдается некоторая стабилизация.

Примечания

¹ Указанные цифры говорят о реальных пользователях мобильной связи, а не о «зарегистрированных абонентах», что, в частности связано с тем, что в Республике Корея не так много операторов сотовой связи и нет свободно продаваемых и легко заменяемых simm-карт, позволяющих одному абоненту иметь практически неограниченное количество телефонных номеров.

² News Review. 06.03.1999. P. 33.

³ Ibid. P. 32.

⁴ News Review. 13.03.1999. P. 25.

⁵ <http://www.sds.samsung.co.kr>

⁶ Ан Чжунхо, Ян Хидон, О Санчжо, Ким Ынчжин. История изменений интернет-бизнеса Кореи. Сеул, 2006; Korea Now. Seoul, 2000–2001; www.dreamwiz.com; www.naver.com; www.cyworld.com; www.daum.net; www.yahoo.co.kr

*А.Ф. Синякова **

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: КОРЕЙСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ

Государственно-частное партнерство (ГЧП) представляет собой форму официального сотрудничества между государственными, региональными властями и частными инвесторами в целях разработки, планирования, финансирования, строительства и эксплуатации крупных, как правило, инфраструктурных проектов. Основываясь на международной практике, можно говорить о том, что при ограниченности собственных инвестиционных ресурсов в качестве главных источников расширения базы финансирования инфраструктурных проектов может быть использовано:

- 1) выделение дополнительных бюджетных ассигнований;
- 2) введение дополнительных целевых налогов и сборов, в частности для пользователей услуг транспортной инфраструктуры;
- 3) привлечение заемных средств под гарантии правительства;
- 4) привлечение внебюджетных инвестиций с использованием механизмов государственно-частного партнерства.

Зарубежный опыт реализации государственно-частных партнерств доказывает их привлекательность и позволяет судить о потенциальных выгодах как для государства, так и для частных инвесторов, в том числе и в нашей стране. Одним из механизмов реализации государственно-частного партнерства являются концессионные соглашения.

Государственно-частное партнерство в Республике Корея имеет свою историю. Финансово-промышленные группы «чеболи», появившиеся в 1960-е годы и представлявшие собой группу формально

* МГИМО(У), Москва.

самостоятельных фирм, находящихся под единым административным и финансовым контролем, имели тесные связи с государством. Чеболи получали государственную поддержку, льготное кредитование, правительственные заказы. Кроме того, руководство финансово-промышленных групп напрямую сотрудничало с представителями государственного аппарата. В процессе развития страны после Корейской войны и модернизации экономической структуры чеболи сыграли ведущую роль. Постоянное сотрудничество частного бизнеса и государства на протяжении нескольких десятилетий определило необходимый рост экономического потенциала и обеспечило включение Южной Кореи в число экономически развитых стран. Подобное экономическое сотрудничество является отчасти примером государственно-частного партнерства, однако в настоящее время проекты, реализуемые посредством ГЧП, носят, в основном, общественно значимый характер, а сами партнерства являются временными.

Изначально развитие инфраструктуры в Республике Корея было достаточно важным для восстановления экономики страны и дальнейшего промышленного развития, особенно в связи с возросшей плотностью населения – 490 человек на кв. км, по оценке ОЭСР (в Японии – 336 человек на кв. км). Для расширения участия частного капитала в финансировании инфраструктурных проектов и для снижения нагрузки на государственный бюджет правительство страны в 1994 г. начало реализацию программы привлечения частных инвесторов и, приняв соответствующий закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры (Private Participation in Infrastructure Act)¹, а также сопутствующие специализированные правовые акты. До принятия данного закона реализация государственно-частных инфраструктурных проектов осуществлялась на основании индивидуальных соглашений правительственных структур и частных компаний для каждого отдельного случая.

Однако программа не принесла ожидаемого успеха, причиной чего стало, во-первых, непрозрачное законодательство и практически полное отсутствие гарантий со стороны государства. Во-вторых – незаинтересованность со стороны иностранных инвесторов и низкого интереса национального бизнеса. Так, из заявленных 45 проектов, концессионные соглашения были подписаны лишь по 10 проектам, а фактическое строительство началось лишь в рамках 5 проектов². Также негативным фактором стал азиатский финансовый

кризис, который потребовал значительных капиталовложений в реальный сектор экономики.

Основными характеристиками государственно-частного партнерства являются:

- распределение рисков – при заключении концессионных соглашений разграничиваются риски, которые несет государство и инвестор;
- распределение обязательств государственного и частного секторов;
- продолжительность во времени – соглашения о партнерстве государства и бизнеса заключаются на длительный срок;
- право собственности на активы, на объекты инфраструктуры сохраняется у концедента, т.е. у государства;
- распределение прибыли.

В 1998 г. правительство Кореи предприняло попытки возобновить программу, направленную на реализацию инфраструктурных проектов совместными усилиями государства и бизнеса. В том же году в Закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры³ были внесены изменения, направленные на улучшение условий для частных инвесторов, на предоставление им государственных гарантий и на создание специализированных инвестиционных фондов. В законе были определены требования, предъявляемые к проектам и риски, которые покрывает государство. Правительство, в свою очередь, в целях экономического развития стремится к созданию современных финансовых институтов, росту конкуренции. Основные отличия законов о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры 1994 г. и 1998 г. представлены в табл. 1⁴.

В 2005 г. были внесены дополнительные изменения в закон и утверждена еще одна концессионная схема «Строй – передай – возьми в лизинг» (BTL, сокр. от англ. Build-Transfer-Lease), получившая в последнее время большое распространение.

Новая программа, принятая одновременно с принятием закона 1998 г., включает в себя три основных компонента.

1. Закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры, в котором сформулированы механизмы сотрудничества государства с бизнесом, критерии отбора проектов, порядок финансирования, гарантии, предоставляемые инвесторам, риски, покрываемые государством.

Таблица 1

Основные отличия Законов (1994 г. и 1998 г.) о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры

	Закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры, 1994 г.	Закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры, 1998 г.
Вид концессий	1) Строй – Владей – Эксплуатируй (BOO , сокр. от англ.: Build-Own-Operate). 2) Строй – Передай – Эксплуатируй (BTO , сокр. от англ.: Build-Transfer-Operate).	1) Строй – Владей – Эксплуатируй (BOO , сокр. от англ.: Build-Own-Operate) 2) Строй – Передай – Эксплуатируй (BTO , сокр. от англ.: Build-Transfer-Operate) 3) Строй – Эксплуатируй – Передай государству (BOT, сокр. от англ.: Build-Operate-Transfer)
Технико-экономическое обоснование	Не требуется технико-экономическое обоснование	Обязательное технико-экономическое обоснование
Финансовое обеспечение со стороны государства	В законе практически не прописано	Финансовые гарантии со стороны государства: 1) определены критерии признания проектов; 2) закреплены гарантии минимального уровня прибыльности; 3) обеспечение валютного риска; 4) закреплена возможность выкупа готового объекта.
Федеральное ведомство	Отсутствует	1) Инфраструктурный инвестиционный фонд; 2) Корейский центр частных инвестиций в сферу инфраструктуры (PICKO).

Источники: Lee Jung-Kyu. Regulations of the PPI Act; *Hahm Jung-Lim*. Private Participation in the Infrastructure Program of the Republic of Korea. Transport and Communication Bulletin for Asia and the Pacific. Invest Korea #45 март-апрель 2006. http://www.ikjournal.com/InvestKoreaWar/work/journal/content/content_main.jsp?code=4430222

2. План действий на 10 лет, задачей которого является оценка потребности разных отраслей инфраструктуры в дополнительном инвестировании. В итоге отобрано 179 проектов, которые должны быть реализованы в течение ближайших 10 лет (табл. 2)⁵.

Таблица 2

**Десятилетний план действий по реализации проектов
государственно-частного партнерства в сфере инфраструктуры**

	Количество проектов	Стоимостная оценка проекта, млрд. долл.	Участие государства, млрд. долл.
Дорожное хозяйство	18	15,7	4,7
Железнодорожное хозяйство	23	11,1	4,4
Портовое хозяйство	29	5,8	2,3
Сфера окружающей среды	89	3,3	1,5
Сфера энергетики	13	12	0
Прочее	7	4,7	0,7
В целом	179	52,6	13,7

Источник: Invest Korea #45. Март-апрель 2006. 10Year Plan for PPI. http://www.ikjournal.com/InvestKoreaWar/work/journal/content/content_main.jsp?code=4430222

Представленная таблица свидетельствует о том, что доля финансового участия государства при реализации проектов совместного с частными инвесторами не превышает одной четверти.

3. Годовой план в дополнение к десятилетнему плану для своевременной корректировки и эффективного управления.

Процедура согласований по каждому конкретному проекту и по условиям концессионного соглашения осуществляется на уровне Министерства по планированию и бюджетным вопросам, если проект оценивается в сумму, превышающую 200 млрд. вон. И на уровне соответствующего отраслевого ведомства, если проект оценивается в сумму, не превышающую 200 млрд. вон⁶.

Государственно-частное партнерство правительством Кореи рассматривалось как сотрудничество государства с бизнесом, при котором государство извлекает выгоду из общего улучшения экономического состояния инфраструктуры. Для привлечения потенциальных инвесторов предлагаемые проекты должны быть финансово рентабельны, кроме того, в Законе о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры предусмотрен ряд стимулов⁷:

1) Во-первых, выделение общественных земель под инфраструктурные проекты для снижения основных видов рисков при строительстве «с нуля» – доступности и стоимости земли;

2) Предоставление гарантий доходности для проектов с высокими рисками. Так государство в зависимости от реализуемого проекта может предоставить гарантии частным инвесторам до 90% ожидаемой доходности;

3) Налоговые стимулы включают:

- освобождение от уплаты налога на приобретение недвижимости по концессионным проектам по схеме «Строй – эксплуатируй – передай государству» (BOT);

- снижение НДС по концессионным проектам по схемам «Строй – передай – эксплуатируй» (BTO) и «Строй – эксплуатируй – передай государству» (BOT);

- предоставление возможности выпуска корпоративных облигаций с налогообложением получаемого дохода по ставке 15%;

- налоговые льготы по уплате налога на прибыль корпораций и др.;

4) Частичная гарантия валютных рисков (рисков неблагоприятного изменения курса валюты);

С учетом усовершенствований в законодательной базе ожидается рост заинтересованности не только национальных, но, что важно для интеграции в мировую экономическую систему, и иностранных инвесторов в участии в совместных инфраструктурных проектах.

В первой половине 1990-х годов в планах правительства Республики Корея было привлечение дополнительных инвестиций в транспортную сферу, но этому помешала недостаточная проработанность законодательства и уже упоминавшийся азиатский финансовый кризис. Затем, после внесения дополнений в инвестиционное законодательство, правительство планировало провести приватизацию 11 государственных предприятий, включая крупнейшие компании, такие, как телекоммуникационная Korea Telecom, энергетическая Korea Electric Power Corporation и газовая Korea Gas Corporation⁸. Однако частные инвесторы не проявили достаточной заинтересованности, и правительству потребовалось принять меры, которые сделали бы вложения более привлекательными для потенциальных инвесторов.

В результате Закон о государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры предложил механизм концессионных соглашений для реализации проектов в сфере транспорта, энергетики, телекоммуникаций, дорожного, портового хозяйства, инфраструктуры коммунального хозяйства. Усовершенствования также коснулись льгот, предоставляемых инвесторам, включая возможность выбора предпочтительного типа концессии, налоговые стимулы, государственные гарантии.

К настоящему времени государственно-частное сотрудничество в ряде секторов инфраструктуры уже дало результаты, и проекты находятся на стадии реализации. Важнейшими для развития экономики страны представляются дорожное строительство, логистические издержки, достигающие в Республике Корее 17% ВВП, что объясняет необходимость привлечения иностранных инвесторов. Сроки окупаемости объектов дорожного строительства весьма длительны, а тарифы на проезд по автомагистралям регулируются правительством, поэтому система льгот необходима для привлечения инвесторов. Транспортные услуги, за исключением железнодорожного транспорта и метро, предоставляются преимущественно частными или совместными предприятиями на условиях ГЧП. Реализация проектов в этой сфере считается успешной. Строительство высокоскоростной линии железной дороги, хотя и привлекло частных инвесторов, испытывает дефицит в финансовых средствах. В сфере легкорельсового транспорта было заявлено 3 проекта, в частности проект Yong-in (Корея), который включает 20 км железнодорожных путей по эстакаде, 32 поезда, 16 станций, полный объем электро-механических и строительных работ и должен быть реализован на условиях 30-летней концессии по эксплуатации и обслуживанию. Участниками проекта со стороны государства являются город Ёнин, Организация по торговле и инвестициям Кореи, Корейская правительственная программа ГЧП, частные инвесторы – Консорциум GTS, Корейский Инвестиционный банк, Bombardier, Daelim Engineering и финансовый синдикат Shanon Mc Quarie. Проект оценивается в сум-му 875 млн. долл.⁹

В строительстве аэропортов крупнейшим проектом, реализованным с использованием механизма государственно-частного партнерства на условиях «Строй – владей – эксплуатируй – передай государству» (BOOT, сокр. от англ. Build-Own-Operate-Transfer), является международный аэропорт Инчхон.

Сфера портового хозяйства, несмотря на потребность в дополнительном финансировании, остается прерогативой государства в связи с соображениями национальной безопасности.

Сфера телекоммуникаций привлекает преимущественно прямых иностранных инвесторов. В стратегических сферах, таких, как электроэнергетика, государство остается монополистом, доля иностранного капитала не должна превышать 30%.

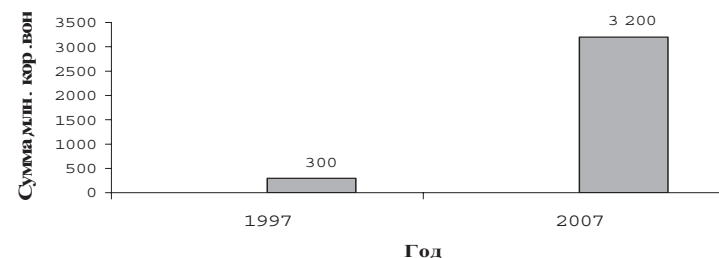

Рис. 1. Объем частных капиталовложений в проектах ГЧП в РК, млн. вон

Источник: Korea's PPP. Cho Yong-Man. Asia-Pacific Ministerial Conference on Public-Private Partnerships for Infrastructure Development 2007. http://www.ppp2007.org/kor/data/EGM_Day1/Insight%20into%20Korea's%20Public-Private%20Partnerships.pdf

Из возможных концессионных соглашений в Корею наибольшее распространение получили схемы «Строй – передай – эксплуатируй», утверждено 53 проекта в разных секторах и «Строй – передай – возьми в лизинг», утверждено 139 проектов.

До 1998 г. объем частных капиталовложений в проекты ГЧП составлял 300 млрд. корейских вон, в 2007 г. частные инвестиции достигли цифры 3,2 трлн. корейских вон (рис. 1)¹⁰.

Правительство Республики Корея поощряет использование концессионных соглашений при реализации инфраструктурных проектов, поскольку государственно-частное партнерство в таком случае позволяет сократить период строительства, уменьшить строительные расходы и в целом себестоимость проекта, а также способствует развитию финансового рынка страны. Кроме того, заинтересованность инвесторов в окупаемости проекта и получении прибыли означает эффективный менеджмент. В Южной Корею учрежден инвестиционный фонд для развития объектов инфраструктуры, который предоставляет возможности для долгосрочного инвестирования и позволяет привлекать как национальные, так и иностранные капиталы.

Для того чтобы привлечь потенциальных инвесторов требуется упрощение процедуры проектных согласований и компенсация соответствующих расходов. Программа развития практики государственно-частных партнерств включает в себя, во-первых, увеличение

числа проектов в сфере дорожного и портового строительства, во-вторых, улучшение качества услуг, предоставляемых пользователям, в-третьих, избежание недобросовестной конкуренции частных инвесторов на стадии до подписания концессионного соглашения.

Корейский опыт реализации инфраструктурных проектов с использованием механизма концессии считается успешным, поскольку удалось восполнить недостаток государственного финансирования и эффективно развивать инфраструктуру. Для расширения участия частного капитала в инфраструктурных проектах требуется предоставление государственных гарантий, обеспечение благоприятного делового климата.

В России вопросы бюджетного финансирования создания и последующего обслуживания социально значимых инфраструктурных проектов в сфере строительства транспортных магистралей, жилищно-коммунального хозяйства, объектов ряда других отраслей являются актуальными. В стране за последние годы накоплен значительный объем материальных средств, но несмотря на это, значимость привлечения капиталов не снижается. Для развития инфраструктуры государственные и региональные органы власти стремятся привлечь инвестиции на условиях государственно-частного партнерства.

В июле 2005 г. был принят Государственной думой и утвержден Советом Федерации РФ закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Целями этого закона являются *привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений, и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям*¹¹.

Перед российской экономикой стоит задача повышения конкурентоспособности и модернизации. В транспортной сфере в рамках стратегии до 2020 г. была принята Федеральная целевая программа «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)», которая охватывает приоритетные инновационные и инвестиционные проекты, а также способы их ресурсного обеспечения. В настоящее время программа на 60% финансируется из федерального бюджета и бюджетов субъектов федерации, остальные средства поступают из внебюджетных источников. В перспективе доля частных капиталовложений должна возрасти до 60%¹².

Практика государственно-частного партнерства как способа

модернизации инфраструктуры доказала свою эффективность в азиатских странах, в частности в Корее. Использование частного капитала, в том числе зарубежных инвестиций, в реализации концессионных соглашений позволит и России решить определенные социально-экономические задачи без дополнительных бюджетных затрат, а также повысить конкурентоспособность страны посредством улучшения инфраструктуры, в частности в транспортной сфере. Результаты деятельности концессий, в свою очередь, станут базовым критерием оценки эффективности их работы.

Примечания

¹ Закон Республики Корея О государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры от 1994 г. (Private Participation in Infrastructure Act 1994).

² Invest Korea #45 март-апрель 2006. 10Year Plan for PPI. http://www.ikjournal.com/InvestKoreaWar/work/journal/content/content_main.jsp?code=4430222

³ Закон Республики Корея О государственно-частном партнерстве в сфере инфраструктуры от 1998 г. (Private Participation in Infrastructure Act 1998).

⁴ Lee Jung-Kyu. Regulations of the PPI Act. Hahm Jung-Lim, Private Participation in the Infrastructure Program of the Republic of Korea. Transport and Communication Bulletin for Asia and the Pacific. Invest Korea #45 март-апрель 2006. http://www.ikjournal.com/InvestKoreaWar/work/journal/content/content_main.jsp?code=4430222

⁵ Invest Korea #45 март-апрель 2006... Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ Asia-Pacific Ministerial Conference on Public-Private Partnerships for Infrastructure Development 2007. <http://www.ppp2007.org/kor/program1.php>

⁸ База данных по участию частного сектора в проектах создания инфраструктуры. Группа Всемирного банка. web.worldbank.org

⁹ Asia-Pacific Ministerial Conference on Public-Private Partnerships for Infrastructure Development 2007. <http://www.ppp2007.org/kor/program1.php>

¹⁰ Korea's PPP. Cho Yong-Man. Asia-Pacific Ministerial Conference on Public-Private Partnerships for Infrastructure Development 2007. http://www.ppp2007.org/kor/data/EGM_Day1/Insight%20into%20Korea's%20Public-Private%20Partnerships.pdf

¹¹ Федеральный закон «О концессионных соглашениях» №115-ФЗ от 21 июля 2005 г.

¹² Министерство транспорта РФ. www.mintrans.gov.ru

*В.Г. Пак**

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РК

До 1990-х годов в Южной Корее существовало мнение, что широкомасштабное привлечение иностранных инвестиций может привести к утечке национальных богатств и установлению иностранного контроля над важными отраслями экономики. По этой причине южнокорейское законодательство в инвестиционной сфере носило протекционистский характер и защищало интересы местных производителей. С тех пор политика в сфере ПИИ существенно изменилась, поскольку положительный эффект от притока иностранных инвестиций стал очевидным. Например, на данный момент на территории Южной Кореи уже функционируют около тринадцати тыс. предприятий с участием иностранного капитала, а их вклад в ВВП страны составляет около 15%. Около 10% от общего числа рабочих мест создано компаниями с иностранными инвестициями¹.

Толчком для кардинального изменения отношения к иностранным инвестициям послужил в какой-то мере финансовый кризис 1997–1998 гг. В кратчайшие сроки было разработано и принято новое законодательство в сфере инвестиций, допускающее участие иностранных инвесторов в различных сферах корейской экономики. Одновременно разработана специальная программа привлечения ПИИ, ответственным за реализацию которой определено Министерство торговли, промышленности и энергетики РК².

Своевременно принятые меры послужили толчком для увеличения притока ПИИ: только за 3 года с 1998 по 2000 г. объем ПИИ почти достиг 40 млрд. долл., превысив в полтора раза их объем за предыдущие 36 лет (1962–1997 гг.)³.

* Минэкономразвития РФ, Москва.

Позднее все действующие законы и правила, касающиеся ПИИ, были упрощены и сведены в единую правовую систему, которую представляет Закон о стимулировании иностранных инвестиций от 16 сентября 1998 г. Он определил приоритетные отрасли для привлечения иностранных инвестиций, а также закрепил перечень льгот в налогообложении, предоставляемых в случае инвестирования в данные сектора экономики. К вышеуказанным направлениям деловой активности отнесены: передовые технологии, сервисные сектора бизнеса, направленные на поддержку и развитие высоких технологий, деятельность предприятий, работающих в СЭЗ. Определены 436 сфер деятельности в области передовых технологий и 97 отраслей сферы сервиса, на которые распространяются льготы по налогообложению в соответствии с новым инвестиционным законодательством.

На сегодняшний день для иностранных капиталовложений уже открыты практически все отрасли промышленности за исключением тех, которые имеют отношение к государственной безопасности и сфере культуры, такие, как СМИ.

Все ограничения на иностранные инвестиции в местный рынок облигаций и денежный рынок уже сняты, а также отменен верхний предел на иностранные инвестиции в фондовый рынок. С 25 мая 1998 г. иностранные инвесторы имеют право покупать акции любых корейских компаний без согласия совета директоров и без правительственного утверждения за исключением акций предприятий оборонной промышленности и компаний, находящихся под контролем государства⁴.

Команда нового президента Ли Мён Бака намерена продолжать политику привлечения ПИИ, в частности разрабатывается программа, включающая в себя меры по снятию ограничений на медицинское страхование для иностранцев и строительство специальных жилищных комплексов, в которых станет возможна аренда жилплощади гражданами иностранных государств на льготных условиях. Кроме того, должны быть устранены бюрократические препоны для регистрации предприятий с иностранными инвестициями: теперь все формальные процедуры можно будет пройти в режиме «одного окна» в центре «Invest Korea Plaza».

Активно ведется работа в сфере особых зон, таких, как зона свободной торговли (Free Trade Zone), свободная экономическая зона

Таблица 1

Особые зоны в РК

	Зона иностранного инвестирования	Зона свободной торговли	Свободная экономическая зона
Законодательная база	Закон о стимулировании иностранных инвестиций № 5559 от 16 сентября 1998 г.	Законодательство, регулирующее ЗСТ, в частности Закон о создании зон свободной торговли № 7210 от 22 марта 2004 г.	Закон о создании и функционировании свободных экономических зон № 6835 от 30 декабря 2002 г.
Цель деятельности	Привлечение ПИИ	Поддержка экспортного производства	Привлечение ПИИ
Некоторые налоговые льготы	100% освобождение от уплаты местных налогов в течение 5 лет, снижение корпоративного налога на 50% в течение 2 лет	Все льготы как в зоне иностранного инвестирования плюс то, что компании, инвестировавшие более 10 млн. долл. в производственную сферу или более 5 млн. долл. США в логистику, освобождаются от подоходного и корпоративного налогов на срок 7 лет, либо до получения первой прибыли.	Компании, вложившие более 10 млн. долл. в производственную сферу и туризм и более 5 млн. долл. в логистику, освобождаются от уплаты корпоративного, подоходного, местных налогов в течение 5 лет.
Местоположение	10 комплексов и 19 индивидуальных союзов	10 зон (Масан, Иксан, Пусан и др.)	Инчхон, Пусан, Кваньян, Чинхэ

(Free Economic Zone), зона иностранного инвестирования (Foreign Investment Zone) (табл. 1).

Особое значение в РК придается созданию технопарков в сфере высоких технологий и специальных экономических зон, предоставляющих льготы иностранным инвесторам в целях создания благоприятных условий для инвестиционной деятельности отечественного и иностранного бизнеса, а также стимулирования производства высокотехнологичной продукции.

Как отмечают основные иностранные инвесторы, преимуществами южнокорейской экономики являются, во-первых, развитые технологии и ноу-хау, и во-вторых, наличие высококвалифицированного персонала. А также то, что в Республике Корея требуется в среднем меньше времени для создания стабильного бизнеса, который способен сохранять высокую продуктивность в долгосрочной перспективе.

Современная ситуация в сфере привлечения иностранных инвестиций выглядит следующим образом. По информации

Министерства торговли, промышленности и энергетики РК, в 2007 г. заявленные ПИИ в Южную Корею составили 10,51 млрд. долл. (3559 проектов), что на 6,5% меньше, чем в 2006 г. Наибольший объем инвестиций был заявлен в сферу услуг (7,6 млрд. долл.) и в производство (2,6 млрд. долл.). Реально в 2007 г. в Южную Корею было привлечено инвестиций на 5,88 млрд. долл. (1380 проектов), что на 32,7% больше по сравнению с 2006 г. Накопленные ПИИ в РК за 1962–2007 гг. составили 137,288 млрд. долл. (39 678 проектов) (табл. 2)⁵.

Лидерами среди иностранных инвесторов по состоянию на 01.01.2008 г. являются США – 39,0 млрд. долл., Япония – 20,5 млрд. долл., Нидерланды – 15,8 млрд. долл., ФРГ – 7,7 млрд. долл., Малайзия – 7 млрд. долл. На эти страны, а также на Великобританию (6,8 млрд. долл. США) и Францию (5,2 млрд. долл.), приходятся почти 75% прямых иностранных инвестиций в РК.

Американские инвестиции в основном сосредоточены в оптовой и розничной торговле (7,2 млрд. долл.), в финансово-банковском секторе (5,8 млрд. долл.), в сфере культуры (3,6 млрд. долл.), на рынке недвижимости (1,6 млрд. долл.), в химической промышленности и строительстве (по 1,5 млрд. долл.), в черной металлургии (0,9 млрд. долл.), в деревообрабатывающей отрасли (0,8 млрд. долл.), в производстве средств связи и телекоммуникационного оборудования (0,7 млрд. долл.), в производстве комплектующих для автомобилей (0,6 млрд. долл.).

Япония по объему инвестиций лидирует в таких отраслях, как производство полупроводников (3,5 млрд. долл.), ресторанный и

Таблица 2

Основные страны-инвесторы в РК, млн. долл.⁶

Страны	2005 г.		2006 г.		2007 г.		Всего (1962–2007 гг.)	
	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма	Кол-во проектов	Сумма
США	496	2689	497	1701	474	2340	8016	38999
Япония	612	1880	583	2108	469	990	9955	20526
Нидерланды	85	1149	76	800	130	1979	990	15754
Германия	102	705	92	484	85	439	1300	7718
Китай	672	68,4	334	40	365	385	5589	2179
Россия	-	-	34	2,4	38	2,52	331	23,9
Всего	3668	11565,5	3107	11240,4	3559	10509,4	39678	137288,5
по всем странам								

гостиничный бизнес (2,4 млрд. долл.), цветная металлургия (1,1 млрд. долл.), станкостроение (0,9 млрд. долл.), производство пластмасс и резины (0,7 млрд. долл.), электронных приборов (0,6 млрд. долл.), на рынке услуг связи (0,6 млрд. долл.).

Нидерланды доминируют в производстве продовольственных товаров и в нефтехимии (по 1,2 млрд. долл.), Китай и Германия – в автомобилестроении (0,7 и 0,5 млрд. долл. соответственно), Франция – в горнодобывающей отрасли (0,03 млрд. долл.).

Что касается России, то объем инвестиций Российской Федерации в РК невелик и в 2007 г. составил 2,526 млн. долл. в 38 проектов, главным образом в сферу торговли. Всего с 1962 по 2007 г. Россия инвестировала 23,9 млн. долл. в 331 проект.

Несмотря на интерес иностранных инвесторов к Южной Корее, в конкурентной борьбе за привлечение ПИИ РК уступает не только Китаю, но и многим другим странам Азии. Отмечается, что за последние годы объем иностранных инвестиций начинает снижаться. В 2007 г. консалтинговая фирма AT Kearney (Эй-Ти Кэрни) провела исследования, в которых оценивалась инвестиционная привлекательность нескольких стран. Республика Корея заняла 24-е место, т.е. ниже большинства промышленных стран Восточной Азии. Несмотря на все меры, предпринятые правительством, инвестиционная среда в стране значительно уступает экономикам Гонконга и Сингапура. Так, если в 2004 г. доля РК в мировом обороте прямых инвестиций составляла 1,2%, то в 2007 г. она сократилась до 0,5%⁷.

Среди причин, сдерживающих приток инвестиций в южнокорейскую экономику, иностранные предприниматели называют сложную бюрократическую процедуру оформления инвестиционных контрактов, участвовавшие трудовые конфликты на предприятиях. Основной же причиной низкой инвестиционной активности иностранцев остается высокий уровень цен, делающий производимую здесь продукцию неконкурентоспособной по сравнению с дешевыми зарубежными аналогами. В результате иностранный капитал в РК сосредоточен главным образом в отраслях, ориентированных на внутренний рынок, или в сфере высоких технологий, а доля иностранного участия в экспорто-ориентированных отраслях южнокорейской экономики постепенно снижается.

Примечания

¹ Данные Минэкономразвития России.

² Деловая Корея. Экономика и связи с Россией в 1999–2001 гг. Совет по внешней политике при Комитете Госдумы по международным делам с участием МИД РФ, журнала «Коринф», Минэкономразвития РФ. М., 2002 г. С. 57.

³ По данным Korea International Trade Association (KITA), объем ПИИ в эти годы составлял: в 1998 г. – 8,85 млрд. долл., в 1999 г. – 15,54 млрд. долл., в 2000 г. – 15,25 млрд. долл.

⁴ Республика Корея: цифры и факты. Сеул, 2007. С. 95.

⁵ Данные Минэкономразвития России.

⁶ Рассчитано по данным: Ministry of Commerce, industry and energy of ROK, Korea and the World. Key indicators. Seoul, 2007. P. 54.

⁷ Расчеты Посольства РФ в РК.

Ю.М. Попов*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТНК И ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЯМЫМ ИНОСТРАННЫМ ИНВЕСТИЦИЯМ В РК

Существует несколько определений транснациональных корпораций (ТНК). По одному из определений, ТНК – корпорация (компания), владеющая производственными подразделениями в нескольких странах. По другим источникам, определение транснациональной компании звучит так: компания, международный бизнес которой является существенным. Отметим, что зачастую деятельность ТНК влияет на правительства как стран базирования¹, так и на правительства стран, принимающих инвестиции. Согласно различным теориям, в последние годы идет все большее сращивание ТНК и правительств стран базирования и принимающих стран. В случае Республики Корея можно говорить о существовании связи между ТНК и правительством в свете того, что касается политики привлечения прямых иностранных инвестиций и экспорта ПИИ.

Рассматривая пример РК, можно изучить современные общемировые тенденции в движении ПИИ. В частности в РК политика по развитию экономики трансформировалась с займоориентированной политики в политику, ориентированную на привлечение ПИИ. Большие изменения в политике РК по привлечению ПИИ произошли после азиатского финансового кризиса 1997 г. Этому способствовала необходимость привлечения средств в экономику для преодоления последствий экономического кризиса. Предпринятые корейским правительством меры были настолько успешны, что в период с 1998

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

¹ Страна базирования — страна, в которой находится штаб-квартира ТНК.

по 2007 г. РК привлекла более 112,5 млрд. долл. в качестве ПИИ, что в 4,5 раза больше чем за период с 1961 по 1997 г. когда было привлечено 24,6 млрд. долл. В результате притока большого объема ПИИ в страну РК смогла реформировать свою экономическую систему для дальнейшего развития, и в большой мере это позволило РК восстановить позиции, подорванные после кризиса 1997 г. Большую роль в восстановлении экономики сыграли международные ТНК.

Для изучения теоретического базиса региональных особенностей управления бизнес-процессами крупнейшими ТНК в РК необходимо понять, какую тактику и методы используют ТНК при работе за границей. Достаточно часто ТНК не могут адаптироваться для работы на новом рынке в соответствии с экономическими, национальными и другими реалиями какой-либо страны. Для минимизации ущерба и для максимально лучшего использования своих возможностей иностранные ТНК пытаются действовать совместно с местными компаниями, используя их опыт и технологию. Это позволяет ТНК избежать ошибок в управлении и использовать накопленный опыт страны-реципиента ПИИ. С этим также связано то, что большинство ТНК на начальном этапе предпочитают выходить на рынки соседних государств по причине близости экономических и культурных связей.

Экспансия ТНК за границу позволяет ей реализовать свои *стратегические преимущества компании (СПК)* в других странах. Под СПК понимается опыт компании, накопленный в различных сферах, таких, как введение инноваций в продукцию и технологии, маркетинге, дистрибуционных процессах и др. Развитию СПК у каждой ТНК могут способствовать отдельные факторы, характерные для каждой отдельной страны. *Стратегические преимущества государства (СПГ)* основаны на различных преимуществах государства в стране базирования ТНК. Среди таких преимуществ могут быть природные ресурсы, трудовые и земельные ресурсы, культурный фактор или государственное регулирование и т.д. Стоит отметить, что для успешного своего развития и работы ТНК должны принимать решения для оптимального соотношения СПК и СПГ, что позволяет ТНК представить наилучшую стратегию для выхода на новые иностранные рынки. Данная зависимость может быть объяснена в СПК–СПГ матрице, представленной на рис. 1.

В первом квадрате данной матрицы представлены ТНК, выходящие на новые рынки и обладающие сильными СПГ, без каких-либо

Стратегические преимущества компании

		Слабые	Сильные
Стратегические преимущества государства	Сильные	1	3
	Слабые	2	4

Рис. 1. СПК–СПГ-матрица

уникальных разработок в сфере СПК. ТНК, которые относятся к данному квадрату, – обычно ресурсоориентированные компании, работающие на глобальном рынке. Обычно ТНК, входящие в данный квадрат, производят продукцию на последнем цикле обработке продукта. В связи с тем, что СПГ (такие, как натуральные, трудовые и земельные ресурсы) очень важны для сохранения конкурентоспособности на глобальном рынке, ТНК, представленные в этом квадрате, обычно используют стратегию по минимизации издержек для успешной работы на рынке. Любые возникающие СПК в результате экономии на масштабе в данном случае всегда основываются на СПГ и никогда не взаимозаменяемы с СПК.

ТНК во второй части квадрата не обладают сильными СПК и СПГ. Обычно данные компании редко выходят на международные рынки, а выход их в большинстве случаев неудачен.

В третьем квадрате матрицы показаны компании, которые выходят на иностранные рынки, имея сильные СПК и СПГ. К примеру, если у ТНК есть преимущество СПГ в виде низких издержек при производстве продукции в домашнем регионе, а СПК позволяет реализовать хорошие каналы дистрибуции, в данном случае ТНК может реализовать оба своих преимущества: минимизацию издержек и также стратегии по диверсификации на рынке.

В четвертом квадрате данной матрицы представлены ТНК, которые обладают сильными СПК, но СПГ их страны базирования не

могут быть использованы для увеличения конкурентоспособности компании на глобальном рынке. Однако необходимо отметить, что ТНК, относящиеся к данному квадрату, обладают большим уровнем диверсификации в номенклатуре или марках товаров, а также используют уникальные клиентоориентированные производства.

При этом, если экспортирующая инвестиции ТНК учитывает не только СПГ своей страны, но СПГ и СПК принимающей страны, это позволяет значительно улучшить СПГ и СПК компании в принимающем ПИИ регионе. Таким образом, слабые СПГ экспортирующей ТНК могут быть компенсированы сильными СПГ принимающей стороны.

Также ТНК, производящие экспорт ПИИ, имеют возможность динамически развивать свои СПК путем тесного взаимодействия с компаниями, принимающими ПИИ. В результате ТНК могут выбрать такие отрасли для инвестирования, в которых они реализуют свой потенциал и максимизируют свои прибыли. Таким образом, стратегия по ПИИ и выбор региона для инвестирования является одним из самых главных стратегических решений, которые должна принять ТНК при выходе на новый рынок. Также выбор региона напрямую влияет на то, какие СПК и СПГ инвестирующая компания будет использовать, что также влияет и на экономику принимающей стороны в целом. К примеру, если ТНК экспортирует не только ПИИ, но и высококвалифицированный персонал, то это, несомненно, позитивно влияет на СПК принимающей стороны. В свою очередь, увеличение качественных показателей СПК отдельной компании стимулирует другие компании в принимающей ПИИ стране для сохранения своей конкурентоспособности и улучшения своих СПК. Можно говорить о том, что в принимающей ПИИ стране постоянно увеличиваются СПК и СПГ, что в конечном счете приводит к возможности того, что страны-реципиенты ПИИ сами начинают экспортировать ПИИ.

В табл. 1 показан приток ПИИ в корейскую экономику в период 1990–2007 гг. Здесь же показано, какие регионы являлись крупнейшими поставщиками ПИИ в экономику РК. Из таблицы видно, что объем притока ПИИ в экономику РК постоянно увеличивается, и что более 95% объема всех ПИИ в экономику страны было сделано после 1995 г. Кроме того, невозможно выделить регион, из которого шел максимальный объем ПИИ в РК. Видно, что регион - лидер постоянно менялся: до конца 1990-х годов это была Европа, в период

Таблица 1

Приток ПИИ в Республику Корея, тыс. долл.

Регион	1990–2007	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2007
Азиатско-Тихоокеанский	26,694,566 (27.56)	1,636,209 (30.00)	9,928,805 (27.20)	15,129,552 (27.56)	9,855,644 (29.58)
Европа	31,081,837 (32.09)	2,027,686 (37.18)	13,321,073 (36.49)	15,733,078 (28.66)	14,726,076 (44.20)
Северная Америка	33,530,643 (34.62)	1,670,563 (30.63)	12,019,424 (32.93)	19,840,656 (36.15)	8,247,158 (24.75)
Южная Америка	4,723,280 (4.88)	78,166 (1.43)	967,231 (2.65)	3,677,883 (6.70)	Нет данных
Африка и Ближ. Восток	644,478 (0.67)	18,549 (0.34)	162,933 (0.45)	462,996 (0.84)	Нет данных
Другие	173,976 (0.18)	22,743 (0.42)	105,878 (0.29)	45,355 (0.08)	486,377 (1.46)

Расчитано: на основе данных по статистике притока ПИИ в Республику Корея, представленными Министерством коммерции, индустриализации и энергетики РК (<http://www.mocic.go.kr>).

2000–2004 гг. – Североамериканский регион, после 2004 г. Европа вернула свои позиции.

Данная ситуация по притоку ПИИ в экономику РК может быть объяснена теорией СПК–СПГ, которая была описана выше. Во-первых, европейские компании путем инвестирования ПИИ привнесли в РК свои СПК. Ярким примером могут служить такие компании, как Renault, Philips, BASF, Alstom и Nokia. Данные компании привнесли различные инновационные технологии и управленческие стратегии решений. В свою очередь североамериканские ТНК играли большую роль в притоке ПИИ в сферу услуг. Такие компании, как Wal-Mart, Costco, Citigroup и FedEx смогли реализовать в РК свои СПК в маркетинге и дистрибуции.

Во-вторых, все поступающие в РК ПИИ могут быть адаптированы к матрице СПК–СПГ в зависимости от того, какие СПК инвестирующая ТНК хочет использовать или развивать. К примеру, General Electric, находящаяся на 11-м месте в списке журнала «Fortune» в 2007 г., ориентирована на свой домашний регион. Данная компания может быть расположена в первом квадрате матрицы СПК–СПГ. GE искала в РК дешевые натуральные ресурсы (за исключением дешевой рабочей силы) в 1970-е и 1980-е годы, используя стратегию низких издержек в производстве электронных приборов для дома, медицинских приборов и световых лампочек. В связи с тем, что все эти

продукты находятся на последнем цикле производства, СПГ GE играют не такую важную роль, как сильные СПГ Южной Кореи, где низки издержки и высока эффективность производственного процесса. В последнее время GE перешла в третий квадрат матрицы за счет развития деятельности НИОКР в РК.

Компания разработала получившее распространение по всему миру ультразвуковое оборудование в своем центре НИОКР в городе Соннам. Компания Nokia, которая по результатам 2007 г. находится на 119 месте в журнале «Форчун» и основной сферой деятельности которой является разработка мобильных технологий, может рассматриваться компанией, которая относится к третьему квадрату. Используя свои сильные СПК в сфере НИОКР и популярность бренда, Nokia пришла на корейский рынок в поиске стратегических преимуществ (основные из которых – хорошая ИТ-инфраструктура и технологические возможности поставщиков запасных частей для мобильного оборудования). Таким образом эти сильные СПГ взаимодополнялись сильными СПК компании. Последний контракт Nokia с компанией-производителем запасных частей для мобильных телефонов в Корею показывает правильность позиционирования компании в третьем сегменте матрицы. Компания Tesco, которая находится на 55-м месте в списке журнала «Форчун», может быть отнесена к четвертому квадрату матрицы. В розничных индустриях ТНК обычно выходят на иностранные рынки, основываясь на своих сильных СПК.

Однако СПГ принимающей стороны не является для них определяющим моментом для успеха на глобальном рынке. Основываясь на возрастающих СПК в сфере бренда и каналов, Tesco разработала локальные СПК для Кореи. Имеются в виду контроль за качеством, ориентируемость на клиентов, различные магазины для развлечения, культуры и сервиса высокого качества и т.д.

В завершение ко всему, последние данные по объему притока ПИИ в РК по каждому из регионов триады подтверждает важность ориентировать ТНК на свои домашние регионы. Также данная ситуация показывает все увеличивающиеся тенденции по регионализации притока ПИИ. Основные ТНК, которые проводят инвестиции в РК, все-таки больше региональные, чем глобальные.

Конфликты между правительством принимающей ПИИ страны и ТНК, которая экспортирует свои ПИИ, достаточно частое явление. Это связано с тем, что ТНК и правительства принимающих стран пре-

следуют различные цели по использованию ПИИ. Большинство ТНК пытаются увеличить свою эффективность на микроуровне за счет минимизации издержек и максимизации прибыли, в то время как правительства обычно заинтересованы в увеличении притока ПИИ для получения результата на макроуровне. Страны-реципиенты ПИИ понимают важную роль ПИИ и ТНК, которые привносят различные ноу-хау и предпринимают меры по либерализации рынка. В большинстве случаев правительства предпринимают эти меры, когда нет возможностей привлечь различные СПК иностранных ТНК.

Понимая необходимость привлечения ПИИ, корейское правительство последовательно проводит шаги по либерализации корейской экономики для притока ПИИ.

Таблица 2 а

Изменение отношения правительства РК к поступающим в экономику страны ПИИ

Годы	Политическая цель	Предпринятые изменения в законодательства
1960-е	Гарантировать сохранность иностранных фондов для инвестирования	<ul style="list-style-type: none"> Основная задача – получение коммерческих займов. ПИИ используются для развития экспортоориентированных/импортозамещающих отраслей.
1970-е	Привлечь международные средства для экономического развития	<ul style="list-style-type: none"> Разрешены ПИИ в отрасли тяжелой и химической промышленности в сферу строительства предприятий. Регулирование присутствия иностранного капитала в корейских предприятиях (50:50).
1980-е	Создать привлекательную среду для притока ПИИ	<ul style="list-style-type: none"> Объем отраслей открытых для инвестиций: <i>негативный</i> изменяется на <i>позитивный</i>. Гибкость в подходе к владению ПИИ иностранными компаниями.
1990–1997	Усилить международную конкурентоспособность различных отраслей	<ul style="list-style-type: none"> Привлечение ПИИ: <i>разрешительный</i> метод изменяется на <i>уведомительный</i>. Меры по либерализации приток ПИИ в сферу услуг и обрабатывающей промышленности.
1998–настоящее время	Преодолеть финансовый кризис и улучшить экономическую структуру государства	<ul style="list-style-type: none"> Дополнительная либерализация отраслей, открытых для ПИИ Предложение программ поощрения для импортируемых ПИИ: Преференции в налоговом режиме, предоставление локальных преимуществ и др. Создание органа по привлечению ПИИ: Корейский инвестиционно-сервисный центр «Инвест Корея»

Источник: Министерство торговли, промышленности и энергетики РК (2003).

Таблица 2 б

Тенденции по либерализации ПИИ в РК

	Янв. 1997	Янв. 1998	Янв. 1999	Янв. 2000	Янв. 2002	
Общее количество отраслей (А)	1,148			1,058		
Количество отраслей, регулируемых по притоку ПИИ	Закрытые (В)	30	21	7	4	2
	Частично открытые (С)	24	29	16	24	27
Уровень либерализации отраслей по ПИИ, %	97,4	98,2	99,4	99,6	99,8	

Примечание: Уровень либерализации ПИИ рассчитывается по формуле:

$$(\%) = (A - B) / A \times 100.$$

Источник: Министерство торговли, промышленности и энергетики РК (2003).

В табл. 2 показаны меры, которые предприняло корейское правительство для либерализации рынка ПИИ в РК. Из таблицы видно, что существует большой сдвиг в политике корейского правительства по отношению к международным ТНК. Корея предприняла ряд шагов, чтобы либерализовать приток ПИИ. К примеру, можно говорить, что в 1960-х годах ПИИ использовались только для развития экспортоориентированных и/или импортозамещающих отраслей, но к концу 1990-х годов были либерализованы практически все сектора экономики в сфере обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Немаловажным стимулом к увеличению притока ПИИ стала отмена правила об обязательном соотношении владения компанией 50:50 (50% корейская, 50% иностранная) уже в течение 1990-х годов. Притоку ПИИ способствовало решение корейского правительства об уведомительном проведении ПИИ (до этого любой иностранной компании необходимо было получить разрешение на инвестиции в РК). Большое количество льгот стало даваться иностранным инвесторам после кризиса 1998 г., включая льготы при налогообложении, предоставление преимуществ для осуществления ПИИ в новые предприятия и др. В табл. 2 б показано, как корейское правительство стремится к привлечению ПИИ от иностранных ТНК. Можно отметить, что к 2002 г. уровень либерализации рынка ПИИ в РК составлял 99,8% всех отраслей промышленности. Этот факт, несомненно, говорит о заинтересованности правительства в привлечении ПИИ.

Крупнейшие мировые ТНК при выходе на новые рынки стараются максимально развить СПК и ноу-хау фирм в принимающей стране. Большая дисперсия СПК обычно поддерживается со стороны ТНК в тех странах, где правительства прилагают усилия для привлечения ПИИ, что в конечном счете приводит к равномерному распределению притока и экспорта ПИИ. Однако следует также отметить, что меры, предпринимаемые правительством принимающей стороны, сильно зависят от того, есть ли симметрия или асимметрия в принимающей стране по ПИИ.

Тенденция от низкой дисперсии к высокой дисперсии СПК легко видна в неудавшихся проектах по притоку ПИИ в связи с тем, что зачастую страна не готова была принять данные инвестиции. Лучшим примером может служить Wal-Mart и Carrefour, которые решили вывести свои ПИИ из РК в 2006 г. Компания Wal-Mart – это крупнейшая в мире компания, продажи которой в 2006 г. составили 351 млрд. долл., а в 2001 г. – 220 млрд. долл. Компания Carrefour среди крупнейших компаний в мире находится на 32-м месте с общим объемом прибыли 99 млрд. долл. По данным на 2007 г., она является крупнейшей розничной компанией в Европе. Обе эти компании основные продажи осуществляют в собственном регионе 94.1% и 81.3% соответственно. Обе эти компании имеют большие СПК в сфере маркетинга и дистрибуционных каналов, ориентированные на стратегии экономии на масштабе и экономии на издержках, которые были персонально разработаны в их домашних регионе.

Однако они не смогли преуспеть на корейском рынке по той причине что они не смогли разработать СПК в принимающей стране. Они проигнорировали устоявшиеся контакты с поставщиками, которые сложились традиционно, а также стиль и вкус потребителей (предпочтение использовать магазины шаговой доступности, а также привычка к качеству товара и сервиса и нелюбовь к полуфабрикатам). Эти примеры показывают, что любая компания, импортирующая ПИИ в страну, должна развивать СПК в соответствии с привычками и потребностями каждой конкретной экономики ПИИ.

В данных таблицах виден тренд, который показывает симметрию между притоком ПИИ в РК и экспортом ПИИ корейскими компаниями. В табл. 2 а видно, что РК, начиная с 1995 г., постоянно выравнивала соотношение между притоком и экспортом ПИИ. Соответственно к 2002 г. это соотношение составило 43,7 млрд. долл. притока ПИИ и

43,5 млрд. долл. экспорта ПИИ. Данная симметрия в Корею выше по сравнению с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, но значительно ниже, чем в развитых странах, в частности в Японии. Наиболее важным аспектом политики правительства по отношению к притоку ПИИ является заинтересованность принимающей страны в приобретении СПК различных ТНК. Это в свою очередь приводит к тому, что страна-реципиент ПИИ по прошествии времени начинает развивать СПК своих компаний. Таким образом правительства принимающих ПИИ страны заинтересованы в привлечении СПК, однако результаты этого притока не всегда отвечают пожеланием правительства.

Стоит также отметить внутреннюю политику государства по отношению к ТНК. ТНК преднамеренно пытаются влиять на процесс политической формации принимающей страны таким образом, чтобы ТНК было легче получить прибыли в стране-реципиенте инвестиций. В результате диалог между ТНК и корейским правительством является все более важным моментом в свете привлечения ПИИ в экономику РК.

В настоящий момент слишком рано анализировать тренды по отношению к эндогенности политики РК на уровне стратегического управления компаниями в РК. Ниже приводятся два примера, которые позволяют составить мнения о политике корейского правительства в данном вопросе. Первый пример касается переговоров между LG-Philips LCD и корейским правительством, которые проходили в 2004 г. касательно планов превращения зоны г. Пачжу в крупнейшую площадку по производству жидкокристаллических панелей. LG-Philips LCD – это совместное предприятие, которое было создано в 1999 г. компаниями Royal Philips и LG Group. Новое совместное предприятие стало крупнейшим производителем жидкокристаллических панелей. В 2003 г. компания начала строительство завода в Пачжу с общим объемом инвестиций более 20 млрд. долл. Компания договорилась с местными властями и правительством РК о том, что они создадут индустриальный комплекс для поставщиков запасных частей, проведут дороги на фабрику, а также создадут объект по очистке используемой на заводе воды.

Вторым примером может служить новая программа по привлечению ПИИ, предложенная в 2005 г. В соответствии с договоренностями, все инвестиции во вновь создаваемые проекты, с долей инос-

транного капитала более 30% и суммой инвестирования более 10 млн. долл., могут получить льготы от правительства. Как минимум 5% от инвестиций могут быть возвращены в виде грантов. Гранты должны использоваться для покупки или аренды земли под фабрику, покупку машин и оборудования или средств разработки НИОКР, а также тренинги для персонала. Последние экономические исследования говорят о том, что подобные субсидии значительно стимулируют развитие и приток ПИИ.

А.Н. Федоровский*

РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОНДОВОГО РЫНКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

В развитии южнокорейских финансовых рынков за 60 лет существования страны выделяются три основных этапа. *На первом этапе* в условиях жесткого влияния государства на банковско-кредитную систему правительство в 1950–1980-е годы регулировало финансовые потоки главным образом посредством контроля над банковским процентом и распределением кредитов, используя при необходимости и нерыночные средства. В 1950-е годы правительство выпускало облигации с целью покрытия бюджетного дефицита и финансирования индустриализации, чья доходность устанавливалась в пределах 2–5%. Расчет строился на принудительном распространении облигаций среди государственных и полугосударственных институтов. В 1964–1967 гг. государственные облигации вообще не выпускались. Этот вид ценных бумаг вновь был выпущен на рынок в период 1967–1971 гг. с целью обеспечения финансирования инфраструктурных проектов. Корпоративный сектор в эти годы слабо зависел от фондового рынка.

По мере увеличения масштабов и усложнения структуры экономики, сложившаяся практика размещения кредитных средств вела к неэффективному распределению финансовых ресурсов. Кроме того, частный бизнес нуждался в новых источниках финансирования. В период 1970–1980 гг. расширялся рынок корпоративных облигаций. Хотя в 1980-е годы еще продолжалась практика распространения низкодоходных государственных облигаций, рынок частных корпоративных облигаций развивался опережающими темпами, превысив объем фондового рынка. Было разрешено создание са-

* ИМЭМО РАН, Москва.

морегулирующих организаций (для разработки и введения правил поведения на финансовых рынках). В этот период были смягчены ограничения на выпуск корпоративных облигаций, распространение получили краткосрочные облигации с плавающим курсом. К концу 1997 г. корпоративные облигации уже доминировали на рынке облигаций: на их долю приходилось 86% всего выпуска облигаций, тогда как на долю правительственных и муниципальных облигаций – 14%. В целом, выпуск государственных облигаций до кризиса 1997 г. носил ограниченный характер.

Долгое время рынок облигаций был закрыт для иностранных инвесторов. Только в 1994 г. нерезидентам было разрешено инвестировать в негарантируемые конвертируемые облигации, выпущенные малым и средним бизнесом, а также участвовать в размещении государственных облигаций.

К 1997 г. сумма листинговых облигаций составляла 55% ВВП. Хотя основная часть корпоративных ценных бумаг прошла листинг на фондовой бирже, торговля ими преобладала на открытом рынке. Основными держателями облигаций (82%) были финансовые институты – банки и инвестиционные трастовые компании.

Контроль над финансовыми рынками осуществлялся целым рядом ведомств и специальных комиссий, на вершине которых находилось Министерство экономики и финансов (МЭФ). Часть своих полномочий МЭФ распределило между Комиссией по ценным бумагам, Бюро надзора за рынком ценных бумаг и Корейской фондовой биржей, взяв на себя, в свою очередь, контроль над этими организациями.

МЭФ через Комиссию по ценным бумагам и ее исполнительный орган – Бюро надзора за рынком ценных бумаг – осуществляло контроль над выпуском частных облигаций путем регулирования масштабов эмиссии корпоративных ценных бумаг. Посредством этих институтов управления контролировались законность и соблюдение конкурентных принципов на рынке ценных бумаг, определялись регистрационные правила, отслеживалась деятельность листинговых компаний, устанавливался порядок ведения дел по доверенности и покупке контрольного пакета акций, подвергались контролю и инспекциям инвестиционные компании, устанавливались аудиторские процедуры. Однако сложная система распределения прав и контрольных функций затрудняла обеспечение эффективности необходимого регулирования.

Экономический кризис 1997 г. вынудил перейти *ко второму этапу*, характеризующемуся кардинальным пересмотром политики на фондовом рынке. В декабре 1997 г. решением парламента была создана Комиссия финансового контроля (КФК) в качестве независимой организации, ответственной за регулирование финансовых рынков. Подчиняется КФК непосредственно премьер-министру. В состав КФК входят шесть членов, назначаемых президентом (включая председателя комиссии в ранге министра), а также по одному представителю Министерства экономики и финансов, Банка Кореи и Страховой сберегательной корпорации. В состав комиссии входят подразделения аудиторов, финансистов, экономистов и юристов.

КФК осуществляет мониторинг рынка ценных бумаг, обеспечивает контроль и лицензирование финансовых институтов, выступает с соответствующими законодательными инициативами. Корейская фондовая биржа и Корейская Ассоциация дилеров фондового рынка участвуют в регулировании рынка ценных бумаг на правах саморегулирующихся организаций. Корейская фондовая биржа (Korea Stock Exchange), а с 2005 г. ее правопреемница – Корейская биржа (Korea Exchange) предлагают меры по совершенствованию условий регистрации компаний на бирже, оптимизации процедуры доступа к необходимой информации о листинговых компаниях, определению порядка расследований нарушения сделок с ценными бумагами. В соответствии с законодательством, Корейская Ассоциация дилеров фондового рынка отслеживает деятельность финансовых компаний, действующих на рынке ценных бумаг, включая движение финансовых продуктов нелистинговых компаний, а также занимается урегулированием межкорпоративных конфликтов в рамках специального Центра защиты инвесторов в ценные бумаги.

Обеспечивая юридическую поддержку реформ, проводимых в стране после кризиса 1997 г., правительство провело масштабную корректировку законодательства. В частности, были внесены поправки в:

1) *Закон о внешнем аудите*, ужесточивший порядок финансового учета и контроля в соответствии с международными стандартами. Отдельно, в целях повышения прозрачности коммерческих структур, тридцати ведущим бизнес-группам вменялось в обязанность представлять сводные финансовые отчеты (совместные для материнских и дочерних структур), что позволяло отслеживать реальное положение крупного бизнеса.

2) *Закон о продаже ценных бумаг*, предоставлявший **большие** права мелким акционерам. Законом упрощался порядок перемещения акций, расширялись права миноритариев в избрании руководства компаний, а также облегчалась процедура возбуждения иска в отношении руководства компании по подозрению в нарушении им должностных обязанностей.

3) *Закон о стимулировании иностранного капитала*, расширявший возможности иностранных инвесторов, в том числе в участии в развернувшемся процессе слияний и поглощений.

4) *Закон о корпоративном регулировании* и *Закон о регулировании монополий и добросовестной конкуренции*, усиливавшие контроль за реорганизацией бизнес-групп и движением финансовых потоков.

С января 1998 г. иностранным инвесторам разрешалось приобрести до 55% выпуска имитируемых ценных бумаг, однако уже в декабре 1998 г. это ограничение было снято. Тогда же нерезиденты были допущены на рынок краткосрочных финансовых инструментов, включая выпуск коммерческих бумаг, депозитных сертификатов, торговых векселей.

Отличительной особенностью посткризисного рынка ценных бумаг стало резкое снижение доли облигаций, гарантированных банками и другими финансовыми институтами. Оказавшись в сложной финансовой ситуации, банки не смогли выступать гарантами по корпоративным облигациям. Если в 1997 г. на долю негарантированных облигаций приходилось 15%, то в 2002 г. – 96% всего рынка корпоративных облигаций. В этих условиях в 1999 г. на рынке корпоративных облигаций разразился кризис, вызванный паническим изъятием средств из инвестиционных компаний после выявления финансовых проблем в группе DAEWOO. Стремясь погасить кризис, государство приняло следующие меры: изъявшие деньги на 90-й день после даты опубликования правительственного решения могли рассчитывать на 50% суммы, в период 90–180 дней – 80% суммы, свыше 180 дней – 95% суммы. Однако, несмотря на предпринятые шаги, кризис быстро распространялся. Практически остановилась торговля бумагами малого и среднего бизнеса. Вслед за этим и весь рынок корпоративных облигаций, за исключением небольшой группы крупнейших эмитентов, оказался парализован.

Чтобы преодолеть эту ситуацию, правительство инициировало выпуск новых ценных бумаг – финансовых деривативов (например,

обеспеченных облигациями закладных). В 2000 г. правительство, стимулируя спрос на облигации, побудило институциональных инвесторов (коммерческие банки и страховые компании) совместно создать фонд в 10 трлн. вон, средства которого были направлены на рынок корпоративных облигаций. Эти меры временно помогли стабилизировать ситуацию. Однако затем положение вновь ухудшилось в связи с выявленными финансовыми проблемами в ряде компаний группы Hyundai. В этих условиях правительство сроком на год вводит специальную программу «Системы быстрого гарантированного размещения корпоративных облигаций». Это решение было направлено на целевую поддержку шести компаний, испытывавших трудности по обслуживанию выпущенных облигаций. В рамках этой программы контролируемый государством Korea Development Bank взял на себя организацию выпуска новых облигаций этих компаний в размере 80% от суммы обязательств. На основании этих бумаг Korea Development Bank организовал выпуск и реализацию деривативов, из которых 70% закупили высокорисковые фонды, 20% – банки-кредиторы «проблемных» компаний, 10% – сам Korea Development Bank. Эти меры позволили снять напряжение на рынке. Однако проявленная активность стоила правительству значительных политических издержек, поскольку вызвала волну обвинений в реанимации государственного вмешательства в экономику.

Южнокорейский фондовый рынок ведет свой отсчет с 1956 г., когда на Корейскую Фондовую биржу были выставлены акции 12 компаний. Первые годы своей деятельности Корейский фондовый рынок был незначителен по размеру, отличался крайней неустойчивостью и представлял собой в большей мере рынок государственных облигаций. Начавшиеся в начале 1960-х годов рыночные реформы затронули и фондовый рынок. С конца 60-х годов, наряду с государственными ценными бумагами, большое место на рынке заняли корпоративные облигации.

Южнокорейский фондовый рынок стал динамично развиваться после кризиса 1997 г. В этот период операции происходили на Корейской фондовой бирже (Korea Stock Exchange), на площадке инновационных компаний (KOSDAQ market) и фьючерсной бирже (Korea Futures Exchange).

С марта 1999 г., в условиях политики низких кредитных ставок, инвестиционные компании развернули активную игру на рынке ак-

ций, причем внося в нее политическое содержание. Были созданы фонды под броскими названиями («Покупайте корейское», «Новая Корея», «Подъем Кореи»), рассчитанные на крупные обороты акций. Деятельность этих фондов происходила под аккомпанемент агрессивной рекламной компании и появления заказных оптимистических прогнозов о перспективах корейской экономики и состоянии крупного бизнеса. В результате фондовый индекс KOSPI стремительный вырос, а капитализация фондового рынка в 1999 г. по сравнению с 1997 г. увеличилась в 5 раз. Одновременно на рынке KOSDAQ отмечался бурный рост акций высокотехнологичных компаний, усиленный, помимо упомянутых выше причин, стимулированием правительством венчурного бизнеса и ростом котировок на американской бирже NASDAQ. Индекс KOSDAQ вырос с октября 1998 г. по март 2000 г. 4 раза, а капитализация этого рынка возросла в 10 раз.

Однако в конце 1999 г. финансовый крах группы DAEWOO, последовавшие банкротства других бизнес-групп и возникновение проблем у ведущих инвестиционных компаний, большинство которых разместили свои средства в бумагах, имитированных DAEWOO и другими «проблемными» компаниями, привели к обвалу рынка акций. Индекс KOSPI в 2000 г. сократился почти вдвое. Акции инновационных компаний, размещенные на бирже KOSDAQ, упали втрое. Большие потери понесли частные инвесторы, привлеченные активными PR-акциями и вложившие средства в сомнительные бумаги без проведения необходимых консультаций с экспертами.

Принятые меры, направленные на предотвращение подобных колебаний на биржевом рынке, носили не столько финансовый, сколько административно-политический характер, поскольку выяснилась коррумпированность надзорных органов и незаконная деятельность политиков, способствовавших проведению сомнительной деятельности ряда инвестиционных компаний на рынке акций. Санация зараженных коррупцией административно-надзорных органов на фоне оздоровления финансового положения корпоративных структур и повышения прозрачности их деятельности способствовали стабилизации, а затем и росту рынка ценных бумаг.

Проведенные преобразования привели к созданию 27 января 2005 г. интегрированной биржи Korea Exchange на месте прежде разрозненных финансовых бирж Korea Stock Exchange, KOSDAQ market и Korea Futures Exchange.

Налогообложение биржевых доходов дифференцировано в зависимости от того, получены ли они миноритарными или прочими акционерами. К последним относятся акционеры, обладающие пакетом акций в 3% и более, или владеющие акциями, чья рыночная стоимость превышает 10 млрд. вон. Так, не подлежит обложению налогом доход в размере до 50 млн. вон, получаемый миноритарными акционерами по ценным бумагам, находившимся в их собственности не менее года. Также миноритарии не платят налог на продажу акций. Прочие акционеры акций платят налог на доход от продажи ценных бумаг на фондовом рынке в размере 0,5%. Временно, в целях стимулирования деловой активности, налог может снижаться до 0,15%¹. Доходы, полученные от продажи акций и вложенные в торговлю бумагами листинговых компаний на корейской бирже, не облагаются налогом.

В настоящее время *начался третий этап* совершенствования регулирования рынка ценных бумаг. В нынешних условиях на повестку дня стал вопрос об изменении методов регулирования финансовых рынков: от институционального – к функциональному. Если прежде регулирование опиралось на мониторинг состояния финансовых институтов, то отныне ставится задача фокусировать внимание на функциональной стороне рынка ценных бумаг, совершенствуя принципы, на которых он базируется. Такой подход предоставляет бизнесу *большие* возможности адекватно реагировать на изменения на рынке, но и накладывает ясную ответственность и *большие* обязательства в отношении управления рисками. Правительство надеется, что избавит себя от необходимости компенсировать убытки банкротов, а также повысит гибкость и эффективность инвестиционных компаний. До конца 2007 г. должен быть принят предложенный правительством *Закон об оказании услуг, связанных с инвестициями в ценные бумаги и регулировании рынка капиталов* (вступит в силу в 2008–2009 гг.). Предполагается снять существующие лимиты выпуска финансовых продуктов, поскольку жесткое регулирование препятствует удовлетворению новых требований со стороны спроса. В настоящее время их перечень ограничен 21 типом ценных бумаг. Действующие правила препятствуют диверсификации рынка ценных бумаг и связывают руки инвестиционным компаниям в деле совершенствования предлагаемых потребителю финансовых услуг. Поэтому правительство разрешило выпуск практически любых финансовых продуктов. Продолжая процесс дерегулирования финансового рынка,

правительство одобрило листинг страховых компаний, рассчитывая задействовать инвестиционный потенциал этих структур.

Новое законодательство предполагает снятие барьеров между различными секторами финансового рынка. Тем самым новый Закон призван породить «большой взрыв» на финансовом рынке, создав условия появления крупных инвестиционных институтов с широким диапазоном действия наподобие Goldman Sachs и Merrill Lynch. Наряду с банками и страховыми фирмами, инвестиционные компании, работающие с ценными бумагами, должны стать ведущими игроками на финансовом рынке².

Все эти меры, включая либерализацию политики в отношении нерезидентов, вписываются в долгосрочный курс государства, направленный на превращение Южной Кореи в финансовый хаб в Северо-Восточной Азии.

Политика в отношении нерезидентов

С января 1992 г. начитается поэтапный процесс открытия южнокорейского фондового рынка внешним инвесторам. Первоначально устанавливался 10%-ный «потолок» владения акциями обычных компаний, который постепенно повышался, пока в 1998 г. ограничения на владение нерезидентами акциями этих коммерческих структур не было снято. Максимально возможная доля владения акциями иностранцами для законодательно определенного перечня стратегически важных компаний, установленная первоначально в 8%, в 2000 г. была поднята до 40%, а по отдельным компаниям – до 50%. Сейчас иностранные инвесторы имеют право покупать акции любых корейских компаний без согласия совета директоров и без правительственного утверждения, за специально оговоренным исключением (см. таблицу). Все типы поглощений корпораций, включая и враждебные поглощения, разрешено проводить и южнокорейским, и иностранным инвесторам.

Была также разработана институциональная структура паевых инвестиционных фондов открытого типа с тем, чтобы они функционировали в качестве ключевого инструмента долгосрочного финансирования. Их разрешено создавать частным южнокорейским и иностранным инвесторам по упрощенной процедуре.

Первоначально в 1992 г. устанавливалась также предельная норма владения каждым отдельным нерезидентом акциями южно-

корейских компаний. Для обычных компаний эти ограничения были сняты в 1998 г. Для стратегически важных компаний в 2000 г. были установлены ограничения в 3%.

Перечень стратегически важных компаний постоянно уточняется, в результате чего их численность сократилась к 2005 г. до 8, а доля рынка, закрытого для иностранцев в стоимостном выражении сократилась до 5% (см. таблицу).

Активность нерезидентов была направлена на приобретение акций в отраслях, занимающих ведущие позиции в экономике страны (см. рис.1). Южнокорейский опыт показывает, что последствия либерализации фондового рынка в полной мере проявляются только через несколько лет. Рисунок 2 подтверждает, что потребовалось полтора десятилетия для проявления ощутимого присутствия нерезидентов на фондовом рынке.

В течение 7 лет иностранные вкладчики превратились в ключевое звено инвестиционной системы Южной Кореи, контролируя почти половину рынка корпоративных акций.

Дивидендный доход, при всех колебаниях, показывал до 2005 г. рост. Отмеченное с 2005 г. снижение показателя дивидендного дохода укладывалось в общую тенденцию.

До определенного момента сложившееся положение не провоцировало негативных настроений в обществе: иностранные держатели акций выступали в качестве портфельных инвесторов, их воздействие на характер управления крупных компаний встреча-

Таблица

Степень закрытости южнокорейского рынка для нерезидентов

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Количество стратегических компаний, подпадающих под ограничения	10	8	7	7	8	8
Доля акций, неразрешенных к продаже иностранцам*	23,5	12,6	10,5	7,2	7,4	5,3

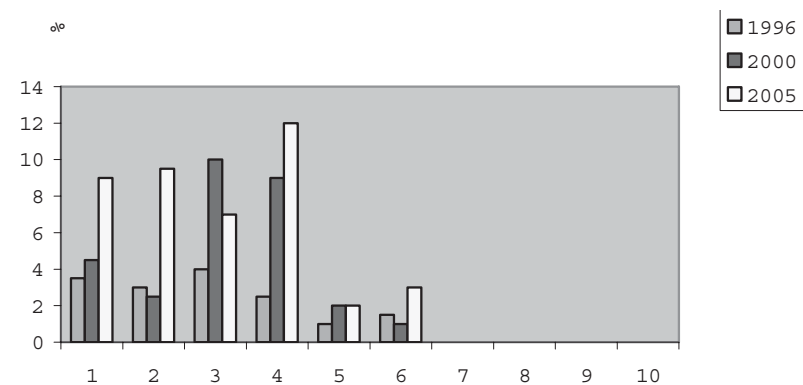
* В % от общей рыночной капитализации.

Источник: Inseok Shin, Changyun Park. Stock Market Opening and the Cost of Capital: the Case of Korea. Korea Development Institute. Seoul, June 2006. P. 6.

ло скорее положительную, чем негативную реакцию, поскольку оно концентрировалось на повышении качества менеджмента и на снижении издержек и не приводило к столкновению интересов с остальными акционерами. Однако в 2003–2005 гг. деятельность иностранных инвесторов, будь то фондовые спекулянты или стратегические инвесторы, стала вызывать в стране отрицательную реакцию. В известной мере этому способствовала позиция некоторых акционеров-нерезидентов.

В частности, антипатии и недоверию к любым иностранным инвесторам со стороны всех слоев южнокорейского общества, включая бизнес-элиту, способствовали выдвижение рядом акционеров-нерезидентов предложения о переводе штаб-квартиры Samsung Electronics в США. Однако возникающая время от времени волна критических настроений в обществе не повлияла на подход правительства к либерализации условий доступа нерезидентов на фондовый рынок.

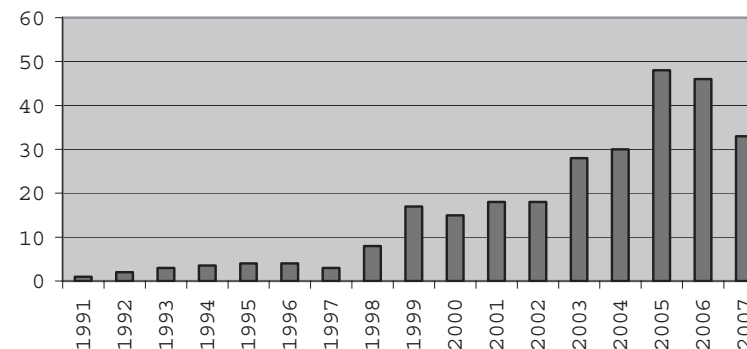
Последние процессы подтверждают обозначившуюся в 2000 г. тенденцию роста фондового рынка. Отмечаемая прежде экспертами хроническая недооцененность южнокорейских акций постепенно уходит в прошлое. В июне 2007 г. капитализация фондового рынка

1 – финансы; 2 – химия и машиностроение; 3 – услуги; 4 – электроника; 5 – металлургия; 6 – прочие отрасли.

Источник: Inseok Shin, Changyun Park. Stock Market Opening and the Cost of Capital: the Case of Korea. Korea Development Institute. Seoul, June 2006. P. 8.

Рис. 1. Доля нерезидентов в инвестициях на фондовом рынке (по отраслям), %

Примечание. 1991-2006 – на конец года; 2007 – оценка на конец августа

Источник: Inseok Shin, Changyun Park. Stock Market Opening and the Cost of Capital: the Case of Korea. Korea Development Institute. Seoul, June 2006. P. 9.

Рис. 2. Совокупная доля нерезидентов на южнокорейском фондовом рынке, %

достигла 1 014,2 трлн. вон, или 120% ВВП, что в относительном выражении сопоставимо с показателями США и Великобритании. Однако южнокорейский показатель P/E ratio 12,3 (отношение рыночной цены акции к доходу на нее) в октябре 2007 г. уступал аналогичным показателям развивающихся рынков (15,0).

После длительного колебания на уровне 1400–1500 фондовый индекс KOSPI достиг к середине 2007 г. рекордного показателя в 1600 пунктов, по объему капитализации корейский фондовый рынок занял 16-е место в мире³. В ноябре 2007 г. фондовый индекс KOSPI вышел на уровень 1900 пунктов. Позитивному состоянию фондового рынка способствовали действия правительства по ограничению спекуляций на рынке недвижимости, а также поддержание низкой процентной ставки, что способствовало притоку ликвидности на рынок акций⁴. Рынок подогревает также прогнозируемый рядом южнокорейских и зарубежных экспертов рост инвестиций со стороны нерезидентов, ожидаемое принятие закона о регулировании рынков капиталов, а также включение Южной Кореи в MSCI (индекс фондовых рынков промышленно развитых стран мира).

Интерес к Корейской фондовой бирже проявился со стороны китайских компаний. Цена размещения акций в Сеуле сопоставима

с аналогичными издержками в КНР и ниже, чем на Нью-Йоркской, Лондонской, Сингапурской или Гонконгской биржах. При этом в пользу Корейской биржи говорит способность быстро удовлетворить спрос на предъявляемые заявки⁵.

Вместе с тем южнокорейский фондовый рынок испытывает влияние и негативных факторов. Причем воздействие на них правительства ограничено: приток в страну инвестиций нерезидентов резко повышает зависимость фондового рынка от мировых экономических процессов; ситуация вокруг северокорейской ядерной проблемы может в любой момент обостриться. Мировые конъюнктурные колебания привели в августе 2007 г. к выводу с корейского фондового рынка почти 11 млрд. долл. и к снижению доли нерезидентов на рынке акций до 33% (см. рис. 2). Это обстоятельство в последнее время отрицательно повлияло на имидж Корейской биржи, в том числе среди китайских компаний, выражающих сомнения относительно возможности в ближайшей перспективе найти в Сеуле необходимые финансовые ресурсы.

Не все негативные процессы можно списать на деструктивное влияние мирового рынка. Часть западных экспертов и институциональных инвесторов в последнее время выражают недовольство существующей в Южной Корее практикой ведения дел. В частности, отрицательно оцениваются рецидивы принятия необоснованно односторонних правовых решений, в подоплеке которых просматривается традиционный взгляд на «национальные интересы». В этом же ряду упоминаются предлагаемые пересмотры регламентов деятельности⁶. Все это снижает потенциал корейского фондового рынка.

Примечания

¹ Korea Taxation. 2005. Ministry of Finance and Economy. Seoul. 2005. P. 166.

² The Korea Herald. 21.11.2007.

³ The Korea Times. 07.06.2007.

⁴ *Yun Ke-sop*. Hot Stock Market Gives Pause // Korea Economic Daily. 15.05.2007. www.koreafocus.or.kr

⁵ Beijing Review. 21.03.2007.

⁶ The Financial Times. 27.09.2007.

А.А. Немов *

ИНДЕКСЫ ФОНДОВОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

С развитием рынка ценных бумаг появляется потребность в создании инструмента, который бы описывал общее состояние этого рынка, уровень цен на нем. Ценность его заключается в том, чтобы на основе показателей этого инструмента проводить анализ тенденций, прогнозировать ситуацию на этом виде рынка, а также оценивать положение в экономике страны. Таким образом, фондовый индекс (индекс фондового рынка) позволяет удовлетворять все эти потребности.

В зависимости от уровня развития финансового и фондового рынков этот индекс может быть задействован для описания состояния различных секторов экономики. В частности, за известным названием «индекс Доу-Джонс» скрывается несколько инструментов – индекс Доу-Джонс промышленный, транспортный и т.п.¹ Речь обычно идет о составном индексе Доу-Джонса (показатель, состоящий на базе промышленного, транспортного и коммунального индексов).

Корейская фондовая биржа была основана рядом банков, страховых компаний и компаний по ценным бумагам 11 февраля 1956 г. под названием Daehan Stock Exchange. Поначалу торговля осуществлялась почти исключительно государственными облигациями (bonds). Торговля акциями 12 листинговых эмитентов была вялой². Поэтому острой необходимости в создании дополнительных инструментов участники не испытывали.

В январе 1962 г. был принят Закон о ценных бумагах и биржах. В соответствии с этим законом, биржа была преобразована в акционерное общество. Однако уже в апреле 1963 г. на основе поправок в этот закон биржа превратилась в неприбыльную государственную

* Российский институт стратегически исследований, Москва.

корпорацию и переименована в Корейскую фондовую биржу³.

Улучшение технологического и законодательного обеспечения привело к некоторой активизации торговли на фондовом рынке, а также увеличению финансовых инструментов за счет эмиссий корпоративных ценных бумаг. Этому же способствовало принятие в ноябре 1968 г. Закона о развитии рынка капиталов, который был нацелен на увеличение количества листинговых компаний. Закон содержал налоговые и прочие льготы для фирм, прибегавших к открытой продаже акций. Благодаря этой политике в 1970-е годы наблюдался беспрецедентный рост открытых эмиссий. Количество листинговых корпораций увеличилось за 1972–1978 гг. с 66 до 356.

В этих условиях вполне естественным явилось появление в 1964 г. официального индекса южнокорейского рынка ценных бумаг (средний индекс скорректированных фондовых цен). В основе его лежали показатели торговли акций 17 листинговых компаний. Расчет происходил по методике американского индекса Доу–Джонс, при котором за основу принимались значения взвешенных показателей цен.

Этот первый корейский фондовый индекс просуществовал до 1972 г., когда появился Korea Composite Stock Price Index – KCSPI. Расчет его по-прежнему был основан на вышеуказанном методе, однако KCSPI опирался на показатели уже 35 компаний.

Быстрое развитие рынка ценных бумаг вслед за общим развитием экономики Республики Корея привело к пониманию нерепрезентативности индекса в том виде, в котором он существовал. Кроме того, было признано, что метод расчета Доу–Джонс приводил к недооценке структурных изменений на местном рынке.

Вследствие этого в 1980 г. появился преобразованный индекс фондового отделения Корейской биржи (KRX – Stock Market Division) – KOSPI, которым пользуются до сих пор. В его основе лежит значение капитализации рынка.

Так называемый «азиатский» финансовый кризис 1997 г. вынудил южнокорейское правительство обратиться к Международному валютному фонду (МВФ) за кредитом в целях стабилизации экономики страны. МВФ удовлетворил обращение Сеула, предоставив необходимые 58 млрд. долл. Вместе с тем выдача кредита была поставлена в зависимость от выполнения Республикой Корея ряда условий, в том числе принятия мер по либерализации своего финансового рынка.

В итоге проведенных мероприятий корейский фондовый рынок

получил второе рождение и за прошедшее время значительно вырос как по количеству эмитентов, так и по объему торгов и представленных инструментов.

Такая диверсификация рынка ценных бумаг обусловила появление новых индексов и образование из них целых серий. Ниже даны краткие сведения по каждому в соответствии с классификацией Корейской биржи⁴.

Серия KRX

Индекс KRX 100

Для консолидации всех национальных рынков ценных бумаг Корейская фондовая биржа предложила в июне 2005 г. индекс KRX 100 (*Korea Exchange 100 Index*), отобрав наиболее ликвидные бумаги, котирующиеся на первичном, вторичном рынках, а также в системе Kosdaq.

Компонентами KRX 100 выступают «голубые фишки», которые были отобраны на основе большого количества финансовых критериев, таких, как рыночная капитализация, рыночная ликвидность, прибыльность, стабильность и устойчивость.

Для гарантии того, чтобы KRX 100 надёжным образом мог отражать положение дел на рынке, была разработана и принята специальная методика расчёта этого индекса.

Индексы KRX для секторов экономики

Для описания общей ситуации в различных секторах экономики, представители которых являются эмитентами ценных бумаг, на южнокорейском фондовом рынке Корейская биржа 23 января 2006 г. ввела новую группу индексов – индексы секторов экономики. Первоначально их количество ограничивалось пятью наименованиями (энергетика и химия, сталелитейная промышленность, потребительские товары первой необходимости, медиа, и телекоммуникации, финансы). К настоящему времени их число увеличилось до 11 за счет автомобилестроения, полупроводниковой промышленности, здравоохранения, банковского сектора, интернет-технологий, строительства (см. таблицу).

Серия KOSPI

Кроме упомянутого индекса *KOSPI*, на фондовом рынке Южной Кореи присутствуют еще несколько из этой серии (*KOSPI 200*, появился в 1990 г., *KOSPI 100*, *KOSPI 50* – в 2000 г.). По сути, они являются рейтинговыми. Их отличие между собой заключается лишь в количестве эмитентов, чьи акции котируются на рынке. Так, листинг *KOSPI 200* включает в

Таблица

Индексы секторов экономики

Название индекса	Направления промышленности/ сектор экономики	Кол-во конституентов
KRX Autos	Автомобильная	20
KRX Semicon	Полупроводники	20
KRX Health Care	Здравоохранение	20
KRX Banks	Банки	10
KRX IT	Информационные технологии	30
KRX Energy & Chemicals	Энергетика и химия	20
KRX Steels	сталелитейная	10
KRX Consumer Staples	потребительские товары	20
KRX Media & Telecom	Медиа и телекоммуникация	10
KRX Financials ex Bank	Финансовые учреждения (без банков)	20
KRX Constructions	строительство	20

Источник: <http://www.krx.co.kr/index.html>

себя 200 компаний, чьи акции являются наиболее ликвидными, KOSPI 50 можно считать показателем торгов «голубых фишек». Разбивка единого индекса возникла при создании условий для организации рынка деривативов. Так, достаточно активно идет торговля опционами и фьючерсами KOSPI 200. Согласно сведениям журнала «Эксперт» за 2003–2004 гг., в тот период KOSPI 200 Opt (опционный) занимал первое место в мировом рейтинге по объему заключенных контрактов.

Кроме них существует еще *KOSPI IT* (основан в 2000 г.) – сводный показатель компаний информационной и коммуникационной отрасли, а также KOSPI-показатели для промышленных групп, KOSPI для обрабатывающей промышленности и показателя KOSPI для капитализации рынка. За исключением KOSPI IT, все они носят вспомогательный характер.

Серия KOSDAQ

Композитный индекс KOSDAQ был введен в 1997 г. в качестве индикатора для рынка Kosdaq (***Korean Securities Dealers Automated Quotations, Коре́йская ассоциация участников фондового рынка***), который был основан для содействия его развития путём активизации деятельности венчурных компаний. Название индекс получил по аналогии с американским индексом NASDAQ для одноименного рынка внебиржевой торговли.

В данный момент на бирже имеют листинг 1029 компаний преимущественно высокотехнологичного сектора.

К этой серии относятся также:

- *KOSDAQ STAR Index* (состоит из 30 конституентов, которые могут считаться «голубыми фишками» рынка KOSDAQ);
- *KOSDAQ 50* (был создан в ноябре 2002 г. для торговли фьючерсами и опционами);
- *KOSDAQ IT 50* – включает в себя 50 наиболее ликвидных эмитентов, представляющих сектор информационных технологий;
- *Venture Index* – индекс торговли ценными бумагами предприятий, которые заняты в венчурном бизнесе;
- *IT Venture Index* – детализация *Venture Index*, применительно только для предприятий сектора информационных технологий.

В данную серию входят индустриальные показатели KOSDAQ (KOSDAQ Sub-indices for Industry Groups) – 19 для направлений промышленности (таких, как производство пищевых и питьевых продуктов, табачных изделий, текстильная промышленность, транспорт, машиностроение, строительство и др.), а также 14 для сектора информационных технологий. В их числе, например, интернет - предприятия, производство программного обеспечения, полупроводников и т.п.

Кроме этого, выделяется еще одна группа – показатели KOSDAQ для рыночной капитализации (KOSDAQ Sub-indices for Market Capitalization). Их задача – отражать активность на рынке KOSDAQ для трех групп акций, разбитых по критерию рыночной капитализации. Так, торговля акциями 100 «голубых фишек» отражена в KOSDAQ 100, эмитенты второго эшелона (со 101 по 400 место в рейтинговом списке) – KOSDAQ MID 300, остальные представлены в KOSDAQ Small.

Таким образом, можно считать, что серии KRX, KOSPI и KOSDAQ являются основными. Отдельно от них существуют еще два индекса: KODI (Korea Dividend Stock Price Index) и KOGI (Korea Corporate Governance Stock Price Index). Однако их употребление весьма ограничено.

Подобная большая численность показателей, отражающих торговлю на рынке ценных бумаг, является одним из свидетельств развитости этого института экономики.

Дело в том, что такое разнообразие индексов способствует проведению более тщательного анализа как общей ситуации на рынке, так и по отдельным секторам экономики. Более того, высокий уро-

вень сегментации ценных бумаг, который отражают индексы, повышает доверие инвесторов к этому институту рынка. Соответственно, многочисленные показатели, которые частично дублируют друг друга, позволяют выявить взаимосвязь между котировками на рынке, ситуацией в отрасли и положением в экономике в целом. Более того, такой «перекрестный» анализ минимизирует возможности по недобросовестному представлению информации на рынок, поскольку такие сведения легко вскрываются из-за их несоответствия с другими показателями.

Чтобы представить себе, в чем смысл этого процесса, можно привести следующий пример. На российском рынке ценных бумаг одними из основных считаются индексы РТС (показатели торгов «голубых фишек») и РТС-2 (акции предприятий второго эшелона). Однако динамика их изменений за определенный период не позволяет сделать какие-либо выводы относительно положения в различных секторах экономики страны.

В то же время основными финансовыми инструментами на российском рынке акций являются бумаги предприятий нефтегазового сектора. На их долю приходится от 75 до 80 % общего объема торгов рынка. Таким образом, рост индекса РТС, который многие аналитики связывают со скачкообразным развитием фондового рынка России, отражает лишь спекулятивный интерес игроков к вложениям в нефтегазовый сектор.

Рынок ценных бумаг Республики Корея прошел уже путь становления и первичного развития. К настоящему моменту он достаточно глубоко интегрирован в мировую систему. Поэтому можно вести речь о том, что показатели рынка ценных бумаг страны перестали быть чем-то специфическим для внешних инвесторов и не поддающимися стандартным методикам анализа. Более того, большое многообразие индексов направлено именно для того, чтобы увеличить количество участников, снизив риски для вложений в корейские ценные бумаги.

Примечания

¹ <http://www.djindexes.com/>

² Рубцов Б.Б. Реформа финансового сектора Республики Корея: опыт преодоления кризиса // Рынок ценных бумаг 2002. № 11.

³ Там же.

⁴ <http://www.krx.co.kr/index.html>

Раздел 3

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

М. Г. Волков*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди корейцев началась в 1856 г., когда архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий¹ начал посылать проповедников православия в Южно-Уссурийский край, куда направился поток корейских переселенцев. Принявшие православие корейцы иногда добровольно, а чаще – мерами русской администрации в числе других корейцев, не имевших права оставаться в Уссурийском крае, возвращались в себе на родину. Эти люди, проживавшие, главным образом, в приграничных с Россией северных провинциях Кореи, фактически явились первыми проповедниками православия среди своих родственников и земляков.

Начальник Российской духовной миссии в Корее архимандрит Хрисанф (Щетковский) отслужил первую православную Божественную Литургию на корейской земле 17 февраля 1900 г. (по старому стилю). Пользуясь в целом благосклонным отношением императора Коджона к России, Хрисанф развернул бурную деятельность на введенной ему территории, предприняв, среди прочего, пешее миссионерское путешествие от Сеула через север Кореи до Владивостока.

* Министерство иностранных дел РФ, Москва.

Часть его маршрута пролегла по берегу Японского моря от Гензана² до Хамхына и далее к российской границе. Архимандрит Хрисанф, активно общавшийся с населением регионов, по которым он проходил, следующим образом описывает особенности жителей северной части Кореи: «...В Хамгенской провинции народ совсем другой и на жителей центральных провинций по характеру совсем не похож... [местный житель] выслушает, подумает и обязательно попросит доказать: почему это именно так, а не иначе... Здешние держат себя совершенно свободно, с достоинством и даже с некоторой гордостью... У хамгенцев заметна сильная склонность к критическому образу мышления... С миссионерской точки зрения, по моему мнению, почва распространения слова Божия среди северных жителей гораздо лучше и плодотворнее, чем среди корейцев центральных областей: северяне могут гораздо сознательнее и основательнее усвоить христианство и быть хорошими христианами... качественный успех на стороне хамгенцев...»³.

Примечательно, что склонность населения Северной Кореи к принятию христианства отмечалась и инославными, в частности протестантскими миссионерами. В течение 25 лет, в 1886–1910 гг., в Вонсане и Пхеньяне, а также в целом в северных провинциях наблюдался довольно высокий процент обращенных в христианство корейцев. Самый большой процент обращенных был в Пхеньяне в 1907 г. Это явление даже получило особое название «Великого Возрождения»⁴.

Посетив Хамхын, архимандрит Хрисанф «положил себе на сердце со временем открыть здесь миссию». По мнению начальника Российской миссии, «лучшего места было не найти; сюда стекается масса народу, да и сам город имеет около 10 000 дворов»⁵. Контакты с населением убеждали архимандрита в том, что местные корейцы с симпатией относятся к России. Многие корейцы часто бывали во Владивостоке и других российских городах по торговым и иным делам. После посещения деревни Сарахэ, располагавшейся неподалеку от порта Сонджин⁶, местное общество обратилось к архимандриту Хрисанфу с просьбой открыть в деревне миссию. Вот выдержки из обращения жителей Сарахэ: «Мы с удовольствием будем учиться “русской” вере и детей своих отдавать в русскую школу... Есть у нас английские миссионеры, но из нашей деревни никто не ходит к ним и детей не отдают в их школы: люди они совершенно чужие и не нужные для нас»⁷.

О. Хрисанф сознавал важность открытия на севере Кореи русской православной миссии, но нехватка средств и миссионеров не позволила ему реализовать задуманное. Еще более осложнили положение миссии последующие события, связанные с началом русско-японской войны, вынудившие архимандрита Хрисанфа в срочном порядке покинуть Корею. Хотя после окончания войны миссия возобновила свою деятельность, вновь назначенный настоятель архимандрит Павел (Ивановский), несмотря на свою ревность к проповеди православия, вынужден был существенно ограничить свою работу среди корейцев, подпавших под строгий «идеологический» контроль со стороны японских властей.

Особую роль в распространении православия в северной части Корейского полуострова суждено было сыграть Харбинско-Маньчжурской епархии, образованной в марте 1922 г. в составе Архиерейского заграничного синода Русской православной церкви. Имеются сведения о миссионерской деятельности на севере Кореи мирянина Павла Афанасьева в 1915–1922 гг., входившего в состав духовной миссии в Сеуле⁸. Подчинившись в 1931 г. харбинскому правящему архиерею, П.Афанасьев за два года (1931–1933) привел к православию 450 корейцев, живших в Пхеньяне. Впоследствии П.Афанасьев стал иеромонахом, имел домашнюю церковь. О его деятельности в Корее после принятия сана сведений не сохранилось.

Пожалуй, наиболее заметный след в истории православия в Северной Корее оставила община храма Воскресения Христова в Новине неподалеку от Сейсина⁹, где располагалось имение потомственного русского дворянина Юрия Михайловича Янковского, перебравшегося в Корею из Приморья в 1922 г. Ю.М.Янковский был человеком весьма разносторонних дарований. Добившись больших успехов на поприще энтомологии и орнитологии, он основал знаменитый не только в России, но и за границей конезавод, внеся, таким образом, большой вклад в освоение дальневосточного края. В Новине Ю.М.Янковский продолжал заниматься хозяйственной деятельностью, создал оленеводческую ферму, устроил пасеку, разводил яблоны, груши, малину, вишню, крыжовник.

Имение Новина располагалось в ущелье р. Понпха в живописном месте. Неподалеку находились горячие источники Омпо, водопад «Три чаши», другие природные достопримечательности, которые наряду с великолепной охотой, самодеятельным театром привлека-

ли сюда русских эмигрантов и иностранцев из Китая и других стран Азии, а также Европы и Америки.

Храм Воскресения Христова в Новине создавался по желанию супруги Ю.М.Янковского Маргариты Михайловны, не дожившей до дня его освящения. В устройстве иконостаса и изготовлении церковной утвари Ю.М.Янковскому усердно помогала Е.М.Бринер¹⁰. Оба они за свои труды были удостоены архиерейской грамоты архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мелетия.

По замыслу создателей, храм должен был удовлетворять духовные нужды всех жителей округа, и в особенности русских эмигрантов, долгое время находившихся вдали от родины и истосковавшихся по родному православному богослужению. Чрезвычайно оригинальная по своей архитектуре церковь была построена на площадке на верху горы, по склонам которой росли сосны. К храму вела лестница из 30 каменных ступеней. Стены храма были выложены из круглого булыжника, а красивые входные двери покрыли корой столетнего дуба с зеленеющим мхом. Над дверью был устроен крест из белой березы. Иконы храма были написаны матерью Олимпиадой из харбинского Дома милосердия¹¹. В постройке храма принимали участие дачники, большинство из которых прибывало в Новину из Шанхая, Харбина, Тяньцзиня и других китайских городов. Часть средств была собрана по подписке, но организаторам строительства пришлось потратить немалые суммы из личных сбережений.

Находясь осенью прошлого года в командировке в Сиднее, я воспользовался гостеприимством архиепископа Сиднейского и Австралийско-Новозеландского Иллариона, предоставившего мне возможность поработать в его уникальной библиотеке¹². Листая старые подшивки духовно-нравственного православного иллюстрированного журнала «Хлеб небесный», издававшегося при Казанско-Богородицком мужском монастыре г. Харбина, я наткнулся на статью об освящении храма Воскресения Христова в Новине, которая была опубликована в октябрьском номере журнала за 1937 год. Автор статьи описывает это событие следующим образом: «В воскресенье 25 июля, в дачной местности “Новина” в С.Корее, при большом стечении народа из всех соседних городов и местечек, состоялось торжество открытия только что построенного храма Воскресения Христова. Проникновенная служба, прекрасные голоса хора, сосредоточенное внимание всех присутствующих на торжестве ино-

верцев и умиленная молитва православных жителей Кореи, многие из которых по много лет не слышали церковной службы, – все это создавало особое настроение»¹³. В день освящения храма состоялся крестный ход, в котором приняли участие и взрослые, и дети. Из дачников сформировался церковный хор, помогавший при совершении церковных служб».

В упомянутой статье, среди прочего, сообщается ряд интересных фактов, проливающих свет на некоторые аспекты жизни православных верующих в Корее. Во-первых, в материале говорится о посещении Новины в 1936 г. начальником Российской духовной миссии в Сеуле архимандритом Поликарпом, крестившим шесть человек, среди которых были как русские, так и корейцы. Это событие лишний раз свидетельствует о том, что православные верующие юга Кореи, находившиеся в юрисдикции Московского Патриархата, и севера полуострова, окормлявшиеся харбинским священноначалием Зарубежной Церкви, поддерживали братское общение после событий 1917 г. и последовавшего за ними разделения Русской Церкви. В материале также отмечается, что церковь в Новине была первым и единственным православным храмом в Северной Корее¹⁴. Этот факт был подтвержден и в личном письме на мое имя сына Ю.М.Янковского – Валерия Юрьевича Янковского, издавшего уникальные воспоминания о жизни русских эмигрантов в Корее.

Вскоре после освящения храма Воскресения Христова в Новину из Харбина прибыл священник Иоанн (Тростянский). До направления в Корею о. Иоанн в 1923–1927 гг. служил на ст. Бухэду КВЖД, в 1927–1930 гг. – в Свято-Николаевской церкви старого Харбина. Затем он являлся настоятелем церкви «Всех скорбящих радости» при Доме милосердия владыки Нестора (Анисимова) в Харбине¹⁵. Совсем недавно в моем распоряжении оказались копии уникальных документов, проясняющие целый ряд важных событий истории как новинского храма, так и Российской духовной миссии в Корее. В их числе письмо за подписью занявшего место председателя Харбинского епархиального совета И.Петелина от 24 октября 1940 г. на имя протоиерея Иоанна Тростянского, в котором о. Иоанн извещается, что он принят в состав клириков Харбинской епархии и назначен на должность настоятеля Новинской церкви Харбинской епархии в имени Ю.М.Янковского.

После перехода харбинской епархии под юрисдикцию Московского Патриархата указом Патриарха Московского и всея Руси

Алексия I от 27 декабря 1945 г. в пределах Маньчжурии и Кореи был образован митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. Патриаршим указом от 11 июня 1946 г. округ был преобразован в Восточно-Азиатский экзархат, который просуществовал до 1954 г. Согласно докладной записке председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР Г.Г.Карпова К.Е.Ворошилову «О заграничной работе Русской православной церкви по состоянию на 1 мая 1948 года», в состав Восточно-Азиатского экзархата вошли 3 прихода в Северной и Южной Корее¹⁶.

В письме экзарха Восточной Азии Московской патриархии митрополита Нестора на имя о. Иоанна Тростянского от 6 февраля 1947 г. сообщается о назначении его на должность начальника Православной духовной миссии в Корее. В письме также говорится о том, что в случае, если о. Иоанну по каким-либо причинам не удастся выехать в Сеул, а также в случае, если начальник Корейской миссии о. Поликарп (Приймак) жив, отцу Иоанну поручается возглавить Православную духовную миссию в Северной Корее. В письме на имя о. Иоанна за подписью митрополита Харбинского и Маньчжурского Нестора, датированном 7 ноября 1947 г., со ссылкой на полученные директивы о срочной необходимости назначить начальника Корейской духовной православной миссии сообщается, что о. Иоанн назначается на указанную должность. При этом ему было предписано обратиться за содействием к местным (советским) властям о проезде в Сеул и принять имущество миссии.

Не приходится сомневаться в том, что многие обитатели Новины, несмотря ни на что, питали искренне добрые чувства к Советскому Союзу, надеясь найти себе место на родине после окончания Второй мировой войны. Однако судьба части новинцев сложилась трагически. Некоторые из них, включая упомянутого выше В.Ю.Янковского, оказались сосланными в лагеря. Другие были вынуждены остаться на чужбине, рассеявшись практически по всему миру. Что касается о. Иоанна Тростянского, то после службы в Корее он оказался в СССР и 8 сентября 1955 г. был назначен настоятелем Никольской церкви в Топках (Кемеровская область). Последнее место службы о. Иоанна – должность настоятеля Спасской церкви Минусинска. Сложилось так, что в 1956 г. после долгих лет эмиграции на кафедру Новосибирскую и Барнаульскую был назначен упомянутый выше владыка Нестор,

под началом которого о. Иоанн служил прежде в Харбине и Корее.

Провозглашение в 1948 г. на севере Корейского полуострова Корейской Народно-Демократической Республики привело к формированию здесь типичного атеистического общества, в котором декларируемая свобода вероисповедания, по сути, была представлена лишь буддийскими храмами. В последние полтора десятилетия появились несколько католических и протестантских приходов. Православие среди официально представленных религий в КНДР изначально отсутствовало, оставаясь для основной массы северокорейцев «чуждой, иностранной» верой.

Отправной точкой, способствовавшей возвращению православия в Северную Корею, принято считать посещение 22 августа 2002 г. хабаровского храма святителя Иннокентия Иркутского Председателем Госкомитета обороны КНДР Ким Чен Иром во время его официального визита на российский Дальний Восток. В результате осмотра храма и под впечатлением от краткого, но вдохновенного изложения сути православной веры протоиереем И. Зуевым северокорейский лидер дал указание о строительстве в Пхеньяне первой православной церкви.

Северокорейская сторона изначально позиционировала постройку храма как своего рода подарок руководителя КНДР находящимся в стране российским гражданам. Если другие пхеньянские церкви располагали собственными общинами из числа местных граждан, то создаваемый православный приход никогда не был рассчитан на собственно корейское население. Сформированный в рамках Совета верующих КНДР Православный комитет занимается исключительно организационными вопросами и контактами с российскими представителями.

Решение северокорейского лидера было положительно встречено Московским Патриархатом. В церемонии начала строительства Свято-Троицкого храма в пхеньянском районе Чонбэк в июне 2003 г. приняла участие делегация Русской православной церкви во главе с первым заместителем председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископом Калужским и Боровским Климентом. Основные расходы по проектированию и строительству храма взяла на себя северокорейская сторона. Денежные пожертвования поступили от администрации Приморского края, российских бизнесменов и сотрудников российского Посольства.

В Московской духовной семинарии прошли обучение четверо граждан КНДР, двое из которых впоследствии стали священнослужителями. На завершающем этапе строительства Русская православная церковь передала в дар корейцам комплект колоколов, иконы, иконостас, престол, жертвенник, богослужебные книги и другие предметы церковной утвари. Согласно договоренности с корейской стороной, новый храм решением Священного Синода Русской православной церкви в июле 2006 г. организационно оформился в виде Корейского Патриаршего Троицкого прихода, войдя, таким образом, в структуру Московского Патриархата под непосредственным патриаршим управлением. Окормление прихода было поручено Владивостокской и Приморской Епархии (в начале XX века Российская духовная миссия в Сеуле также находилась в юрисдикции владивостокского архипастыря).

Торжественная церемония освящения Свято-Троицкого православного храма состоялась в августе 2006 г. Чин освящения возглавил председатель ОВЦС Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

В настоящее время в храме проходят регулярные службы, которые совершают корейские священники о. Феодор Ким Хве Ир (настоятель храма) и о. Иоанн Ра Гван Чхоль, получившие образование в Московской духовной семинарии и прошедшие практику в Приморской епархии. Возведение в духовный сан корейских священников совершено в мае 2005 г. в Москве.

Основную часть прихожан храма составляют сотрудники Посольства России, персонал ряда иностранных дипломатических миссий, включая посольства Румынии, Болгарии, Чехии, Польши, Швеции, Индонезии, Индии, и представительств международных организаций, аккредитованных в Пхеньяне. Как правило, в программу пребывания всех российских, а также некоторых зарубежных делегаций, посещающих столицу КНДР, входит посещение Свято-Троицкого храма.

Представители Владивостокской епархии регулярно, раз в один–два месяца, проводят в храме совместные богослужения с корейскими священниками, стараясь приурочить свои поездки к главным христианским праздникам. В частности, при активном участии проживающих в Пхеньяне российских граждан из числа сотрудников Посольства и членов их семей в 2007 г. в церкви прошли торжест-

венные богослужения по случаю праздников Рождества, Крещения, Пасхи, Троицы. Подобная практика была продолжена и в следующем году. Кроме того, российские и корейские священники проводят богослужения на пхеньянском кладбище советских граждан, где по инициативе российского Посольства был установлен каменный православный крест.

Повышенный интерес к деятельности первой православной церкви в КНДР проявляют представители Вселенского Патриархата, считая эту страну частью канонической территории своей Корейской митрополии, созданной в 2004 г. (православные Южной Кореи перешли под управление Константинополя в 1955 г.). В ходе организованной по договоренности с Русской православной церковью в октябре 2006 г. ознакомительной поездки в КНДР митрополит Корейский Сотирий (Трамбас) отслужил в пхеньянской церкви Божественную Литургию в сослужении корейских священников и передал в дар общине храма партию кондиционеров. Среди ближайших помощников и сподвижников владыки Сотирия, более 30 лет осуществляющего миссионерскую деятельность в Южной Корее, были и есть корейцы, имеющие корни на Севере. В их числе покойный Савва Ли – бывший староста сеульского храма св. Николая, посвятивший многие годы миссионерскому служению, признанный знаток греческого языка, первым среди корейцев удостоившийся от Вселенского Патриархата титула архонта за особые заслуги в области перевода.

Прошедшее после освящения церкви в Пхеньяне время показало, что северокорейцы в целом положительно настроены на дальнейшее развитие сотрудничества с российской стороной в религиозной сфере. Подобная позиция была подтверждена в ходе состоявшегося в ноябре 2007 г. визита в Россию делегации Совета верующих КНДР во главе с его председателем Чан Джэ Оном. В состав делегации были включены также председатель Православного комитета Совета верующих КНДР Хо Ир Зин и священники Троицкого храма в Пхеньяне о. Феодор Ким Хве Ир и о. Иоанн Ра Гван Чхоль. В Москве гости из КНДР встретились с председателем ОВЦС Московского Патриархата митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, заместителем председателя ОВЦС епископом Егорьевским Марком, посетили Троице-Сергееву Лавру. Делегацию приняли в МИД России и других светских ведомствах и организациях. Северокорейские представители посетили также Владивосток, где встретились с

председателем Законодательного собрания Приморского края В.Горчаковым, руководителем аппарата Администрации края О.Мельниковым, и.о. командующего Тихоокеанским флотом вице-адмиралом С.Авраменко и другими российскими представителями. В программу их пребывания было также включено посещение храма преподобного Серафима Саровского, Успенского храма, ряда предприятий и организаций Приморья.

В деятельности первого православного храма в Пхеньяне имеются и неизбежные в подобных случаях трудности. Так, например, до настоящего времени не решен вопрос о направлении сюда на временной основе певчих для формирования церковного хора, а также монахов из числа российских граждан. Вместе с тем, даже не имея прихожан из числа местных жителей, храм остается единственным реально действующим религиозным учреждением в КНДР, являясь своеобразным символом российского присутствия в этой стране.

Примечания

¹ Вениаминов, впоследствии – митрополит Московский и Коломенский, канонизирован Русской православной церковью в 1977 г.

² Вонсана.

³ *Епископ Хрисанф (Щетковский)*. От Сеула до Владивостока (Путевые заметки миссионера) // История Российской духовной миссии в Корее: Сборник статей. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1999. С. 83.

⁴ См.: *Palmer, Spenser B.* Korea and Christianity: the Problem of Identification with Tradition. Seoul: Hollym International Corp., 1967. (Royal Asiatic Korea Branch Monograph Series. P. 95–96.

⁵ *Епископ Хрисанф (Щетковский)*. Указ. соч. С. 86.

⁶ Кимчхэк.

⁷ *Епископ Хрисанф (Щетковский)*. Указ. соч. С. 101.

⁸ *Священник Дионисий Поздняев*. К истории Российской духовной миссии в Корее // История Российской духовной миссии в Корее: Сборник статей. Указ. соч. С. 357–358.

⁹ Чондина.

¹⁰ Елена Михайловна Бринер, супруга русского эмигранта, владельца транспортной фирмы Леонида Юльевича Бринера. Отец Л.Ю.Бринера, Юлий Иванович Бринер, был известным предпринимателем, меценатом и общественным деятелем царской России, почетным гражданином Владивостока.

¹¹ Дом милосердия был построен в харбинском пригороде Модягоу в 1928–1929 гг. на участке земли, купленном на средства русских эмигрантов. При нем была устроена церковь во имя иконы «Всех скорбящих Радосте».

В Доме разместились помещения для призываемых, типография, свечной завод, прачечная, пекарня, архиерейские покои, квартиры причта и служащих.

¹² Владыка Илларион (Капрал) – видный архипастырь Русской православной церкви за границей. Он являлся активным сторонником воссоединения Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом и принимал участие в торжествах в Москве в мае 2007 г. по случаю подписания Акта о каноническом общении внутри Поместной Русской православной церкви. После смерти 16 марта с.г. митрополита Лавра как его первый заместитель стал Временным главой РПЦЗ. Его же, как человека наиболее близкого митрополиту Лавру по духу и взглядам, источники в Зарубежной Церкви называют наиболее вероятным преемником митрополита Лавра.

¹³ Хлеб небесный. Харбин, 1937. № 10. С. 7.

¹⁴ Указ. соч. С. 9.

¹⁵ Митрополит Нестор – легендарный иерарх Русской православной церкви, выдающийся миссионер, посвятивший многие годы проповеди православия на Камчатке. В годы вынужденной эмиграции в Китае владыка руководил созданием упомянутого выше Дома милосердия в Харбине. В период эмиграции митрополит Нестор неоднократно бывал в Корее. После Второй мировой войны он вернулся под омофор московского Патриарха и был назначен экзархом Восточной Азии. В последние годы жизни являлся митрополитом Кировоградским и Николаевским. Умер 4 ноября 1962 г. Погребен в Переделкино под Москвой.

¹⁶ *Фомин С.* Божией милостью архиерей Русской Церкви: Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М.: Изд-во «Правило веры», 2002. С. 486–487.

Б. Б. Пак*

БОРЬБА К.И. ВЕБЕРА ПРОТИВ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ КИТАЯ НА КОРЕЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х годов XIX в.

Со второй половины 80-х годов XIX в. усилилось вмешательство Китая во внутренние дела Кореи. Корейский ван Коджон, опасаясь вызвать гнев Китая, отказался от ранее сделанного приглашения в Корею русских военных инструкторов. В августе 1885 г., по настоянию китайского представителя в Сеуле Юань Шикая, были приговорены к смертной казни четверо корейских сановников, выступавших против вмешательства Китая во внутренние и внешние дела Кореи. Одновременно китайские военные суда сосредоточились на рейде Инчхона, а сухопутные войска начали скапливаться на берегу пограничной р. Амноккан. Ли Хунчжан решил вернуть в Сеул отца Коджона – тэвонгуна, чтобы возвести его на трон в случае, если Коджон переметнется на сторону России. Тэвонгун прибыл в Сеул 5 октября 1885 г., как раз накануне приезда туда вновь назначенного русского поверенного в делах в Корею К.И. Вебера. Действия Китая демонстрировали, что он намерен оказать, в том числе и военное, противодействие утверждению в Корею влияния России.

Российское правительство не было подготовлено к каким-либо осложнениям на Дальнем Востоке, способным ухудшить отношения с Китаем. К тому же попытки британской дипломатии спровоцировать конфликт между Китаем и Россией побуждали последнюю продолжать курс сохранения существующего порядка в Корею и добиваться вывода английского флота с островов Комундо. В соответствии с таким курсом К.И. Веберу было предписано не входить по своей инициативе с корейским правительством «ни в какие перегово-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

воры по поводу прежних предложений со стороны Кореи о русском протекторате и военных инструкторах»¹.

Прибыв в Корею 6 октября (26 сентября) 1885 г. Вебер, строго придерживаясь данных указаний, пытался доказать своим поведением корейскому правительству и иностранным представителям в Сеуле отсутствие у России каких-либо планов нарушить суверенитет корейского государства. Он не поднимал вопроса о русских инструкторах или протекторате, воздерживался от частых посещений корейских официальных лиц, чтобы их не истолковали как продолжение прежних переговоров Шпейера².

К.И. Веберу стало известно, что корейский двор крайне напуган известиями о планах китайского правительства низложить Коджона и посадить на престол его отца – тэвонгуна и снова ввести в Корею свои войска. Веберу дали понять, что ван не расстался с мыслью об установлении российского протектората над Кореей. 18 октября его навещил доверенный Коджона и передал просьбу о постоянном нахождении нескольких русских военных судов в Чемульпо. Вебер уверил посланца в готовности правительства России оказать королю «всевозможное содействие» и телеграфировал министру иностранных дел России Н.К. Гирсу: «о желательности двух судов (в Чемульпо) и десяти матросов в Сеуле». Однако, Министерство иностранных дел отклонило просьбу. Это была первая неудачная попытка К.И. Вебера склонить российское правительство к более активному участию в решении корейской проблемы³.

В ноябре 1885 г. К.И. Вебер отправил в Петербург свое первое донесение о положении в Корею, где охарактеризовал политическое положение Кореи как «вековое преобладание китайского влияния, что заставляет корейцев во всем повиноваться требованиям Китая». Не сочувствующие этому преобладанию члены корейского правительства во главе с королем обратили внимание на Россию. «Преждевремененно было бы говорить о существовании русской партии, – писал К.И. Вебер, но мне кажется несомненным, что родственники королевы... и сам король весьма к нам расположены».

В такой обстановке, по словам Вебера, англичане пустили в ход слухи о планах России на Корею, об установлении русского протектората над Кореей, чтобы оправдать захват английским флотом порта Гамильтон. Китайское правительство видело в сближении с Англией гарантию против покушения России на Корею. Для давления на об-

щественное мнение в Англии и предотвращения окончательного захвата ею порта Гамильтон Вебер считал целесообразным оказание нравственной поддержки Корее в виде захода в этот порт одного из российских военных судов. Одновременно он снова поднял вопрос об отправке в Чемульпо двух военных судов. «Постепенному окитаянию Кореи, писал он, Россия может противодействовать только показанием своего военного флота и оказанием действительной поддержки корейскому Королю»⁴.

Донесение К.И.Вебера из Шанхая было встречено в Петербурге с большим вниманием. МИД, однако, считал, что польза от отправки в Чемульпо двух военных судов «неопределенна», а китайское правительство может усмотреть в ней подтверждение слухов «о наших замыслах на Корею». Кроме того, считалось, что такая мера может быть ложно истолкована в Корее, и корейский король, будучи ободрен надеждой на поддержку России, может сделать какой-либо неосторожный шаг. Исходя из этого Гирс предлагал советовать королю не портить своих отношений с Китаем. Относительно другого предложения Вебера о заходе русского военного судна в порт Гамильтон Гирс заявил, что осуществление его может послужить поводом к возобновлению посещения английскими судами Владивостока, чего следует избегать⁵. Веберу поручалось поддерживать корейское правительство в его усилиях по выводу оттуда английских кораблей и разъяснять ему, что благоприятное для Англии разрешение вопроса о Гамильтоне поощрит и другие морские державы к новым территориальным захватам⁶.

В депеше Гирса от 28 января 1886 г. были сформулированы главные задачи, которые предстояло решать К.И. Веберу в условиях обострения международной обстановки вокруг Кореи в начале второй половины 80-х годов XIX в. Так, отмечалось, что цель политики России в Корее должна заключаться в упрочении русского влияния в стране этой и оказании поддержки корейскому королю лишь при том условии, если он будет опираться на какую-либо корейскую партию, способную отстаивать независимость Кореи. Н.К. Гирс писал, что положение Китая относительно Кореи выгоднее, чем у России, а из этого следует, что Россия не должна давать китайскому правительству повода для вооруженного вмешательства в дела Кореи, которое повело бы к поглощению ее Китаем, что, в свою очередь, могло бы вовлечь Россию в столкновение с империей богдохана, что потре-

бовало бы со стороны России «громких жертв». «Соображения эти», – писал Гирс, – «обязывают Вас... сосредоточивать все Ваши усилия на установлении с Кореею хороших отношений, которые по возможности удовлетворяли бы потребности наших пограничных владений и не отнимали у короля надежды на нашу поддержку и советовать ему воздержаться от таких действий, которые могли бы окончательно испортить его отношение к Китаю».

Со времени назначения в ноябре 1885 г. полномочным министром – резидентом Китая в Сеуле Юань Шикая, сторонника жесткой политики в отношении Кореи и решительного противодействия усилению там позиции России, участились попытки китайского правительства к установлению своего господствующего положения на Корейском полуострове. Прежде всего оно решило отозвать из Кореи П.Г. фон Мёллендорфа, пытавшегося пригласить русских военных инструкторов для обучения корейской армии и установить русский протекторат над Кореей, назначить советником вана Коджона и членом Коллегии иностранных дел Кореи бывшего американского консула в Тяньцзине, а затем генерального консула США в Шанхае О.Н. Денни.

Летом 1886 г., когда ван Коджон снова решил обратиться к России с просьбой о помощи и содействии в укреплении независимости Кореи, началось неофициальное противоборство Вебера и Юань Шикая. Юань телеграфировал Ли Хунчжану о состоявшемся между Россией и Кореей секретном соглашении. В тот же день Вебера навестил племянник королевы Мин Ен Ик, сообщивший, что король крайне тяготеет к перевесу и влиянию, которые имеет здешний китайский представитель на страну и которым он пользуется лишь «в ущерб достоинства короля и благосостояния Кореи». По словам Мина, король убедился, что Китай не в состоянии защитить эту страну, если у нее будут какие-нибудь серьезные затруднения с другими нациями и доказательство тому он видит в деле о Гамильтоне. Он еще убедился в том, что возрождение Кореи не в интересах Китая и что поэтому пекинское правительство тормозит и противодействует здесь всяким преобразованиям и нововведениям. В тесной дружбе с Россией король усматривает единственное средство для укрепления мира, спокойствия и мирного развития страны. Мин при этом добавил, что король обратится к Веберу с письменным сообщением, в котором попросит о содействии России для упрочения незави-

симости страны под русским влиянием. Вебер ответил, что Россия всегда будет готова оказать возможное содействие Корее, если бы появилась угроза ее независимости или целостности, но тем не менее желала бы сохранить дружеские отношения с соседним Китаем, и поэтому Корее следует избегать всего, что могло бы повести к разрыву ее отношений с ним. На просьбу Мина в конце беседы принять письменное обращение вана Вебер согласился и 9 августа ему доставили письмо за подписью короля⁷ с просьбой о содействии подписанию фактически русско-корейского секретного «Договора о дружбе, покровительстве и защите Кореи». Копия письма Коджона оказалась у Юань Шикая уже через неделю после этого. С этого времени Юань Шикай стал угрожать корейцам появлением китайского флота и 30-тысячной армии для низвержения Коджона, место которого займет тэвонгун.

Интриги Юаня, по словам Вебера, были направлены к тому, чтобы превратить Корею «в вассальное княжество, исполняющее все приказания Китая или лично его самого». В этой ситуации Юань решил расправиться с теми чиновниками, которые пользовались доверием вана и через которых Коджон поддерживал секретные связи с некоторыми из иностранных представителей. По его настоянию в конце октября четверо из них были приговорены к ссылке на отдаленный остров.

После опубликования приговора о ссылке четырех корейских чиновников, К.И. Вебер, будучи скован инструкциями МИД, предостерегавших его от принятия любых решений, могущих оказать негативное воздействие на отношения России с Китаем, воздержался от заявления протеста против действий Юань Шикая и ограничился отправлением 22 августа официальной ноты президенту Коллегии иностранных дел Кореи, в котором указывал, что, не желая вмешиваться во внутренние дела Кореи, он считает своим долгом указать «на опасности и осложнения, которые должны повлечь за собою распоряжения, подобно высылке ни в чем не повинных лиц и которые могут лишь повредить взаимным дружеским отношениям между Россией и Кореей»⁸. Своим письмом Вебер хотел дать понять чиновникам Коллегии иностранных дел, которые были известны своими прокитайскими симпатиями, насколько может быть опасным для Кореи допущение вмешательства Китая в свои внутренние дела. Кроме того, он этим хотел оградить состоящего при миссии пе-

реводчика от участи постигшей четырех корейцев, так как он пользовался полным доверием вана. Другими средствами, кроме письменных обращений к корейскому правительству для нейтрализации действий китайского представителя в Сеуле Вебер не обладал, ибо он руководствовался инструкцией МИД, предостерегавшей от любых шагов, могущих оказать отрицательное воздействие на русско-китайские отношения. Спустя три дня в Сеуле вышел «приказ правительства, об освобождении из тюрьмы присужденных к ссылке корейцев»⁹. Это был безусловный успех Вебера в стремлении нейтрализовать интриги Юань Шикая.

В донесении от 19 мая 1887 г. Вебер писал, что именно Китай «тормозит развитие страны, политика его направлена к поработочению». Вебер дал также описание различных приемов, с помощью которых Юань добивался превращения Кореи в безвольного китайского вассала. Они состояли в том, чтобы настораживать корейцев ожиданиями каких-то смут и переворотов, от которых они могут быть спасены лишь Китаем, для чего необходимо исполнять беспрекословно его приказания. Вебер писал и о том, что Юань вошел в заговор с Тэвонгуном с целью убийства короля и королевы. Вебер предупреждал, что если заинтересованные в судьбе Кореи иностранные правительства не заявят протест против действий Китая и его представителя в Сеуле, то корейский король добровольно делается слепым исполнителем воли Китая». В этой связи Вебер обращал внимание на то, что «иностранным представителям следует требовать немедленного удаления Юаня»¹⁰.

Будучи лишен возможности открыто противодействовать Юань Шикаю, Вебер стал искать союзников для борьбы против попыток Китая и его представителя в Сеуле. Главным из них стал советник вана Коджона по иностранным делам, американец О.Н. Денни.

Вебер немало времени уделял налаживанию отношений с представителями других стран в Сеуле. Так, он сумел привлечь на свою сторону против китайцев О.Н. Денни, разделявшего взгляды самого Вебера о необходимости сохранения самостоятельности и неприкосновенности Кореи. Рекомендуя О.Н. Денни корейскому правительству, Ли Хунчжан рассчитывал, что американец будет проводить в Сеуле линию, согласную с его политикой в Корее. Но Денни не оправдал ожиданий китайского канцлера. Поэтому Юань всячески старался убедить корейских сановников в необходимости назначения

Денни лишь членом Коллегии иностранных дел, а не советником вана. Это ему не удалось, а напротив, облегчило работу Денни, который, получив от Коджона указание требовать от англичан обратной выдачи порта Гамильтон Корее¹¹, вопреки желанию китайского правительства, стал добиваться ухода из этого порта английских военных кораблей. Именно на этой основе произошло сближение Вебера с Денни. В ходе неоднократных бесед с русским поверенным в делах в Корее Денни сообщал важные сведения о политике Ли Хунчжана в Корее и действиях там Юань Шикая. «Денни говорил мне, – писал Вебер в Петербург, – что Россия – единственная страна, которая может освободить Корею от китайского кошмара». Из бесед с Денни, вернувшимся из поездки в Тяньцзинь, Веберу стало известно, что Денни в беседе с Ли старался убедить канцлера в необходимости заключения с Россией соглашения по Корее с целью обеспечить ее самостоятельность и неприкосновенность. Настояния Денни оказали на Ли Хунчжана нужное воздействие. Он вынужден был признать ошибочность действий Юаня и выразил желание сблизиться с Россией¹².

Что касается Юань Шикая, то он не переставал вмешиваться в дела Кореи, претендуя на роль фактического руководителя ее внутренней и внешней политики. В июне 1886 г. подтвердились ранее распространявшиеся слухи о заговоре Юаня против Коджона и королевы Мин. Летом 1886 г. Юань Шикай выступил против попытки корейского вана укрепить отношения с западными державами путем назначения в Европу и США полномочных министров. Юань делал все, чтобы не допустить отправления их за границу. Когда Вебер в октябре 1886 г. обратился к Гирсу с запросом, какую поддержку возможно было бы оказать корейскому правительству в деле отправления посланников в Европу и Америку, последний ответил, что «содействие к признанию Китаем права Кореи назначать посланников Россия может оказать только в том случае, если все другие державы, которые имеют в Корее свои собственные интересы, решат оказать таковое». Но, поскольку все западные державы имели в Корее собственные интересы, часто не совместимые друг с другом, а Англия тайно поддерживала в то время притязания Китая на исключительное влияние в Корее, нельзя было рассчитывать на какие-либо совместные действия представителей.

Действия Юань Шикая, вызывавшие недовольство корейского правительства, побудили О.Н. Денни отправиться вторично в

Тяньцзинь. 7 октября он представил Ли Хунчжану меморандум, обращавший внимание на безосновательность претензий китайского правительства на вассальный характер отношений с Кореей и отрицания права ее на самостоятельное заключение с другими державами договоров, на неправомерность вмешательства Китая во внутренние дела Кореи в виде запрещения открыть Пиньян или другой город для иностранной торговли, на предосудительность действий китайского представителя, составившего заговор с целью ниспровержения Коджона.

По возвращении из Тяньцзиня Денни ознакомил Вебера с подробностями его свидания с Ли Хунчжаном. При этом он сказал, что, «отчаявшись найти возможность для Кореи отстаивать свои права перед Китаем и считая свое дальнейшее пребывание в Корее бесполезным, если китайцы имеют решающий голос во всех корейских делах и могут препятствовать осуществлению всех его планов и предложений, решил отказаться от должности советника вана». Вебер не разделял мнения Денни, считая, что китайцы «только радовались бы его отъезду». Он уговорил его остаться и предложил ему сообщить американскому и японскому представителям копию его меморандума для представления их правительствам России, США и Японии как державам, более заинтересованным в сохранении статус-кво на Дальнем Востоке. Денни последовал совету Вебера. С ним согласился и американский представитель Динсмор¹³.

В апреле 1887 г., когда по настоянию Ли Хунчжана встал вопрос об отзыве Денни из Кореи, Вебер писал в Санкт-Петербург, что «с отъездом Денни из Сеула мы потеряем поддержку преданного нам человека». С согласия представителя США в Сеуле Динсмора Вебер указал вану Коджону на него как на самого достойного преемника Денни. Действия Вебера были одобрены в Петербурге. В новой инструкции МИД России Веберу от 7 июля 1888 г. говорилось «С некоторого времени, на службу корейского правительства стали поступать американцы. Как явствует из донесений Ваших, состоящий при короле в качестве советника по внешним сношениям Денни добросовестно исполняет лежащие на нем трудные и щекотливые обязанности. Из Америки приглашены и инструкторы для формирования и обучения корейских войск. Так как из всех держав Северо-Американские Соединенные Штаты преимущественно обнаруживали нежелание поощрять честолюбивый замысел Китая на Корею, то

с нашей точки зрения, желательно, чтобы корейское правительство отдавало предпочтение американцам перед иностранцами, принадлежащими к другим национальностям»¹⁴.

Тем временем Юань продолжал свои интриги, направленные к ликвидации остатков суверенитета корейского государства. Самовольно присвоив себе особые права и привилегии, он уклонялся даже от личного участия в общих собраниях, куда обычно присылал секретаря. Юань, в нарушение корейских традиций, въезжал на носилках в ограду дворца вана, что не позволялось иностранным представителям. Вебер в донесении Гирсу, сообщая о притязаниях Юаня на исключительное положение среди иностранных представителей, спрашивал, как следует относиться к ним. Гирс, в духе ранее данных инструкции ответил: «Оставляя в стороне вопрос о положении, на которое может претендовать китайский представитель в Сеуле, как входящий преимущественно в область взаимных отношений между Китаем и Кореей, отношения Юаня к дипломатическому корпусу в делах, касающихся интересов иностранцев вообще, подлежат, прежде всего, коллективному обсуждению самих представителей и... только в случае признанной ими необходимости выяснить эти отношения, настоящий вопрос может потребовать вмешательства заинтересованных правительств»¹⁵.

Во второй половине 80-х годов проявилось стремление российского внешнеполитического ведомства сохранить статус-кво в Корее путем нейтрализации агрессивных устремлений цинского Китая. В значительной степени это было реакцией российского МИД на тревожные донесения российского поверенного в делах в Корее К.И. Вебера о китайских притязаниях на Корею. Угроза Корее была вполне реальной и значительной.

Российский дипломат не признавал притязаний китайского представителя в Сеуле на исключительное положение в Корее в сравнении с представителями других держав, считая, что они не имеют никакой международно-правовой основы. Вебер доказывал, что Корея должна считаться самостоятельным государством, каким российское правительство признало ее, заключив с нею дружественный договор без посредничества с Китаем. Сложность ситуации, в которой оказался российский дипломат, заключалась в том, что формально по договору с Россией Корея была независима, с другой стороны – по отношению к Китаю традиционно считалась вассаль-

ной державой. Хотя последнее было чисто символическим выражением изжившей себя традиции в международных отношениях и не означало для Кореи потери самостоятельности во внутренних и внешнеполитических делах, а являлось лишь условием поддержания мирных отношений с Китайской империей, Россия не могла с этим не считаться. Линия, проводимая российской дипломатией, сводилась к тому, чтобы, прикрываясь вассальными отношениями, противопоставить Китай другим державам в Корее. В то же время Россия не хотела мириться с ситуацией, не дающей ей права на поддержание отношений непосредственно с Кореей, в особенности когда Китай в середине 80-х годов пытался традиционными методами, путем усиления упора на формальный вассалитет, обеспечить себе дорогу к утверждению в Корее и полному ее себе подчинению, что и произошло, когда его представителем там стал Юань Шикай.

Примечания

¹ Цит. по: *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860–1895. М., 1956. С. 385.

² Копия телеграммы К. Вебера министру иностранных дел Н.К. Гирсу. Сеул, 9-го декабря 1885 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 46.

³ В дальнейшем эти попытки повторялись неоднократно и в конечном счете привели к тому, что после окончания японо-китайской войны 1894–1895 гг. Министерство иностранных дел России решило отозвать Вебера из Кореи. См.: Телеграмма статского советника Вебера от 12 октября 1885 г. и ответная телеграмма министра иностранных дел Гирса от 16 октября 1885 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 17. Л. 35, 39.

⁴ Донесение поверенного в делах в Корее Вебера статс-секретарю Гирсу. Шанхай, 21-го октября 1885 г. № 7 // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491.1885. Д. 3. Л. 78–82.

⁵ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 17 декабря 1885 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. 1885 г. Д. 3. Л. 83–85.

⁶ Копия депеши статс-секретаря Гирса Поверенному в делах и Генеральному консулу в Корее от 16 января 1886 г. № 9 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 63–67.

⁷ Донесение поверенного в делах в Корее Вебера министру иностранных дел Н.К. Гирсу. Сеул, 6-го августа 1886 г. № 36 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 113–117.

⁸ Копия с сообщения поверенного в делах в Корее и.д. президента корейского Министерства иностранных дел от 10 (22) августа 1886 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 13.

⁹ Донесение поверенного в делах в Корее Вебера Его Высокопревосходительству Гирсу. Сеул, 15-го августа 1886 г. № 42// АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 134.

¹⁰ Секретное донесение поверенного в делах в Сеуле Вебера статс-секретарю Гирсу. Сеул, 7-го мая 1887 г. № 7 // АВПРИ. Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 319–322.

¹¹ Донесение поверенного в делах в Корее Вебера министру иностранных дел Гирсу. Сеул, 9-го апреля 1886 г. № 12 // АВПРИ.Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 75–77.

¹² Донесение поверенного в делах в Коре Вебера его высокопревосходительству Гирсу. Сеул, 10-го октября 1886 г. № 63// АВПРИ.Ф. «Японский стол». Оп. 493. Д. 1. Л. 167–171.

¹³ Донесение поверенного в делах в Корее К. Вебера министру иностранных дел Н.К. Гирсу. Сеул, 7-го ноября 1887 г. // АВПРИ.Ф. «Японский стол» Оп. 493, 1888–1891 гг. Д. 2. Л. 2–6.

¹⁴ Шифрованная инструкция статс-секретаря Гирса поверенному в делах в Сеуле Веберу от 25-го июня 1888 г. № 96 // АВПРИ.Ф. «Миссия в Сеуле». Лп. 768, 1884–1908 гг. Д. 6. Л. 44-47.

¹⁵ Письмо министра иностранных дел Гирса Веберу. С.Петербург, Мая 9 дня 1899 г. № 37 // АВПРИ.Ф. «Японский стол». Оп. 493, 1887–1890 гг. Д. 73. Л. 85-91.

С. С. Радченко*

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЮЖНОЙ КОРЕЕЙ

Импульс к развитию советско-южнокорейских отношений был дан из Сеула еще до того, как в Москве пришли к окончательному выводу о необходимости нормализации. В основе южнокорейской стратегии поиска контактов с Советским Союзом и другими соц. странами – так называемой «северной политики», или «нордполитик», – лежали два принципа. Во первых, нормализация отношений с Москвой подняла бы международный престиж Южной Кореи за счет Пхеньяна. Экономический «прорыв» южнокорейцев способствовал проведению более независимой внешней политики, уменьшению зависимости Сеула от США. В этих условиях нормализация отношений с СССР еще более укрепила бы внешнеполитический авторитет Юга.

Во вторых, нордполитик являлась весомым фактором и во внутривнутриполитическом маневрировании в Южной Корее. В 1987 г. президент Чон Ду Хван согласился уйти в отставку и разрешить свободные президентские выборы. Кандидаты от оппозиции Ким Ён Сам, Ким Дэ Чжун и Ким Чжон Пхиль боролись друг друга, а потому к власти пришел кандидат от правящей партии Ро Дэ У. Комбинация «три Кима, один Ро», с ее непрекращающимися склоками между тремя Кимами и их совместной критикой в отношении Ро Дэ У, просуществовала до начала 1990 г. В этом политическом круговороте нордполитик давала возможность набрать очки в борьбе с конкурентами, привлечь на свою сторону общественное мнение. Для Ро

* Школа экономики, Лондон.

Дэ У «северная политика» стала своего рода политической необходимостью, особенно после того, как его партия потерпела серьезное поражение на парламентских выборах весной 1988 г. Не спали и оппоненты Ро. Особенно преуспел на поприще нордполитик будущий президент Южной Кореи Ким Ён Сам.

Впрочем, лучшие карты были в руках у президента Ро Дэ У. Это – и правительственный аппарат, и дипломатические рычаги, это – и южнокорейская разведка. Именно по ее линии удалось установить первый «канал» с Советским Союзом. Ключевую роль в этом деле сыграл помощник президента, а в дальнейшем государственный министр Пак Чер Он. Для установления контактов с Москвой Пак использовал свои знакомства среди бизнеса и научных кругов. Было, в частности послано приглашение в Институт Востоковедения РАН отправить делегацию в Сеул для научного обмена.

В Сеуле скромной делегации научных сотрудников из этого института было оказано соответствующее внимание. Мероприятия с институтом Ханнам отошли на второй план. Зато были обсуждены перспективы советско-южнокорейского сотрудничества. Южнокорейцы убеждали членов делегации, что Советскому Союзу необходимо изменить свои представления о Южной Корее.

Эта встреча показала различия между Москвой и Сеулом в подходах к нормализации. СССР был заинтересован, в основном, в экономическом сотрудничестве с Южной Кореей. Южно-корейская сторона в принципе была согласна на такое сотрудничество, но только при условии установления дипломатических отношений. Это несоответствие целей двух сторон еще не раз обнаружило себя в процессе диалога между Москвой и Сеулом, и, конечно, немало раздражало южнокорейцев.

Летом и осенью 1988 г. Пак Чер Он продолжил свои попытки наладить регулярный контакт с Москвой. На этот раз он действовал через американца корейской национальности Джозефа Ха, преподавателя Колледжа Люиса и Кларка (штат Орегон). С 1970-х годов он поддерживал контакты с советскими специалистами в области международных отношений. Некоторые из них имели неплохое представление о Южной Корее¹. Ха помог Пак Чер Ону организовать поездку в Москву для установления контактов.

В августе 1988 г. Пак Чер Он прибыл в Москву в компании еще одного южнокорейца, представителя одной из южнокорейских

спецслужб Чон Дон Чже (по паспорту Ем Дон Же). Эта была самая представительная делегация, приезжавшая в СССР из Южной Кореи в тот период. Советские власти выдали обоим визы по линии культурного обмена².

За время, проведенное в Москве, Пак Чер Он встретился с руководством Института Востоковедения и Института США и Канады. Состоялась встреча в Институте Востоковедения с его директором М. С. Капицей. В категоричной форме тот поставил в зависимость развитие отношений с Южной Кореей от реальных экономических выгоды для СССР. Прошла также встреча с директором Института США и Канады Г. А. Арбатовым, который намекнул о возможности политических подвижек в отношениях с Южной Кореей и сообщил, что готовится крупная речь Горбачева, в том числе по южнокорейскому вопросу³. В сентябре 1988 г. Горбачев выступил с речью в Красноярске. Правда, о политических подвижках там не было и слова. Речь шла о развертывании экономического сотрудничества с РК. В первый раз открытым текстом было сказано об улучшении отношений с Сеулом, а это уже было движение вперед. Только это произошло намного позже, чем предполагала южнокорейская сторона.

Советской стороной было принято решение развивать отношения с Сеулом *по негосударственной линии*⁴. Надо сказать, что к тому времени, как раз по негосударственной линии, отношения уже и так неплохо развивались. Безусловно, позитивную роль в этом отношении сыграла Сеульская олимпиада.

Третьего сентября 1988 г. теплоход «Михаил Шолохов» стал первым советским кораблем со времен Корейской войны, зашедшим в южнокорейский порт Пусан. «Михаил Шолохов» привез часть советских спортсменов, а также небольшую группу туристов. Другие граждане СССР уже побывали в Южной Корее, но только не в таком количестве. Спортивная делегация насчитывала 514 человек, но кроме них были еще официальные лица, переводчики, группа поддержки, разные знаменитости – включая двух советских космонавтов. Было несколько этнических корейцев, которые приехали для встреч с родственниками в Южной Корее.

Делегация привезла культурную программу. Солисты Нелли Ли и Людмила Нам выступили отдельно в заполненных залах культурного центра «Сечжон». «Нью Йорк Таймс» писала 2 октября: «Любопытные покупатели сбежали на “русскую неделю” в огромном универмаге

«Лотте», сметая с прилавков русские олимпийские значки и изучая советский фарфор и матрешек»⁵. Все это выгодно отличалось от американской программы в Сеуле. Да и поведение и необдуманные выходы некоторых американских спортсменов во время олимпиады (например, золотых medalистов Троя Далби и Дуга Герстена, которые на радостях выкрали мраморную голову льва и таскали ее по улицам Сеула) вызвало возмущение представителей общественности. В общем, Советский Союз заработал несколько политических очков на Сеульской олимпиаде. А открытие временного консульства для обслуживания нужд спортсменов позволило говорить о наличии де-факто консульских отношений. На базе консульства было открыто чуть позже советское торговое представительство. Но официальное признание Южной Кореи пока не состоялось. Наоборот, в декабре 1988 г. Э. А. Шеварднадзе, побывавший с визитом в Пхеньяне, якобы дал Ким Ир Сену «честное слово», что признания не будет⁶.

С олимпиадой связан и другой эпизод в развитии советско-южнокорейских отношений. В центре этой истории оказался один из лидеров южнокорейской оппозиции Ким Ён Сам. Весной 1988 г., после парламентских выборов в Южной Корее, Ро Дэ У достиг соглашения со своими противниками (т.е. с тремя Кимами) об организации своего рода единого фронта против радикальной оппозиции в преддверии Сеульских игр. Три Кима пообещали также поддержать нордполитик Ро Дэ У. В такой ситуации Ким Ён Сам использовал любые возможности, чтобы показать, что именно его *нордполитик* была лучше и эффективней, чем то, что предлагали его оппоненты.

В августе 1988 г. Ким Ён Сам отправился с визитом в Японию, где на пресс-конференции заявил о его заинтересованности в создании некой межпарламентской группы, состоящей из депутатов стран Северо-Восточной Азии, то есть обеих Корей, Китая, Японии, СССР и США. На пресс-конференции в Токио присутствовали и советские журналисты. Владимир Овсянников, корреспондент журнала «Новое время», которого после встречи отыскал один из людей Ким Ён Сама и предложил провести развернутое интервью, согласился. Вскоре в журнале «Новое время» было опубликовано интервью Ким Ён Сама, в котором он утверждал, что советское руководство стояло на грани серьезной ошибки в своей южнокорейской политике. Ким Дэ Чжун, второй (а по популярности, скорее всего, первый) лидер оппозиции, уже получил приглашение посетить СССР. Однако, заявил Ким Ён

Сам, если первым визит в СССР нанесет Ким Дэ Чжун, президент Ро Дэ У, при всем своем желании нормализовать отношения с СССР, будет вынужден внести коррективы в свою политику на этом направлении, поскольку фактически уже определил в качестве преемника на посту президента именно его, Ким Ён Сама. Затем Ким обрисовал предстоящие, якобы согласованные с Ро Дэ У, инициативы и шаги Сеула в отношении Северной Кореи и заявил, что с учетом важной роли СССР в нормализации обстановки на Корейском полуострове во главу угла ставится скорейшее установление дипломатических отношений между Сеулом и Москвой. Именно ему, Ким Ён Саму, президент Ро поручил прокладывать дорогу к достижению этой цели. Именно поэтому приезд первым в Москву Ким Дэ Чжуна может быть расценено в Сеуле как неверный шаг Москвы⁷.

В конечном итоге в Москву в июне 1989 г. приехал Ким Ён Сам. Он встретился с сотрудниками Международного отдела ЦК КПСС. Последние увели дискуссию от политических вопросов, сказав, что «экономические связи – это приоритет советской политики» в отношении Южной Кореи». В Москве состоялась незапланированная встреча Ким Ён Сама с видным северокорейским деятелем Хо Даомом. Последний передал Ким Ён Саму приглашение посетить Пхеньян, но Ким, с его неизменным политическим чутьем, отказался от этого предложения. Ведь в таком случае он был бы использован северокорейской пропагандой. Внешняя политика была таким образом тесно связана с внутривнутриполитической борьбой. Не в меньшей степени это проявилось во время второго визита Ким Ён Сама в Москву, в марте 1990 г.

Накануне в Сеуле произошли кардинальные политические перемены. Две оппозиционные партии, возглавляемые Ким Ён Самом и Ким Чжон Пхилем, слились с партией Ро Дэ У, создав так называемую Демократическую либеральную партию и оставив Ким Дэ Чжуна по другую сторону баррикад. Ро, видимо, захотел обезопасить себя от возможного преследования, поделившись властью с Ким Ён Самом. Так или иначе, шансы Ким Ён Сама попасть в президентское кресло заметно возросли.

От ИМЭМО Ким Ён Саму вновь пришло приглашение посетить Москву. Там 21 марта 1989 г. Ким Ён Сам был приглашен на встречу с Е. М. Примаковым. Когда они беседовали, в кабинет Примакова, как утверждают, «случайно» зашел М.С. Горбачев. Горбачев и Ким

обменялись дежурными фразами, и на этом встреча закончилась. Явно не без помощи Ким Ён Сама информация о его встрече с М. С. Горбачевым просочилась в южнокорейскую прессу. «Чосон Илбо», например, писала, что Горбачев принял Ким Ён Сама *одного*, у себя в офисе, и разговаривал с ним целых 50 минут!⁸ Можно представить себе реакцию оппонентов Ким Ён Сама на такой исход.

Тем временем Ро Дэ У узнал от бывшего госсекретаря США Дж. Шульца, что Горбачев собрался с визитом в США. Ро решил, что это было бы неплохой возможностью для организации их встречи. Некоторое время спустя в Южную Корею полетел А. Добрынин, который официально передал Ро Дэ У согласие Горбачева на встречу в Сан-Франциско. Перед отлетом Добрынина вызвал к себе М.С.Горбачев, начав встречу словами: «Нам нужны деньги»⁹.

Советский Союз в начале 1990 г. находился на пороге финансового кризиса. В отдельных российских публикациях в этой связи отмечается, что в сложные дни М. С. Горбачев просил кредита «у всех»¹⁰. Запад денег не давал, т.е. не давал столько, сколько было нужно для поддержания страны на плаву. В этих условиях нормализация отношений с Южной Кореей представлялась в несколько ином свете, чем можно было бы предположить в нормальных условиях.

Примечания

¹ Из письма Джозефа Ха автору, 7-го августа 2007 г.

² Из письма Ем Дон Же автору, 20-го сентября 2007 г.

³ *Пак Чер Он*. Барын ексарыл выхан чжынон (О правильном освещении истории). С. 137

⁴ Информация из доклада «Россия и Межкорейские Отношения». 17.04.2003. Горбачев-Фонд. http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=124&art_id=13119.

⁵ *Susan Chira*. Anti-U.S. Feelings; Amid Glamor of the Games, Korea Sees Warts on an Ally // The New York Times 2.10.1988.

⁶ *Don Oberdorfer*. The Two Koreas: a Contemporary History (Basic Books, 2002). P. 213.

⁷ Из письма Владимира Овсянникова автору, 12-го декабря 2007 г.

⁸ Чосон илбо. 23.03.1990.

⁹ *Don Oberdorfer*. The Two Koreas... С. 209–210.

¹⁰ *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям. М.: Прогресс, 1993. С. 367.

А.Ю. Иванов*

КОРЕЙСКО-ЯПОНСКИЙ КОНФЛИКТ ВОКРУГ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЯПОНСКОГО МОРЯ: ИСТОКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ СПОРА

В последнее время обострился спор между Республикой Корея и Японией вокруг переименования Японского моря. На данный момент море, омывающее берега четырех государств – России, КНДР, Республики Корея и Японии, имеет три названия: в Японии оно называется Японское море (*Нихонкай*), в Республике Корея – Восточное море (*Тонхэ*) и в КНДР – Корейское Восточное море (*Чосон Тонхэ*).

Подняв проблему переименования этого моря на международном уровне, южнокорейские власти настаивают, что используемое сегодня его название морально и исторически устарело, отражая реальности периода истории, когда японские милитаристы действовали в дальневосточном регионе с позиции силы. Утверждая, что название «Японское» напоминает об экспансионистских замашках японского империализма, корейская сторона полагает, что подобное название оскорбительно, и по-прежнему задевает чувства граждан других стран. Не всегда рискуя заявлять так напрямую, Южная Корея стала пропагандировать благовидный тезис, что международное море не может носить название лишь одной из стран, имеющих к нему выход, морям следует давать нейтральные, без политико-географической окраски, названия.

Отражая официальную позицию Южной Кореи, представитель Министерства иностранных дел и внешней торговли заявил, что «Корея не потерпит, чтобы Международное гидрографическое общество (МГО)¹ – международный орган, взявший на себя, в частности

* ДВГУ, Хабаровск.

вопросы упорядочения океанической и морской номенклатуры – продолжало использовать название «Японское море» без упоминания другого названия – «Восточное море».

Пытаясь заручиться научно-общественной поддержкой на международных симпозиумах, Южная Корея финансировала некоторые американские университеты для проведения исследований на данную тему². Таким образом, оказав давление на общественные и научные организации, корейское правительство добилось того, что в некоторых странах начали выпускать карты, где Японское море обозначено как «Восточное»³.

Расширяя число своих сторонников в данной проблеме, корейские официальные власти проводят различные акции по переименованию моря на свой лад. Так, в 2007 г. во Владивостоке по инициативе Генерального консульства Республики Корея была проведена акция по возвращению Японскому морю его исторического названия «Восточное море». Во время этой акции среди жителей Владивостока распространялся журнал, в котором рассказывается о трансформации названия моря, лежащего между Корейским полуостровом и Японскими островами.

Международное гидрографическое общество, признав наличие проблемы и изъяв из своего атласа «Границы океанов и морей» слово «Японское», разрешило картографам именовать спорный участок по своему усмотрению, либо использовать термин «Японское/Восточное море». Тем самым Международная гидрографическая организация пытается снизить накал многолетнего спора между Южной Кореей и Японией.

Япония, недовольная действиями самой авторитетной в мире гидрографической организации, подала протест в МГО, а официальный представитель японского Министерства иностранных дел заявил, что требования Южной Кореи «не имеют под собой никаких оснований». Тем самым японские власти дали понять, что на уступки идти не собираются и, будучи уверенными в правоте, приводят свои аргументы в пользу сохранения нынешнего названия моря.

В августе 2002 г. МИД Японии издал брошюру на английском языке под названием «Sea of Japan», в которой исследуется данная проблема и делается вывод о том, что и впредь должно применяться название «Японское море». Прежде всего японская сторона обращает внимание на то, что название «Японское море» появилось еще в

XVII в., когда итальянский монах-иезуит Маттео Риччи (Matteo Ricci) в 1602 г. составил одну из первых европейских карт Китая. Название «Японское» закрепилось в западной литературе и в некоторых географических картах, когда на европейские языки после 1815 г. была переведена книга Крузенштерна о его кругосветной экспедиции. Исходя из этого, получается, что такое название вовсе не было навязанным миру японцами. Напротив, до 1854 г. Япония находилась в самоизоляции от остального мира и не могла активно влиять на процесс образования географических названий в западной картографии. Таким образом, название «Японское море» получило международное признание до того, как началась империалистическая экспансия Японии, причем Корея за все это время ничего не имела против нынешнего наименования Японского моря.

Отстаивая свою точку зрения, в Токио в 2000 г. провели масштабные исследования в 60 странах и обнаружили, что почти 97% из 370 изданий называют это море именно Японским, а не Восточным.

Возникает вопрос, правомочна ли Южная Корея требовать переименования казалось бы уже укоренившегося во всем мире названия «Японское море»? Действительно, его воды омывают всю западную часть Японского архипелага, долгое время являясь основной контактной зоной Японии с континентальной Азией. Кроме того, именно Японские острова отделяют море от всего Тихого океана, создавая тем самым акваторию, требующую соответствующего переименования⁴.

Кроме Японии к названному морю имеют выход Россия, Северная и Южная Кореи. И если российскую сторону название «Японское море», похоже, устраивает, то корейские государства, явно несогласные с весьма сомнительной географической формулировкой, готовы изменить нынешнее наименование моря, омывающего берега четырех государств.

Следует отметить, до конца XIX в. название моря не было устоявшимся. Это было связано с тем, что корейцы, как и японцы, не проявляли особого интереса к тому, как именовать данное морское пространство. На многих картах, выпущенных в Корею и Японии в XVI–XVIII вв. акватория между Японским архипелагом и Корейским полуостровом вообще никак не обозначалась. На картах западных стран в XVII–XIX вв. в основном появлялись названия «Японское море» и «Корейское море». Сами жители Корейского полуострова

до XIX в. никогда не называли это море «Корейским»⁵, издревле именуя его либо «Восточным», либо «Голубым». Но, выдвигая собственные аргументы относительно того, какое название появилось на картах раньше, «Японское море» или «Корейское море», корейская сторона приводит целый список карт, составленных европейцами в XVI–XIX вв., где море отмечено как «Корейское» или «Восточное»⁶. Причем название «Корейское море» активно употребляли не только европейцы и американцы⁷, но даже японские картографы, иногда обозначавшие эту часть акватории как *Чосенкай* (Корейское море). Так, в корейско-японском договоре «О правилах торговли японцев на территории Кореи», подписанном в 1883 г., Японское море было прописано как Корейское⁸.

Но с выходом Японии в 60-х годах XIX в. на международную политическую арену и с активизацией экономических связей с западными странами, в Европе все чаще стали издаваться географические карты с наименованием «Японское море». Название «Японское море» стало практически общепринятым в мировой картографии после русско-японской войны 1904–1905 гг. В результате поражения царизма в этой войне Япония выдвинулась в качестве главной геополитической силы на Дальнем Востоке, и естественно, что от ее имени стали образовывать наименование прилегающей акватории. Считается, что первыми официальными документами, где зафиксировано наименование «Японское море», стали послевоенные русско-японские договоры⁹. После аннексии Кореи в 1910 г. колониальными властями Японии было запрещено издавать и распространять карты, где было бы нанесено название «Корейское море». Вместо них японский генерал-губернатор в Корее издал указ выпускать карты с наименованием «Японское море». В учебниках для школьников-корейцев, выпущенных в 1922, 1923 и 1924 гг., морское пространство к востоку от Корейского полуострова также отмечалось как Японское море¹⁰.

В первой половине XX в., когда международные организации обсуждали вопросы приведения географических названий к единым стандартам, ситуация сложилась таким образом, что только Япония из стран Восточной Азии могла излагать свою позицию на конференциях. Корея, оказавшаяся в колониальной зависимости, не имела возможности представлять свою точку зрения на международной арене. Само слово «Корея» (в политико-географическом

смысле) тогда исчезло с карт. Поэтому Японии безо всякого труда и возражений с чьей-либо стороны удалось утвердить на международном уровне название «Японское море», а название Корейское или Восточное море было забыто. В первом издании руководства «Границы морей и океанов» (Limits of Oceans and Seas), принятом в Монако в 1929 г. на конференции Международной гидрографической организации, море между Корейским полуостровом, Японскими островами и Россией было названо Японским. В последующих изданиях «Границ морей и океанов», вышедших в 1937, 1953 и 1986 гг., название моря сохранилось то же – Японское.

Но после обретения Кореей независимости в 1945 г. ситуация вокруг проблемы, связанной с названием Японского моря, стала резко меняться. Вступив в 1957 г. в Международную гидрографическую организацию, Южная Корея стала открыто выражать свои претензии в спорного названия. Впервые поставив в 1957 г. на повестку в Международной гидрографической организации насущную для Кореи проблему, южнокорейская сторона достигла определенных успехов в соперничестве за переименование Японского моря. Этому способствовали решения Международной гидрографической организации (в 1974 г. было решено, что если страны, делящие акваторию, не договорились об общем наименовании, на картах следует подписывать разные варианты названий) и Комиссии ООН по стандартизации географических названий (UNCSGN), принявшей аналогичный принцип в отношении всех международных географических объектов. Так, французское название Ла-Манш соседствует на картах с Английским каналом, а английские Фолкленды с аргентинским названием Мальвинские острова.

Несмотря на это, Япония отказалась обсуждать вопрос о новом названии моря. Однако в 1992 г. корейцы добились того, что VI Конференция ООН по стандартизации географических названий призвала спорящие стороны к совместному обсуждению вопроса.

В 1993 г. Южная Корея официально обратилась в ООН с предложением переименовать Японское море. Были представлены на выбор четыре варианта переименования: Дальневосточное море, Восточное море, море Мира, Голубое море. КНДР в этом вопросе поддержала Южную Корею, но предложила свой единственный вариант названия: Корейское Восточное море.

В 1997 г. на XV Международной гидрографической конферен-

ции Южная Корея потребовала, чтобы в очередное издание «Границ океанов и морей» было наряду со старым наименованием внесено и альтернативное название – «Восточное море». В 1998 г. на VII Конференции ООН по стандартизации географических названий Южная Корея потребовала срочной отмены «неправомерного» названия. Конференция приняла решение о том, чтобы рекомендовать картографическим службам стран мира давать два варианта названия¹¹. Эту рекомендацию многие приняли, и на новых картах крупнейшего картографического издательства США «Рэнд МакНелли» (Rand McNally), в Британской энциклопедии и атласах «National Geographic» после названия «Японское» в скобках появилось «Восточное море»¹². Таким же образом в телерадиокомпаниях CNN, BBC, а также в печатных органах The Economist, The USA Today, The Washington Times название «Японское море» также дублируется названием «Восточное море»¹³. Кроме того, Министерство обороны Франции использует морскую карту, в которой название «Sea of Japan (Mer du Japon)» записано одновременно с названием «East Sea (Mer de l'Est)»¹⁴.

Летом 2002 г. Международная гидрографическая организация, официально признав наличие проблемы и учитывая аргументы южнокорейской стороны, приняла предварительное решение в новом издании «Границ океанов и морей» не называть более Японское море Японским. В связи с этим японцы выразили энергичный протест, а японское Министерство иностранных дел заявило, что дело обсуждается с МГО по дипломатическим каналам и что требования Южной Кореи «не имеют под собой никаких оснований». В результате дипломатического давления Японии вопрос о переименовании Японского моря был снят с повестки дня. Это позволило южнокорейской стороне утверждать, что руководство Международной гидрографической организации «пошло на поводу политических интересов Японии»¹⁵. Но, обвиняя МГО в пассивности решения существующей проблемы, а Японию в нежелании идти на конструктивный диалог, южнокорейская сторона, в свою очередь, признает, что добиться более существенных результатов Южной Кореи в вопросе переименования Японского моря мешает отсутствие у правительства и научных кругов Республики Корея четкой стратегической концепции, а также слабая степень готовности убеждения своих оппонентов.

Позиции Японии были еще более укреплены после того, как в 2004 г. Организация Объединенных Наций направила японскому правительству официальный документ, в котором отмечалось что «Японское море» остается общепринятым в международном сообществе названием¹⁶. В ответ Национальное собрание Республики Корея приняло резолюцию о переименовании Японского моря в Восточное, а на правительственном уровне была сформирована делегация из представителей Министерства иностранных дел, Министерства морских дел и морского промысла, а также научно-исследовательского института Восточного моря, которая встретилась с руководством Международной гидрографической организации и потребовала переиздания «Границ океанов и морей». МГО отказалась удовлетворить требование южнокорейской стороны, предложив предварительно достичь договоренности с Японией¹⁷. Тем самым руководство МГО отстранилось от принятия со своей стороны серьезных решений и, заняв нейтральную позицию, предоставило Корею и Японии самим определить название отделяющих эти государства морской акватории.

Дабы перенести данную проблему на уровень двусторонних отношений и найти определенный компромисс, в ноябре 2006 г. президент Южной Кореи Но Му Хён на встрече с японским премьером Синдзо Абэ во время саммита глав государств АТЭС во Вьетнаме неофициально предложил переименовать Японское море в Море дружбы или Море мира. Однако премьер-министр Японии, не желая обсуждать данный вопрос, категорически отверг инициативу южнокорейского лидера, сославшись на законность принятого в 1929 г. Международной гидрографической организацией решения¹⁸.

В 2007 г. на семнадцатой по счету конференции Международного гидрографического общества южнокорейское правительство вновь потребовало от своей делегации твердо настаивать на включении в повестку дня вопрос о переименовании Японского моря. Но и на этот раз Южной Корею не удалось убедить руководство МГО обсудить проблему Японского моря как первоочередной вопрос, поскольку, по мнению южнокорейской делегации, японская сторона сумела оказать давление на представителей других государств. Тем не менее южнокорейская сторона добилась того, что Международная гидрографическая организация пообещала вернуться к обсуждению данной проблемы в 2009 г.¹⁹ Уже сейчас перед южнокорейской

делегацией, которая будет направлена на 18-ю конференцию МГО в Монако, поставлена задача как можно больше «перетянуть» на свою сторону число голосов в поддержку вопроса о переименовании Японского моря.

Но, несмотря на то что вопрос о переименовании на официальном уровне регулярно откладывается из-за достаточно высокого международного авторитета Японии, уже сейчас борьба Южной Кореи за восстановление «исторической справедливости» дает свои плоды. Если в 2000 г. 97% всех карт, выпускаемых в мире обозначали море как Японское, то по данным на 2007 г., 27% мировых издательств стало именовать Японское море как Восточное²⁰.

Ощущая поддержку мирового сообщества, корейцы твердо считают, что наименование «Японское» неправильное и должно быть непременно изменено на другое, более справедливое название. Но если южнокорейское правительство ради смягчения напряжения склонно идти на компромисс с японской стороной, то радикально настроенные круги, считающие, что международная акватория не может именоваться по названию одной страны, настаивают именно на названии «Восточное море», и не имеют значения, что для японцев оно западное, а по отношению к России – юго-восточное. При этом корейские гидрографы объясняют, что под этим названием они не имеют в виду то, что море находится к востоку от Кореи, а подразумевают восточное положение акватории по отношению ко всему евроазиатскому континенту, что может соответствовать точке зрения большинства стран Европы и Азии, для которых это море действительно находится на востоке. Однако очевидно, что название «Восточное море» явно ориентировано относительно Корейского полуострова, и таким образом наименование «Восточное» оказывается вовсе не нейтральным, и в скрытой форме может пониматься как «Восточно-Корейское». Тем самым название «Восточное море» вуалирует то самое название, которым Северная Корея открыто обозначает на своих картах морское пространство к востоку от своих границ.

Действительно, название «Восточное море» не может рассматриваться как нейтральное в политико-географическом отношении. В японской географической традиции Восточным морем (*Токай*) называли вообще весь Тихий океан. В настоящее время вся прибрежная тихоокеанская историческая область в Японии именуется Токайдо.

Таким образом, если Восточное море в географическом плане для Кореи подходит, то для Японии, западное побережье, которое омывается морем, подобное название явно не приемлемо. Проблема усложняется еще и тем, что названием «Восточное море» обозначаются морские акватории, расположенные к востоку от побережья Китая (*Донг-Хэй*)²¹ и Вьетнама (*Бьен-Донг*)²². Кроме того, название «Восточное море» фигурирует также и за пределами Восточной Азии. Именно Восточным морем, называют Балтийское море немцы, датчане, финны, голландцы, норвежцы, шведы. Таким образом, правомерно ли узаконивать название «Восточное море» на международном уровне, несмотря на то, что подобного официального названия акваторий на картах мира нет? Японская сторона считает, что нет, поскольку это может внести неразбериху в понимании того, какую акваторию считать Восточным уровнем. Корейская сторона убеждена в обратном и намерена доказать о правомочность своих действий.

Возможен ли вообще компромисс между двумя непримиримыми сторонами в решении данной проблемы? Подобный прецедент уже был, когда Южная Корея и Япония подписали в 1965 г. договор о рыболовстве. Компромисс заключался в том, что в японском тексте документа море было названо Японским, а в корейском – Восточным. Подобные расхождения в договоре не помешали двум государствам сотрудничать в сфере рыболовства.

Впоследствии, когда Южная Корея стала серьезно претендовать на то, чтобы придать названию «Восточное море» официальный статус, отношения между двумя странами по этой проблеме обострились. Но если южнокорейская сторона готова при определенных условиях принять любое другое название, лишь бы Япония отказалась от наименования «Японское море», либо согласилась использовать двойное название «Восточное/Японское море», то японское правительство заняло весьма жесткую позицию в отношении южнокорейских инициатив²³. И, до тех пор, пока японская сторона будет категорически отвергать любые предложения Кореи и мирового сообщества и отказываться садиться за стол переговоров, данную проблему решить будет очень сложно. Процесс поиска компромисса затягивается также из-за пассивности международных организаций, таких, как МГО, а также заинтересованных государств, в том числе и России. Некоторые специалисты считают, что спор между Кореей и

Японией по вопросу о переименовании Японского моря может затянуться еще на 20–30 лет.

А пока Международная гидрографическая организация, по всей видимости, будет вынуждена указывать оба названия.

Примечания

¹ В Международное гидрографическое общество входит 78 государств.

² Власенко Н. Переименуем Японское море?// Золотой Рог. 2007. № 40.

³ www.gazeta.ru. 2007.01.09

⁴ По аналогичной модели образованы названия морей Андаманского (разграничено от Индийского океана Андаманским архипелагом) и Ирландского (отделено от Атлантики Ирландией).

⁵ Название «Корейское море» впервые появилось в корейских официальных документах на рубеже XIX–XX вв. – *Прим. автора.*

⁶ MAR CORIA, карта Азии (Manuel Godinho, 1615), MAR DI CORAI, Карта Восточной Азии (Robert Dudley, 1647), MAR DE CORÉE, карта Японских островов (Jean Baptiste Traemier, 1679), MER ORIENTALE OU MER DE CORÉE, карта Индокитая (Guillaum de L'isle, Франция, 1705), Sea of Corea, карта Восточной Азии (John Green, 1747), MER DE CORÉE, карта Китая (Франция, 1748), MAR DI COREA, карта стран Азии (Antonio Chata, Италия, 1777*), SEA OF COREA, карта Китая в Британской энциклопедии (1778), Sea of Corea, карта России (Bowen, 1780), MER DE CORÉE, карта сопредельных с Россией стран Азии (Мадрид, 1785), COREAN SEA, карта азиатского региона (Лондон, 1794), GULF OF COREA (Samuel Dhun, Лондон, 1794), MER DE CORÉE, карта Азии (Dezauche, Франция, 1800), COREAN SEA, GULF OF COREA, карта Азии (Lizars, Лондон, 1833, 1840), SEA OF COREA, карта мира (Wylde, Великобритания, 1845).

⁷ По данным южнокорейского научно-исследовательского института Восточного моря, на 73% западных карт XVII–XIX вв. море обозначалось как «Восточное», и лишь на 12% – как «Японское».

⁸ Тон-а ильбо. 1995.

⁹ Рогачев С.В. Японское или Восточное?// География. 2002. № 5.

¹⁰ Тонхэе мёнъххинъ е ёксава пёнъхва// Сайт научно-исследовательского института Восточного моря РК.

¹¹ Хангук ильбо. 1998. 09. 15.

¹² National Geographic. 2003. № 3.

¹³ <http://www.ko.wikipedia.org>

¹⁴ http://www.korea.net/korea/kor_loca.asp?code=A0101

¹⁵ В южнокорейской прессе даже появились статьи с обвинениями японских властей в подкупе членов МГО и принуждении их голосовать за отклонение предложения представителей РК и КНДР внести вопрос о переименовании Японского моря (Чосон ильбо. 2007. 05. 04)

¹⁶ <http://www.mofa.go.jp/policy/maritime/japan>

¹⁷ Ёнхап. 2007. 04. 30.

¹⁸ Хангук ильбо. 2007. 01. 08.

¹⁹ Тон-а ильбо. 2007. 05.10.

²⁰ <http://www.ko.wikipedia.org>

²¹ Восточно-Китайское море. – *Прим. автора.*

²² Южно-Китайское море. – *Прим. автора.*

²³ Ёнхап. 2002.23.04.

*В.Н. Дмитриева**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА КАК СУБЪЕКТ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

В последние десятилетия, когда быстрыми темпами стали расширяться контакты между людьми разных стран, филологи обратили более пристальное внимание на проблемы межкультурного общения представителей разных регионов нашей планеты.

Сопоставительный анализ языков в культурном пространстве стран Запада и Дальнего Востока представляет интерес не только для языковедов и переводчиков. В современную эпоху исследования восточных языков, их роли в культуре и политике разных стран не менее значимы для таких наук, как социология, психология и философия. А для стран Дальнего Востока изучение истории развития национальных языков, особенностей функционирования древних понятий в современной ситуации является важным условием для понимания философии жизни современного поколения жителей этого региона.

Язык – многогранное общественное явление. Конкретный язык соотносится как с материальной, так и с духовной культурой каждого народа. Всякая культура имеет специфические черты, которые придают ей национальный колорит, поэтому язык можно рассматривать с разных точек зрения. Национальный язык – не только часть культуры и её «зеркало», отражающее все изменения в обществе, но и особый субъект развития общества, оказывающий влияние на поведение людей. И не случайно в эпоху глобализации национальные языки стали играть важную роль в общественной жизни и политике разных стран.

* МГИМО (У), Москва.

Основным «ключом», открывающим «окно» в другую культуру в самом широком смысле, является национальный язык.

Трудности корейского языка для представителей Европы, Японии, Китая и России будут разными, так как происходит «контактирование» разных языков по типологическому признаку и их историческому развитию. А главное – по этнической «картине» сопоставляемых культур, отражённых в национальных языках. Своеобразие восточного менталитета и культуры, обусловлено многими факторами, в том числе и особым видением мира и отношением к нему, специфического общественного сознания.

Об этом свидетельствуют слова и понятия конкретного языка, которых нет в других языках или значения, которые не совпадают при сопоставлении с разными языками, когда речь идёт о разных национальных культурах или разных цивилизациях. Например, с русским понятием «жизнь» соотносятся более десяти корейских слов, с разными понятиями, а корейским понятиям: *сонбэ*, *хубэ* в русском языке нет соотносимых лексических единиц. В языке отражены не только универсальные признаки. Любой язык выделяется национально специфическими признаками, например, корейская лексика, характеризующая культ поклонения предкам.

Выдающийся отечественный психолог Л.С. Выготский¹ сформулировал культурно-историческую теорию в психологии, в частности в поведении личности. Этот тезис находит подтверждение в речевой коммуникации современного корейского общества. Строгая субординация, которая напоминает корейцу о его месте в обществе и коллективе, требует соблюдения определённой дистанции в «жизненном строю». Для любого иностранца, изучающего корейский язык, такие речевые «нюансы» кажутся особенно трудными.

Изучение истории и национальной культуры Кореи невозможно без анализа значений слов и понятий, заимствованных из Китая в далёкой древности, которые часто называют «ключевыми словами» современного корейского языка. Таких слов-понятий в корейском языке немало, но главным понятием, характеризующим особенности взаимоотношений людей в корейском обществе – начиная с семьи, школьного коллектива, коллектива в производственной сфере, а далее – в более крупных объединениях: корпорациях, министерствах – является слово – архетип (языковая форма, исходная для её дальнейших продолжений) *хё*, (*сё*). В современных словарях

это понятие передаётся словосочетанием «сыновняя почтительность». Российские и зарубежные филологи² не раз отмечали особую роль категории «почтительности к родителям» (*сяо/хё*) как универсального регулятора отношений в корейском обществе, отметив, что в корейском понимании упомянутой категории обнаружено два основных подхода: «1) как к универсальной категории культуры, одному из путей управления обществом и государством: 2) как к практическому методу сохранения идеального состояния семьи...». Категория *хё* (*сяо*) в корейском трактате «Канон сыновней почтительности» изложен в двух «системах координат»: индивидуум – семья и индивидуум – государство³.

К «ключевым словам» относится понятие *чохва* – «гармония», «гармоничное сочетание», оно часто встречается в художественной литературе. Это понятие характеризует и главный символ Республики Корея – государственный флаг *тхэгыкки*⁴, где на белом фоне изображён красно-синий круг *тхэгык*, символизирующий гармонию взаимодействия светлого (положительного – мужского) начала *янъ* и тёмного (отрицательного – женского) начала *ым* в древнекитайской натурфилософии... Триграммы вокруг круга тоже означают гармонию противоположностей: небо и землю, огонь и воду. Флаг символизирует идеал корейской нации – гармонию со вселенной.

Согласно древней традиции, отношения между членами семьи регламентировались гармонией *янъ* и *ым*, где главенство мужского *янъ* не подвергалось сомнению. Поэтому главным условием гармоничных отношений в обществе и залогом счастливой жизни в семье считалось беспрекословное подчинение женщины мужчине. И тех, кто не соблюдает «родственную» иерархию, считают людьми невоспитанными, невежественными. Структурированность общества, характерная для Кореи, начинается с семейной иерархии, которая прослеживается и в лексике, и в грамматических формах.

Гуманитарные потребности населения Кореи базируются на этнических традициях и главных ценностях конфуцианской морали: сохранение структурированности в семье и обществе, уважение правопорядка, уважение власти, всегда следовать принципам «жить как все», где понятие «мы» важнее понятия «я». Этот принцип препятствует формированию индивидуализма и не способствует стремлению к самовыражению.

Одной из отличительных черт речевого поведения корейцев, проявляемого в повседневной жизни, является соблюдение особых

лексико-грамматических форм в зависимости от ситуации и социального статуса собеседников. Лингвисты РК⁵ считают, что такую речевую особенность следует рассматривать «в рамках» понятий, характеризующих социальные категории: авторитаризм и корпоративность в корейском обществе, что нашло отражение в известном изречении: *чанъ – йу – йу – со* («В отношениях старшего и младшего есть свой порядок»). И если кто-то из молодых допускает иные формы в разговоре со старшим, то может услышать в свой адрес: «Сколько тебе лет, юнец, что ты так нагло себя ведёшь?»⁶.

В отечественном корееведении в разных исследованиях подчёркивается, что первым проявлением этнического самосознания жителей Корейского полуострова было изобретение собственной письменности в XV в. Однако история её восприятия обществом и её становление общепризнанной письменностью весьма непростая. Можно по-разному трактовать и предисловие к историческому документу «*хунминчонъым*» («обучение народа правильным звукам»), составленный на старокитайском языке и переведённый недавно на современный корейский язык⁷. В нём можно прочесть следующее: «Язык нашей страны отличается от китайского, и его письменные знаки не подходят к нашему языку. Поэтому люди не хотят говорить по-китайски. И многие и не понимают смысл иероглифов. Я сочувствую им и создал 28 новых письменных знаков, чтобы люди могли их легко усвоить. Это было сделано для того, чтобы постепенно людям было удобно писать».

Учёные Центральной академии Корееведения РК в книге «Исследование корейской истории через мировое культурное наследие»⁸ излагают оригинальный взгляд на формирование языка и письменности. Они утверждают, что «В мире не существует примеров стран, которые бы создали свой официальный язык нации на основе уже существующей алфавитной системы. Не было даже случаев попыток создания объяснений к новоизданным буквам. В этом плане *Хунминчонъым* имеет большое историческое значение». Книга издана в 2006 г. в серии «Разработка и популяризация материалов о Корее для иностранцев». В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что лишь в последние годы XIX в. корейская письменность стала официальной национальной письменностью Кореи.

Несколько столетий корейская письменность называлась по-разному, например, «женской письменностью». Официальным

языком культуры оставался старокитайский язык. Всё это мешало формированию единого языка, и в повседневной речи корейцы использовали местные диалекты. Пробуждение общего сознания произошло в конце XIX в. под влиянием националистического движения *Тонъхак*.

22 июня 1894 г. был издан королевский указ⁹, в котором излагались преобразования и модернизация страны по образцу Западной Европы. За 7 месяцев было обнародовано 208 законов. В июне 1894 г. был издан указ об издании учебников на национальной письменности *кунмун* (государственное письмо). В том же году впервые в трёх письменных вариантах был опубликован религиозный текст храма Чонъмё с использованием национальной корейской письменности *кунмун*. Однако в тот период национальная письменность уступила «первенство» «смешанной» письменности. С апреля 1895 г. новые правила письма стали вводиться в школах. В начальной школе – национальная письменность *кунмун*, а в средних школах – иероглифическое письмо. Из трёх вариантов письменности «смешанное» корейско-китайское письмо просуществовало почти до конца XX в., оно было наиболее привычным для жителей старшего поколения Кореи.

В 1896 г. впервые на корейском языке стала выходить газета *«Тоннип синмун»*. Первомартовское движение 1919 г. явилось выражением национального духа всех слоёв населения Кореи. Можно предположить, что с этого события корейский язык приобрёл статус национального языка. Новый этап развития корейского языка начался после освобождения Кореи в 1945 г., а с 1948 г. он получил статус государственного языка. Постепенно росла его роль в обществе как важного субъекта национального самосознания и национальной культуры и политики.

Известно, что морально-культурная концепция государства опирается на историческое прошлое, а общество, народ любого государства – на опыт своих предков предыдущих эпох, сложившиеся традиции, духовные ценности и ритуалы. Особую роль при этом играет национальный язык, отношение граждан страны к своему языку, к национальным традициям.

Учёный-лингвист РК Ким Мин Су¹⁰, автор многих статей по истории корейского языка, считает, что отношение человека к языку зависит от значимости, полезности языка для тех, кто говорит на этом языке. Человека интересует лишь практическая ценность языка.

Поэтому, считает учёный, взгляды на корейский язык не изменялись на протяжении очень долгого времени. И хотя было опубликовано немало работ с использованием корейской письменности, они не способствовали пробуждению чувства национального сознания. До конца XIX в. в обществе не было особого стремления к использованию родного языка в процессе творческой деятельности.

Негативное влияние на роль корейского языка в обществе оказала насильственная ассимиляторская политика Японии¹¹, когда в Корею были закрыты все газеты на корейском языке – *«Чосон ильбо»*, *«Тонъа ильбо»*, разогнано *Чосоно хакхве* («Научное общество корейского языка»), были арестованы его руководители Ли Юнчжэ, Ли Гынно и др. Внедрялась японская религия Синто, в домах стали появляться «таблички японского духа Аматаэрасу». Всё это не могло не сказаться на собственной корейской культуре. Можно предположить, что некоторые понятия, японские слова насаждались в повседневную жизнь корейцев.

В конце XIX в. в печати стали появляться статьи о важной роли национального языка. Основоположник корейского языкознания Чу Си Гён¹² утверждал, что «Язык создаёт страну, а люди, говорящие на одном языке, лучше понимают друг друга, могут оказывать друг другу помощь. Постепенно, благодаря общему языку, люди образуют коллектив. А самый большой коллектив людей образует страну. И вот поэтому язык – самая могучая сила (*букв. пер.*: «глыба») в процессе формирования государства. Если язык развивается, (*букв.*: «поднимается»), то развивается и страна, а если язык утрачивает своё значение (*букв.*: «падает»), то и страна распадается. И такое может произойти в каждой стране.

В зависимости от специфических социально-исторических условий, особенностей местной культуры мораль может иметь и национальное отличие.

Принципы корейской национальной нравственности записываются каллиграфическим почерком, они запечатлены в серии «Изречения, которые управляют моей душой»¹³, или «Правила, которым я подчиняюсь». Такие изречения украшают стены квартир, напоминая взрослым и детям об образцовом поведении. Например: «Причиной всех преступлений является алчность, обида и глупость; всегда умей терпеть и всегда умей довольствоваться малым», «Если тебя влекут большие суммы денег, то становишься их рабом». Народная мудрость зафиксирована в пословицах и поговорках.

Принципы морали, нравственности, образцового поведения в Корее имеют социально всеобщее значение, фиксируя общее и основное, что составляет культуру межчеловеческих отношений, являясь частью многовекового опыта развитого общества.

В корейском журнале «Кореана»¹⁴ в рубрике «Корея в зеркале моей души» печатаются эссе о впечатлениях иностранцев о культуре Кореи, в том числе о «ключевых словах», характеризующих «корейский взгляд» на языковую картину мира. Например, к таким словам русский автор статьи относит слово *нунчи*, которое в толковом словаре трактуется как: «умение заглянуть в душу другого человека и понять его без всяких слов и объяснений». Корейский социолог Чхве Сок Ча¹⁵ называет свою культуру «культурой *нунчи*». Суть этой культуры заключается в необходимости правильно воспринимать атмосферу в коллективе и вести себя скромно и порядочно.

Необходимо подчеркнуть, что страны Северо-Восточной Азии и, естественно, Корея, входят в ареал даосско-буддийской конфуцианской культуры, поэтому в традиционной культуре этих стран много общих понятий, отличающихся от понятий стран Запада.

О трудностях переговорного процесса, в котором в том числе используется корейский язык, свидетельствует опыт шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР, где в 2005–2006 гг. имел место «лингвистический хаос».

Все совпадения и несовпадения в контактируемых языках необходимо рассматривать под углом зрения лингвокультурных особенностей, этнически обусловленного речевого поведения корейцев в разных ситуациях общения с иностранцами: в официально-деловой или неофициальной обстановке.

В современной науке о языке доказано, что между словом и реальностью нет прямой корреляции. В соотношении между ними участвует третий компонент – понятие. Лингвистическая триада: «слово – понятие – реальность» в межкультурной коммуникации имеет важное значение. Понятие может меняться, может означать предмет или явление, отсутствующее в другом языке. Одно и то же понятие у разных народов может обозначаться разными словами: часто это относится к топонимике: река Амур: по-корейски – *хыгёнгань*. Корейское слово *кхын абочжи* (буквальный перевод: большой отец) означает «старший брат отца», т.е. «дядя». Одно и то же слово может иметь по-

ложительную или отрицательную коннотацию: в КНДР – слово *садэ* означает «пресмыкательство», а в РК – «опора на сильного».

Зарубежные исследователи¹⁶ корейской культуры считают, что буддизм, пронизывающий жизнь корейского общества – это особый «корейский буддизм», конфуцианство, утвердившееся в эпоху правления династии Ли в качестве государственной религии, это особое корейское конфуцианство, а христианство, распространившееся на Корейском полуострове в XX в. благодаря американским миссионерам, с самого начала воспринималось местным населением как религия, признающая преемственность местных верований. В восприятии жителей Корейского полуострова христианство было совместимо с корейским традиционализмом, древними верованиями. Миссионеры сумели объяснить, что корейское высшее божество *ханьним*, чьё имя образовано от корейского слова *ханьиль* – «небо», является отцом Иисуса Христа. Исследователь пришёл к выводу: «... можно с определённой уверенностью сказать, что в образе жизни корейских христиан, и их образе мышления прослеживается глубокое влияние конфуцианства, шаманизма и даосизма, и несмотря на внешнюю вестернизацию, образ жизни корейцев по-прежнему традиционен»¹⁷.

Примечания

¹ Выготский Л.С. БСЭ. Изд. 3-е. 1971.

² Курбанов С.О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности в корейской трактовке». Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПбГУ, 2007.

³ Там же.

⁴ Тот тотхан хангугин (Кореец с чувством достоинства). (На корейском яз.). Сеул, 1991.

⁵ Ли Ик Сон, Ли Сан Ок, Чхэ Ван. Корейский язык. М., 2005.

⁶ Там же

⁷ См. хангуго – йонсу кёжже (Учебные материалы для обучения корейскому языку). Сеул, 1998. (На корейском яз.).

⁸ Исследование корейской истории через мировое культурное наследие. Сеул, 2006

⁹ См.: Ким Мин Су. Сахве сэнхвалквва минчжок ыйсик (Общественная жизнь и национальное сознание). На корейском яз. Сеул, 1993.

¹⁰ См.: работы Ким Мин Су. Сеул, 1985–1999 гг. На корейском яз.

¹¹ Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. СПбГУ, 2002.

¹² *Чу Си Гён*. Канъы кёчже че 11 хве хангуго кёвон йонсхве (Обучение преподавателей корейского языка): Материалы лекций. (На корейском яз.). Вып. 11. Сеул, 2007.

¹³ См.: Маымыл тасыринын кыл (Изречения, управляющие моей душой), на корейском яз.. Сеул, 1995.

¹⁴ *Кожемяко В.Н.* Корея в зеркале моей души // Журнал «Кореана». (На рус. яз.) Т. 3. № 1. Сеул, Весна 2007.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Mamoru Nakamura* (Stockholm, Sweden). The influence of Christianity on the mind of Korean and Japanese people // Вопросы Истории Кореи. Сборник статей. СПбГУ, 2004.

¹⁷ Там же.

Д. А. Самсонов*

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ПОДХОДАХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭТНОСА

Как известно, базовыми материалами для этнографии в целом являются полевые материалы. Современная отечественная этнография располагает прекрасным фондом полевых материалов по второй половине XIX – началу XX вв. На этих материалах базируются успехи отечественной этнографии. Дело в том, что они собирались по единой штатной полевой программе, в которую входили вопросы: от производственных занятий до верований и религии. Безусловно, данная программа сложилась не сразу, а к концу XIX в. путем набора практических тем она была отработана. Именно это и позволяло собирать сравнимые полевые материалы по многим этносам.

Фонд полевых материалов по второй половине XX в. и началу XXI в. крайне ограничен. Технический прогресс, техногенный фактор, урбанизация, средства массовой информации очень сильно изменили традиционные культуры. Абсолютно очевидно, что разработанная программа не соответствует реалиям XXI века. Соответственно возникает проблема сбора дополнительного полевого материала. Иногда высказывается мнение, что этнографии в поле сегодня уже не может быть. К данному утверждению вряд ли можно относиться серьёзно, ведь очевидно, что жизнь не останавливается. Необходимо учиться описывать и изучать современность. В конце XIX — начале XX вв., посещая ту или иную страну, собиратель сталкивался с «натуральной традиционной культурой». Это были дома и одежда, сделанные носителями культуры, реально функциониру-

* Кунсткамера, Санкт-Петербург.

ющие обряды. Одним словом, даже простая фиксация материала и простое приобретение тех или иных вещей представляли интерес, позволявший регистрировать их в музейном фонде. Совершенно ясно, что требуется выработка новых методов по сбору полевых материалов для описания этноса в современных условиях. При этом необходимо учитывать и то, например, что в ней должны быть отражены многие реалии и явления, которые не входили в тематику этнографии. Такой подход сложно создать сразу. Его необходимо собирать опытным путем. Одним словом, вопросам фиксации, отбора и приобретения материала по современности должно быть уделено серьезное внимание с различных точек зрения: с теоретической, музейно-методической, технической и др.¹

Тема поиска подхода занимает особое место в числе наиболее дискуссионных вопросов, обсуждаемых и разрабатываемых специалистами. Ещё одним доказательством тому является то, что на протяжении последних нескольких лет на проводимой ежегодно внутримузеевской конференции «Радловские чтения» функционирует круглый стол, посвященный проблемам сбора полевого этнографического материала и его музейной регистрации. В рамках круглого стола происходит обсуждение вопросов, связанных с разработкой программы по изучению именно современного состояния этноса (т.е. что же изучать в современном обществе), с методами непосредственной фиксации и документирования материала (т.е. пропорциональное сочетание материалов в аналоговой (записи, приобретение предметов), так и в цифровой формах) и, наконец, музейная регистрация полученной информации².

В связи с вышеизложенным интересно обратиться к опыту зарубежных коллег и познакомить отечественных исследователей-этнографов с тем, как ведётся музейно-методическая и исследовательская деятельность в Государственном музее этнографии (ГМЭ) Республики Корея в свете разработки подходов по описанию этноса в современных условиях.

ГМЭ — очень динамично развивающийся музей, где особое внимание уделяется музейно-выставочной деятельности. Кроме того, большая часть научной работа там направлена на изучение собственно корейской культуры и истории. Этими основными моментами во многом и определяется направление научной деятельности сотрудников. Ежегодно в его стенах готовится не один

десяток материалов разного рода (книги, видео-, аудиоматериалы и др.), рассказывающих о традиционных формах жизни. Эти работы рассчитаны как на специалистов в области этнографии Кореи, так и на просто интересующихся этой темой людей. Исходя из того, что основной задачей музейной работы является сбор, хранение и изучение предметов материальной культуры, при подготовке экспозиции и формирования фондов сотрудники ГМЭ, подбирая экспонаты в ходе полевых исследований, руководствуются принципом необходимости формирования культурного контекста, что должно способствовать лучшему пониманию культуры и места человека в ней. При этой работе применяются два подхода: «объектно-ориентированный сбор материала» и «концептуально-ориентированный всеохватный сбор материала». Под первым понимается подбор материала по тому или иному сравнительному признаку (региону, материалу) для того, чтобы проиллюстрировать тот или иной культурный контекст. Данный подбор материала выглядит вполне традиционным³.

Второй же подход вызывает наибольший интерес в рамках актуальных вопросов, изложенных в самом начале данного доклада. Под «концептуально-ориентированным всеохватным сбором материала» подразумевается не только сбор вещей, но и тотальная фото-, видео-, аудио-фиксация всевозможных вещей, пространств, окружающей действительности исследуемой области для фиксации культурного контекста.

Подобный подход уже не раз применялся сотрудниками музея в практической работе. Впервые данный принцип был использован вместе с японскими коллегами при реализации совместного проекта в канун проведения чемпионата мира по футболу 2002 г. В Токио проводилась выставка «Сеульский стиль», а в Сеуле «Наиближайший сосед Японии». Обе экспозиции рассказывали о современной жизни двух стран.

Представители Японского этнографического музея при создании выставки «Сеульский стиль-2002» применили такой способ описания и сбора материала, который назвали «экология бытовых ценностей». Основным принципом фиксации материала было детальное описание «семейного ландшафта». Были засняты, зарисованы и подробно описаны разные вещи из дома в районе Каннам. Кроме того, был проведен опрос некоторых жителей на различные темы⁴.

В 2006 г. ГМЭ издал несколько книг по материалам полевых работ, посвященных не столько выявлению традиционных компонентов в современной повседневной жизни, сколько описанию современного состояния быта по принципу «экологии бытовых ценностей», т.е. тотальной фиксации «культурного ландшафта».

Как уже отмечалось, именно аспект, связанный с разработкой программ, со способами фиксации материала, с музейной регистрацией предметов современности заслуживает особого внимания в контексте нашего изложения.

На состоявшейся в октябре 2006 г. научной конференции, посвященной проблемам корейской этнографии, этот вопрос был поднят в выступлениях. В частности отмечалось, что когда речь заходит о подборе материала для музея, оперируют понятием «обладающие фондовой ценностью». По закону 1962 г. существует особая система регистрации и фиксации культурных ценностей. Согласно этому закону, культурное наследие страны подразделяется на материальные, нематериальные, этнографические культурные ценности и памятные места. Под культурной ценностью подразумевается тот или иной природный или созданный руками человека объект, вобравший в себя государственное, национальное и мировое творческое наследие и обладающий особым историческим, научным, художественным значением. Именно такие ценности и материалы должны быть предметом изучения и собирания для обработки и хранения в музеях. С точки зрения ведения музейных дел соответствующие упомянутым выше критериям предметы называют «обладающими фондовой ценностью». Однако, не всегда точно можно сказать, подходит ли тот или иной предмет под это понятие. Конечно, когда речь идет об археологических находках или предметах средневекового искусства, вопросов с определением не возникает, но можно ли считать культурными ценностями массово производимые современные предметы повседневной жизни или же созданные современными авторами современные произведения искусства: картины, вазы, мебель и др.?

Тем самым специалисты демонстрирует важность проблемы изучения, фиксации и хранения предметов и материалов, которые не попадают в контекст корейской культуры относительно существующих предписаний, хотя реально они в ней существуют⁵.

С другой стороны, абсолютно очевидно, что предметы XX в. ещё слишком рано именовать национальным наследием, хотя некоторые

вещи, зарегистрированные как культурные ценности, когда-то тоже были обыкновенными атрибутами повседневной действительности. Поэтому исследователи озвучивают, казалось бы, банальную, но в контексте их рассуждений очень своевременную мысль о том, что этнография (т.е. совокупность форм бытования) – это не только прошлое, но и настоящее, и именно она выступает связующим звеном с будущим. Соответственно, одним из ведущих направлений исследований ГМЭ в ближайшие годы должно стать не только изучение предметов древности, но и постоянное ведение полевых исследований и коллекционирование предметов современности⁶.

Таким образом, исследователи не ставят под сомнение саму необходимость описания современной жизни и не задают вопрос, что изучать, они находятся в поисках метода изучения. Делается предположение о том, что сейчас, в условиях современного индустриального общества, когда приобретение повседневных вещей не составляет большого труда, важно не обретение и хранение вещей в фондах музеев, а наблюдение за способами их бытования в конкретной среде и периодическая фиксация изменений.

Например, предлагается начать сбор бытовых ценностей, которые с исторической точки зрения способны отобразить современность. Для этого можно с циклом в 5, 10, 15 и т. д. лет описывать, какие вещи, каким образом используются в конкретном доме конкретного города, посёлка, рыбацкой деревушки и только иногда приобретать их. Принцип фиксации по образцу «экологии бытовых ценностей» как раз и отражает эти идеи⁷.

Первым комплексным применением данной методики «экологии бытовых ценностей» стало издание в конце 2006 г. отчета этнографического исследования деревни Пангог, находящейся в провинции Чхунчхон нам-до⁸. Эта деревня была выбрана по причине начинающегося в этой местности строительства большого комплекса правительственных зданий, что, возможно, сильно повлияет на образ жизни местного населения. На смену деревенским домам придут многоэтажные коробки, а информация о повседневном быте жителей деревни может просто исчезнуть. Для того, чтобы избежать этой ситуации, сотрудниками ГМЭ было проведено соответствующее исследование.

Основную работу в этом направлении провел Отдел науки и искусства (ОНИ). В рамках своей деятельности он провел полевые

исследования, собирая материалы по традиционной культуре, быту, праздникам, ремёслам, обычаям, обрядам и т. д. Такое исследование осуществлялось посредством экспедиций. Как правило, продолжительность подобных экспедиций составляет два-три дня. Республика Корея – небольшая страна, имеющая очень развитую систему высокоскоростных автомагистралей, поэтому мобильное перемещение по стране не вызывает особых сложностей. В состав экспедиции обычно входят несколько специалистов в конкретной области исследования. Особое место уделяется фото- и видеофиксации материалов, поэтому помимо обязательных фотографа и оператора, все участники экспедиции по мере возможности ведут фото- и видеосъемку.

Данное издание этнографического отчета по деревне Пангог вышло в четырех томах, однако на данный момент из них доступны пока только два. В них приводятся тематические интервью хозяев дома, комментарии к некоторым вещам. В тексте сохранены особенности диалектной речи говорящих со всеми её шероховатостями и обаянием (с лексическими и грамматическими ошибками, обилием диалектизм, объяснение которых даётся в скобках)⁹.

Другой том — собрание фотографий, снятых в данной деревне. Он представляет собой фотографический альбом о жизни деревни Пангог. Книга состоит из двух частей. Первая — фотографии, снятые сотрудниками музея. Эта часть разделена на четыре главы: виды деревни, фотографии жителей деревни, ритуально-церемониальная жизнь деревни, трудовая жизнь. Вторая часть посвящена публикации семейных фотоальбомов отдельных жителей деревни, что также рассматривается авторами в качестве полезного этнографического материала, отражающего современное состояние этноса¹⁰.

В конце 2007 г. в качестве завершающего этапа работы по деревне Пангог был выпущен ещё один фотографический альбом с приложением на DVD под названием «Фотозал счастья»¹¹, а также документальный фильм о жителях деревни «Дорога в город счастья». Эти материалы как бы подводят итог всей двухлетней работе по сбору этнографического материала на тех территориях, которые вскоре будут подвергнуты развитию и, скорее всего, привычный образ жизни граждан кардинально изменится: они будут переселены на другую территорию.

Безусловно, данный проект во многом имеет не только научно-этнографический, но и политический подтекст: он призван показать,

как всё разумно устраивается, делается, и как правительство аккуратно подходит к вынужденному изменению образа жизни своих граждан. Вместе с тем, несмотря на возможность наличия разного рода подтекстов, в данном случае в этих публикациях нас интересуют исключительно научно-этнографическая часть, принцип фиксации материала.

Принцип «экологии бытовых ценностей» использовался и при издании материалов по острову Чечжудо. Этот проект проходил в рамках программы «2007 год — год традиционной культуры острова Чечжудо». Вместе с администрацией острова были изданы этнографические отчеты по двум деревням — аграрной и рыболовецкой. Третий том посвящен описанию «семейного ландшафта» одного из жителей деревни Токсу¹².

Исходя из вступительных статей к материалам, апробация подобных подходов будет предприниматься и в дальнейшем.

С точки зрения отечественной академической науки, данные публикации отчётов нельзя в полной мере назвать фундаментальными исследованиями. Скорее всего они подпадают под понятие «занимательное краеведение», сделанное на высоком качественном уровне, как полиграфическом, так и художественном. А как известно, художественно организованный материал иной раз способен более пронзительно и достоверно отразить те или иные особенности культуры, позволяя наблюдателю делать те или иные выводы самостоятельно.

На первый взгляд, подобный подход в фиксации материала может показаться чересчур упрощенным, но при детальном разборе видно, что систематизация фотоматериала — очень важная вещь. Ведь все фотографии объединены единым замыслом, общей идеей. Некогда разрозненные эпизоды, объединенные одной идеей, позволяют сформировать у читателя яркую картину происходящего. Ведь быт как раз и состоит из, казалось бы, незначительных мелочей, которые по прошествии времени часто утрачиваются, забываются, унося вместе с собой нюансы, оттенки культуры. Это можно назвать «принципом семейного альбома» в масштабах целой страны (что также можно назвать характерной для корейского общества общественно-семейноцентричностью). В данном контексте музей выступает в качестве фиксатора семейно-бытовых ценностей по заказу государства, что говорит о постоянном диалоге государства и

музейно-научной среды (подобный подход, в свою очередь, достоин подражания и внимания).

Таким образом, изучив это издания, мы можем весьма отчетливо представить, как живут люди в корейской деревне в конце XX – начале XXI вв. Некоторые из упомянутых выше практик фиксации материала по современному состоянию этноса возможны для применения и в отечественной этнографии.

Примечания

¹ Ушаков Н. В. Проблема современного полевого этнографического источника и вопросы его музейной регистрации // Радловские чтения-2006. СПб, 2006. С. 26.

² См.: Радловские чтения 2006, 2007, 2008.

³ Чхон Чинги. Панмульгван-ва мунчиль мунхва [Музеи и материальная культура] // Хангукминсокхакча тэхве 2006 [Материалы конференции этнографов Республики Корея 2006]. Сеул, 2006. С. 105. (кор. яз.).

⁴ Пангонли. Чоса погосо (Деревня Пангок. Исследовательский отчет). Сеул, 2006. С. 19 (на кор. яз.).

⁵ Чхон Чинги. Указ. соч. С. 107.

⁶ Там же. стр. 108

⁷ Там же.

⁸ Пангонли. Чоса погосо. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Пангонли. Ёнсанминсокчи (Деревня Пангок. Этнографические образы). Сеул, 2006. (на кор. яз)

¹¹ Хэнбок сачжинкван (Фотозал счастья). Сеул, 2007.

¹² Чечжуминсок чосапогосо. 3 квон. (1квон Токури минсокчи, 2 квон Хадори минсокчи, 3 квон Ким Совон-сси тэк сэнхвальчжэ чоса погосо) [Исследовательский отчет этнографии острова Чечжудо в 3-х томах (Т. 1. Деревня Токсури. Этнографические записи; Т. 2. Деревня Хадори. Этнографические записи; Т. 3. Бытовые ценности дома господина Ким Совона)]. Сеул, 2007.

А.А. Гурьева*

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСА К ТРАДИЦИОННОЙ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ В РК

В последнее время в корейском обществе наблюдается следующая тенденция: образование и эрудиция ассоциируются с владением иностранным языком и знаниями зарубежной культуры. Акцент в образовании делается на познании мировой культуры. Интеллигентного человека отличает знание большого количества известных зарубежных имен, в своей речи он оперирует заимствованными категориями, ссылается на труды зарубежных деятелей и примеры из их жизни. Он начитан в сфере иностранной литературы, знаком с западными музыкальными новинками. Ему известны достопримечательности стран мира, которые он посетил или стремится посетить. Это делает честь корейскому эрудиту, но нельзя не заметить, что часто среди таких обширных знаний не находится место элементарным представлениям о культуре родной страны.

Несомненно, большинство корейцев гордится своей принадлежностью к корейской нации и своей культурой в целом. Однако, как показывает действительность, это не мешает, в частности проявлять минимум интереса к этой культуре. Знания о родной культуре часто крайне поверхностны и сводятся к набору символов: *ариран*, *хангыль*, *кобуксон*, тонкая эмоциональность народа: категории *чон* и *хан*, основные имена, природные достопримечательности и другие понятия и названия, ассоциирующихся с Кореей. То, насколько мало знают о родной культуре корейцы, не изучавшие ее профессионально в силу своей специальности, порой удивляет даже иностранцев, начинающих знакомиться с Кореей.

* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

В России понятие «родная литература» ассоциируется с плеядой имен: Пушкин, Достоевский, Лермонтов, Тютчев, Толстой, Гоголь и многие, многие другие любимые авторы, жившие более века назад, к которым российский читатель возвращается в разные периоды на протяжении всей своей жизни. Эти авторы общаются со своим читателем на понятном ему языке, которым читатель пользуется и сегодня в своей повседневной жизни. В Корее же «родная литература» – это в первую очередь произведения первой половины XX века, так называемая «*кындэ мунхак*», обладающая неповторимым корейским колоритом, но при этом написанная под влиянием незадолго до этого открывшейся корейцам западной литературы. Начало XX века – это водораздел, за которым остается мир традиционной корейской литературы, язык которой сложен, практически непонятен для современного корейца. Чтение традиционного произведения – это труд, сложность языка не позволяет полностью ощутить его красоту, скрадывает эстетическое удовольствие от чтения. Аналогичным образом, не проста для восприятия символика традиционной скульптуры, а также архитектура. Сложна музыка и наложенные на нее слова, и, следовательно, традиционная песня и движения исполняемого под аккомпанемент этой музыки танца. Сложен ритуал. Без понимания символики и языка восприятие традиций поверхностно, и она уже воспринимается как достояние прошлого, меркнувшее на фоне современных, не застывших в рамках прошлого жестких форм.

Корейцы ориентированы на то, что актуально сегодня: знание иностранных языков, высокий профессионализм в узкой сфере и, опять же, знание иностранной, в первую очередь современной культуры. И это особенно характеризует молодое поколение.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что интерес к традиционной культуре в современном корейском обществе необходимо поддерживать, и на это требуется направлять особые усилия. Существуют различные методы ознакомления молодого поколения с традиционной культурой. К ним относятся:

1). Организованные экскурсии; 2). Тематические фестивали; 3). Конкурсные мероприятия; 4). Телевизионные программы (сериалы, шоу); 5). Литература (комментированные издания, иллюстративный материал); 6). Музыка (с применением экспериментальных методов).

Организованные экскурсии

Одним из способов ознакомления корейцев с родной культурой служат организованные экскурсии. Как уже отмечалось выше, основные знания о родной культуре корейцы приобретают преимущественно в школе. Так, выездные экскурсии являются обязательным элементом воспитания школьников, однако не входят в обязательную школьную программу. Как правило, экскурсия заключается в посещении того или иного исторического объекта или музея. Спецификой корейских организованных экскурсий является то, что до экскурсии учащиеся получают те или иные задания, которые необходимо выполнить как отчет после экскурсии (ответ на конкретные вопросы, поиск определенной информации). Эти задания помогают приобрести новые знания и закрепить их. Учащиеся берут с собой блокноты для записей, так что во время экскурсии копируют сведения с информационных щитов и конспектируют рассказ экскурсовода. Многие музеи учитывают вкусы молодых посетителей. Экспозиции часто снабжены инсталляциями, ориентированными на детей. При этом в экскурсиях принимают участие не только учащиеся. Экскурсии – это часть досуга многочисленных кружков, клубов и ассоциаций различного профиля. В частности, организуются совместные экскурсии детей и родителей в рамках мероприятий, объединенных программой «*пумо кёюк*» – «образование для родителей». Насколько известно, для таких экскурсий подробно разрабатываются маршруты, по итогам экскурсии порой составляется письменные отчеты.

Тематические фестивали

Для привлечения посетителей многие музеи и организации устраивают мероприятия, способные собрать большое количество людей одновременно. К таким мероприятиям относятся, в частности тематические фестивали. В качестве примера можно назвать фестиваль, посвященный специфической и мало востребованной современным обществом теме – книгопечатанию. Это фестиваль, проводимый Музеем старинного книгопечатания в г. Чхонджу (пров. Сев. Чхунчхон).

Музей был открыт в 1992 г. на участке, где некогда располагался буддийский монастырь Хындокса, в котором книга была впервые отпечатана с использованием металлического подвижного

шрифта. Тот факт, что в Корее такой шрифт был применен раньше, чем в Европе, служит предметом гордости образованных корейцев. Примечательно, что местонахождение монастыря Хындокса было обнаружено случайно при подготовке площадки для строительства жилого квартала. Впоследствии сведения о первом отпечатанном подвижном шрифтом памятнике – буддийском произведении «Чик чи»¹ – легли в основу развернутой экспозиции об истории книгопечатания в мире.

Музей – источник информации для тех, кто интересуется корейской старой книгой или историей книгопечатания. Однако он лежит вне туристических маршрутов, не считается особой достопримечательностью и малоизвестен в стране. Фестиваль призван привлечь внимание на значимость музея, его коллекции и его тематики. Программа мероприятий фестиваля в первую очередь ориентирована на школьников, однако способна заинтересовать и взрослых. Для школьников предусмотрена интерактивная экскурсия по экспозиции музея. Надо сказать, что экспозиция организована таким способом, что восприятие информации максимально упрощено. К примеру, о процессе книгопечатания рассказывают движущиеся фигуры, изображающие участников процесса, которые начинают говорить, как только приближаются посетители. Отпечатанная специально для фестиваля брошюрка также содержит информацию по экспозиции, представленную преимущественно на богато иллюстрированном материале. Кроме того, в комиксах кратко рассказывается история книгопечатания в мире, фотографии с комментариями обучают процессу изготовления знаменитой корейской бумаги. Особое место в брошюре, занимает первый отпечатанный подвижным шрифтом памятник «Чик чи». Брошюра содержит также пустые поля, в которые предлагается вписывать дополнительную информацию или свои впечатления об экскурсии. К брошюрке прилагается диск с наглядной информацией, частично дублирующей ее содержание.

Однако кульминацией фестиваля являются мастер-классы под открытым небом. Эта часть праздника наиболее интересна для взрослых посетителей музея. В частности, наглядно продемонстрированы все этапы изготовления бумаги. Отдельно представлен исходный материал: кора бумажной шелковицы, затем кора, уже замоченная в воде (с целью отделения луба, который служит основой для производства бумаги) и полученная в результате замачивания

взвесь. Любой желающий может сам собственными руками изготовить лист бумаги: набрать взвесь на специальную решетку, выровнять так, чтобы получилась форма листа, перенести на поверхность ткани и высушить ее на специальном аппарате. Отдельно можно ознакомиться с процессом окрашивания обложки в характерный желтый цвет. Прямо на асфальте дети занимаются собиранием объемной картинки puzzle на тему фестиваля. Можно отметить популярность мероприятия. Даже в последний день желающих принять участие в мастер-классе по изготовлению бумаги было все еще много, и они стояли в очереди.

Конкурсные мероприятия

Еще одним способом привлечения большого числа посетителей являются конкурсные мероприятия. К этой форме прибегают, в частности и в учреждениях, занимающихся сохранением и популяризацией традиционной культуры. В качестве примера можно назвать ежегодный конкурс, проводимом в Институте литературы *Каса (Каса Мунхак-кван)*, пров. Южная Чолла.

Институт открылся в 2000 г. с целью сохранения, изучения и популяризации наследия литературы, именуемой *каса*. Он находится в живописном месте, в районе, связанном с именами многих прославленных поэтов. Выставочные залы института предлагают вниманию посетителей образцы старинных текстов, изображения мест, имеющих отношение к текстам *каса*, предметы быта, которыми пользовались литераторы. Всего в фондах института хранится около 200 экспонатов, свыше 500 досок, с которых печатались собрания поэтических текстов, а библиотека насчитывает около 4500 изданий собраний тестов и исследовательской литературы. Ежегодные научные конференции собирают в стенах института специалистов по корейской литературе. Материалы конференций публикуются и распространяются наряду с другими публикуемыми с популяризаторскими целями красочными изданиями о стихотворениях *каса* и их авторах.

Для привлечения посетителей институт проводит конкурсы стихотворений *Сичжо* и *Каса*. Оценивается манера и эмоциональность прочтения, впечатление, произведенное на публику. Победители награждаются премиями. Обычно конкурсный день делится на две части. В первой половине дня состязаются школьники, во второй –

взрослые. Помимо конкурса организуется культурная и концертная программа. Концерт сочетает традиционное и новое. Так, в 2006 г. в начале конкурса перед зрителями выступил буддийский монах, исполнивший несколько мелодий на флейте *тансо*, а перед церемонией вручения призов публику развлекал исполнитель современной музыки.

Сам конкурс собирает людей, не связанных с его темой профессионально. Об этом свидетельствует, в частности тот факт, что многие участники декламируют тексты в переводе на современный язык или, по крайней мере, адаптированные тексты, что затрудняет запоминание стихотворения и чтение наизусть, так как утрачивается характерный ритм текста. Усилия конкурсантов во многом направлены на произведение внешнего эффекта: многие облачаются в традиционный наряд, используют веер и трость, активно жестикулируют.

Пока участников конкурса нельзя назвать многочисленными или отнести к молодежи. Так, в 2006 г. количество конкурсантов не превысило 50 человек, а средний возраст взрослых участников мероприятия составил 35–40 лет. Однако такой результат уже можно рассматривать как достижение. Ведь сегодня и в данной возрастной категории немного поклонников соответствующей литературы. К тому же в зале присутствовало несколько сотен зрителей, среди которых было немало молодых, которые, возможно, примут участие в конкурсе в следующий раз или будут проявлять больший интерес к текстам *каса* и *сичжо*.

Телевизионные программы

Традиционная культура занимает на корейском телевидении определенную сегмент, в частности в таком востребованном публикой формате, как сериал. Время от времени на экраны выходят сериалы, действие которых происходит в минувшие века. Исторические лица предстают перед зрителем в облике любимых актеров, что способствует успеху показа. Так, в свое время популярность завоевал телесериал, основанный на сюжете мифа об основателе государства Когурё Чумоне. Создание сериала ложится в один ряд с другими мероприятиями, связанными с актуальной проблемой территориальной принадлежности Когурё. Примечательно, что показ сериала совпал по времени с открытием в Сеульском историческом музее выставки, посвященной когурёским настенным изображениям.

Посетителей выставки встречала огромная фотография сериального Чумона, а также других героев сериала.

Голубой экран знакомит зрителя с родной культурой также и посредством художественного фильма. К примеру, работы режиссера Им Гвон Тхэка, сделавшего традиционную культуру одной из главных тем своего творчества, нашли своего зрителя и являются достаточно известными.

Литература

Корейская традиционная литература, безусловно, и сегодня находит своего читателя. Однако круг читателей ограничивается специалистами, для которых она является объектом профессионального изучения. В адаптированном виде, на уровне изложения сюжета, произведения издаются в формате детской литературы и ориентированы на соответствующую возрастную аудиторию. Знакомство с традиционной литературой своей страны у большинства корейцев среднего возраста происходит на занятиях в школе. При этом мотивация в изучении традиционной литературы в школе крайне низка. По отзывам самих корейцев, в школьном возрасте соответствующий предмет казался им сложным и обременительным, а теперь воспринимается как малополезный. Приобретенные в ходе изучения предмета знания скудны, и они не находят применения в практической жизни. Для души или для развития кругозора корейцы избирают произведения современных авторов или зарубежную литературу. Предметом гордости большинства корейцев является литература XX века. Она легко читается, ее проблематика понятна, герои близки.

В этой ситуации большую роль играют усилия ученых-филологов по ознакомлению широкой читательской публики с корейской традиционной литературой. В Корее существует два основных вида традиционной литературы: литература на родном языке и литература на *ханмуне*. И в обоих случаях есть ученые, занимающиеся не только исследованиями, но и работающие на ниве популяризации. Можно привести следующие примеры.

Профессор Хо Гён Чжин, преподаватель университета Ёнсе, известен в Корее как ведущий специалист по корейским памятникам на *ханмуне*. Одним из важнейших направлений своей деятельности профессор считает перевод на современный корейский язык и комментирование произведений традиционной литературы. По его

мнению: «Нельзя, чтобы произведения на *ханмуне* оставались только в кабинетах исследователя или сборниках научных статей, они должны стать достоянием широкого круга читателей»². Большое значение имело издание 40-томной серии переводов стихотворений на *ханмуне*, в число которых вошли образцы творчества поэтов эпохи Корё и эпохи Чосон, 10 томов изданий прозы на *ханмуне*, в числе которых «Самгук юса», «Проза Пак Чи Вона» и т.д. Переводы сопровождаются комментариями. Популяризаторская деятельность профессора Хо Гён Чжина включает в себя также написание книг, превращающих знакомство с прошлыми веками в занимательное чтение. Так, в 2006 г. он выпустил книгу («Жизнь аристократа») – история жизни одной семьи³, написанная на основе материалов, хранящихся в доме, где жила эта семья, в котором ныне устроен музей. Фотоиллюстрации позволяют увидеть сам дом и подробно ознакомиться с его экспозицией, а текст Хо Гён Чжина вписывает каждый экспонат в историю реально живших героев. К популяризаторским работам можно отнести и перевод книги под названием «Что я видел на западе», которая богато иллюстрирована фотографиями и рисунками. Она открыла корейцам начала XX в. неведомый до того мир запада. Этот мир увиден глазами корейца и описан для корейцев.

Что касается литературы на корейском языке, она, по большей части переведена и откомментирована. Однако соответствующие издания востребованы преимущественно представителями интеллигенции или студентами, изучающими литературу. Простой кореец не знаком с именами авторов подобных произведений и не стремится что-либо узнать о них.

На ниве популяризации литературы на родном языке трудятся несколько ученых. Об их деятельности можно рассказать на примере профессора университета «Сонгюнган» Сон Му Гена, автора большого количества научных статей и монографий по широкому кругу вопросов, связанных с корейской литературой, коллекционера старых изданий и, вместе с тем, популяризатора. В частности, Сон Му Ген несколько лет проработал в Государственном центре искусств как приглашенный специалист, описывал имеющиеся в библиотеке Центра памятники и другие материалы по музыке, но имеющие отношение к литературе. Последние несколько лет Сон Му Ген работает для широкого круга читателей. Его научный проект предполагает издание или переиздание крупнейших антологий

корейской поэзии, вобравших в себя образцы текстов эпохи Чосон. Издания отличают простой язык, доступный для любого читателя, комментариев и богатый иллюстративный материал. Иллюстрации помогают сделать мир корейской традиционной поэзии более близким и понятным читателю.

Музыка

Корейская традиционная музыка относится к наиболее востребованному корейцами виду традиционного искусства. Это высказывание относится прежде всего к народной музыке, в первую очередь к тем, которые именуются *самуль нори*. В школах и вузах популярностью пользуются кружки, где обучают игре на традиционных инструментах. Ансамбли *самуль нори* участвуют во многих мероприятиях, не связанных с музыкой. Корейцы, особенно относящиеся к молодому поколению, ценят и другие виды традиционной музыки и хорошо разбираются в ней. Это касается даже национальной гордости корейцев – пения *пхансори*, спад интереса к которому наблюдался еще несколько десятилетий назад, когда на экраны вышел известный фильм Им Кво Тхэка «Сопхёнчже».

Сохранением и изучением музыкального наследия занимаются, в частности в Государственном институте корейской музыки Государственном центре искусств. Регулярные концерты привлекают преимущественно специалистов или будущих специалистов в данной сфере, а также любителей, в основном, старшего поколения или иностранцев. Это можно сказать и о вокальных жанрах. В связи с этим особый интерес представляет деятельность одного из редких исполнителей песен *сичжо* и *каса* Мун Хена. Как уже отмечалось, литература *сичжо* и *каса* не относится к числу популярных сегодня. Между тем их исполнение требует особого мастерства, приобретаемого с годами. Традиция исполнения передается от учителя к ученику. Сегодня хранителем этого вида творчества считается Ли Ян Кё, признанный «живым национальным достоянием» Кореи.

Мун Хен, придя в музыку, поставил своей целью не только освоение навыков, но и популяризацию любимых музыкальных жанров. Он получил профессиональное музыкальное образование и стал первым человеком в Корее, защитившим кандидатскую диссертацию по теме *сичжо* как музыкальному жанру. В 2004 г. он издал две книги о *сичжо* и исполнителях этого жанра. Последние несколько

лет Мун Хен, исполняя произведения преимущественно в традиционной манере, экспериментирует с темпом, разнообразит аккомпанемент, фантазирует с аранжировкой. Каждый музыкальный номер в его обработке – это по-новому воспринятая и переданная отдельная история. Мун Хен сотрудничает с современными корейскими композиторами и исполнителями, которые аккомпанируют ему на фортепиано и других музыкальных инструментах, ассоциирующихся с западной традицией. Один из ярких проектов – выпуск альбома «Сичжо идет по городу» – попытка увидеть *сичжо* актуальными сегодня и исполнить их в соответствии с этим видением. Творчество Мун Хена стало открытием для корейской молодежи, он интересен публике и как исполнитель, и как творческая личность. Через него публика заново знакомится с жанрами, которые казались давно ушедшими в прошлое.

Выше рассмотрены несколько способов привлечения интереса к традиционной культуре в сегодняшнем корейском обществе. В заключение можно отметить такие особенности вышеназванных методов, как иллюстративность, наглядность и интерактивность. Информация предлагается таким образом, что ее восприятие требует минимальных усилий. Это может быть связано с особенностями потребительского общества, нацеленного на легкое приобретение. При этом названные способы, в большинстве своем, дают общее представление и знакомят с основными именами и названиями в той или иной сфере.

Примечания

¹ Примерный перевод сокращенного названия: «Прямо указующий».

² Цит. по: Косан. Юн Сондо. Сигвон / Сост. Хо Гён Чжин. Сборник стихотворений Косана (Юн Сондо). Сеул, 1996.

³ Со Дэ Мон и Хо Ён Чжэ.

Л.Б. Хван*

КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ГУМАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Издавна человечество создает идеальный образ человека, наделенного признаками личного совершенства. Средством воспитания образованной, активной личности, способствующей процветанию наук и искусства, обладающей воспитанностью, чувством долга и гражданской ответственностью, была и остается культура.

Определяющая роль культуры обусловлена широтой ее сущностной основы, связанной с основополагающими для человеческого существования ценностями материальной и духовной жизни, социального бытия, что и предопределило множество понятий этого термина. Древние греки расценивали культуру, как «вторую природу». Слово «культура» ученые связывают с понятиями «возделывание», «обработка», «тайный», и под культурой понимают совокупность материальных, литературных духовных ценностей, созданных человеческим обществом, «культ предков, почитание могил и памятников, связь сыновей с отцами»¹.

Автору ближе то понимание культуры, которое, по словам Николая Рериха, есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблемы человечества. Которое есть красота во всем ее творческом величии и утверждение добра – во всей его действительности.

Расширяя буквальное понимание культуры как деятельности, направленной на изменение природы и человека до осмысленно-

* Каракалпакский госниверситет им. Бердаха, г. Нукус, Узбекистан.

го итога всех достижений человечества в духовной и материальной сферах, следует принимать за данность многообразие этого понятия, наделенного региональными, национальными и этническими различиями. Сосуществование культур, их диалог, различные формы взаимодействия известны с древнейших времен. Современность, характеризуемая нарастанием в глобальном и региональном измерениях угроз усиления международного терроризма, религиозного экстремизма, внутри- и межэтнических противостояний, нацистских, сепаратистских тенденций, создания однополярного мира – не исключение. Можно, конечно, утверждать, что на роль культуры это никоим образом не влияет и ее значимости не умаляет. И согласиться, что в разные исторические эпохи общество иерархизировало универсальные человеческие ценности: у древних мыслителей на первом месте было Добро, в Новое время – Истина, в эпоху Достоевского – Красота, ныне – Свобода.

С другой стороны, ценность свободы, ради утверждения которой человечество пожертвовало ценностью жизни миллионов людей, вдруг оказывается не благом, а жестоким испытанием. Вместо гармонии она принесла социальное противостояние. Вместо общественного единения – человеческую разобщенность. Развал Советского Союза дал нам свободу. Но колется шопэнгауэровское «Свободен ли тот, кто свободен?». И стучится в сознание бессмертный Гете: «Свободен только первый шаг, но мы – рабы другого». Более того, во многих культурах свобода вообще не воспринимается как ценность. Люди, освободившиеся от тоталитаризма, бегут от множества обрушившихся – неведомых дотолем – проблем и не воспринимают свободу как благо.

Как быть? Существуют ли вечные ценности? Разумеется. В своем единстве и значимости – это святость жизни, достоинство свободы, величие любви, лучезарность истины, свет красоты, истоки добра, в которых испокон веков воплощались идеалы человечества.

Но исторически предопределено, что те или иные ценности в определенные периоды развития актуализируются, либо теряют свои позиции. Непременной ценностью остается необходимость осмысления *единства человеческого рода*. Ничто не вечно под луной, нет святых, почитаемых во все времена. Но есть ценность, применимая для всех времен и народов. Во всех мировых религиях она выражена заповедью о любви к ближнему, как к самому себе. Эта

ценность сопрящает человека к другому, укрепляет между людьми вселенскую близость, основанную на единой принадлежности к человеческому роду.

Общечеловеческие ценности предполагают сохранение совокупного духовного опыта и отражают достояние всего человеческого рода. Было бы ошибочным считать общечеловеческие достижения как исключительные приобретения западного мира. Пора осознать, что восточный мир, к которому автор причисляет и Россию, и Корею, внес в сокровищницу человечества свои неоспоримые ценности. Это идеи ненасилия, всепрощения, добродетельности, развития телесных и духовных сил человека. Бесспорно, основой культурно-исторического процесса являются этносы – определенные народы с их своеобразной и неповторимой культурой. Однако у всех без исключения культур не может не быть общих признаков, обусловленных единством ценностей.

В этой связи, сквозь призму типологических и тематических особенностей русской и корейской литературы, представляется возможным рассмотрение культуры как средства гуманизации социальных отношений, этнической и межэтнической консолидации. Ведь культура, по словам М. Пиотровского, – это лучший коммутиатор между цивилизациями. И это понятно, поскольку «истинная культура, как и истинная религия, – космополитична»². Она живет вселенским духом, определяющим бытие миром, в едином мировом согражданстве, являющимся тривиальным условием всеобщего выживания. Одной из сущностных основ культуры является литература, которая играет исключительно важную роль в гуманизации социальных отношений, в этническом и межэтническом сближении, культурном становлении личности.

В нынешних условиях открытости СНГ всему миру, расширения формата взаимодействия и взаимовлияния литератур, открытия новых художественных миров можно говорить о влиянии каждой отдельно взятой литературы на мировые этносы. Важно при этом, как писал Гете, избавиться от предвзятых оценок, от возвышения какой-либо литературы до образца. «При полном признании иноземного нам негоже застревать на чем-нибудь выдающемся и почитать его за образец. Негоже думать, – писал он, что образец – китайская литература, или сербская, или Кальдерон, или Нибелунги»³. От предвзятых оценок предостерегал В.Г.Белинский, справедливо считая, что ис-

тинные ценности обусловлены не тем, что они европейские или же азиатские, а от наличия в них человеческого. «Пора, – подчеркивал он, – перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергнуть с такой же энергией, как и все азиатское, в чем нет человеческого»⁴. Между тем, современный европоцентризм, исходя «из концепции мира» полагает, что «Запад с его историческим укладом, политикой, религией, культурой, искусством представляет собой единственную и безоговорочную ценность, противостоящую “неправильности” и “неразвитости” восточного мира»⁵.

Бесспорно, что стремление Запада к планетарному верховенству напрямую связано с его стремлением к однополярному миру, противоречащему демократическим принципам равноправия и свобод всех стран и народов. В наше время, с открытием «всех концов света», мир переживает мощный пассионарный толчок, связанный с появлением новых культурных ареалов, расширением формата международного диалога, весьма актуальной представляется идея равноправия Запада и Востока, родственной близости всех наций и народов, поэтически выраженная Олжасом Сулейменовым:

Нет Востока
И Запада нет.
Нет у неба конца,
Нет Востока
И Запада нет.
Два сына есть у отца,
Нет Востока
И Запада нет.
Есть Восток и Запад,
Есть большое слово –
Земля⁶.

В свете интенсификации межкультурных взаимодействий, возрождения субкультурного этнического многообразия на всем постсоветском пространстве первостепенной задачей является определение круга произведений, позволяющих постигнуть типологическое родство между разными литературами, осмыслить в контексте сегодняшнего времени национальные и общемировые литератур-

ные тенденции, гуманизировать социальные отношения, сближать разные нации и народы.

В плане сказанного немаловажное значение, наряду с другими инонациональными литературами, приобретает корейская литература, в частности поэзия XX века.

Своеобразие корейской поэзии выразилось в основных ее лейтмотивах. Поскольку такие из них, как: поработанная Родина, любовь к Отечеству, тоска и одиночество получили довольно широкое отражение в современной науке, то мы попытаемся рассмотреть недостаточно исследованные мотивы, наиболее актуальные в настоящее время. В их числе – мотивы великодушия и всепрощения. Их непреходящая ценность обусловлена великой объединяющей силой, ибо великодушие, по словам Ф.М.Достоевского, «роднит самые разнообразные души и порождает самую твердую связь»⁷.

Благодаря великодушию, всепрощению угасает вражда, сглаживается негативное отношение многочисленных народов к немцам, корейцев к японцам, китайцам, французов к англичанам, обусловленное исторической памятью об ужасах фашизма, интервенции, агрессии и т.д. Великодушие является мерилем мудрости и добродетельности.

Так, народные потрясения, человеческие злодеяния и преступления не порождают у героя Ли Хо У чувства ненависти и озлобленности. Мученическая жизнь не ожесточила, не сломила силу его духа. Он призывает людей жить без вражды и слез, как живут цветы:

Не смотри же слезливыми глазами
На этой скупой, бесчеловечной улице,
Где ненависть сильнее любви.
Попробуем жить как цветы,
Ах, попробуем жить...
«Ветреная пустыня»

Тот же мотив в стихотворении «Лунный свет»:

Грязь и ненависть в сердце исчезли.
Осталась Любовь.
В едином дыхании чистом сливается мир.

Незыблемое великодушие героя показано в стихотворении «Никогда» Син Дон Ена. Рефрен «никогда» обретает смысл нравственной мотивации:

Никогда
Муки ненависти не испытывал.
Никогда.

Великодушие, сострадание, добродетельность – основа духовных предписаний мировых религий. Этим во многом обусловлен интерес писателей, поэтов к религиозной теме в искусстве, литературе. В сокровищнице мировой литературы имеются уникальные произведения, позволяющие осмыслить сущностные гуманистические основы религии, выражающие общечеловеческие идеалы добра и милосердия, обуславливающие духовную общность представителей самых различных религий, воспитывающие в каждой личности уважительное отношение к иноверцам.

В русской литературе в их число входят произведения А.С.Пушкина «Подражания Корану», М.Цветаевой «Молитва», «В раю», «День Благовещения», М. Волошина «Руанский Собор», «Римская Богоматерь», И.Шмелева «Лето господне», М.Булгакова «Мастер и Маргарита» и мн. др. В корейской литературе – поэтические произведения Ким Со Воля «Студеным вечером», Ю Чжи Хвана «Книга жизни», Юн Дон Чжу «Крест», Сон Кана (Чон Чхоля) «Два каменных Будды». Одной из особенностей произведений религиозной тематики является выражение идеи о том, что религия есть неотъемлемая часть социального бытия и духовной жизни народа. Это видно из стихотворения Ким Со Воля «Студеным вечером»:

Бледная луна над забором
Давным-давно уже упавшим почти
И уставшим охранять храм села
Где в скалах воронов пара ширяет крыльями

Или стихотворение «Два каменных Будды» Сон Кана (Чон Чхоля):

Два каменных Будды
Налево стоят у дороги.
Их ветер овеивает,
Их хлещут дожди и метели.
Завидуй! Не знают
Они человеческих разлук.

Каменное изваяние божества воспринимаются как часть социальной жизни героя. Они соотносены с ощущением печали и осознанности тяжести разлук.

Стихотворение Ю Дон Чжу «Крест», свидетельствует о том, что религия является духовным сосредоточием жизни общества. Впечатление героя от увиденного солнечного блика на кресте, венчающем верхушку церкви, вызывают у него раздумья о высоте религиозного духа:

То солнечный луч, бежавший вослед, сейчас висит на кресте,
На самой верхушке церкви.
Возможно ли взобраться так высоко, почти до самого шпиля,
Откуда не слышно совсем колокольного звона?

Благодатный потенциал нравственной мотивации содержится в стихотворениях Ю Чжи Хвана «Петух в Иерусалиме», «Книга жизни», в которых раскрывается духовная сила религии. Так, в стихотворении «Книга жизни» образ Аллаха воссоздан как образ добродетеля, врачевателя людских душ, к которому обращаются страждущие:

Мои знания не подвергались злу сомнения.
Мое существование также не обременено
Ни любовью, ни ненавистью,
Когда жизнь, как заболевшее дерево,
Окажется в затруднительном положении.
Я уйду в далекую, далекую Аравийскую пустыню,
Там все гибнет в песках,
В пустоте и печали вечной жизни.
Лишь только дух Аллаха
Страдает и бродит каждую ночь
В горячих песках.

Стихотворение Ю.Чжи-Хвана «Тайна жизни» рождает ассоциации, близкие произведению А.С.Пушкина «Подражания Корану». В нем проявилось трепетное отношение поэта к религиозным ценностям. Известно, что божественное начало Пушкин связывал со свободой, «самостоянием человека, величиим его», с миссией поэта пробуждать в людях добрые чувства. Такое отношение к Богу помогло поэту уловить сходство ислама с христианскими заповедями, проповедующими чистоту помыслов, милосердие, сочувствие к обездоленным, неприятие лжи. Это и определило нравственную позицию поэта. Будучи русским человеком, он проявляет высочайшую почтительность к иной вере:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуи.
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуи.
Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром в знойный день.
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

И Пушкин, и Ю Чжи Хван показали пророка творцом всего доброго и поборником справедливости:

И все пред богом притекут,
И нечестивые падут.

Выбор А.С.Пушкиным и Ю Чже Хваном в качестве героя образа пророка иноверцев, выражение любви к нему говорит о гуманистической сущности, которой претит внешнее благонравие, «торговля совестью», но важна истинная добродетель. Удивительным образом сказанное подтверждает стихотворение Н. Гумилева «Возвращение»⁸. Как тонки и поэтичны строки поэта, никогда в жизни не бывавшего в Китае:

На белом пригорке, над полем чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге тайном,
И было сладко, как никогда.
Так тихо, так тихо над миром дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном, о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

Воистину – важен не эффект присутствия, а ощущение светлости от общения с божественным.

В разрешении вопросов, связанных с гуманизацией социальных отношений, с этнической и межэтнической консолидацией, неопределимое значение имеет отражение в корейской поэзии XX в. мотива трагической разъединенности людей, обусловленного продолжающимся с эпохи холодной войны национальным противостоянием, болью, страданиями разделенного народа. Порожденные этим эмоциональные размышления связаны с раскрытием пагубности национального противоборства, необходимости воссоединения народа.

Отсюда мотив разъединенности людей в корейской поэзии тесно переплетается с мотивом сближения и объединения наций.

Социально-гуманитарные, духовные аспекты, утеря общности национальных интересов, единого национального духа, дискретность, продолжающаяся обособленность, закрытость Севера, создают серьезные сложности на пути объединения полуострова. Периодические встречи соплеменников, призванные свидетельствовать о потеплении отношений между Севером и Югом, по сути своей обнажают великую скорбь отцов и детей, муки и страдания народа, лишённого свободы прав перемещения, воссоединения с родными и близкими, этнического и межэтнического общения.

Для человека - национальность
И не заслуга, и не вина.
Если в стране утверждают иначе,
Значит, несчастная эта страна.

Какой же несчастной в контексте стихотворения Роберта Рождественского, размышляющего о национальной толерантности, должна быть страна, испытывающая глубокие мононациональные противоречия?

Полярность духовного сознания и мировоззрения единого народа во многом усугубляет разъединенность страны, создает политическую нестабильность в регионе, ослабляет ее имидж и роль в мировом сообществе и ложится черным пятном на всех корейцев, где бы они ни проживали. Вот почему сегодня, чтобы ускорить процесс воссоединения Юга и Севера Кореи важно активизировать не только политические, экономические, но и культурно-просветительные рычаги, использовать духовный опыт зарубежных соотечественников, проводить межкультурные диалоги. Для ведения межкультурного диалога необходимо четкое представление о ценностях мировой литературы, в том числе корейской, с целью выявления потенциала, связанного с мотивами трагичности разъединения, необходимости сближения, объединения людей.

К сожалению, в общем процессе книжной индустрии есть немало проблем, связанных с коммерциализацией искусства, агрессивной позицией массовой культуры Запада, пропагандирующей жестокость и насилие, являющейся в массе своей образцами низкопробной литературы. Крайне плохо обстоят дела с переводной литературой: на русском языке редки произведения корейской класси-

ки, современных авторов, на корейском – литературы СНГ, включая центральноазиатскую. Переводы, в основном, носят эпизодический характер презентаций книжных анклавов, в процессе проведения которых не учитывается актуальность тем.

Так, в Южной Корее корпорация «Кебо Сэнмэн» совместно с книжным магазином «Кебо мунго» провели презентацию «140 книг, дающих силу душе» (*«Маыме химыль чунын чхэк 140 сон»*). Однако среди книг, сгруппированных по семи темам, не было художественной литературы по злободневным проблемам современности – религии, толерантности, национальному единству. Естественно, что для контакта литературы с читателем нужны государственные капиталовложения для издания антологий, оригинальной и переводной литературы, способствующих формированию благородных чувств, вызывающих к забвению вражды и ненависти, к этническому и межэтническому сближению.

Общеизвестно, что бедственное положение Севера, прикрываемое мнимым былым благополучием, его изолированность от внешнего мира во многом связаны с узостью информационного пространства, общественного сознания, читательского кругозора, скудным представлением о внешней жизни, спровоцировано господствующей философией «чучхэ», ставшей для общества идеологией и религией отчужденности. Как отмечают специалисты по Корее, «постоянная пропаганда в условиях отсутствия альтернативных источников информации, конечно, дает свои результаты. У значительной части населения, видимо, еще сохраняется довольно одностороннее, обрывочное или искаженное представление о процессах, происходящих в других странах и мире»⁹. Продолжающееся национальное противостояние обусловлено не только поляричностью экономики, но и духовной сферы, открытостью Юга, в отличие от Севера, активно участвующего в мировых интеграционных процессах. Это укрепляет силу национального духа, жизненный уклад и человеческие взаимоотношения в государстве, часто называемом «страной экономического чуда».

Мотив трагической разъединенности людей, необходимости братского единения хорошо известен мировой культуре. Это шедевры средневековья – русское «Слово о полку Игореве», французская «Песнь о Роланде», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», китайская «Песнь о боевых колесницах».

В русской литературе этот мотив широко представлен в творчестве А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.Блока, в диссидентской поэзии XX века.

Стремление к братству, горячее желание укрепить у своих соотечественников стремление к сплочению, единению народа получило выражение в творчестве корейских поэтов последних десятилетий. Об этом проникновенно писали Ким Гван Соб – «Зимний день», Ким Ен Хо – «Трактир», Чон Чель – «Юг и Север», Ли Сон Бу – «Чолладо», «Рисовые колосья» и многие другие.

Ярким примером эмоционального раздумья о судьбе разъединенного народа, о его сплочении и единстве служит стихотворение Ли Сон Бу «Рисовые колосья». Приведенный в заглавии этнокультурный компонент, первоначальный для человеческого существования, подчеркивает его близость корейцам. Его символический смысл ассоциирован с народом, с его стремлением к объединению, тесному сплочению.

Рисовые колосья, поддерживая друг-друга.
Прислоняясь друг к другу, растут.
Солнечным теплом наливаясь
Созревают. И тяжелея все больше,
В ближнем опору находят.
Видишь, это народ сплачивается все больше,
Подставляя плечо друг другу.
Видишь, в думах, без вины обвиненных,
Яркий огонь раздувается.
Льет ли осенний дождь,
Но, горечь обиды с лица смывая,
Рис сохраняет свою чистоту.

Использование эмоционально-экспрессивных языковых средств позволило поэту выразить животворное начало, вобравшее в себя глубочайшую мудрость народа, осознание им необходимости сближения, консолидации, восприятие самого себя как части мироздания.

Память, совесть, добродетель — точка опоры, ведущая человека к вершинам самосовершенствования и саморазвития. Культура наполняет это движение философским и эстетическим содержанием, улучшает мир его души и мыслей, приближая, тем самым, к осознанию главной ценности – единства человеческого рода.

Примечания

¹ Бердяев Н. И. Судьба России. М., 1998. С. 701.

² Ахутин А. С. Большой народ без малого // Новый круг. 1992. № 2. Киев. С. 209.

³ Эккерман Иоганн Петер. Разговоры с Гете. Ереван: Айастан, 1988. С. 211.

⁴ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. М., 1969. С. 18.

⁵ Цит. по: Гуревич Н.С. Человек и культура. М.: Дрофа, 2000. С. 357.

⁶ Отрывок из поэмы «Земля, поклонись человеку».

⁷ Собрание мыслей Ф.М.Достоевского. М., 2003. С. 334.

⁸ Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. С. 582–583.

⁹ Жебин А.З. Массовое движение в КНДР на рубеже веков // Корея: новые горизонты. М., 2005. С. 90.

Ли Сан Юн*

ПЕРЕМЕНЫ В ОБЩЕСТВЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В статье представлено творчество известных на Юге мастеров современной прозы: Пак Ван Со, Син Кен Сук и Ын Хи Ген. Их произведения отличаются реалистичностью описания действительности, важностью рассматриваемых проблем и своеобразием стиля. Рассказы Пак Ван Со, представительницы старшего поколения, описывают события 1970-х, а произведения Син Кен Сук и Ын Хи Ген – 1990-х годов. Этот временной интервал примерно в два десятилетия оставил яркий след в истории страны, совершившей «экономическое чудо», и дал толчок дальнейшему развитию корейской литературы, в частности женской прозы. Представленные рассказы дают возможность на примере историй конкретного человека или семьи почувствовать атмосферу того времени, узнать мнения писательниц на проблемы, назревшие в обществе, проследить, как вместе с социальными переменами возрастало самосознание корейской женщины.

Творчество известной писательницы Пак Ван Со считается одним из наиболее значимых явлений в корейской литературе конца XX века. Можно сказать, что она продолжила традиции мастера в жанре короткого рассказа – Ким Тон Ина, творившего в начале прошлого века, который вместо наставлений предлагал «... увидеть жизнь во всей ее полноте, многообразии и сложности»¹. Пак Ван Со начала свой литературный путь в 1970-е годы, когда в южнокорейской ли-

* Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург.

тературе возникли темы, связанные с переменами в экономической и духовной жизни страны. Об этом периоде корейскими писателями написано много произведений, но в романах и рассказах Пак Ван Со, непосредственно пережившей все трудности нового времени, отражен именно женский взгляд на многие стороны жизни простых людей, оставшиеся незамеченными писателями-мужчинами.

В семидесятые годы прошлого века литературной критикой занимались в основном мужчины. Большинство из них воспринимало произведения женщин-писательниц с позиции мужчин, привыкших думать о преимуществе сильной половины человечества. Они изначально не желали признавать женщин писателями, а если и признавали, то это был традиционный взгляд на женщину, которая пишет о чем-то своем, не заслуживающем серьезного внимания, и потому не имеющем литературной ценности. Опираясь на этот устоявшийся стереотип, критики оценивали и произведения писательниц. Но в рассказах «любящей поболтать тетушки», как назвал Пак Ван Со один из критиков, порой за простотой сюжета, обыденными поступками героев обнаруживаются не только прочная связь с национальными корнями, но и опыт умудренной жизнью женщины, понимание особенностей человеческой психологии и видение будущего. Писательница еще в начале новых веяний в стране сумела увидеть, что внутри корейской семьи, веками сохранявшей патриархальный уклад жизни, появились признаки, характерные для времени, когда экономические законы диктуют свои правила, часто идущие вразрез с морально-этическими нормами. Проблемы, поставленные в ее произведениях, лишь на первый взгляд кажутся «семейными». На самом деле, изменения в семье являются знаками перемен, происходящих во всем обществе, поскольку в Корее семью всегда рассматривали как своего рода микросистему общества.

Рассказы Пак Ван Со объединяет тема утраты истинных ценностей в современном обществе, в котором главную роль играют деньги. Мир, в котором существуют герои, – это жесткий прагматичный мир, и человеку бедному в нем живется тяжело. Среди героев рассказов писательницы часто встречается «маленький человек»: достаточно назвать нищую торговку-подёнщицу по прозвищу Черная вдова из одноименного рассказа (Черная вдова, 1977). Эта женщина посвящает свою жизнь добыванию денег, с помощью которых надеется изменить жизнь своих детей к лучшему, при этом превратив-

шись в существо, лишенное каких бы то ни было женских качеств. «Маленького человека» мы видим и в образе другой героини, выпускницы филологического факультета университета, мечтающей о лучшей доле («Как их много!», 1975). Молодая женщина стремится к благополучной жизни, основанной на браке по расчету, отбросив свои чувства, поскольку любовь мешает осуществлению ее мечты, но в результате осознает ничтожность своего существования. Жалкими и убогими представлены персонажи рассказа «Ну что за дикость!» (1976), обитающие в бедном районе на окраине столицы. Пределом их мечтаний видится туалет, к которому проведена канализация. Описывая обыденную жизнь простых людей, мечтающих достичь уровня «среднего класса», Пак Ван Со в сатирическом тоне говорит о проблеме бездуховности. А в «Коротких записях о пережитом» (1977) писательница рассказывает о невыносимой жизни бедных людей, потерявших надежду на справедливость. В этих «записях», напоминающем скорее разоблачительную статью о коррупции в полиции и судебной системе, нежели художественное произведение, говорится о порядках корейского общества 1970-х годов, когда демократические институты находились в зачаточном состоянии, в стране процветали преступность и коррупция. История, изложенная в рассказе, связана с реальным фактом биографии писательницы: ее мужа несправедливо обвинили в мошенничестве и посадили в тюрьму. Выстаивая многочасовые очереди для получения свидания, писательница знакомится с такими же, как она, женщинами, чьи мужья или сыновья содержатся в изоляторе. Она узнает много печальных людских историй, видит страдания и унижения женщин, чьи родственники оказались в тюрьме. В те годы человека могли лишить свободы за то, что он, например, будучи голодным, украл и съел рисовую кашу, или кому-то в драке выбил зуб. За пятнадцать дней заключения мужа в тюрьме писательница узнает, насколько несчастны бедные люди: даже невиновные не могут добиться справедливости, потому что у них нет ни денег, ни влиятельных знакомых, чтобы доказать свою правоту.

В этом произведении Пак Ван Со открыто выражает свои взгляды на моральные принципы и нравы, которые господствовали в обществе того времени. Кроме того, автор показывает, как в критической ситуации проявляется характер женщины, готовой пойти на все, вплоть до того, чтобы «превратиться в червяка и ползти по земле»

ради восстановления честного имени мужа, а значит, и всех членов семьи.

В других рассказах Пак Ван Со герои – вполне благополучные люди: профессор университета, его жена, директор маклерской компании («Дети райской земли», 1978), состоятельные замужние женщины, которые занимаются домашним хозяйством, в то время как их мужья зарабатывают большие деньги за границей («Замужние», 1977). Персонажей этих рассказов объединяет страсть к деньгам и стремление добиться высокого положения в обществе. Писательница показывает, как быстрое обогащение после многих лет неблагополучной жизни меняет человека: он становится расчетливым, холодным, теряет интерес к жизни.

В рассказе «Вот к чему привело мое управление в доме» (1978) Пак Ван Со представляет тип самоутверждающейся героини, не свойственный традиционному образу корейской женщины. В отсутствие мужа жена профессора пытается изменить установленный порядок в семье, и ей удается это сделать. На первый взгляд рассказ может показаться просто семейной историей, в которой невестка в отсутствие мужа начинает мстить свекрови за полученные оскорбления. Однако здесь за внешним слоем просматривается другой, более глубокий слой. Жена не хочет поддерживать тот порядок, который был установлен мужем, она не может больше сдерживать в душе ненависть к свекрови, копившуюся долгие годы, поэтому пренебрегает наставлениями мужа, разрывает «упаковку благополучия», в которую была «завернута» семья, и, ощутив вкус жизни, вынуждает вернувшегося мужа принять ее правила. В этом рассказе, рассматривая вопросы отношений в семье и роли женщины в ней, Пак Ван Со говорит о пошатнувшихся устоях всего патриархального общества.

«...Характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни»². В произведениях Пак Ван Со по женским персонажам можно судить о состоянии общества эпохи индустриализации. В образе героинь рассказов представлен новый тип современной корейской женщины, обладающей сильным характером, которая способна управлять семьей, изменить установленный порядок или готова пойти на любые жертвы ради достижения благополучия. Но в погоне за материальными ценностями герои теряют духовную основу, без которой не могут чувствовать себя сво-

бодными. Писательница показывает, как законы, по которым живет общество, чрезмерное влияние денег на умы людей приводят к нарушению традиционных отношений как в семье, так и в обществе в целом, способствуют утрате женщиной чувств любви, доброты, терпимости и почтительности к старшим.

В рассказах Пак Ван Со ставится проблема места женщины в обществе и семье, но в них не затрагивается проблема внутреннего мира женщины, поскольку в тот период в стремительном потоке жизни корейского общества почти не оставалось места отдельному человеку с его личными проблемами.

С середины 1980-х годов в Республике Корея вместе с ростом благосостояния людей и вхождением страны в мировое сообщество наметились демократические перемены, которые не могли не сказаться на системе традиционных взаимоотношений в обществе. Патриархальные законы, четко регулирующие отношения в семье, постепенно стали пересматриваться, появились феминистические организации, открыто заговорившие о положении женщины, ее роли в обществе. В эти годы увеличилось число женщин, занимающихся литературой, женские голоса стали выделяться из общей массы писателей. Среди молодых писательниц, получивших высокую оценку своего мастерства, выделяются Син Кен Сук и Ын Хи Ген. Их произведения впервые были опубликованы на страницах газет и женских журналов. Как бы подхватывая эстафету, переданную им писательницами старшего поколения, такими, как Пак Ван Со, они продолжили рассказывать о жизни своих современниц, но проблемы, поставленные в их произведениях, касаются уже не материальных сторон жизни, а духовных. Писательниц волнуют вечные проблемы добра и зла, любви, смысла жизни, и именно эти темы привлекают читателей.

Рассказы Син Кен Сук «Там, где стояла фисгармония» (1992), «Когда это приходит?» (1997) и «Кто сейчас рядом с нами?» (2000) написаны в разные годы, но в них прослеживается главный мотив творчества писательницы: образ современной корейской женщины, который представлен через ее внутренний мир. Эти произведения объединяют общие экзистенциалистские темы, связанные с поиском смысла жизни, одиночеством, отчуждением людей. Рассказывая о судьбах своих современниц, Син Кен Сук не стесняется задавать «простые» вопросы и предлагать «вечные» решения. Например, в

рассказе «Там, где стояла фисгармония», рассматривается проблема, связанная с чувством долга, которая решается традиционно: долг оказывается важнее чувств. Писательница считает, что только в этом случае возможно достижение гармонии. «Кто сейчас рядом с нами?» и «Когда это приходит?» содержат вечные вопросы преодоления смерти.

Рассказы «Там, где стояла фисгармония» и «Кто сейчас рядом с нами?» относятся к эпистолярному жанру, а третий, «Когда это приходит?» можно определить как «рассказ в рассказе», причем второй представлен в виде дневника. Автор изображает события с точки зрения самого героя, что позволяет ему гораздо глубже раскрыть его внутренний мир, проникнуть в его психологию.

Очевидно, обращение к такой форме повествования помогает Син Кен Сук лучше выразить наиболее тонкие грани человеческих переживаний. Для ее произведений характерно такое построение, в котором важным является не столько развитие сюжета, сколько способ передачи внутреннего состояния героя. Причем, через событие одной ночи или одного дня ей удается рассказать историю всей жизни героя до мельчайших подробностей. Писательница как бы переживает вместе со своими героями все перипетии, уготованные судьбой, и при этом старается показать, как они сохраняют доброе человеческое отношение ко всему живому, окружающему их.

Таким образом, раскрывая внутренний мир женщины, Син Кен Сук в своих рассказах показывает, как героини ее произведений любят, страдают от потерь, как преодолевают смерть и как обретают душевный покой. При этом жизнь каждой из героинь наполнена трагедией: в рассказе «Кто сейчас рядом с нами?» мать теряет ребенка, в «Когда это приходит?» смерть уносит любимую сестру, в рассказе «Там, где стояла фисгармония» героиня «убивает» свою любовь. Но в этих произведениях героиням удается преодолеть трудности и найти путь, ведущий к началу новой жизни.

Син Кен Сук изображает традиционный тип корейской женщины, связанной с семьей, в которой сильно материнское начало, для нее чувство долга превышает личного счастья. В то же время, в ее произведениях появляется современный образ героини – образованной, способной на самостоятельный выбор, стремящейся жить интересной полной жизнью, которую волнует красота окружающего мира и всё происходящее на этом свете.

Следует отметить, что в рассказах как Син Кен Сук, так и Пак Ван Со проблемы разрешаются традиционно: действие развивается от неустроенности к порядку. Причем, заслуга писательниц в том, что они не используют письменное слово как средство воспитания и поучения, что с давних пор было характерно для конфуцианского представления о назначении писателя. В произведениях писательниц протест против несправедливого отношения к женщине не высказывается путем прямого обличения патриархальных устоев в семье и обществе. Авторы просто рассказывают о судьбах своих героинь, их страданиях и чаяниях, но подтекст этих житейских историй очевиден: женщины уже не желают оставаться бесправными существами, они хотят быть достойными членами общества.

О творчестве Ын Хи Ген можно судить по рассказам «Дуэт» (1995), «Моя бедная жена» (1996) и «Коробки моей жены» (1998). В этих произведениях обсуждаются назревшие проблемы современного корейского общества, связанные с взаимоотношениями мужчины и женщины.

Рассказы, принесшие известность Ын Хи Ген («Моя бедная жена» и «Коробки моей жены») отличаются своей нетрадиционностью: в них нет решений на поставленный вечный вопрос, касающийся взаимоотношений полов. В отличие от произведений Син Кен Сук, в которых героини с оптимизмом смотрят в будущее, рассказы Ын Хи Ген пессимистичны. Автор не оставляет своим героиням надежды, хотя их запросы вполне естественны: они просто хотят чувствовать себя женщиной, любить и быть любимой. Писательница рисует мир, в котором приходится жить современной женщине, в виде закрытой коробки: ограниченным условностями, бесчувственным и пустым, в нем нет гармоничных человеческих отношений. Ын Хи Ген показывает современную женщину в образе страдающей «бедной жены», вынужденной подчиняться общепринятым правилам, и таким образом выражает мнение по поводу положения ее в семье и обществе. Корейская женщина осознала право на достойную жизнь и хочет воспринимать себя личностью, способной сделать собственный выбор. Но мужчина еще не готов принять ее такой, он не может легко расстаться с привычным для него образом «образцовой жены», думающей прежде всего о муже и детях, а не о потребностях своей души. Такой конфликт может привести к трагедии, и Ын Хи Ген в рассказах «Моя бедная жена» и «Коробки моей жены» показывает

процесс деградации «маленького человека», когда он сам начинает верить в незначительность своего существования.

В рассказе «Дуэт»³ звучит тема развода, ставшая актуальной в корейской литературе с конца прошлого века. Сравнивая судьбы женщин двух поколений, матери и дочери, Ын Хи Ген показывает, насколько выросло самосознание женщины, несмотря на прочность патриархальных законов. Какой бы невыносимой ни была жизнь женщины в замужестве, три десятилетия назад она даже думать не могла о разводе. Современная женщина уже не хочет страдать от притеснений свекрови, неверности мужа, однообразной жизни. Она находит в себе силы доказать, что имеет право на счастье.

В Южной Корее с увеличением степени экономической независимости женщин неуклонно растет и количество разводов. Традиционно брачные узы крепко связывали мужчину и женщину, развод мог служить большим препятствием для благополучного будущего обоих супругов. Люди старшего поколения до сих воспринимают развод как позор для семьи. Тем не менее, в корейской литературе последних лет можно проследить, как идет дальнейший процесс разрушения патриархальных семейных устоев. Писательницы все чаще выражают свою позицию, касающуюся отношений между мужчиной и женщиной, выводя в качестве героинь женщин, готовых бороться за свое женское счастье, одновременно подчеркивая их женственность, стремление к гармонии.

Син Кен Сук также не смогла обойти тему, касающуюся проблем, связанных с разводом. В рассказе «Краски луны», в 2002 г. удостоенном премии классика корейской литературы Хван Су Вона, писательница показала, как развод родителей сказывается на детях и как тяжело переживают родные и близкие распад семьи.

Таким образом, писательницами рассматриваются проблемы, которые возникли в результате столкновений традиций и новых отношений людей в современном обществе. В рассказах Пак Ван Со конца 1970-х годов героиня, не удовлетворенная своим материальным и социальным положением, активно борется за благополучие своей семьи. Причем, благополучие видится ей не просто в семейном счастье, основанном на взаимопонимании в семье, любви между супругами, а исключительно через призму денег и общественного положения. Здесь речь идет о ее самоутверждении. В прозе Син Кен Сук раскрывается внутренний мир женщины, связанный с тра-

диционным представлением о гармонии. Ын Хи Ген в своих рассказах поднимают проблему «неудовлетворенной женщины», которая имеет свои личные интересы, помимо забот о детях и семье.

В этих произведениях писательницами последовательно проводится мысль о том, что корейская женщина должна быть сильной, целеустремленной, иметь свою точку зрения. Возможно, в этом консервативная часть общества усматривает идею феминизма, которая противоречит основным законам патриархального общества, основанного на конфуцианской морали. Однако, несмотря на то что в Южной Корее женскую прозу часто ассоциируют с феминистской литературой, нам представляется, в последнее время наметилась и другая тенденция. Женщины-писательницы стали не только обращаться к темам, напрямую связанным с «женским вопросом», но и касаться в своих произведениях проблем, затрагивающих более широкий спектр человеческих взаимоотношений. Если в произведениях 1990-х годов писательницы утверждались за счет нового, «смелого» «женского» взгляда на взаимоотношения мужчины и женщины, привлекая читателей своей откровенностью, то в наступившем двадцатом веке стало ясно, что эта тема исчерпала себя. Новым шагом в развитии корейской женской прозы стал, по мнению критиков, роман Ын Хи Ген «Тайна и ложь», увидевший свет в начале 2005 г. Его содержание далеко выходит за рамки традиционных женских проблем, в нем говорится о любви к родному краю, ее истории, о национальных традициях и верованиях – о истоках, питающих культуру народа, без чего невозможно гармоничное развитие человека и общества.

Примечания

¹ Цой И.В. Корейская проза 1920–1930-х годов: новое и традиционное в рассказах Ким Тонина (1900–1951): Автореф. дисс. к. филолог. наук. СПб., 2003. С. 20.

² Лотман Ю.М. Женский мир // Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб, 1994. С. 46.

³ См.: Материалы XI конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2002.

Г. А. Аманова *

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА «ТВОРЧЕСТВО»

Просветительское движение, возникшее в Корее на рубеже XIX–XX столетий, оказало большое влияние на формирование нового общественного сознания и становление современной культуры, в том числе литературы. На волне просветительства в Корее усиливается интерес к зарубежной литературе. Начавшаяся в начале века интенсивная работа по переводу иностранной прозы, поэзии, литературной критики постепенно принесла в страну новые идеи и взгляды, новое понимание целей и задач литературы. Одновременно с переводом зарубежной прозы и поэзии корейская литература открывала и новые художественные направления современной западноевропейской, русской, японской литературы.

Популярная в просветительский период практика привлечения в поэзию широких масс постепенно сменяется пониманием о необходимости профессионализации и индивидуализации художественного творчества, что в свою очередь становилось импульсом к зарождению совершенно новых для Кореи явлений, таких, как литературная группа и литературно-художественная периодика.

Литераторы, объединенные общей концепцией художественного творчества, начинают создавать группы и выпускать журналы. Журнал «Юношество» («Сонён»), созданный известным просветителем и поэтом Чхве Нам Соном, стал первым литературно-художественным изданием в Корее. На страницах журнала, кроме стихов Чхве Нам Соны, были опубликованы стихотворения Ли Гван Су и Ан Чан Хо, имя четвертого поэта неизвестно¹. Журнал «Юношество» просуществовал на литературной арене с 1908 по 1911 г.

После семилетнего перерыва в 1918 г. стал выходить «Вестник западной литературы и искусства» («Тхэсо мунъе синбо»). В этом из-

дании были опубликованы стихотворения Ким Ока, Ли Иля, Хван Соку, Чан Ту Чхоля, Ку Сон Соны, Пэк Тэ Чжина, Чо Ён Тхэка, Ли Сон Тэ, Ли Пён Ду, Кэ Вона². В «Вестнике» увидели свет примерно 80 стихотворений, из них 36 были произведениями западных поэтов, а 38 принадлежали перу корейских авторов.

«Вестник западной литературы и искусства» не только открыл корейскому читателю мир западной поэзии, но и способствовал развитию национальной литературной критики. Так, например, Ким Ок, наряду с переводами и популяризацией произведений французского символизма, опубликовал ряд статей об этом направлении: «Поэтический мир французского символизма» (1919), «Метр и дыхание поэтической формы» и др. О теории французского и японского символизма писал и Хван Со Ку в статьях «Обзор современной корейской поэзии и свободный стих» (1919) и «Две тенденции в японском поэтическом мире»³.

Вдохновленные популярностью и успехом «Вестника» корейские поэты и писатели в 1919 г. в Японии создали новую группу под названием «Творчество» («Чанчжо»). Состав этой группы был широк, в нее входили: Ким Дон Ин, Чу Ё Хан, Ким Ок, Ли Гван Су, Хван Со Ку, Чон Ёнь Тхэк, Ем Сап Сог, Хён Чжин Гон, Чу Вон, Ким Хван, Ким Чхан Ён, Пак Сок Юн, О Чхон Сок, Чхве Сын Ман, Лим Чан Хва и другие⁴. Поэты выпускали ежемесячный журнал «Творчество». В девяти номерах этого издания, вышедших в свет с февраля 1919 по июнь 1921 г., было опубликовано 69 стихотворений корейских поэтов и примерно 60 японских стихов, переведенных на корейский язык.

В журнале «Творчество» представлена пейзажная, философская и любовная лирика корейских поэтов. Произведения, опубликованных в журнале, свидетельствует о том, что поэзия в «Творчестве» развивалась по двум направлениям: одна из них создавалась под влиянием идей и поэтики французского символизма, а другая продолжала развиваться в русле традиционной корейской поэзии. К числу первых можно отнести произведения Чу Ё Ханя, Ким Ока, Хван Со Ку.

Чу Ё Хань (1900–1979) был самым плодовитым автором «Творчества», его перу принадлежат тридцать три стихотворения, которые появились во всех номерах журнала, кроме третьего номера. В первом номере «Творчества» было опубликовано знаменитое стихотворение Чу Ё Ханя «Костер», которое демонстрирует его декаде-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

нтские взгляды, пропитанные символистскими идеями, образами, поэтикой. В этом стихотворении поэт передает кризисное состояние личности, которая трагически воспринимает утрату духовности в современном обществе⁵. Красной линией проходит мысль лирического героя о безысходности человеческого существования и обреченности современного мира. Эта тема ранее прозвучала в его стихотворении «Снег», опубликованном в январе 1919 г. в журнале «Студенты» («Хагу») в Киото в Японии.

Чу Ё Хань по своему мироощущению был близок к творчеству Ли Иля, в стихотворениях которого «Одиночество на побережье» и «Песня одиночества», опубликованных в «Вестнике западной литературы и искусства» годом раньше уже озвучивались идеи агрессивности сил природы и ничтожности, хрупкости человеческой жизни. У Чу Ё Ханя эта идея получает развитие в стихотворении «Снег», где зло перемещается в полную страстей и пороков ночную жизнь Сеула. Но свое логическое завершение эта тема получает в стихотворении «Жизнь и смерть», где происходит полное отрицание жизни и начинается поэтизация, восхваление смерти, заключая мысль поэта о том, что смерть есть нечто более значимое, чем жизнь.

Любовная лирика Хван Со Ку (1895–1958) также выстраивается на соединении идеи враждебности мира и упадочных настроений лирического героя. Стихотворение «Приди, моя любовь, сквозь снега», опубликованное в шестом номере журнала «Творчество» в мае 1920 г., представляет собой типичный образец символистской поэзии, где полный слез и стонаний монолог лирического героя передает его чувства одиночества, неприкаянности и душевного сиротства. Лексический ряд, который включает устоявшуюся символистскую лексику: плачь, слезы, лунный свет, пустынный холм и т.д. создают сумрачный образ внешнего мира, который подчеркивает глубину душевных переживаний лирического героя. Если стихотворение «Приди, моя любовь, сквозь снега» представляет произведение большой поэтической формы, которое состоит из пятидесяти строк, то короткое лирическое стихотворение «Маленький кусок» представляет Хван Со Ку как мастера, способного и в одном предложении передать эмоциональную картину красочного заката⁶.

Стихи «Звуки музыки», «Красный поцелуй», «Цветы» и «Падающие листья» Ким Ока, опубликованные в журнале «Творчество», свидетельствуют о стремлении поэта максимально приблизить свои произ-

ведения к образам и поэтике западного символизма. Стихотворение поэта «Падающие листья» Ким Ока, которое появилось в журнале «Творчество» в июле 1921 г., тематически и образно перекликается с одноименным произведением Ийтса «The Falling of the Leaves». В этих стихотворениях представлена картина мрачной, тоскливой осени, которая символизирует закат любовных чувств и время расставания влюбленных. Такое заимствование объясняется тем, что Ким Ок активно занимался переводами западных символистов, в том числе и поэзией Ийтса. Стихотворение «The Falling of the Leaves» было включено в антологию «Танец агонии», который представлял собой один из первых сборников западной поэзии, переведенных Ким Оком на корейский язык. Он вышел в свет 20 марта 1921 г.⁷

В марте 1920 г. в журнале «Творчество» появились стихотворения «Весна заблудилась», «Сильное желание», «Капли ночного дождя», «Полдень» и «Весенняя сопка» Ким Со Воля (1903–1934). В них раскрываются особенности его поэтического стиля, который характеризуется сочетанием традиционных мотивов, образов с новыми идеями и формами. Используя традиционные формы, поэт старается вложить в них новое содержание, передать дыхание современной жизни, использовать стихию живого разговорного языка. Например, в «Весенней сопке», наряду с традиционными образами цветов и птиц, поэт использует и принципиально новую лексику, так называемые «прозаизмы», такие, как вол, собака и т.п., придающие стихотворению характер бытовой зарисовки. В стихах Ким Со Воля меняется и семантика традиционных образов, например, стихотворение «Капли ночного дождя» меняет семантику традиционных образов камня, гор. Горы всегда считались объектом поклонения и преклонения, даже обожествления. В представлении древних они воспринимались как пристанище духов и прочих таинственных существ. Трудно найти в корейской литературе поэта, который не коснулся бы в творчестве темы гор и воздействия этого явления природы на духовный мир человека. Горам посвятили свои произведения известные поэты прошлого Юн Сон До (Косан) (1587–1671) «В горах», Ким Сан Хен (Чхоным) (1570–1652) «О, гора Самгаксан!», Хван Чжин И (Менволь) (1506–1544) «Гора одна и та же...», Ян Са Он (Поннэ) (1517–1584) «Говорят, что Тайшань высока», Ли Хван (Тверге) (1501–1570) «Бесчисленные пики Яхонннана» и многие другие. Однако Ким Со Воль, разрушая традиционные представления, снимает с них покров

мистического ореола и превращает горы в обычный элемент пейзажа. В этом стихотворении происходит и переосмысление образа дождя, который в традиционной поэзии был символом слез, печали, а у Ким Со Воля он сопоставляется с жизнью человека, что тоже ново для поэзии⁸.

Поэты группы «Творчество», ратовавшие за свободу художественного творчества, были последователями разных художественных направлений. Например, Ким Дон Ин тяготел к натурализму, а в произведениях некоторых поэтов еще звучали просветительские идеи и т.д. Поэты «Творчества» использовали разные поэтические формы, но в основном отдавали предпочтение свободному стиху («чауси»). Свободным стихом создавались короткие стихотворения, состоящее из одного предложения, как, например, «Маленький кусок» Хван Со Ку, так и произведения большой поэтической формы, например «Приди, моя любовь, сквозь снега» и «Сезон Солнца» Чу Ё Ханя. Стихотворения «Снег» и «Костер» Чу Ё Ханя представляют первые образцы стихов в прозе, созданные после стихотворений Чхве Нам Соны. Фиксированные формы встречаются лишь в стихотворениях Ким Со Воля «Капли ночного дождя» и «Полдень», где поэт использует новую поэтическую форму «7-5», которая возникла под влиянием японской поэзии «синтайси».

Традиционная форма встречается лишь в «Весенней сопке», где Ким Со Воль использует стиль старой народной песни «минё» – одного из песенно-лирических жанров корейского фольклора. Это произведение свидетельствует о том, что в корейской поэзии начинался процесс возрождения традиционных жанров, который приобрел широкий размах в творчестве корейских поэтов в последующие годы.

Произведения поэтов, опубликованные в «Творчестве», показывают, что они шли по пути углубления содержательной стороны поэтического текста, используя уже известные в корейской поэзии стихотворные формы. В 1921 г. деятельность группы «Творчество» прекратилась, но она продемонстрировала опыт успешного сотрудничества поэтов разных художественных направлений в рамках одного литературного объединения.

Примечания

¹ Хангук мунхак тэсачжон. Сеул: Мунвонгван, 1973. С. 1018.

² Там же. С. 1019–1020.

³ Yoon Ho-Byeong. Baudelarian Poetic Meanings and Verlainean Musicality in the Formation of Modern Korean Poetry // The Comparative Study of World Literature. Seoul: Seoul national University Press, 1997. С. 31–32.

⁴ Хангук мунхак тэсачжон. С. 1021–1022.

⁵ Хендэ сихэсоль. Сеул: Гвантон чхульпанса, 1999. С. 586.

⁶ Sym Myung Ho. The Making of Modern Korean poetry: Foreign Influences and Creativity. Seoul: Seoul National University Press, 1985. С. 303–305.

⁷ Там же. С. 303.

⁸ Хендэ чосон мунхак сончжип. Пхеньян: Чосон чакка тонмен чхульпанса, 1957. С. 36–37.

**В 2006-2008 гг. Институт Дальнего Востока РАН
подготовил к печати следующие научные работы:**

- Анисимцев Н. В.* Исполнительная власть Японии на рубеже веков. Актуальные проблемы современной Японии.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И.* Экологические проблемы КНР. Опыт правового регулирования.
- Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Сб. документов. Т. V.
- Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации.
- Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае.
- Ганшин В.Г.* Формирование гражданского общества в Китае и России.
- Горбунова С.А.* Китайский буддизм и власть.
- Ежегодник «КНР-2006: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Ежегодник «КНР-2007: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Жебин А.З.* Эволюция политической системы КНР.
- Жигулева В.В.* Реформа системы ценообразования в КНР.
- Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь.
- Корейский полуостров и вызовы глобализации.
- Кузнецов В.С. Буддийский фактор во внешней политике КНР.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай-Россия 2050: стратегия соразвития.
- Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы.
- Новый этап экономической реформы в КНР: проблемы и вызовы. Сб. статей.
- Образ Китая в современной России. Сб.статей
- Островский А.В.* Актуальные проблемы китайской экономической реформы.
- Переписка И.В.Сталина и Г.В.Чичерина с полпредом в Китае Л.М.Карahanом. Сб. документов.
- Политическая система и право КНР в процессе реформ. Сб. материалов.
- Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная республика в начале XXI века.

- Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. Расширяя горизонты науки. Сб. статей к 90-летию академика С.Л.Тихвинского.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. Переиздание.
- Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации Китая: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину.
- Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы.
- Торопцев С.А.* Творчество режиссера Чжан Имоу.
- Ушаков И.В.* Экологическая проблема в Китае.
- Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. Сб. статей.
- Энциклопедия. Духовная цивилизация Китая. Т. I-V.

В ближайшее время увидят свет:

- Алексамян А.Г.* Манихейство в Китае.
- Аллаберт А.В.* Конфуцианство и модернизация Китая.
- Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политической системы России и Китая.
- Боревская Н.Е.* Система образования в Китае.
- Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши. Ежегодник «КНР-2008: политика, экономика, культура». Справочно-аналитическое издание.
- Железняк О.Н.* Япония: будни страны, день за днем.
- Каменнов П.Б.* Военная политика Китая.
- Китай в мировой и региональной политике. Сб. статей.
- Корея: на пороге перемен. Сб. статей.
- Кранина Е.И.* Проблемы экологически устойчивого развития сельского хозяйства Китая.
- Кузнецов В.С.* Всё от земли.
- Новоселова Л.В.* Инвестиционно-кредитная политика КНР: перспективы и вызовы для России.
- Семин А.В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции.
- Смирнов Д.А.* Идеологическое обоснование модернизации КНР.
- Торопцев С.А.* Земная судьба и духовные искания поэта Ли Бо.

**Более подробную информацию можно получить
в Издательском отделе ИДВ РАН по телефону 8 (495) 1240915.**

Научное издание

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института Дальнего Востока РАН*

КОРЕЯ: НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Доклады, представленные
на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ
Москва, 27–28 марта 2008 г.

Корректор: С.А.Суднищикова.
Оригинал-макет и обложка С.А. Суднищковой

Институт Дальнего Востока РАН.
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати 01.10.2008.
Формат 60 x 84 /16.
Печ. л. 23. Тираж 300 экз.
Заказ № 28.